УИЛЛ МАКИНТОШ

Фоллер

fanzon

Фоллер

Уилл Макинтош

Аннотация
Уилл Макинтош. Фоллер

Аннотация

Фоллер открывает глаза. Наступает День Первый.

Ужасающая картина из обломка земли, повисшего в небе, разрушенных зданий и выщербленного асфальта. Кругом голод и паника. Что произошло? Почему люди не помнят друг друга?

В кармане Фоллера — подсказки. Фотография незнакомой девушки. Рисунок, написанный кровью. Фигурка игрушечного парашютиста.

Фоллер понимает: его мир не единственный.

И решается на прыжок с края мира.

Уилл Макинтош
Фоллер

© С. Степанец, перевод на русский язык, 2018
© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Моему другу Колину Крозерсу

Благодарственное слово

Мне было трудно, но интересно писать роман «Фоллер». Я работал над черновиками больше, чем обычно, и на каждом этапе мне помогали коллеги по перу своими бесценными отзывами. Сначала Джой Маршан, затем мой агент Сет Фишман (который является не только агентом, но и талантливым писателем), за ним Сара Кинг, а затем Ян Крейси, Кеннет Тагер и Лаура Валери. Я очень благодарен каждому из них за помощь и понимание.

Как с самого начала моей литературной деятельности, так и по сей день мой друг, Джеймс Пью, постоянно звонит мне, чтобы подкинуть пару блестящих идей во времена моего писательского кризиса. Я никогда не встречал человека, который умеет придумывать сюжетные ходы и находить решения проблем так быстро и блестяще, как это умеет делать он.

Поскольку я очень мало знаю о физике, эта книга не появилась бы без помощи астрофизика Марка Шера — профессора в колледже Вильгельма и Марии. Я пришел к нему в кабинет с

довольно странным и неправильным миром, от которого менее важный астрофизик стал бы рвать на себе волосы, а после отчислил бы меня с физического факультета. Но Марк помог мне, и я искренне благодарен за потраченное им время и предоставленные знания.

Несмотря на то, что это мой шестой роман, он основан на первой написанной мной истории. Той, с которой начинался мой путь писателя, и поэтому она очень близка моему сердцу. Первоначальная история (которая очень отличается от романа) в конечном итоге нашла пристанище в научно-фантастическом журнале под названием Challenging Destiny, и я благодарю его редактора Дэвида М. Швитцера за ее публикацию.

Как всегда, благодарю своего агента Сета Фишмана за его руководство и поддержку. Я сомневаюсь, что смог бы писать целыми днями, если бы не он. В ближайшие дни мы встретимся лично.

Люблю и благодарю свою жену, Элисон Скотт Макинтош, за ее поддержку, и спасибо Майлзу и Ханне только за то, что они Майлз и Ханна.

Благодарю Дженнифер Ганнелс из издательства Tor Books за ее обстоятельные отзывы.

Наконец, особое спасибо моему редактору в издательстве Tor, Дэвиду Г. Хартвеллу, за веру в

эту книгу.

1

Он попытался открыть глаза, но их словно намазали клеем, поэтому он просто измученно лежал, слушая крики. Щека упиралась во что-то твердое. Похоже, он лежал на гальке. Неподалеку лаяла собака.

Собака. Слово ворвалось в его сознание, словно он только что его придумал. Тем не менее он знал, что такое собака. Как только он вспомнил слово, в голове появилась картинка. Четвероногое, покрытое шерстью животное с виляющим хвостом.

Его разум становился яснее, энергия возвращалась.

Он с усилием открыл глаза.

Мир наполнялся удивительно яркими красками. Вдруг мимо пробежал кто-то в зеленовато-белых кроссовках. Человек будто передвигался по стене. Но ему все это показалось — он лежал на боку.

Как только ему удалось сесть, мир перед глазами покачнулся и поплыл, но вскоре обрел четкие очертания. Его окружали высокие здания, а по улице были разбросаны легковые автомобили и грузовики. Все было неподвижным. Из-за бли-

жайших строений клубился густой черный дым.

В нескольких метрах от него согнулась розоволосая женщина, прячущая лицо в ладонях. На ее руках были набиты красочные татуировки, изображающие цветы.

— Что происходит? — завопила она.

— Я не знаю.

Женщина испуганно подняла глаза.

— Вы меня знаете? Вы знаете, кто я?

— Нет. А вы знаете, кто *я*?

Женщина покачала головой.

Что-то случилось. Вся эта путаница, крики — это было не нормально. Ему нужно выяснить, что происходит. Может быть, ему удастся найти помощь. *Полицию.*

Прижав ладонь к тротуару и попытавшись встать, он почувствовал, как усиливается боль от большого пальца к запястью. Подушечку пальца украшал глубокий порез, вокруг которого запеклась кровь. Еще больше ее было на кончике указательного пальца и под ногтем. Значит, порез был сделан намного раньше. Шатаясь, он встал и посмотрел по сторонам. Рядом находилась маленькая серебристая тележка с желтым зонтом. В голове всплыло название: *киоск с хот-догами*. У бордюра был припаркован красно-белый авто-

бус. В нескольких кварталах отсюда стояла толпа людей, повернутых к нему спиной.

Он пошел посмотреть, что они делают.

За тем местом, где стояла толпа, зданий не было.

Когда он приближался, небо становилось шире. Слившись с толпой, он увидел, что мир заканчивался в нескольких метрах от того места, где все стояли.

Вдалеке не было ничего, кроме неба.

Выщербленный асфальт и бетон отмечали край света. Из темной земли выступала канализационная бетонная труба — в ней струилась вода.

Он не мог ничего объяснить, но чувствовал, что так не должно быть. Небо казалось *слишком большим*, хотя он видел, что оно огромное.

В толпе стоял на коленях седовласый мужчина. Сгорбившись, он разглядывал маленькое фото, а за спиной валялось содержимое его бумажника. Когда он приблизился, старик поднял на него глаза и показал фотографию. На ней был запечатлен улыбающийся мужчина в черном костюме, держащий за руку пожилую женщину.

— Я нашел это в кармане. Должно быть, это люди, которых я знаю.

Ему потребовалось мгновение, чтобы понять,

что старик не знал, что он один из тех людей на фотографии.

— Это вы, — сказал он, показывая пальцем на снимок.

— Я? — спросил старик, разглядывая фотографию ближе. — Это я.

В голосе прозвучало удивление.

Ему стало интересно, есть ли что-нибудь в его собственных карманах. Из передних он вытащил свернутую оберточную бумагу и игрушечного солдата.

В одном из задних карманов лежала фотография: улыбающаяся темноволосая женщина с веснушками обнимала круглолицего мужчину с песочными волосами. Они выглядели счастливее, чем кто-либо на свете.

Он передал снимок старику. Тот указал:

— Это вы.

Он изучил человека на снимке. Как это могло быть его лицо? Это был лик незнакомца. Он предпочел смотреть на женщину. У нее были чуть раскосые, яркие, умные зеленые глаза. Руки выглядели тонкими, как лапки фламинго.

Он внимательно всматривался в лица соседней толпы, надеясь обнаружить эту женщину среди них. Его взгляд остановился на пожилой даме,

стоящей с краю толпы. Руки она держала в карманах черного свитера. Он взглянул на фотографию, лежащую на коленях у старика.

— Эй, вот она.

Старик встал и прищуренно вгляделся в толпу.

— Где?

— Вон там, — сказал он и, взяв мужчину за локоть, повел к женщине. Когда они подошли к ней, она повернулась и удивленно вскинула брови.

Старик посмотрел на фотографию, потом на пожилую даму, потом еще раз взглянул на снимок. Затем мужчина показал снимок женщине.

— Я думаю, здесь запечатлены вы. Со мной.

Дама вздохнула с облегчением.

— Вы меня знаете?

— Нет, — признался старик. — Но мы, наверное, как-то связаны, вам не кажется? На фото мы держимся за руки.

— Я не понимаю, что происходит, — сказала она, касаясь своего лица. — Я мертва? Да?

— Я не думаю, что мы умерли. Нет, — ответил старик.

Он был рад, что эти люди нашли друг друга. И тоже хотел бы найти женщину на своей фотографии, чтобы они вместе смогли бороться с тем, что здесь происходит.

— Я буду искать ее, — произнес он, вынимая снимок.

Старик кивнул.

— Спасибо вам. Я никогда не забуду доброту, которую вы проявили к совершенно незнакомому человеку.

Двигаясь дальше по краю толпы, он внимательно изучал другие вещи из своего кармана. Зеленый игрушечный солдат размером с большой палец, к которому с помощью ниток крепился маленький парашют.

Развернув оберточную бумагу, он остановился. На обороте ржаво-коричневым цветом было что-то нарисовано, какие-то неровные, смазанные и аляповатые круги. По листку тянулась цепочка овалов, ведущая к символу «Х» внизу. Проведя по бумаге большим пальцем, он обнаружил в нижнем правом углу еще одно изображение: треугольник с двумя цифрами внутри — единицей и последующей за ней тройкой.

Он изучил запекшуюся кровь на пальце, посмотрел на овалы. Они имели такой же цвет. Он порезал большой палец и вывел эти овалы собственной кровью, а затем положил листок в карман. Оставил сообщение самому себе. Если он порезал себе палец для того, чтобы это написать,

то, должно быть, знал, что что-то должно произойти. И это сообщение могло быть важным.

Осмотрев овалы и треугольник с цифрами внутри, он попытался понять их смысл, но не смог. Осторожно сложил бумагу обратно в карман и пошел дальше.

Толпы заполняли каждую улицу, люди стояли вдоль края света. Он всматривался в их лица, ища темноволосую женщину.

С каждым кварталом людей становилось все меньше и меньше, и наконец он оказался в пустынной, разрушенной части мира. Здесь осталось всего несколько сохранившихся зданий, остальные превратились в груды стали и бетона. Пробираясь через обломки, он поднимал почерневшие кирпичи и расплавленные электроприборы. Машины расплющило взрывом, вокруг бушевало пламя. Человеческих тел не было. По крайней мере, он не видел ни одного. Дыма также не было — значит, разрушение произошло давно.

Чувствуя себя опустошенным и подавленным, он присел на корточки и закрыл глаза. У него были серьезные проблемы. Как и у всех этих людей. Но он не понимал, в чем они заключаются. Ничего не имело смысла, ничто не связывалось

друг с другом.

Что остается делать, кроме как продолжать искать женщину на снимке, искать ответы? Он двинулся дальше, оставаясь близко к краю света.

* * *

Ощущая голод и сухость во рту, он вернулся туда, откуда начал.

Мир был круглым и казался намного меньше, чем он себе представлял.

Большая часть толпы исчезла, включая мужчину и женщину, которых он воссоединил. Все, без сомнения, отправились на поиски пищи и места для ночлега. Он решил, что лучше последовать их примеру.

2

Двое пучеглазых детей, сидящих на крыльце многоквартирного дома, взглянули на него.

— Вы видели эту женщину? — спросил он, показывая фотографию.

Они синхронно покачали головами.

— Жаль. Ну, в любом случае спасибо.

Он почувствовал себя виноватым, оставляя их на произвол судьбы, но детей, принадлежавших

самим себе, здесь было очень много. Он встречал таких в течение последних нескольких дней, когда заглядывал во все уголки мира, спрашивая каждого, кого встречал, видел ли кто-нибудь женщину на фотографии.

Надежда найти ее угасала, и, глядя на снимок, он чувствовал боль. Он очень хотел увидеть ее, хотя и понятия не имел, кто она такая.

На ногу налетел принесенный ветром оранжевый лист бумаги.

Он поднял его.

На нем были изображены четверо мужчин, трое держали музыкальные инструменты. *Гитара. Саксофон. Труба.* Сверху было размашисто напечатано несколько слов. Он прищурился, пытаясь различить буквы. Он понимал, где была А, а где К, и знал, что они что-то значат, но как ни старался, не мог сложить буквы в слова.

Некоторые слова вспоминались легко. Почему же он не помнит имя женщины на фотографии? А свое собственное?

Возможно, ему нужно выбрать себе имя на первое время. Он устал быть безликим. Сложив бумагу, он добавил ее в коллекцию подсказок, лежавших в карманах.

Возвращаясь домой, он перебирал имена, окон-

чательно остановившись на Ключе, потому что был единственным среди всех, кто действительно искал разгадки. Остальные сосредоточились на поисках пищи и одежды. И оружия.

* * *

Окруженный найденными предметами, Ключ что-то бормотал про себя. Ноющая пустота в желудке мешала думать, и ему следовало бы найти еду. Но для начала он решил изучить каждую вещь и выяснить, как они связаны.

Лучшей подсказкой выступал кровавый рисунок, который он запомнил так хорошо, будто тот был выбит на его глазных яблоках.

Треугольник с числами мог быть флагом, потому что самая короткая его сторона — вертикальная — выступала внизу на сантиметр или около того. Но сказать точно было сложно, потому что рисунок был очень плохо выполнен. Отпечаток пальца размазал верхний круг. Он не мог понять, действительно ли так важны эти круги, что надо было рисовать их своей кровью.

Рядом с неразборчивым рисунком лежала длинная труба. Один конец ее был обшарпан и выгнут, как будто ее разорвал какой-то гигант, другой — аккуратно распилен с помощью но-

жовки из ящика с инструментами, найденного Ключом. Различные газеты, журналы и книги дополняли его коллекцию. В частности, в одной из книг находились фотографии улиц и зданий, которых не существовало, — они находились за краем света. Возможно, это все было лишь выдумкой, как и бесконечные водоемы, фантастические животные на снимках, но возможно и другое: может быть, мир когда-то был больше и что-то произошло, сделавшее его маленьким. Труба была наполовину разорвана, как будто к ней была применена невероятная сила.

Крик снаружи нарушил ход его размышлений. Он подошел к окну квартиры, которую сейчас занимал. Мужчины, державшие в руках винтовки, топоры и куски дерева, вели по улице десяток или более детей. Казалось, что он видел всех этих людей раньше, или похожих на них. Они складывали тонны продовольствия и припасов в помещение с тяжелыми стальными дверями и решетками на низких окнах. Однако Ключ не понимал, что им нужно от самих детей.

Схватив куртку, найденную в шкафу, он поспешил спуститься вниз.

К тому времени, когда он вышел на улицу, основная процессия скрылась из виду. Засунув руки

в карманы, он повернул туда, куда направлялись остальные.

Ему следовало позаботиться об обеде. Магазины были пусты; люди переходили от здания к зданию, разбивая торговые автоматы и опустошая шкафы в незанятых квартирах, а иногда и в занятых.

Еду нужно было где-то достать. Ключ еще не отыскал ни одного места, где можно добыть консервные банки или где росли фрукты и овощи. Растительная пища есть, это он знал точно. Яблоки росли на деревьях, а морковь — в земле. Но где? Если бы он мог понять, что произошло, возможно, он смог бы решить проблему продовольствия. Если не получится, скоро наступит кошмар.

Откуда-то раздались звуки стрельбы. Он остановился и прислушался. В тишине он ясно различал выстрелы, перемешанные с криками. Пронзительными, леденящими кровь криками детей.

Побежал на звук. Он попытался представить, что могло так испугать детей. Крики стали громче, как только он повернул за угол кирпичного здания.

Резко остановился.

Одни мужчины целились оружием в толпу наблюдателей. Другие сталкивали детей с края

света.

— Что вы делаете? — крикнул Ключ, мчась в сторону обрыва. Кричащий маленький мальчик цеплялся за ногу толстого мужчины, пытаясь освободиться, пока тот спихивал его в пропасть.

Ключ приблизился к толпе наблюдателей, умолявших мужчин остановиться. Семь-восемь мертвых тел лежало у ног тех, кто держал оружие.

— Что вы делаете? Что вы делаете? — кричал Ключ, проталкиваясь через толпу.

— Они говорят, что не всем хватает еды, — сказала женщина-азиатка. — Мы должны их остановить.

Однако было слишком поздно. Дети исчезли. Часть мужчин застыла на месте с оружием наготове, а те, которые находились на краю света и столкнули всех детей, просто стояли, опустив руки. В глазах некоторых из них стояли слезы, другие морщились, словно только что съели что-то гнилое.

За спиной Ключа поднялся шум. Он резко обернулся.

Мужчины, ведущие еще больше детей.

— С дороги! — крикнул один из них. — Живо, или мы будем стрелять!

Крича на мужчин, толпа расступалась, но Ключ, азиатка и еще два человека преградили им путь. Дети выглядели напуганными и потрясенными, но явно не понимали, что хотят с ними сделать.

Грянуло два выстрела. Мужчина слева от Ключа дернулся и рухнул на асфальт с кровавой дырой в груди. Он прижимал рану, задыхаясь и морщась от боли.

Ключ взял азиатку за плечо, подталкивая ее к толпе. Слившись со всеми, они наблюдали за проходящими мимо детьми.

Когда их снова стали сбрасывать с края света, Ключ упал на колени. Он зажал руками уши. Их крики были невыносимы, они могли убить его точно так же, как пули.

— Пожалуйста, нет, не надо, пожалуйста, нет, — умолял Ключ, закрывая уши. Он должен был это остановить. Он скорее умрет, чем вынесет происходящее. Ощущая дурноту, Ключ поднялся на ноги и начал протискиваться сквозь толпу.

И опять было слишком поздно. Дети исчезли. Остались лишь всхлипывания наблюдателей.

— Это для вашего и нашего блага, — крикнул один из карателей. — Кто-то должен это делать, иначе мы умрем от голода.

Это был высокий молодой мужчина с черными

кругами под голодными глазами.

Сотни криков, проклятий, уговоров смешивались с бессвязным воем наблюдателей. Скрестив руки на груди, один мужчина повернулся спиной к толпе и покачал головой, как бы говоря, что все они дураки.

Люди с оружием оставались на своих местах, вселяя в Ключа уверенность, что придет еще больше детей. Что они собирались делать? Собрать всех детей и сбросить их с обрыва? А за ними последуют самые слабые взрослые? Вероятно, так и будет.

Он услышал детский плач, и через мгновение из-за угла появилось еще больше вооруженных людей, ведущих детей.

— Нет. О нет, — простонал Ключ, кладя руки на колени и наклоняясь вниз. Его мутило. Но не вырвало, хотя в животе разыгрывалась буря. Если он помешает мужчинам, они его застрелят и настанет конец. Он мог совершить это самоубийство, или просто стоять и смотреть, или убежать. Вот такие варианты.

Он решил бежать. Если бы он мог сохранить жизнь хотя бы одному ребенку, то пришлось бы остаться и страдать от этого ужаса. Но зачем на это смотреть, если он не в силах никому помочь?

Застыв на месте, Ключ выпрямился, глядя на приближающуюся линию детей. *Сможет* ли он спасти одного из них? Хотя бы одного?

Он вспомнил старика, которого встретил в Первый День, пожилую даму и их фотографию. Вытащил из кармана свой снимок. Ключ двинулся к детям. Его встретили три дула винтовок.

— Она со мной, — сказал он, размахивая снимком и указывая на ближайшего ребенка — маленькую девочку. — Я нашел эту фотографию нас двоих в моем кармане.

Приблизившись к девочке со смуглой кожей, он обнял ее и сказал:

— Я нашел тебя. Наконец-то я тебя нашел.

Подхватив ее за локоть, он пошел в гущу толпы.

— Эй, а ну-ка вернись! — крикнул седой бородатый мужчина, поднимая винтовку.

— Она моя, идиот! — воскликнул Ключ, размахивая фотографией. Его сердце трепетало, виски пульсировали. — Если мы на этом снимке вместе, значит, это моя дочь или кто-то в этом роде.

Когда он повел девочку к толпе, человек с винтовкой дернулся. Ключ сжался, ожидая выстрела. Добравшись до людей, он взял ребенка за другую руку. Женщина-азиатка сказала ему:

— Нужно увести ее отсюда, пока они не передумали.

— Подождите, — произнесла девочка, высвобождая запястье из руки Ключа. — Мы должны забрать Фиалку.

— Мы не можем, — сказал Ключ. — Прости. Во второй раз это не сработает.

— Фиалка — мой лучший друг, — стояла на своем девочка.

Ключ подхватил ее на руки и сорвался с места.

— Что они делают? — оглядываясь, спросила девочка, услышав начавшиеся вопли. — Почему они кричат? Фиалка?

— Не смотри, — сказал Ключ. — Закрой глаза.

Азиатка шла впереди, поворачивая то налево, то направо, для того чтобы запутать преследователей. Через разбитую витрину она провела его и девочку в большой магазин одежды. Как только они оказались в подсобке, женщина жестом указала им сесть на разбросанные куртки на полу. Чувствуя, как болят его ноги, Ключ выпустил девочку из объятий. В ушах до сих пор раздавались крики. Он глубоко и судорожно вздохнул, пытаясь взять себя в руки.

— Что они сделали с Фиалкой? — спросила девочка.

— Это ужасные люди, — ответил Ключ.

— Я это знаю, — сказала она. — Что они с ней сделали? Они…

Ее голос опустился до шепота:

— Они ее столкнули?

— Да.

Девочка покачнулась.

— Они охотятся на всех, кто не может себя защитить, — сказала женщина. — Они опустошили дом престарелых на другой стороне от края света.

— Что происходит? — спросил Ключ. — Должна быть причина, по которой все это случилось.

— Откуда мы можем знать? Никто ничего не помнит.

Вытащив все из кармана, он развернул оберточную бумагу и передал ее женщине.

— Я нарисовал это своей кровью до…

Он замялся, пытаясь подобрать правильные слова. До чего?

— До всего этого. Вы не видите здесь смысла?

Пока женщина изучала рисунок, Ключ показывал девочке игрушечного солдата.

— Смотри, — сказал он, сжимая парашют солдата в кулаке и подбрасывая его к потолку магазина. Игрушка неторопливо опустилась на пол.

— Хочешь попробовать?

Подбросив солдата в воздух, она принялась его ловить. Он спрашивал себя. Почему игрушка оказалась у него в кармане? У него где-то был ребенок? Может, прямо сейчас ее или его сбрасывали с края света в пропасть?

Или он должен был обратить внимание на *парашют*?

— У тебя есть какое-нибудь имя? — спросил у девочки Ключ.

Она называла свою подружку Фиалка, возможно, у нее самой тоже было прозвище.

— Все девочки выбрали себе названия цветов, — ответила она. — Я — Маргаритка. Мальчики выбрали названия животных.

— Привет, Маргаритка. Я называю себя Ключ, — сказал он, радуясь тому, что спас эту восхитительную маленькую девочку с листиком, запутавшимся в ее вьющихся волосах, и глазами бойца. Этого достаточно, так и должно было быть. Ему нужно выбросить других детей из головы.

Протянув ему рисунок, женщина покачала головой.

— Я тоже ничего не понимаю.

— Как я могу вас называть?

Ему стало приятно, что есть люди, с которыми

можно поговорить. До встречи с ними Ключ был слишком занят, чтобы по-настоящему понять, насколько он одинок.

— Я не знаю. Посмотрим, — ответила она, посмотрев в потолок. — Если женщины берут имена цветов, почему бы вам не называть меня Орхидеей?

— Орхидея, договорились.

— Я очень голодна, — сказала Маргаритка.

Ключ посмотрел на Орхидею:

— У меня осталось две банки тунца. Больше ничего. Я готов поделиться.

Орхидея кивнула:

— У меня есть некоторые запасы. Идем.

Ключ последовал за ней на улицу, где она указала на здание, возвышающееся над остальными.

— Но нам нужно подняться. Я живу на сорок первом этаже.

Ключ кивнул, глядя на башню. Мрачную, ее вершина скрывалась в облаках.

— Умный ход. Чем выше, тем безопаснее. Кто бы стал подниматься на сорок первый этаж без надобности?

— У меня около двух десятков банок и пакетов. Я хочу поделиться ими с человеком, который рискует жизнью ради спасения ребенка, — про-

изнесла она, поднимая тонкие брови. — Почему бы нам не забрать ваш тунец и не объединить наши припасы?

Мысль о спутнике, союзнике, с которым можно пройти через весь этот ад, грела его. Он был благодарен этим людям.

— Звучит неплохо. Но мне нужно забрать и другие вещи. Я собираю подсказки, пытаюсь во всем разобраться.

— Хорошо, мистер Ключ, — сказала Орхидея. — На сорок первом этаже достаточно места. Это офисное здание, а не жилой дом. Не нужно беспокоиться о шумных соседях.

Тем не менее им все равно придется побеспокоиться о еде, когда она закончится. Возможно, на верхних этажах башни остались торговые автоматы. И что бы они ни делали, когда их припасы иссякнут, появятся серьезные проблемы. Ничего хорошего их не ждет.

3

Пытаясь оставаться незамеченным, Ключ посмотрел на улицу сквозь сломанную, когда-то вращающуюся дверь. Неподалеку находились восемь человек: кто стоял, а кто сидел прямо на машинах. Как минимум у троих было огнестрель-

ное оружие, остальные держали или сломанные трубы, или ножи.

Что ночью, что днем на улице всегда были люди. Лучшего времени, чтобы выходить наружу, не было. Он повернулся к Орхидее и Маргаритке.

— Не смотрите прямо ни на кого, но и не позволяйте им думать, что вы боитесь. Ведите себя так, будто знаете, куда и зачем направляетесь.

Вытерев ладонь об рубашку, Ключ поудобнее взял нож для разделки и резки мяса. Орхидея сжимала свой так сильно, что у нее побелели костяшки пальцев.

— Вперед.

Они шагнули через дверную раму и двинулись по улице. Маргаритка шла посредине. Высокий, загорелый мужчина указал на них. Компания умолкла и, повернувшись, посмотрела на Ключа, Маргаритку и Орхидею. Те специально облачились в обтягивающую одежду, из-под которой было видно, что у них нет еды и вообще ничего, кроме ножей. Немного посовещавшись, компания мужчин отвернулась.

Напряжение несколько спало. Удалось избежать пуль. Ключ не думал, что им посчастливится долго пробыть в безопасности, но у них не было еды, и это помогло не стать связанным и скину-

тым с обрыва Стальной бандой. От самой мысли о хлебе желудок Ключа сжимался, а рот наполнялся слюной. Он даже и не думал, что голод может быть таким. Он ожидал, что будет худо, но не был готов к такому страшному, безумному желанию быть сытым. Как бы он ни старался думать о других вещах, мысли возвращались к острому соусу, гамбургерам и мягким булкам, шоколадному печенью, крекерам с маслом и куриному супу с лапшой. От голода болела голова.

Он переступил тело рыжеволосой женщины, чьи руки и плечи покрывали веснушки. На ней не было заметных ран, вероятно, она умерла от диареи. Орхидея настаивала на том, что они могут избежать этого, если будут кипятить воду, взятую из озера в ближайшем парке. Ключ не понимал, откуда она это знала и как кто-то вообще может что-либо знать. Так они стали кипятить воду.

— Сюда, — сказала Орхидея, указывая на узкую улицу, частично заблокированную грузовиком. Вдалеке кто-то кричал. Это был страшный крик — не от голода или болезни, а от боли.

Они протиснулись мимо грузовика. За машиной на длинных белых проводах, привязанных к столбам и линиям электропередачи, висело около тридцати или сорока тел. Ключ протянул

руку, чтобы закрыть глаза Маргаритке, но та оттолкнула его. Опустив голову, он пошел дальше, наступая на тени повешенных.

Его внимание привлекло мимолетное действие: четыре человека — мужчины и женщины — выходили из многоквартирного дома по правую сторону. Седовласый мужчина, шедший впереди, держал винтовку. Ключ замер. Заметив его, старик приподнял оружие.

— Это вы, — сказал он, опуская винтовку.

Ключ, прищурившись, внимательно его разглядел. Это был старик, с которым он встретился на краю света в Первый День. Ключ облегченно рассмеялся и поприветствовал мужчину:

— Приятно видеть вас снова.

— Кто это? — спросила Орхидея.

Пока Ключ объяснял, они встретились четко под телами повешенных людей.

— Какой прекрасный день, а? — сказал Ключ после знакомства.

Он назвал себя Дедушкой и широко улыбнулся в ответ на шутку Ключа.

— Вы ищете еду?

Ключ кивнул.

— У нас остались две банки фасоли.

Сложив руки, Дедушка посмотрел на тела, ви-

севшие над улицей.

— Беда в том, что никогда не знаешь, какое место уже обыскали, пока не увидишь, что дверь выбита. Мы все раз за разом прочесываем одни и те же места.

Ключа пугала мысль о том, что, возможно, повсюду уже все обыскали и еды больше нигде не найти.

— Та женщина, с вами на снимке, она…

«Еще жива?» — хотел сказать он, но не смог.

Дедушка покачал головой.

— Умерла от болезни. Десять дней назад.

— Соболезную вашей потере, — сказала Орхидея.

Ключ кивнул. По крайней мере, ее не повесили, не зарезали или не сбросили с обрыва. Ему стало интересно, как Дедушка повстречал своих спутников. Один был молодым, еще не мужчина, но уже не мальчик. У двух женщин пробивалась седина.

— Вы извините нас на секунду? — спросил Дедушка, отводя своих товарищей чуть в сторону. До Ключа и его спутников доносились их низкие оживленные голоса. Ему было любопытно, о чем они говорят.

Дедушка развернулся.

— Нас девять человек. Мы делимся тем, что находим, и защищаем друг друга. Вы хотите к нам присоединиться?

— Да, — ответил Ключ, прежде чем прозвучали последние слова мужчины, и посмотрел на Орхидею, вопросительно подняв брови.

— Да. Огромное спасибо. Всем вам.

— Не благодарите нас, это в основном личные интересы, — сказал Дедушка. — Никто нас не тронет, если мы будем передвигаться группой и будем вооружены.

Он похлопал по плечу стоящего рядом с ним прыщавого парня:

— Сила в количестве.

4

Под высоким потолком музея висели восемь больших разноцветных шаров. Один был оранжево-красным, еще один — ярким сине-белым. Вокруг еще одного смыкалось кольцо — как ореол, только нарушенный в середине.

Они что-то значили, эти шары. Они были важны.

Ключ вернулся к работе над своим парашютом. Шов шел криво, а стежки распределялись не так неравномерно, как на парашюте игрушечного

солдата.

— Вот ты где, — прозвучал голос за спиной Ключа.

Он принадлежал Дедушке, который стоял в дверном проеме, уперев руки в бока.

— Я думал, ты собираешься отправиться на поиски еды.

Скулы Ключа напряглись.

— У нас более чем достаточно людей. Вместо этого я решил поработать над парашютом.

Дедушка взглянул на предмет.

— Не тратил бы ты слишком много времени на эту ерунду. Нам нужно сосредоточиться на том, чтобы не умереть с голоду.

Возникло неловкое молчание — Ключ испытывал то гнев, то стыд. Его возмущали эти упреки. Дедушке не нужно рассказывать о своих приоритетах и планах. Но в то же время он не приносил так много еды, как большинство других.

— Я думаю о вещах, которые нашел в кармане в Первый День. Каждый человек, с которым я разговаривал, находил у себя в кармане кошелек и одну фотокарточку, на которой он был изображен. Я — нет.

Дедушка пожал плечами.

— И что?

— Думаю, что специально избавился от своего кошелька. Полагаю, я хотел, чтобы нашел только три вещи в своем кармане, — сказал Ключ, поднимая игрушечного солдата. — Поэтому я и положил его в карман. Думаю, он связан с парашютом.

— Что ты, черт возьми, собираешься делать с парашютом? — воскликнул Дедушка, вскидывая руки к потолку. — Спрыгнуть с крыши?

Ключ посмотрел на его руки.

— Еще не знаю.

— Так как съесть его мы не сможем, — продолжал Дедушка. — И я не знаю, заметил ли ты, но у нас осталось восемьдесят семь банок и пакетов пищи в загашнике, а потом…

Он сложил руки и вспылил:

— Я поручился за тебя. Пожалуйста, не заставляй меня сожалеть об этом.

Это была правда, он действительно поручился. Ключ был бы уже мертв, если бы не Дедушка. Орхидея и Маргаритка тоже. Ключ отставил свой парашют в сторону.

— Хорошо. Что я могу сделать?

Дедушка повременил с ответом.

— Вскипяти немного питьевой воды, затем выбери из кладовой пять банок еды для обеда и

раздели все поровну.

— Конечно, — сказал Ключ, складывая парашют и пряча его под мышку.

Когда он проходил мимо, Дедушка похлопал его по руке.

— Спасибо.

Ключ остановился.

— Я не шучу. Нам нужно выяснить, что произошло. Пока мы не разберемся с проблемой, мы не узнаем, где искать ее решение, а если мы не найдем решения, большинство из нас умрет. Неважно, как старательно мы ищем пищу, еды много только где-то за краем света. Как только она исчезнет, крыс, голубей и жуков не хватит, чтобы сохранить жизнь более чем ста людям, и вы знаете, что эти чертовы Стальные сделают все возможное, чтобы эта сотня была из их числа.

Положив руку на плечо Ключа, Дедушка спросил:

— А как шитье парашюта приблизит нас к пониманию того, что произошло?

Ключ прикрыл глаза.

— Я порезал большой палец и сделал рисунок своей кровью. Я положил его в карман вместе с парашютом и фотографией. У меня, должно быть, была причина, — произнес Ключ и, не дожидаясь

ответа, направился в кладовку.

* * *

Убедившись для начала, что за ним через огромное окно первого этажа музея не наблюдают незнакомцы, Ключ взял стоявшую у высокой мраморной стены стремянку. Установил ее перед массивным чучелом слона, поднимающим хобот вверх, как будто трубя, а затем залез в открытую пасть экспоната и достал оттуда ключ от кладовки.

Включив фонарь, взятый из кучи предметов на полу, он прошел через зал с чучелами более мелких животных к помещению, похожему на пещеру и уставленному скелетами динозавров. За ним находилась лестница, ведущая в камеру хранения.

Открыв замок, Ключ положил его на полку и опустил отмычку в задний карман. Когда их группа перебралась в музей, они нашли замок уже висящим на огромной стальной двери, а ключ от него находился в столе на связке вместе с другими. Это был самый внушительный замок, который обладатель парашюта когда-либо видел.

Банки и пакеты с едой расфасовали по полкам.

Всего восемьдесят семь. Это было не так много, но для людей, голодающих на улицах, это был бы клад. Ключ ненавидел выходить наружу и натыкаться на таких, лежащих на тротуарах, просящих милостыню и слишком слабых для того, чтобы что-то делать.

Набрав полные руки банок, он зашел за угол и выложил их на стол, который служил их импровизированной кухней. Затем вернулся и закрыл кладовку.

Подойдя к столу, Ключ заметил внизу зала картину, которую не видел раньше. Цветные шары в ночном небе, окруженные великолепным ореолом ярких звезд. Они были того же цвета, что и шары, свисающие с потолка в другой комнате. Может, эти шары принадлежали небу? Дело в том, что он смотрел в ночное небо десятки раз и никогда не видел ничего, кроме звезд и луны. Разве эти шары исчезли точно так же, как и часть того, что существовало до произошедшей катастрофы?

А как же все эти животные? Он знал, что они должны были жить и бродить по земле. Почему в мире не было ни слонов, ни тигров?

Так много вопросов. Ключ сел, взял консервный нож и начал распределять еду по тарелкам,

чтобы потом отнести их в зал с чучелами китов, где ела группа.

Он чертовски надеялся, что его люди нашли больше еды, чем в прошлые разы.

5

Орхидея отправилась на поиски дров, так как в костре уже потрескивали догорающие угольки. Свет в «пещере» стал таким тусклым, что Ключ едва мог разглядеть гигантского кита, висящего над потолком.

Возле него калачиком, положив голову ему на руку, скрутилась и тихо плакала Маргаритка.

— Я знаю, — прошептал он. По какой-то причине после того, как они поели, голод стал еще сильнее. Вкус, оставшийся во рту, вызывал страшное стремление к еще большему количеству еды.

— Что, если мы откроем еще одну банку? — спросил Ключ. — В кладовой есть банка персиков.

— Персики! — воскликнула Маргаритка, поднимая голову.

Дедушка бросил на него испепеляющий взгляд.

— Что такое одна банка? — спросил Ключ.

— Почему бы и нет? — сказал Рыба. Он выглядел

слишком молодым, чтобы иметь такую темную бороду. — У нас был хороший день. Мы убили четырех крыс.

К ним присоединились еще пять членов группы.

Покачав головой, Дедушка сказал:

— Хорошо. Если все этого хотят, кто я такой, чтобы спорить?

Группа людей, возглавляемая Дедушкой, вытащившим из огня деревяшку, чтобы светить ей как факелом, направилась к кладовой.

Орхидея шла в ногу с Ключом.

— Знаешь, я думала о твоем рисунке. Что, если он ничего не значит?

Ключ озадаченно посмотрел на нее.

— Что, если это было всего лишь последнее жертвоприношение каким-то богам, в которых ты верил в то время? Или, может быть, все мы были в бреду.

Ключ улыбнулся. Он задумался, могли ли относиться слова Орхидеи к фотографии ровно так же, как и к рисунку.

— Может быть, верующие правы и до Первого Дня ничего не было. Возможно, боги оставили рисунок и порезали мне палец, как испытание моей веры.

Орхидея тотчас вышла из себя:

— Дело в том, что мы понятия не имеем, *что* происходило, так зачем переживать о рисунке?

Или снимке. Орхидея была яркой и красивой женщиной и не стеснялась намекать, что они становятся больше чем друзьями. Но, как ни странно, Ключ тосковал по той, которую не помнил, которая, судя по доказательствам, была такой же мифической, как живые слоны и океан. Он не мог любить Орхидею, потому что все еще любил ту женщину.

— Подожди, — раздраженно сказала Орхидея, когда они подошли к двери в следующую комнату.

Он терпеливо ждал, пока она перейдет в другой конец помещения, а затем последовал за ней, спокойно считая шаги. Очевидно, Орхидея нарушила одно из своих правил. Ей пришлось пройти комнату за четное число шагов. Ключ не понимал, почему она настаивала на том, чтобы следовать стольким бредовым правилам, но в этом не было никакого вреда.

Внезапный крик впереди заставил Ключа и Орхидею стремглав броситься вниз по узкому коридору, ведущему в кладовку.

Рыба стоял на корточках перед открытой две-

рью камеры хранения. На его коленях лежал рыдающий Масло.

Камера была пуста. Полностью.

— Это племя Стали. Спорю на что угодно, — сказал Рыба. Он стоял в пустой камере, сложив руки на груди.

— Тогда мы ничего не вернем, — проговорил Дедушка. — Их не меньше двухсот человек.

Осознание того, что произошло, обрушилось на Ключа, словно камень. Это был смертный приговор. Эти мародеры обобрали почти каждый уголок и щелку в мире. Для них также не осталось неоткрытых тайников в дикой природе, но они не могли обойтись крысами, кошками, голубями и жуками.

— Мы можем украсть у них все ночью, как они это сделали с нами… — сказал Рыба.

— Они узнают, что это мы, и убьют нас, — произнесла монотонным, безнадежным голосом Орхидея.

— Где замок? — озираясь по сторонам, спросил Дедушка.

— Что вы имеете в виду? — спросил Рекс. — Они каким-то образом сломали его.

Держа факел перед собой, Дедушка осмотрел скобы, на которых висел замок.

— Но где он? Зачем им уносить сломанный замок? — проговорил он, поднимая глаза. — Кто последним заходил сюда?

— Сегодня я брал дневной паек, — сказал Ключ. — Но я потом запер замок, если вы об этом…

Ключ запнулся. Он вспомнил, как брал банки и, прикрыв дверь ногой, нес их к столу, положил, а затем вернулся…

Ключ закрыл глаза.

— О нет, боже, нет.

Дедушка подошел к полке и взял открытый замок.

Ключ увидел это — и пришло страшное осознание. Он не возвращался, чтобы запереть дверь.

Ключ взглянул на Маргаритку, которая стояла, прижавшись лбом к двери, и снова закрыл глаза.

— О боже. Я убил всех нас.

Никто не возразил.

Этого не могло случиться. Он не сможет смотреть, как Маргаритка будет умирать от голода, зная, что это его вина. И Орхидея, и все остальные из его группы.

— Мне очень жаль.

Он должен был найти способ вернуть их еду. Но как ему это удастся? Мог ли вообще кто-нибудь

это сделать?

6

Доверившись интуиции, Ключ тащился по темной лестнице. Боль пульсировала в лодыжке. Кроссовки были слишком тесными, и, скорее всего, его нога сильно опухла. Не хотелось останавливаться и смотреть, насколько плохи дела. Это был пустяк. Он должен потерпеть боль, пока все не выяснит.

Парашют игрушечного человечка раскрывался каждый раз, если он правильно его складывал, в то время как его собственный не раздулся ни разу. Это могло быть связано с разницей в весе между ним и «маленьким прыгуном», но Ключ думал, что дело в другом. Он подозревал, что ему самому не хватало скорости. Это имело смысл: Ключ смог бы раскрыть парашют над землей, но только если бы бежал очень быстро или дул сильный ветер. Воздух — вот что необходимо.

Открыв тяжелую дверь, он инстинктивно прикрыл рукой глаза, яркое полуденное солнце ослепляло его. Черная смоляная крыша под ногами была горячей и липкой. Опустив голову, чтобы не смотреть на солнце, Ключ подошел прямо к краю карниза.

Когда он увидел, на какой высоте находится, он сделал полшага назад и посмотрел на груду матрасов, находившуюся теперь не тремя, а *пятью* этажами ниже. Снизу тюфяки выглядели куда внушительней, но отсюда они казались совсем крошечной мишенью для прыжка. Маргаритка, стоявшая рядом с матрасами, помахала ему рукой. Ключ ответил тем же с несколько меньшей радостью.

Это должно было сработать, иначе он серьезно пострадает, даже если упадет на матрасы.

Из-за угла соседнего здания появились три фигуры. Но с такой высоты они выглядели странно — какие-то приплюснутые и размытые.

Ключ напрасно тратил время. Повертел головой влево и вправо, чтобы расслабить напряженные мышцы шеи, встряхнул запястьями, потом он шагнул на низкий выступ шириной в два кирпича и в последний раз взглянул на груду матрасов, мысленно повторяя порядок действий.

Прыгнуть, пролететь как минимум два этажа, чтобы набрать скорость, затем вытащить трос. Если парашют не раскроется, свернуться в клубок.

Снизу доносился смех. Три пришедшие фигуры наблюдали за ним.

Пускай смотрят, пускай смеются. Ключ глубоко вздохнул и прыгнул. Зависнув на миг в воздухе, он рухнул вниз, слыша нарастающий свист ветра, и, выдержав столько времени, сколько мог, потянул трос.

Он почувствовал, как парашют выскочил из ранца, и услышал его свист. Подвесная система вызвала резкий приступ боли от ребер до подмышек. Он поднял глаза: парашют раскрылся частично и из-за спутанных строп медленно вращался.

Смотря вверх, Ключ рухнул на матрасы, неуклюже отскочил и со звуком «уфф» шлепнулся грудью в грязь.

Парашют плавно опустился, а наблюдатели чуть не рыдали от смеха.

Ключ вскочил, задыхаясь от радости. Выпутавшись из строп, он ринулся к Маргаритке и подкинул ее в воздух.

— *Ты это видела?*

— Да, да, я видела! — смеялась Маргаритка. Она была слишком худой — кожа и кости с выступающими скулами и впалыми глазами.

Теперь, пережив падение, Ключ понял, как исправить механизм парашюта. Опустив Маргаритку на землю, он повернулся к незваным

гостям, в которых тотчас узнал Босого, Красного и Бегуна из достаточно безобидного Подземного племени.

— Приготовьте ваши банки с консервами, господа, это не займет много времени.

— Да ты, видно, шутишь, — сказал Красный, указывая на небо. — С такими успехами ты мог набить этот ранец кирпичами.

Спутники Красного загоготали.

— Продолжайте смеяться, — сказал Ключ, не в силах сдерживать улыбку. — И не забудьте всем рассказать. Я *буду* прыгать, но за прыжок каждый из как минимум двух сотен человек будет платить банку еды.

— О, конечно, не сомневайся, — сказал Красный, но его тон дал понять, что он считает Ключа заблуждающимся идиотом.

Это лишь усилило желание Ключа прыгать. Он сделает это. Он спасет своих людей. Над парашютом еще нужно поработать и сделать так, чтобы подвесная система не врезалась в подмышки. Все, чем он будет руководствоваться, — система игрушечного парашюта, но он во всем разберется.

— *Ключ,* — смеясь, выдавил Бегун. — Тебе больше подошло бы Без Ключа. Тормоз. Лопух.

— А еще лучше *Фоллер*, — добавил Красный.

Друзья Красного заржали так, как будто это была самая смешная вещь в их жизни. Однако Ключу понравилось это имя. Даже больше, чем Ключ. Фоллер. Оно казалось правильным, оно устраивало его. С этого момента он будет Фоллером.

7

Самый быстрый путь к башне пролегал прямо через центр города, но с таким количеством людей, которые следовали за Ключом, было легче пройти по краю света, где было меньше ржавых автомобилей, преграждающих путь, и меньше валяющегося мусора.

Фоллер вплотную приблизился к краю, осознавая, что малейшее движение кирпича под ногой — и он отправится в вечность. У него были две причины идти так близко. Во-первых, это нервировало людей, следующих за ним. Во-вторых, его успокаивала необъятность неба, а Фоллеру требовалось умиротворение. Сомнение и беспокойство с каждым шагом только нарастали.

— Не делай этого, — сказала Орхидея. — Мы найдем другой путь. — Она продолжала считать свои шаги, даже когда говорила, поочередно загибая большой и указательный пальцы. Так

Орхидея понимала, какое количество шагов они совершают, четное или нечетное.

— Люди запомнят эту дату, как запомнили Первый День, — произнесла Маргаритка, которая делала в два раза больше шагов, чтобы поспевать за Фоллером и Орхидеей.

Орхидея откинула голову и издала короткий смешок, более сердечный, чем Фоллер когда-либо слышал от нее.

— Я не думаю, что Фоллера, разбивающегося насмерть, можно сравнить с Первым Днем.

— А *я* думаю, можно, — сказала Маргаритка, обходя лежащий фонарный столб. — Все будут обсуждать это годами.

— Этот случай будут помнить так же, как ту историю со стариком Раздражителем, когда его с пятого этажа столкнула собака, пытавшаяся забрать бобы, которые он ел.

— Может, не будем отходить от темы? Мы говорим о том, как люди будут петь обо мне песни, — сказал Фоллер, посмотрев на Орхидею. — И не могла бы ты прекратить связывать со мной всех людей, разбивающихся насмерть?

Орхидея схватила его за руки и остановила.

— Я пытаюсь нарисовать образ, который привел бы тебя в чувство. — Ее темные глаза, похожие

на два полумесяца, смотрели на него. — Потому что я забочусь о тебе. Больше, чем ты думаешь. Пожалуйста, не делай этого.

— Со мной все будет хорошо. — Он пытался говорить спокойно, несмотря на все сомнения. Но если с ним что-нибудь случится и он умрет, то, по крайней мере, за попытку исправить свою ошибку. — Пошли, все ждут.

Они подошли к той части обрыва, от которого оторвался кусок асфальта, открыв вид на голубое небо и розово-белые облака внизу. Выглянув из-за края света, Фоллер увидел остатки обломленных огромных труб, выступающие над пропастью из скалы, а чуть ниже — зияющее отверстие, которое, как он понял, было когда-то одним из туннелей метро.

Направляясь к башне, они вышли почти к центру города, проходя мимо разграбленных магазинов. К штанам Фоллера постоянно цеплялись сорняки. Они прошли под гигантским рекламным щитом — симпатичные люди, которых никто бы и не вспомнил даже в те времена, курили сигареты.

Фоллер вытер потные ладони о комбинезон.

Они свернули в сторону красно-коричневых кирпичных зданий, обнимающих узкую вымо-

щенную улочку.

— Вот он, — крикнул кто-то сверху.

На крыше одного из многоквартирных домов сидели девочки-подростки. Вероятно, действительно выгодная и к тому же бесплатная точка, откуда можно наблюдать за его прыжком. Он помахал своим поклонникам. *Поклонники* — единственное слово, которое Фоллер смог придумать, чтобы их описать. Это было одним из тех слов, которым он еще никогда не пользовался, потому что не к кому было его применить. И вот внезапно оно пригодилось. Фоллеру нравилось иметь поклонников. Он зашагал бодрее.

— Смотрите, — сказала Орхидея, указывая на что-то.

Фоллер посмотрел вниз. Торчащая бедренная кость, которую кто-то запихнул в водосток. Рядом засунули череп. Вероятно, какой-то человек нашел эти останки в квартире, которую хотел занять.

Через два квартала они добрались до блокпостов, которые были возведены вокруг башни племенем Стали для взимания платы. Фоллера не покидала мысль, что сами Стальные получат десять процентов от выручки с его прыжка и свободный вход. Да, они были истинными ублюд-

ками, которые первые стали красть еду у других. Но такое маленькое племя, как у Фоллера, никогда не сможет справиться с такими соперниками без союзников. По крайней мере, это гарантировало, что тех, кто осмелится пройти без оплаты, будет немного. Мало кто рискнет не заплатить одну банку еды, не будучи сброшенным с обрыва. В квартале толпа людей становилась все больше и шумнее. Фоллер прибавил темп, пошел быстрее.

На улице вдоль башни столпилось столько народу, сколько Фоллер еще никогда не видел в одном месте. Многие оделись на это событие во все лучшее, что у них было: юбки, костюмы, яркие банданы, ковбойские сапоги. Большая часть одежды была изношена, вымазана и измята до неузнаваемости. Это было удручающе, как и в Первый День, когда красочные цвета мира сменились коричневой грязью и ржавчиной.

Когда Фоллер подошел, толпа взревела. Подняв руку, он заметил среди сорняков у рушащегося фонтана странный холм. Потребовалась секунда, чтобы понять, что это была груда подушек и матрасов. Остановившись, он указал на холм. Толпа взорвалась смехом.

— На всякий случай! — закричал Рыба, стоявший рядом с кучей. Его слова вызвали еще один

приступ смеха.

— Эта куча должна быть намного больше, если мой парашют не раскроется! — выкрикнул Фоллер.

От волнения скрутило живот. Он не готов сейчас шутить, но для людей этот прыжок — отличный повод для праздника и веселья. По крайней мере, именно поэтому они шли сюда и несли банки с едой, которых и так у каждого из них было ничтожно мало.

Многие, вероятно, надеялись, что парашют не раскроется и он, пролетев сто семь этажей (как он посчитал), превратится в жирную мертвую кляксу на асфальте. Но он думал их разочаровать. Он собирался лететь, и на этот раз не с крыши пятиэтажного дома и гораздо дольше. Лететь как птица над верхушками зданий, пока плавно не приземлится среди приветствующей толпы.

Фоллер присел на корточки рядом с Маргариткой и посмотрел ей в глаза.

— Почему бы тебе не подождать здесь, с Маслом?

Он указал ей на Масло, сидящего вместе с Быстрым на расстеленном на тротуаре одеяле. Маргаритка обхватила его руками, он обнял ее в ответ, сдерживая слезы. Он заранее ненавидел

себя за то, что если все пойдет не так, Маргаритка будет здесь и увидит это.

Прижавшись к нему напоследок, девочка сказала:

— Пожалуйста, не ошибись, — и, тем самым немного придав ему уверенности в себе, присоединилась к Маслу и Быстрому.

Фоллер и Орхидея продолжили идти к башне. Грызун, глава племени Стали, ждал у лестницы снаружи. Он был удивительно красивым мужчиной, высоким и мускулистым, как один из красавчиков на рекламных щитах, только более грязным и одетым в испачканную ярко-оранжевую футболку вместо костюма.

— Говорят, у нас есть около трехсот банок, — усмехнулся Грызун.

— Так много? Потрясающе. Стоит рисковать жизнью. Несомненно.

Грызун кивнул.

— Хорошо. Не забывай об этом, когда будешь подниматься. Мы не хотим возмещать расходы.

— Я не спущусь обратно вниз по лестнице. Я тебе это гарантирую, — дрожащим голосом произнес Фоллер.

Когда они с Орхидеей подошли к башне, Фоллер поднял глаза. Она была невероятно высокой. Он

боялся думать, как будет ощущать себя там, глядя вниз. Он толкнул скрипящую дверь и вошел в темный вестибюль. Пробравшись через осколки разбитых окон, Фоллер и Орхидея остановились у лестницы.

— Нет никакого смысла подниматься вместе со мной, — сказал он, махнув в сторону двери. — Иди на улицу и жди шоу. Увидимся через пару часов.

Орхидея выглядела ужасно подавленной. Сердце Фоллера сжалось.

— Могу ли я подобрать слова, которые изменят твое решение?

Даже если бы он этого хотел, теперь не было возможности вернуть все назад. Если он отступит, вероятнее всего, Стальные затащат его наверх и сбросят.

Но даже если бы не они, он все равно бы прыгнул. Его группа нуждалась в еде. Маргаритке нужно хорошо питаться.

— Нет, — ответил он.

Глаза Орхидеи наполнились слезами.

— Если ты действительно собираешься это сделать, я хочу быть там с тобой, — сказала она, протягивая руку. — Я понесу твое снаряжение. Для прыжка тебе понадобится вся твоя сила.

— Нет, нет, все в порядке, — возразил Фоллер. —

Я справлюсь.

Орхидея потянула за его ранец.

— Давай мне. Здесь сто этажей. Ты так выдохнешься, что не сможешь прыгнуть.

Фоллер отпустил ранец. Вероятно, она права, да и в любом случае спорить с Орхидеей бесполезно.

Они взошли на первый пролет. Сердце Фоллера колотилось, пальцы дрожали от ожидания. Глубоко вдыхая, Орхидея считала шаги.

8

На пятидесятом этаже он полностью выбился из сил и готов был сдаться. Дойдя до половины, они остановились отдохнуть. Виски и сердце Фоллера пульсировали, икры дрожали.

Вытащив из рюкзака флягу, Орхидея немного отпила и предложила Фоллеру. Он взял ее и сделал большой глоток.

— Пообещай мне, что позаботишься о Маргаритке, если со мной что-нибудь случится.

— М-мм, — протянула Орхидея, не глядя на него.

Он положил ей руку на плечо.

— Мне нужно знать, что ты позаботишься о Маргаритке.

Орхидея встала, рюкзак Фоллера все еще был на ее плечах.

— Ты знаешь, что я сделаю все, что в моих силах. Но она рассчитывает на тебя.

— Я знаю, — он отхлебнул еще глоток. Горло оставалось сухим, независимо от того, как много он пил. — Вот почему я должен это сделать.

* * *

К восьмидесятому этажу его конечности словно онемели, он шатался, как пьяный. Фоллер остановился, чтобы подождать Орхидею, которая шла на половину пролета ниже, считая шаги вслух.

— Ты должна вернуться вниз. Я боюсь, что ты упадешь и поранишься, а поблизости нет никого, кто мог бы помочь тебе.

Орхидея издала сухой смешок.

— Ты боишься, что *я* поранюсь?

— Да. — Он обнял Орхидею одной рукой. — Я буду ждать тебя на улице. Если все пойдет хорошо, я доберусь туда раньше тебя.

Она покачала головой.

— Я не хочу быть на лестнице, когда ты будешь прыгать. — она указала на следующий пролет, прошептав самой себе: — Пошли.

Вздохнув, Фоллер продолжил подниматься.

* * *

Добравшись до вершины, он, тяжело дыша, рухнул навзничь. Его тошнило. Ноги дрожали, в глазах мелькали серые пятна. Орхидея упала возле него.

Когда тошнота отступила, Фоллер поднялся на ноги, сплюнул несколько раз на бетон, чтобы очистить рот, и пошел к краю крыши. Большую часть вершины окружала стена из прозрачного пластика, но две секции были выломаны, и на их месте осталась голая ограда высотой по пояс.

Он передумал прыгать, как только посмотрел вниз.

Улица была далеко-далеко внизу. Всего лишь в трех кварталах находился край света.

Вид на бесконечное голубое небо с этой точки был потрясающий.

Фоллер прошел по всему периметру крыши, восхищаясь пейзажем. Орхидея, положившая руки себе на бедра, двигалась в нескольких шагах от него. Мир с этой высоты казался еще меньше и напоминал по форме сигару. Он созерцал всю высоту обрыва, мог видеть практически все здания, казавшиеся отсюда крошечными и приплюснутыми. Даже выжженное поле щебня в

дальнем конце мира выглядело по-своему красивым. Не часто оказываешься так высоко, чтобы по-настоящему оценить, насколько маленький этот зависший в бескрайнем голубом небе мир. И чувствуешь себя микроскопическим, незначительным пятнышком на карте.

Закончив наслаждаться видом, Фоллер снова посмотрел вниз.

О чем он думал? Он не сможет отсюда прыгнуть.

Нужно было постепенно двигаться к намеченной цели: прыгнуть с крыши шестиэтажного здания, затем десяти, затем пятидесяти. Но Фоллер не видел и сейчас в этом смысла. Если он прыгнул бы с высоты большей, чем восемь этажей, и если бы парашют не раскрылся, его бы не спасли все матрасы в мире.

Теоретически прыжок с такой высоты был ненамного сложнее, чем с пятиэтажного здания. Но теперь Фоллер понял, что технический аспект является лишь частью прыжка: не следует забывать о психологическом.

— Теперь можем идти домой? — спросила Орхидея.

Фоллер вытащил из рюкзака игрушечного парашютиста и поставил на уступ.

— Ты маленький ублюдок. Во что ты меня втянул? — Теперь он винил во всем найденного «прыгуна».

Тесемка, тянущаяся от локтя до пояса парашютиста, надулась от резкого порыва ветра, а потом опала. Если он не прыгнет, ему придется посмотреть Маргаритке в глаза и сказать, что она умрет от голода, потому что он струсил.

Фоллер повернулся и взглянул на Орхидею.

— Я должен это сделать.

— Понимаю. Я люблю тебя. Всегда любила. — Ее слова заглушал ветер.

— Ты ведешь себя так, как будто меня уже нет. Будто Фоллер — желе на тротуаре. Почти без веры.

Он взмахнул руками, пытаясь разрядить обстановку, или, может быть, для того, чтобы придать себе мужества.

Орхидея не засмеялась. Она подошла ближе и горячо его обняла.

— До скорой встречи, — сказал он.

Он видел внизу людей — пятнышки, заполонившие улицу и тротуары в ожидании.

Он сел на низкий выступ крыши и перебросил ноги за стену. Ему потребовалась вся сила воли, чтобы не броситься обратно на безопасную часть

верхушки башни.

Ветер был сильным, с резкими порывами. Вдруг такой порыв отбросит его в стену здания, прежде чем он потянет за лямки парашюта? Ему придется раскрывать его очень быстро, а затем использовать подтяжки на комбинезоне, чтобы отклониться от ограды.

Возникший образ его немного успокоил. Он сможет планировать по ветру с помощью защитного купола парашюта над головой. Глубоко вздохнув, Фоллер взглянул на проплывающие облака, неимоверно огромные и яркие. Стараясь смотреть по сторонам, а не вниз, он засунул парашютиста в карман, поджал ноги и теперь сидел на корточках.

Сделав несколько глубоких вдохов и вытянув руки для равновесия, он встал.

Ветер отталкивал его назад; он подался чуть вперед, чтобы выровняться.

Фоллер застыл, но вдруг покачнулся и едва не упал. Сердце неистово трепетало. Он ухмыльнулся от своего страха. Весь смысл был в падении.

— Прыгай, — сказал он вслух. — Давай, черт возьми. Просто прыгни.

Поежившись, Фоллер сделал усилие и взглянул вниз на улицу.

Это было безумие. Слишком высоко. Его здравомыслие и рассудок никогда бы не позволили ему прыгать с такой высоты.

Он спустился с выступа. Орхидея, сидевшая на корточках в десятке метров позади него, встала и подняла брови.

В любом случае, как ни посмотри, он покойник. Если он не выживет после этого прыжка и если его не убьет Грызун, то это сделает голод.

— К черту, — сказал Фоллер, взбираясь обратно. Если он в любом случае умрет, почему бы не сделать это красиво?

Не давая себе время на размышление, он прыгнул.

Все внутри него сжалось. Руки стиснулись в кулаки, челюсти скрежетали. Фоллер падал и с ужасом смотрел на панораму улицы далеко внизу. Его несколько раз перевернуло, но теперь он летел головой вниз, в глазах мелькали размытые блики окон башни. Он падал очень быстро, быстрее, чем он себе представлял. Комбинезон трепетал на ветру и хлестал по шее.

Выровнявшись, он вспомнил о парашюте и одним быстрым отработанным движением дернул застежку-липучку рюкзака. Из него вылетел купол ткани, за которым сразу развернулись шесть

строп. Зажмурившись, он с такой силой вцепился в подвесную систему, что мог сломать себе шею.

Фоллер почувствовал рывок, на секунду его замедливший, но он продолжал падать. Над головой яростно трепетал парашют. Он открыл один глаз, посмотрел вверх и закричал.

В правильном положении было всего четыре стропы. Остальные две бесполезно переплелись между собой. Поврежденный парашют абсолютно не замедлял его падение.

Он лихорадочно начал тянуть к себе все детали, пытаясь снова соединить их, прежде чем он ударится о землю, хотя крошечная оставшаяся искра разума подсказывала ему, что это безнадежно. Все кончено, он умрет. Врежется в асфальт, и в глазах потемнеет. Они проведут похороны и сбросят его с обрыва, а его тело будет падать вечно.

Уцепившись окоченевшими пальцами в стропы, он вдруг ощутил, как сквозь страх пробивается огонек надежды. Он не упадет с обрыва. Он видел птиц, скользящих по ветру с распростертыми крыльями. Получится ли у него сделать так же? Отпустив стропы, он прикинул расстояние до обрыва и раскинул руки и ноги в форме буквы X.

Это сработало. Фоллер отдалился от башни. Но в чем смысл? Если он это сделает, все равно

умрет. Может быть, лучше всего быстрее покончить с этим.

Все так же растопыривая руки и ноги, он переместил тело так, чтобы оно горизонтально скользило по ветру. Сила стихии чуть не перевернула Фоллера: его швыряло влево и вправо, он изо всех сил пытался оставаться в ровном положении. Ткань комбинезона яростно трепетала, а город внизу приближался с каждой секундой. Оглушительный ураганный ветер бросал его во все стороны.

Это было безумие. Умирать было бы легче, чем мчаться в пустоту. Он потеряет рассудок задолго до того, как умрет от жажды. Но он не мог заставить себя сдаться, просто свернуться в клубок и рухнуть на асфальт.

Плечи Фоллера горели от напряжения, когда он тянулся к краю света, широко расставив руки и сжимая пальцы, как будто мог нащупать ими путь туда.

На улицах внизу из толпы вырвалось несколько крошечных фигур, которые направились к обрыву, следуя его траектории. Слишком поздно он понял — между ним и обрывом другой небоскреб. Фоллер изогнулся, как змея, пытаясь увернуться от его стеклянной стены и поменять

траекторию. Ему удалось: он проскользнул мимо угла небоскреба, находившегося в десятке метров от него, но его сразу же отбросило к полосе черных крыш многоквартирных домов, нависающих над обрывом.

На короткий миг он увидел людей, бегущих на открытое пространство. Они задирали головы вверх и смотрели, как он падает.

Он напрягся, пытаясь хоть на пару сантиметров передвинуть ремни в вертикальное положение, и в этот миг крыша приблизилась. Он мог видеть детали — установленные спутниковые тарелки, деревянная водонапорная башня. В последний момент он прижал руки к лицу и вскрикнул в ужасе. Все тело вздрогнуло, он был в паре метров от этой паршивой крыши.

Ногу, врезавшуюся в край крыши, пронзила яркая вспышка боли. Его закрутило, перед глазами пронесся красный кирпич, голубое небо, черная скала, руки болтались, словно чужие… и вдруг все кончилось.

Однако он продолжал падать.

Перед глазами скользил мир, сердце вылетало из груди, а рот широко открывался в беззвучном, срывающемся крике…

I

Питер вздохнул и провел рукой по волосам, изучая срезы тканей живого организма и закономерности их эволюции. Его волосы были чертовски грязными и жирными — он не принимал душ уже три дня. Однако полученные данные были чистыми и красивыми. Пораженное туберкулезом человеческое легкое проходило через дубликатор без изменений. Сам дубликат легкого был генетически идентичен оригиналу, вплоть до эпигенетической мутации, отсутствовала в нем лишь сама болезнь.

— Прекрасно, — сказал он.

— Так и есть, верно? — усмехнулся Гарри Вонг.

Где-то неподалеку играло настроенное на старую волну радио, звучала песня «С распростертыми объятиями» группы Journey. Кажется, это был малоподходящий вариант фоновой музыки для такого масштабного научного прорыва.

Пока его коллеги метались по лаборатории в разные стороны, Питер изучил всю копию отчета. На последней странице были подведены общие результаты эксперимента.

— Все хорошо, док. Вплоть до мелкого шрифта, — сказал Гарри.

Питер поднял глаза.

— Ты только что назвал меня доком?

Гарри саркастически усмехнулся.

— Ну да.

— Нет. Даже не думай об этом, — произнес Питер, тыча в него шариковой ручкой. — В магистратуре ты, как и почти все, называл меня Сэнди.

Опустив ручку, он закрыл отчет.

— Еще несколько недель, и мы сможем предоставить работоспособные органы для пересадки. Ты веришь в это?

— Это чертовски невероятно, — сказал Гарри.

Питер протянул Гарри руку ладонью кверху. Гарри бросил на него непонимающий взгляд.

— Потанцуешь со мной? — Питер взял Гарри за руки и закружил в танце между столами.

— Ты опять выпил много энергетика? — спросил Гарри, несколько неохотно двигая бедрами в такт музыке.

— Да. Наверное. — Питер действительно чувствовал себя полным сил и энергии.

— Не смей меня кружить, — сказал Гарри, когда люди стали замечать и в лаборатории поднялся смех.

Главный вопрос оставался без ответа: когда же

команда Уго будет готова к процедуре полной пересадки органа? Если они не смогут научиться извлекать зараженные органы, а затем быстро и экономично пересаживать чистые дубликаты, этот научный прорыв принесет пользу лишь немногим инфицированным.

— Ты видел сегодня обновленные показатели уровня заболеваемости? — спросил Питер.

Гарри перестал танцевать.

— Ты не захочешь их видеть. На Украине и в Румынии из-под контроля выходит прион[1] Петерсона-Янтца. Туберкулез распространяется уже в Непале и Бангладеш.

— Твою мать. — Питер с ужасом представил картину, его хорошее настроение улетучилось мгновенно. — Лживые аравийские задницы.

А Саудовская Аравия даже не была одной из воюющих сторон. Они непрерывно лгали о масштабах своих запасов нефти и, наконец, оставили Индию ни с чем. Если бы не они, то Индия не вложила бы триллионы рупий в Мозамбик для того, чтобы успешно украсть долю России в добыче природного газа в этой стране.

---

[1] Примечания: 1

Особый класс инфекционных агентов, представленных белками с аномальной третичной структурой и не содержащих нуклеиновых кислот. *(Прим. пер.)*

Каждый боялся, что Россия применит военную мощь и агрессию. Но вместо этого *другой сюрприз* — они выпустили вирус смертельной болезни в Индии. Безумие достигло новых пределов.

— Гарри? Можно тебя на минутку? — позвала его коллега Джилл Сандерс, сидевшая от него через три стола.

Гарри похлопал Питера по спине.

— Хорошая работа, док. Хочешь сегодня отпраздновать?

— Звучит неплохо. Я посмотрю, свободна ли Мелисса. А если ты снова назовешь меня доком, я сокращу твою зарплату вдвое.

Питер уже уходил, Гарри продолжил чуть громче:

— Мы уже не собираемся мужской компанией. Ты всегда приходишь со своей женой.

— О чем ты говоришь? Она нравится тебе больше, чем я.

— Ты правильно меня понял! — крикнул Гарри.

Пробираясь между столами с оборудованием, Питер вернулся к своему рабочему месту, отделенному от соседних тремя полупрозрачными настольными перегородками. Четвертым ограждением служило окно, через которое открывался

вид на лужайку шириной метров шестьдесят, разделявшую их лабораторию и полуразрушенное здание фабрики. Мерцающий свет придавал старому и ветхому зданию зловещий вид. У организации была идея оборудовать все старые фабричные здания под лаборатории в рамках проекта по взаимному обогащению, но завершенными на сегодня были только четыре строения.

Присев на корточки, Питер открыл свой мини-холодильник и достал еще одну бутылку энергетика. Все полки были заставлены им. Он хотел было захлопнуть дверь, но вдруг заметил нечто странное.

В конце дальнего правого ряда между круглыми алюминиевыми банками энергетика втиснулись три квадратные пластиковые бутылки. Питер вытащил одну и осмотрел. Это была жидкость цвета морских водорослей, которая называлась «Зеленая доброта» — «питьевая армия фруктов и овощей, наполненная антиоксидантами, а также витаминами А и С».

Усмехнувшись, Питер поставил бутылку обратно в холодильник. Мелисса снова в своем репертуаре. Она сама пила только диетический спрайт и всегда беспокоилась о питании Питера.

Среди привычного шума лаборатории, между

ржавыми стальными балками, оставшимися с артиллерийского завода времен Второй мировой войны (где сейчас находилась их обитель науки), Питер уловил какое-то бульканье. Опять голуби на стропилах. Его они не беспокоили, но Уго впадал в бешенство. Этот парень ненавидел животных и птиц. И всегда отрицал это, особенно когда была рядом его жена Изабелла — любительница всех животных. Можно даже пронаблюдать, как Уго становился все раздражительнее и раздражительнее, если рядом животное. За исключением тех случаев, когда ему подавали его на блюде с рисом.

— Доктор Сэндовал?

Подойдя к двери, Питер улыбнулся лаборанту, стоявшему возле дубликатора перед открытым экраном, на котором мелькали данные.

— Привет, Артур. Что нового?

— Это не сработало, — сказал Артур.

Питер взглянул на две идентичные человеческие печени, выложенные на медицинской тележке рядом с подводящими трубками. Он занимался цифрами, был физиком-теоретиком, а исследование печени являлось задачей Уго.

— Не обманули, а? — спросил Питер, просматривая данные.

Неважно, как ловко они пытались замаскировать инородные тела под биологический орган или создать в нем клетки под видом инородных тел — обмануть дубликатор им не удалось. Результаты стали поводом к размышлению о природе дубликатора и о том, что происходило, когда что-то попадало в миниатюрную кротовую нору[2]. Но с точки зрения создания не отторгающегося здорового трансплантата для людей, страдающих от рака печени, эксперимент оказался неудачным.

Большие двойные двери, ведущие в лабораторию, распахнулись, впуская Уго в его неизменной панамской шляпе и черном пиджаке.

Питер махнул рукой, чтобы привлечь его внимание.

— Что это за эксперимент? — спросил Уго, тяжело дыша. Он наклонился к тележке с органами.

— Часть маскировки. Это не сработало, — сказал Питер, отводя Уго в сторону стола Гарри.

— Но есть более важное. — Питер сделал драматическую паузу. — Мы получили дубликат легкого, полностью вылеченного от туберкулеза.

---

[2] Примечания: 2

Гипотетическая топологическая особенность пространства-времени, представляющая собой в каждый момент времени «туннель» в пространстве. *(Прим. пер.)*

Уго издал смешок, больше похожий на лай.

— Он чистый?

— Полностью.

Исследовав легкое, Уго посмотрел на поперечный срез под микроскопом и, удовлетворившись увиденным, поднял голову и выдохнул:

— Мы сделали это.

Питер поднял руку, чтобы «дать пять». Уго с нетерпением посмотрел на него и протянул свою для рукопожатия.

Немного остыв, Питер пожал ее.

— Мы с Гарри говорили о праздничном ужине сегодня вечером. Ты и Изабелла свободны?

Уго склонил голову.

— Вроде да. Нужно спросить у Изабеллы. — Он похлопал Питера по плечу. — Прогуляемся?

Не дожидаясь ответа, Уго направился к своему кабинету, чтобы взять фонари. Питер последовал за ним, но уже менее жизнерадостно. Пешие прогулки, несомненно, были главным времяпрепровождением жителей Сербии, но Питер с тем же успехом мог проехаться на машине.

Передав ему фонарик, Уго двинулся вниз по длинному залу, а Питер изо всех сил старался поспевать за его широким шагом. На мгновение Сэндовал задумался, подшучивают ли лаборанты

над тем, что он и Уго выглядят скорее как комедийный дуэт, нежели пара ученых. Высокий, тучный Уго и коротенький, худощавый Питер.

Честно говоря, у них было не так много общего и в личной жизни. Приемный отец Уго был отставным генералом. Отец Питера водил школьный автобус и гнал метамфетамин, по крайней мере, до того как взорвал их дом во время варки. Уго собирал редкие вина, играл в гольф, любил хороший шоколад, слушал струнные квартеты и носил панамские шляпы и бордовые галстуки. Питер слушал дэт-метал, носил футболки и очень любил наблюдать за облаками.

Пройдя через стальную дверь в темноту, они включили фонарики. Казалось, будто перед ними тянутся бесконечные извилистые лабиринты старого завода, построенного большей частью под землей для отражения воздушных атак. Хождение по темным коридорам фабрики — их договоренность, которая делала осуществимой эту ежедневную прогулку для Питера. Если гулять, то лучше здесь, чем бродить по пешеходным дорожкам снаружи. Завод никогда не переставал удивлять — то новый подвал, то лестница, о которых раньше не знали. Под ними на нескольких этажах находился главный заводской цех:

железные машины, большие, как локомотивы, с огромными колесами серебряные трубы, пронзающие стены и исчезающие под потолком. Это были забытые, по-своему прекрасные старомодные вещи.

— Теперь нам нужно взять под контроль прион Петерсона-Янтца, — сказал Уго, когда они прошмыгнули по знакомому коридору, соединяющему раздевалку и само здание завода. — Думаю, что я близок к разгадке и могу понять, почему прионоподавляющие свойства вируса Вулкоффа также влияют на память.

Питер одобрительно хмыкнул. *Также влияют на память?* Вирус полностью уничтожает биографическую память субъектов и нарушает семантические восприятия или оставляет их практически недееспособными. Да, прионы Петерсона-Янтца привели все их исследование к застою. Прионы — это болезнетворные версии белков, обнаруженные в клетках нервной системы, которые напрямую воздействуют на мозг, делая дубликатор Питера бесполезным изобретением. В отличие от других органов мозг пересадить невозможно.

— Думаю, что я смогу решить проблему уже через полгода, — продолжал Уго.

Коридор выходил прямо в заводской цех: лабиринт конвейерных лент, крюков, масляных пятен, эстакад. У одной из стен выстроились груды коробок с запасными запчастями на случай аварийной поломки.

В этом месте, когда-то переполненном рабочими с мускулистыми руками и набухшими на них венами от тяжелой работы, истекающими потом в ночную смену под оглушительный ритм машин, образовалась теперь воющая пустота. Питеру нравился здешний запах выносливости. За свои достижения он мог легко получить финансирование для собственного блестящего нового объекта, но ученый полюбил это место. Ему нравилось находиться среди лучших, самых ярких умов науки. Внимание привлек приглушенный шепот.

— Что это было? — сказал Питер, направляя фонарик к стене. Из-под одеяла, расстеленного между рядами коробок, выглянули два человека. Они явно сильно нервничали.

— Извините, вы не имеете права здесь… — начал было Питер, подумав, что это бездомные, невесть как попавшие внутрь, но вовремя остановился, поняв, что это Джек Рага, их уборщик, и Виктория Ривера, одна из охранников объекта.

— Боже. Извините. — Питер спрятал лицо в ладони, пытаясь заглушить смех.

Уго подскочил прямо к ним.

— Одевайтесь! — рявкнул он. — Вы уволены, оба.

— Нет, они *не уволены*. — Питер пытался не лопнуть от смеха.

Эти двое, каждому почти по шестьдесят лет, прячутся по углам, чтобы по-быстренькому уединиться. Джек уже десять лет как в разводе, Викки — вдова, так что никому от этого вреда не будет.

— Перестань, Уго, у меня на лице уже побывали все оттенки красного, и я знаю, что не у меня одного.

— Нет, это совершенно неприемлемо, — сказал Уго. — Они уволены.

— Не будь мудаком. Это хорошие люди. Они упорно трудятся для нас.

Уго с яростью повернулся к нему.

— Мудаком? Ты только что назвал меня мудаком?

— Нет. Я не называл тебя мудаком, я попросил тебя не быть им. Это большая разница. — Питер все еще сдерживал смех. Определенно слишком много энергетиков за сегодня и слишком мало сна.

Уго приблизился настолько близко, что Питер почувствовал запах колбасы, которую он ел на завтрак.

— Я старший научный сотрудник Массачусетского технологического института, самый молодой лауреат премии в области биотехнологии. Больше никогда не смей так со мной разговаривать.

Питер поднял руки в знак примирения.

— Прости. Я ведь пошутил. Просто пытался облегчить неловкое положение. — Он повернулся к своим сотрудникам-любовникам. — А теперь мы ненадолго оставим вас наедине.

— Нам очень жаль, доктор Сэндовал, — раздался из-под одеяла голос Викки, похожий на голос девочки-подростка, застигнутой отцом на заднем сиденье машины со своим парнем.

Питеру вновь пришлось напоминать.

— Викки, вы снова забыли мое имя? — взяв себя в руки, спросил Питер. — Мне снова придется представиться.

— Простите, Питер. Больше такого не повторится.

— Нет, нет, я думаю, это должно происходить так часто, как вам, ребята, захочется, но только не в рабочее время. Хорошо?

— Вы нас понимаете, — сказал Джек. — Спасибо, сэр.

Они удалились, и наступила тишина, нарушаемая лишь шарканьем их ботинок о грязный бетон.

Питер вовсе не собирался извиняться за мудака. Учась еще в средней школе и колледже, он и Мелисса сменили миллион дрянных работ. Питер прекрасно помнил то чувство, когда к тебе относятся как к дерьму из-за того, что на тебе белый фартук или чужой бейджик с именем Венди и фотографией рыжеволосой девушки на нем. Он никогда этого не забудет.

Питер снова задумался, как он вообще мог подружиться с Уго. Единственное, что у них было общее, — это плохое детство. Кошмары Уго закончились, когда его забрали на усыновление из детского дома в Боснии, производившего впечатление концлагеря. После окончания войны его усыновила сербская пара, обеспечив ему хорошую жизнь. И нужно было просто с ней смириться. Плохое детство Питера было не таким ужасным, как у Уго, но скверный период длился дольше.

Именно Уго, а не он, предложил дружбу в Стэнфорде, подойдя к нему на семинаре, пред-

ставившись и предложив пойти выпить. Питер подозревал, что Уго влекло к нему из-за его популярности. Тогда Уго встретил Изабеллу, которая постоянно ходила в гости к Мелиссе. Уго стал его семьей, и у Питера не осталось выбора, дружить с ним или нет.

9

Весь мир висел над ним, затмевая небо. Пока Фоллер падал, земля то появлялась, то исчезала перед глазами. Открывался прекрасный вид: именно такой наблюдали те бедняги, которые спрыгивали с обрыва от горя и голода в первые дни, и те тысячи несчастных, которых сбрасывали с края света. А теперь он открывался и для Фоллера.

Он инстинктивно размахивал руками, пытался найти, схватиться за что-то, что остановило бы его падение. Крики заглушали порывы ветра, который словно стегал его кнутом по лицу. Крошечная мысль, что он ударится о твердую землю, все еще проскальзывала в голове, но глаза убеждали его в обратном.

* * *

В конце концов сквозь ужас и панику начали пробиваться ясные мысли.

Маргаритка, должно быть, безутешно рыдала. Стояла ли она еще на обрыве и смотрела, как он падает и исчезает, как пятнышко? Он ненавидел себя за это. С Первого Дня у девочки было достаточно страданий.

Фоллер в отчаянии закричал и ударил себя ладонями по щекам. Что же случилось с парашютом? Он ведь проверял стропы, прежде чем его сложить и покинуть здание музея.

Теперь у него была вечность, чтобы разобраться в этом. Схватившись за одну из строп парашюта, он смотал ее и осмотрел стальные крючки, к которым должны были крепиться зажимы для концов свободных строп. Затем он смотал свободные и внимательно их изучил.

Они были вырваны из зажимов. Он падал слишком быстро, такую скорость узлы выдержать не смогли. Как он мог быть таким глупым? Прежде чем прыгать, он должен был проверить парашют более тщательно. Он мог привязать к нему что-то тяжелое и сбросить с башни на длинной веревке. Теперь он страстно желал исправить то, что

натворил.

Фоллер разжал губы, чтобы выругаться, но тут же закрыл рот. Ветер был безжалостен. Как только он открыл рот, щеки затрепетали, как крылья бабочки, принося не очень приятные ощущения.

Вытянув шею, Фоллер посмотрел вверх. Мир был размером с муравья.

Он видел, как мир сжимается, и не желал отводить взгляд, потому что смотреть больше было не на что. Небо, которое он так любил, теперь его пугало.

И даже в его имени звучала ирония: оно тоже отсылало к смерти. Это как назвать себя Умирающий от голода или Истекающий кровью.

Расстегнув замок рюкзака, он нащупал там свои скудные пожитки. Они уже не спасут его, но это единственная связь с живым миром. Ему хотелось ощущать что-нибудь твердое, весомое, что угодно, только не пустоту.

После подъема на башню во фляге оставалось еще немного воды. Даже если бы она была наполнена до краев, это его все равно не спасло бы. Из вещей у него были два куска сушеного собачьего мяса, игрушечный парашютист, по чьей вине он оказался здесь, карта и фотография в заднем кармане.

Убедившись, что держится крепко, он достал из кармана снимок и, чтобы не выронить, взял его двумя руками за уголки. Еще раз посмотрел на женщину с фотокарточки. Ее голова лежала на его плече. Она была невероятно прозрачной, бледная кожа будто светилась. Черные волосы до плеч, осыпанные веснушками острые скулы. Твердая, чуть квадратная челюсть, которая выглядела бы слишком мужественной, если бы не оттенялась выразительными зелеными глазами. Глядя на ее лицо, ее светлую улыбку, он не мог разобраться в водовороте эмоций, которые испытывал.

Сколько дней он провел до этого, блуждая по улицам в поисках этой женщины? Достаточно, чтобы узнать, что их мир теперь был девятнадцать тысяч шагов в длину и десять тысяч в ширину.

Земля была пятнышком, веснушкой в небе. Фоллер летел сквозь облако и некоторое время ничего не видел. Вскоре оно рассеялось, и ему открылся вид на его мир. Фоллер не мог отвести глаз, даже когда облака вновь все закрывали.

Его мир был похож на маленькую точку, которую невозможно было разглядеть даже сбоку. И вдруг мир исчез. Как он ни вглядывался, как

ни напрягал свое зрение, он не мог его больше рассмотреть. Голубое ничто и облака, плывущие повсюду, а в центре всего этого — Фоллер. Он посмотрел на фотографию и решил прогнать прочь гнетущие мысли, разрывающее душу отчаяние.

II

— Я думал, мы едем в отель Le Yaca, — раздался голос Уго с заднего сиденья фургона.

— Планы поменялись, — сказала Мелисса.

— Поменялись? — театрально вздохнул Уго. — Мне нравится Le Yaca. Я уже предвкушал говяжью вырезку.

— У нас будет ужин без убийства, милый, — сказала Изабелла, поглаживая Уго по плечу. — Этим вечером ни одному животному не будет причинен вред. Тебе это понравится.

— Замечательно, — подперев кулаком подбородок, простонал Уго.

Питер протянул руку и легонько сжал колено Мелиссы.

— Ты что-то задумала.

Она вытянула уголок рта и цокнула — классический жест Мелиссы.

— Может быть.

— Подождите-ка, есть какие-то секретные пла-

ны, а я не в курсе? — спросила сидевшая сзади Кэтлин.

— Все было решено в последнюю минуту, — сказала Изабелла.

— Мне все равно. Отныне, если сюрприз готовится не для меня одной, я хочу быть в курсе.

Питер оглянулся на Кэтлин. Ее слова звучали вполне серьезно, как будто ей и правда было обидно, что ее не посвятили в планы Мелиссы и Изабеллы. Вытянув руку, она дважды постучала по крыше фургона, как будто проводила некий понятный лишь ей ритуал, который совершают при ОКР[3].

— Так куда мы едем?

— Кэтлин, это *сюрприз*, — сказала Изабелла. Она выглядела усталой.

— Когда вы вернулись из Мумбаи? — спросил Питер.

— Вчера. Я никогда не смогу привыкнуть к спонтанным командировкам на этой работе.

— Сомневаюсь, что кто-нибудь сможет, — сказал Гарри с заднего сиденья. — Я не думаю, что

---

[3] Примечания: 3

Обсессивно-компульсивное расстройство личности. Характеризуется чрезмерной склонностью к сомнениям, поглощенностью деталями, излишним перфекционизмом, упрямством, а также периодически возникающими навязчивостями. *(Прим. пер.)*

это возможно физически. Если, конечно, Уго не разработает вирус, который изменит наши внутренние часы.

— В данный момент это не входит в мои приоритеты, — произнес Уго.

Мелисса свернула на Колониальный бульвар, направляясь к Джеймстауну.

* * *

Мелисса и Изабелла шли по пристани впереди всех остальных. В лунном свете были ясно видны поразительные отличия двух сестер: худая, с повернутыми чуть внутрь коленями, бледная и веснушчатая, как ее отец-шотландец, Мелисса и маленькая, страдающая плоскостопием и загорелая, как и ее мать из Средиземноморья, Изабелла.

Сейчас, глядя на них, было тяжело различить что-то общее, что осталось от тех девочек, которые когда-то жили в трейлере в полукилометре от Питера в Гаскилле, штат Нью-Йорк. Питер и Мелисса ходили на один и тот же курс по химии. И оба были как белые вороны в классе. В год выпуска оба пытались избавиться от местных диалектов в своей речи. Они перестали говорить

«ейнт»[4] и старались произносить «милк»[5] вместо «мелк»[6]. «Ай ейнт гоин ноувеа»[7] превратилось в «Айм нот гоин энивеа»[8]. Поначалу они смеялись, так как это звучало странно и искусственно, словно речь ведущего новостей на канале CNN[9]. Спустя некоторое время они привыкли, и странной стала та манера произношения, которую они использовали раньше. Мелисса и Питер даже начали подшучивать друг над другом, когда кто-то произносил прежнюю фразу или слово. Они поженились и переехали в Нью-Йорк в тот день, когда окончили среднюю школу. С детства Мелисса хотела стать актрисой и была шокирована, когда странные скульптуры, которые она создавала на заднем дворе еще в средней школе, оказались настоящим искус-

---

[4] Примечания: 4
ain't *(англ. разг.)* — отрицательная форма глагола to be.

[5] Примечания: 5
milk *(англ.)* — молоко.

[6] Примечания: 6
melk *(англ. разг.)* — молоко.

[7] Примечания: 7
I ain't goin' nowhere *(англ. разг.)* — Я никуда не пойду.

[8] Примечания: 8
I'm not going anywhere *(англ.)* — Я никуда не пойду.

[9] Примечания: 9
CNN — телеканал, созданный Тедом Тернером 1 июня 1980 года. Явля-

ется подразделением компании Turner Broadcasting System, которой владеет Time Warner. Компания CNN первой в мире предложила концепцию 24-часового вещания новостей. *(Прим. ред.)*

ством.

Слева от них плавно покачивались на волнах три корабля. Постоянно прогуливаясь в этих местах, Питер знал об этих судах: это точные копии «Сьюзан Констант», «Годспит» и «Дискавери». Настоящие корабли, переполненные будущими поселенцами Джеймстауна, пересекали Атлантический океан в начале XVII века. На каждом вдоль палубы была закреплена паутина снастей. Вдруг третий в ряду — «Дискавери» — развернул белые паруса. Мелисса и Изабелла остановились у его трапа.

На палубе появился рыжебородый мужчина, одетый в военную форму XVII века и длинный ярко-красный плащ.

— Добро пожаловать на борт! — воскликнул он, шагая вниз, чтобы отсоединить цепь, тянущуюся вдоль трапа.

Когда они один за другим поднялись на борт, из каюты появилось шесть членов экипажа, одетых в рубашки, развевающиеся на ветру. Они заняли свои места на палубе, а Питера и его спутников повели вниз по лестнице в трюм. Когда-то это пространство размером с гостиную на время четырехмесячного плавания делили пятьдесят или шестьдесят человек. Теперь здесь стоял один стол

с антикварной фарфоровой посудой. Красные деревянные стены и светлый, обшитый досками пол мягко мерцали при свете свечей.

Официантки в смокингах держали в руках бутылки вина и шотландского виски. Перед тем как сесть за стол, Питер поздоровался с каждой из них.

— Разве это не лучше, чем Le Yaca? — спросила Изабелла у Уго.

Уго помахал рукой, но ухмылка его выдала.

— Хорошо, может быть, и так.

— Это невероятно. Спасибо тебе, — сказал Питер, поглаживая колено Мелиссы.

На палубе раздавались громкие приказы к отбытию судна по реке Джеймс.

— Виски? — спросила одна из официанток, показывая Питеру бутылку.

— Не откажусь, — ответил он, протягивая свой бокал. — Спасибо, Джейми.

Питер смотрел на сидящих за столом, радуясь, что находится в кругу друзей, которые уже о чем-то оживленно беседовали.

Несмотря на замечательную старинную обстановку, это напомнило Питеру о Стэнфорде и магистратуре. Сколько ночей они вот так вшестером провели вместе, выпивая, закусывая и

болтая ни о чем? Теперь это была редкость: Изабелла очень часто уезжала из страны, а Мелисса сверхурочно занималась своими скульптурами.

Кто бы мог подумать, что они будут здесь всего четыре года спустя? Дипломат Изабелла, Кэтлин, пиар-менеджер президента страны, молодой преуспевающий биотехник Уго и Питер, переворачивающий теоретическую физику вверх ногами.

Он наблюдал, как Гарри смешно вскидывает голову и смеется над словами Мелиссы. Только Гарри не реализовал свой профессиональный потенциал. Однако он, кажется, счастлив. Что сделала сестра Курта Воннегута[10], когда Курт сказал ей, что она была лучшим писателем, чем он? Ничего не сделала. Нет такого вселенского правила, в котором прописано, что вы обязаны реализовать свой потенциал. Хотя случай с Гарри иной: он не закончил обучение из-за нервного срыва, а не из-за своего осознанного решения уйти из колледжа.

Гарри увидел, что Питер на него смотрит.

---

[10] Примечания: 10

Американский писатель-сатирик. Считается одним из наиболее значительных американских писателей XX века. Автор таких произведений, как «Сирены Титана» (1959), «Мать Тьма» (1961), «Колыбель для кошки» (1963), сочетающих в себе элементы сатиры, черного юмора и научной фантастики. *(Прим. пер.)*

— Это неподходящее место. Я не могу греться в лучах собственной славы, когда поблизости нет никого, кто будет впечатлен мной и вами.

— Что это было? — повернувшись к нему, спросила Мелисса.

— Гарри сказал, что здесь он не может греться в лучах собственной славы, потому что здесь нет никого, кто бы нас узнал.

— Греться в лучах собственной славы? — рассмеялась Мелисса. — Что это, черт возьми, значит?

— Повышать собственную самооценку за счет знакомства с известным и популярным человеком, — пояснил Питер. — Например, если ты двадцать лет назад ходила в школу с Бейонсе — это первое, что ты должна рассказывать людям при встрече.

— Семьдесят процентов моей высокой самооценки — это работа с Питером, — сказал Гарри.

Он протянул руку Мелиссе и продолжил:

— Привет, меня зовут Гарри Вонг. Я старший ассистент в лаборатории Питера Сэндовала. Слышали об этом всемирно известном физике? Мы друзья. — Гарри отпустил ее руку. — Вот так я представляюсь.

— Готова поспорить, что это не особенно

помогает тебе в личной жизни, — сказала Мелисса. — Особенно слова «ассистент» и «физика».

— Это вообще мало в чем помогает, но это все, что у меня есть.

Джейми, их официантка, принесла Питеру салат. Он поблагодарил ее и взял вилку.

Мелисса взяла обычную вилку вместо салатной и принялась за еду. Улыбаясь, Питер последовал ее примеру. Когда это он стал таким культурным? Там, где они выросли, было за счастье, если вилка оказывалась чистой, а зубцы были ровными, а не расплавленными от варки метамфетамина.

В памяти неожиданно всплыли образы: мигающие огни, на носилках его отец, кричащий из-за боли от химических ожогов на лице и руках и выглядевший так, будто сейчас расплавится. На заднем плане их горящий дом…

В этот момент Питер услышал на другом конце стола разглагольствования Уго, держащего в руке бокал с выпивкой.

— Фрейд сказал, что именно секс сильнее всего управляет людьми, но он был не прав. Это делает власть.

Питер закатил глаза. *Началось — мир по версии Уго.*

Скрестив руки на груди, Изабелла зацокала.

— Ох, Уго, ты ведь в это не веришь, — сказала она, посмотрев на Кэтлин. — Он любит говорить невероятные вещи, просто чтобы немного шокировать людей.

— Да, это так, — улыбаясь, произнес Уго. — Но в этом случае и невероятная вещь может оказаться правдой.

Он глотнул виски:

— Многие люди даже самим себе не хотят признаваться, что жаждут власти, потому что им стыдно. Поэтому они маскируют эту жажду под чувство уважения и восхищения, стремление к успеху, иногда даже к любви. Но если окунуться в психологию, получится одно и то же: стремление к власти.

— Любовь — это не стремление к власти, — сказала Изабелла.

Потянувшись, Уго взял ее за руку.

— *Не всякая* любовь. Иногда любовь — это просто любовь, такая же, про которую говорил Фрейд. Как сигара — это иногда просто сигара.

Питер наклонился вперед, начав было что-то говорить, но Уго продолжил, не давая ему возможность прервать свой великий монолог:

— Однако в одном Фрейд был прав: он сказал, что люди с рождения порочны. Страх быть от-

вергнутым или наказанным цивилизованным обществом — это то, что держит нас в узде.

Мелисса скривила лицо.

— Я в это не верю. Большинство людей не убивали бы и не крали, даже если бы знали, что им удастся остаться безнаказанными.

— Вот почему во время массового отключения электричества в квартале все грабят магазины, — сказал Уго.

— *Не все*. Большинство людей заботятся о своих семьях и заходят к соседям, чтобы убедиться, что они в безопасности.

Хмыкнув, Уго покачал головой.

— Возможно, но такое происходит только в фильмах.

— Ладно, хватит нигилизма для одной ночи, — сказала Кэтлин.

— Да, — поднимая бокал с вином, поддержала ее Изабелла. — Питер.

Она повернулась и посмотрела на мужа:

— Уго. Даже в трезвом состоянии я не могу осознать многое из того, что вы делаете, но я понимаю, что вы прыгнули выше головы и мир никогда не будет прежним.

Она повернулась к Питеру:

— В ближайшее время вы спасете миллионы

жизней, и я горжусь вами обоими.

Все подняли бокалы.

Мелисса похлопала Питера по руке.

— Ты слышал идею Кэтлин?

— Не знаю, о чем ты. Я слышал много замечательных идей от Кэтлин, — ответил он, наливая себе еще порцию виски.

— Вы никогда не думали использовать свой дубликатор для прекращения голода? — спросила Кэтлин. — Вместо того чтобы перевозить на самолетах зерно, мы поместим в дубликатор курицу.

— Эпидемии, связанные с биотерроризмом, имеют первостепенное значение, — сказал Уго. — Мы не можем бросить эту цель.

— Кроме того, не стоит думать, что дубликатор станет панацеей от голода в мире, — добавила Изабелла с другого конца стола. — Большую часть дубликаторов, если, конечно, каждый из них не будут охранять, захватят диктаторы и военачальники этих голодающих стран.

Кэтлин поочередно сгибала и разгибала большой и указательный пальцы, возможно, подсчитывая количество четных или нечетных слов, произнесенных Изабеллой. Питер отвел взгляд от ее руки, надеясь, что девушка не заметила, что он наблюдал за ней в это время.

— Из того, что сказал Питер, — продолжала Изабелла, — ясно, что производство дубликатора является чрезмерно дорогим. Если бы местные власти подписали согласие, за эти деньги можно было бы создать сельскохозяйственные программы.

Замолчав, она сделала глоток воды и покачала головой:

— В настоящий момент причины голода в основном политические. Дело не в дефиците продуктов питания.

Подняв свой бокал, Кэтлин дважды постучала им по столу и сделала большой глоток. Она выглядела обиженной из-за того, что ее идею раскритиковали подобным образом.

— А как же голод в тех странах, куда летают самолеты с продуктами? Это ведь невероятно дорого.

Изабелла пожала плечами.

— Это действенно в целях помощи голодающим, но не для полного избавления от голода.

— Прекрасно, — сказала Кэтлин, затем повернулась к Питеру, подперев рукой подбородок. — Помощь голодающим, значит.

Питер отхлебнул еще «Гленфиддика»[11], наслаждаясь дубовым привкусом.

— Я только за. Рассмотрим варианты привлечения капитала. Думаю…

Его прервал звонок телефона. Он взглянул на экран: международный номер.

— Извините, — сказал он, поднимаясь по лестнице на палубу. — Алло?

— Доктор Сэндовал? — спросил человек с акцентом, вероятно европеец.

— Да? — Питер подошел к борту палубы и посмотрел на темную воду, переливающуюся бликами огней лодок, плывущих в разные стороны.

— Это Гуннар Оквист, секретарь Шведской королевской академии наук. Прошу прощения за столь поздний звонок.

— Ничего страшного… — попытался было ответить Питер, но издал лишь какой-то бестолковый звук. Есть ли другая причина, по которой звонят из Шведской королевской академии? Но он слишком молод…

— Я звоню, чтобы сообщить вам, что Шведская королевская академия наук решила присудить

---

[11] Примечания: 11

Бренд шотландского виски, производящегося в долине реки Фидик, что неподалеку от шотландского города Дафтаун. *(Прим. пер.)*

вам Нобелевскую премию по физике за ваши достижения в квантовом клонировании. Я хотел бы поздравить вас от себя лично и от имени академии.

Питер схватился за перила. Нобелевская премия. Черт побери, он получил Нобелевскую премию!

На другом конце линии раздался смех Гуннара Оквиста.

— Доктор Сэндовал? Вы еще здесь?

— Вы серьезно? Я получил Нобелевскую премию? — Перед глазами мелькали темные пятна. Он понял, что близок к тому, чтобы потерять сознание.

— Да, именно Нобелевскую. Объявление будет сделано утром. Если есть другие получатели, я обычно сообщаю о том, кто они такие, но в этом году вы единственный лауреат в области физики.

— Это прекрасно. Меня переполняют эмоции. Я должен сообщить своей жене и друзьям.

— Конечно. Было приятно сообщить вам эту новость, доктор Сэндовал. С нетерпением жду встречи на церемонии.

— Спасибо, — закончил разговор Питер. Все еще чувствуя головокружение, он навалился лок-

тями на перила и посмотрел на реку. В тишине раздавалось лишь хлюпанье волн о корабль.

Он получил Нобелевскую премию. Он — нищий, как церковная крыса, мальчик, чей отец взорвал свой дом, изготовляя метамфетамин. Этот мальчик только что получил Нобелевскую премию.

Питер не мог дождаться момента, когда расскажет Мелиссе и друзьям. Хотя, возможно, сейчас было не самое подходящее время. Это была ночь Уго так же, как и его самого, но у Питера не было сомнения в том, что новость и его ошеломит. Уго со смехом отрицал их конкуренцию между собой, но за этим смехом (Питер был в этом уверен) он равнялся на Питера.

— Кто звонил? — спросила подошедшая Мелисса и положила руку ему на плечо. — Все в порядке? Ты весь дрожишь.

Питер не смог сдержать улыбку.

— Я расскажу тебе после ужина. Это хорошая новость.

— Да? — подняла брови Мелисса.

Питер обнял ее и повел обратно в трюм.

10

Наступила ночь. Фоллер был рад оказаться среди звезд и луны, но ветер ночью усиливался и становился ледяным. Он перестал кувыркаться в небе и, вытянув ноги, большую часть дня просто падал, чувствуя, что в таком положении удары ветра стали чуть слабее. Извернулся — и теперь он падал спиной вниз. Сжав воротник комбинезона, Фоллер попытался защитить шею от холодного воздуха. Ветер хлестал тело словно кнутом. Мышцы болели от беспрестанных порывов, кожа шелушилась и обветривалась, в ушах звенело.

Он вел совершенно бессмысленное существование. Несколько сотен дней были потрачены на то, чтобы узнать свое предназначение, чтобы понять, как он попал в этот мир и жизнь, которую не мог вспомнить. И сейчас Фоллер не мог понять и объяснить, что происходит. Помимо оставленных Маргаритки и Орхидеи, смерть в невежестве и незнании — самое наибольшее сожаление.

* * *

Он, должно быть, заснул, потому что перед

глазами возник один из его кошмаров. Раньше его сны были случайными и прерывистыми: какие-то события из повседневной жизни, — но теперь они становились гнетущими и невероятно странными, не имеющими ничего общего с его прежней жизнью. Сны повторялись и каждый раз обнажали все новые и более ужасные детали.

И сейчас в одном таком новом (и, возможно, последнем) кошмаре шел дождь, только капли его были красными. Фоллер стоял на улице, заполненной людьми, которые кричали и слепо метались из стороны в сторону, натыкаясь в ужасе друг на друга. Они были пропитаны густым кровавым дождем. Он раньше видел этот сон, только на этот раз, помимо дождя, там появились еще и самолеты. Они кружили ровным строем и, вопреки всей логике, зависали там, где должны были упасть, сбрасывали бомбы, от разрыва которых в воздух вздымались кирпичи, стекло и деревянные щепки, — все падало на землю вперемешку с кровью.

До этого Фоллер не видел во сне истребителей и надеялся, что умрет, прежде чем они снова появятся. Самолеты напомнили ему о самых первых днях, когда некоторым настойчивым энтузиастам удавалось достать рабочий легковой

автомобиль, грузовик или однажды даже кран. В голове Фоллера всплыло яркое воспоминание: какой-то парень врезался в здание на маленькой красной машине. Вылетев через лобовое стекло, он ударился головой прямо в кирпичную стену. В этом мире машины выходили из строя одна за другой.

11

Фоллер думал, что падает три или четыре дня, хотя сказать точно было невозможно. Он больше не чувствовал, что падает. Висел вертикально и неподвижно, а под ним бушевал ужасный ветер. Даже если бы Фоллер попытался, то не смог бы восстановить ощущение падения. Он двигался в никуда, был центром этой пустой Вселенной.

Со вчерашнего дня во рту полностью пересохло. Глотать он не мог, но голод и жажда были мучительными. Если Фоллер не смотрел вокруг (а в этом не было никакого смысла), он часто не мог сказать, открыты или закрыты его глаза. Безликий пейзаж каким-то образом ослеплял его.

После тех первых ужасных минут Фоллер не тратил много времени на мысли о своем нераскрывшемся парашюте. Размышления требуют усилий, а у него, впавшего в оцепенение, не было

энергии и сил для умственной деятельности.

И сожаления казались бесполезными.

Кроме прыжка с башни самым большим разочарованием Фоллера было то, что он не остановил убийство детей в Первый День. Однако он спас Маргаритку. Это было уже немало. И теперь насмешливый, слишком взрослый голос Маргаритки часто не давал ему скучать, пока он болтался в бессознательном состоянии.

Еще Фоллер сожалел, что так и не нашел женщину на снимке или хотя бы не узнал, кем она была. Вероятно, она умерла в первые дни. Много людей умерло в эти дни. Очень много. Голос Маргаритки в эти последние часы, несомненно, успокаивал, но крики напуганных детей не выходили все время из его головы. В попытках хоть как-то забыть о том событии, вычеркнуть его из памяти прошло много дней.

Возможно, это когда-то произошло со всеми людьми на земле. Возможно, они сделали что-то такое ужасное, что всеми силами пытались все стереть. Потому использовали технологии, чтобы заставить себя забыть. Судя по фотографиям и картинкам мест, которых не было, Фоллер был уверен, что мир когда-то был гораздо больше (может быть, в десять раз), и подозревал, что

совершенная ими ужасная вещь была как-то связана с тем, что мир стал меньше.

Если это правда и люди действительно стерли себе память, то это ирония. Фоллер всей душой мечтал сейчас вспомнить то, что все хотели тогда забыть.

III

Через стеклянные двери своего кабинета Питер наблюдал за Мелиссой: девушка с трудом тащила гранитную плиту и устанавливала ее поверх двух других так, чтобы получилась буква П. Она целую неделю работала над тринадцатой лункой Стоунхенджа — очередной скульптурой для ее миниатюрного поля для гольфа и одновременно сада скульптур. Усмехаясь, он обвел взглядом остальные двенадцать: Грейсленд[12] с его наклонной крышей и бархатными шторами, Зона 51[13] в комплекте с космическим кораблем и инопланетянами, Венеция с ее бурлящими

[12] Примечания: 12

Выстроенное в 1939 году в колониальном стиле поместье в Мемфисе, США. Известно главным образом как дом американского певца и актера Элвиса Пресли. *(Прим. пер.)*

[13] Примечания: 13

Военная база, удаленное подразделение военно-воздушной базы Эдвардс. *(Прим. пер.)*

каналами, «Фенуэй Парк»[14], где мячи на своем пути изредка врезались в бархатистого «зеленого монстра». Из кабинета Питера площадка казалась окутанной слоисто-кучевыми облаками на фоне голубого небосклона.

Питер залюбовался небом. Он открыл его для себя, всегда ясное, чистое и прекрасное, когда был еще ребенком и родители перевозили его из одного грязного района в другой. Чем ужаснее был городской пейзаж, тем больше времени он проводил, лежа лицом кверху. В магистратуре, когда его мысли распылялись в сотнях увлечений и направлений, он смотрел на облака, и они умиротворяли его. Однажды он изучал книги, посвященные облакам, и науки о них и нашел в интернете сообщество ценителей облаков. С тех пор этот веб-сайт стал его главной домашней страницей.

Как только он повернулся к компьютеру, зазвонил телефон. Это был Гарри.

— Ты смотришь новости?

Питер схватил со стола пульт.

---

[14] Примечания: 14

Бейсбольный стадион возле Кенмор-сквера в Бостоне, штат Массачусетс. На этом стадионе с 1912 года проводит свои домашние матчи команда «Бостон Ред Сокс». Отличительной особенностью стадиона является наличие высокой (11,3 метра) стены, известной как «Зеленый монстр». *(Прим. пер.)*

— Тебе самому никогда не нравилось, когда кто-то начинал разговор с таких слов. Что произошло?

— Они бомбят Трансаляскинский нефтепровод.

— Что? Кто? — На экране телевизора появился густой черный дым, вздымающийся над нефтеперерабатывающим заводом.

— Русские. Мы на войне, Питер. Я думаю, только что началась Третья мировая.

Повернувшись, Питер увидел, что Мелисса сидит на корточках у своего миниатюрного Стоунхенджа, приложив телефон к уху и опустив голову. Он подумал, что она, наверное, плачет.

— Мне нужно идти. Я тебе перезвоню. — Он бросил телефон на диван и выскочил наружу.

Она плакала так сильно, что у нее прерывалось дыхание. Питер присел на корточки и обнял ее за плечи.

— Мы справимся. Страна уже переживала много войн.

Мелисса подняла голову.

— О чем ты говоришь?

— О войне. Разве ты…

— У Изабеллы обнаружен прион Петерсона-Янтца.

Питер подавил в себе желание заткнуть руками уши и убежать. *Белла?* Белла умирает?

— Как она могла его подхватить?

Мелисса вытерла нос кулаком.

— Каждый, кто приезжает в Мумбаи, его подцепляет. Они считают, что агенты Пакистана травят их пищу. — Обхватив руками шею Питера, она прижалась лицом к его груди. — Я не смогу этого вынести. Не смогу смотреть, как она умирает. Просто не смогу.

Питер крепко обнял Мелиссу, в его голове лихорадочно метались мысли. Он хотел сказать что-нибудь успокаивающее, но что сможет утешить ее в этот момент?

— Мне очень жаль. Я с тобой. Вместе мы справимся.

Это прозвучало очень скупо: словно горсткой песка останавливать прилив.

— Уго днем и ночью работает над своим лекарством. Он не подведет.

Мелисса кивнула и шмыгнула носом.

— Да. Мы не можем потерять Беллу. Просто не можем. — Расцепив руки на его шее, она отодвинулась и посмотрела на землю. — Что ты имел в виду, когда говорил, что мы переживем войну?

После новостей от Мелиссы Питер начисто

забыл о звонке Гарри.

— Россия только что втянула нас в войну.

Мелисса закрыла глаза.

— Вот черт.

Две худшие новости, которые они когда-либо получали, пришли в одно и то же время.

— Где Белла сейчас?

— Думаю, что дома, — ответила Мелисса.

— Я пошел за ключами.

12

Из полудремы Фоллера вытащил приступ паники и ужаса. Возникший перед глазами образ был ярче, чем сон: его безжизненное тело, падающее в бесконечном небе, как мешок с мясом. Он пытался выкинуть эту картинку из головы, но она не забывалась и приносила жестокие мучения.

Его тело сгниет? Нужно быть на земле или под ней, чтобы начать гнить? Он представил свой скелет в свободно свисающем комбинезоне.

Горло сильно болело. От постоянного трения комбинезона боль не исчезала. Сделать что-то с этим было невозможно. Во многом умирать было легче, чем оставаться в живых.

Вдруг Фоллер увидел пятно, похожее на одну из мельтешивших мушек перед глазами. Только

оно не мельтешило. Пятно на темно-синем фоне под ногами Фоллера не двигалось.

Он протер и открыл глаза. Пятно на том же месте. Фоллер посмотрел снова. Это было пятно размером с горошину, немного темнее раннего утреннего неба. Протерев еще раз глаза, Фоллер слегка похлопал себя по лицу и, убедившись, что проснулся, посмотрел в третий раз.

Он издал непонятный хрип, подразумевавший собой вопрос. Перед пятном промелькнуло облако. Он ждал, сердце стучало, словно заведенный маятник.

Появившись снова, пятно стало больше, его края выглядели уже более отчетливыми.

Оно продолжало расти в размерах. Фоллер пытался угадать, что это может быть. Птица, улетевшая далеко от мира? Однако птицы двигаются. Пятно же не двигалось, оно просто зависло в небе. Может быть, это был какой-то легкий предмет, брошенный из мира, к которому он приближался?

Когда пятно стало таким большим, что он не мог закрыть его большим пальцем руки, он понял, что это.

Это было какое-то место — земля.

До этого его сердце едва билось, но тут же за-

трепетало, когда иссохшийся разум понял, что приближается другой мир. Сухие губы растянулись в улыбке. Он засмеялся, но смех был больше похож на сухой хрип. Вселенная припасла потрясающий сюрприз на последние часы его жизни.

Может быть, вселенная — это гигантский круг, и если долго падать, то можно вернуться обратно в мир?

Земля продолжала приближаться и увеличиваться, и вот она сначала выросла с его кулак, а затем стала словно большая круглая тарелка — крышка люка. Детали были размытыми, но в конце концов Фоллеру удалось разобрать некоторые из них. Группы прямоугольников, судя по всему, были крышами. То тут, то там зеленые пятна. Голубоватая полоса и несколько разных синеватых кругов, должно быть, водоемы.

Чем ближе он подлетал, тем больше был уверен, что это не его мир. Это другое место.

Оно разделялось на участки. Две линии, проходящие примерно параллельно с одного конца земли к другому, создавали полосу по центру. Две оставшиеся стороны были разделены на неравные части.

Он задумался, должен ли он падать на эту землю и врезаться в нее, чтобы прекратить все это.

Может быть даже, так будет лучше всего. Что сделают с ним и его парашютом люди внизу, когда найдут его тело? Фоллер взглянул на парашют. Этот предатель, этот неисправный ублюдок целыми днями бессильно трепетал над его головой.

Пока он молча проклинал его, неожиданно ему пришло в голову, что можно исправить парашют.

Фоллер потянулся и схватил стропы. Казалось, что он пытался подтащить к себе кита, а не парашют. Несколько дней назад эта задача его даже не привлекала. Взяв парашют в руки, он осмотрел мир, к которому достаточно быстро приближался.

Дрожащими пальцами, прищурив глаза, он изо всех сил пытался связать каждую из поврежденных строп — на два узла, затем на три, на четыре, надеясь, что на этот раз они выдержат. Затем снова присоединил зажимы. Не останавливаясь, он продолжал щелкать зажимами в воздухе, в глазах двоилось. Фоллер закрыл глаза и продолжил защелкивать на ощупь. Он не мог сложить парашют в рюкзак. Свирепствующий за спиной ветер сковывал движения. О том, чтобы снять рюкзак со спины, не могло быть и речи: ветер тотчас выдернул бы его из рук. Он перевернулся

на живот и прижал сложенный парашют к груди. Не сгибать одну руку и обе ноги в порывистый ветер было мучением. Тяжело дыша, Фоллер медленно приближался к земле, будто пьяница, шатающийся из стороны в сторону.

Опустившись настолько, что можно было разглядеть проезжающие машины, он развернул стропы и выпустил их из рук.

Парашют неуверенно затрепетал на ветру, словно раненая птица. Слишком измученный, чтобы бояться удара о землю, Фоллер спрашивал самого себя: существует ли какая-то максимальная скорость, при которой парашюты просто не раскрывались.

Парашют взмыл вверх и с громким хлопком раскрылся. Голову отбросило назад, шею и плечи пронзила резкая боль. В глазах зарябило, и в этот миг ремни подвесной системы врезались ему в грудь и спину.

На земле стояла абсолютная тишина. Ветер, который был с ним так долго, что, казалось, стал его частью, стих. Фоллер посмотрел вниз. Повсюду сквозь тусклый свет он различал контуры зданий, дорог и транспортных средств. Здания были приземистыми, а улицы узкими, но это место не сильно отличалось от его родного мира.

Фоллер удивительно быстро приближался к земле и, подняв глаза, увидел, что один из узлов парашюта развязался и одна его часть бесцельно болталась в воздухе.

Прокрутившись по кругу, Фоллер опустился на крышу длинного здания. Ноги от удара подкосились, и он жестко приземлился на задницу. Не успел Фоллер разглядеть крышу, как его тут же накрыло парашютом, который он попытался сразу же сбросить, но тот, казалось, имел в себе километр материи. Он сдался и рухнул на спину.

Дверь на крышу открылась.

— Вот он, — раздался приглушенный, но взволнованный голос ребенка, за которым последовал приближающийся шепот.

— Воды, — прохрипел Фоллер. — Пожалуйста, дай воды.

— Откуда вы тут взялись? — спросил второй ребенок, девочка.

Как он мог ответить на это?

— Не знаю. Я умираю. Воды. Пожалуйста.

— Мы за папой, — сказал мальчик, и дети убежали.

Фоллер провел рукой по штукатурке. Он был в другом мире. Его измученный ум не производил никаких мыслей, поэтому он лежал и, ни о чем

не думая, ждал, пока дети приведут своего отца.

Наконец он услышал оживленную болтовню приближающихся детей. Разговор прервал взрослый мужской голос:

— Что ты там прячешься? Выходи.

Фоллер был слишком измучен, чтобы двигаться.

— Воды, — сказал он и пошевелил губами, чтобы добавить «пожалуйста», но на это слово сил уже не хватило.

Он услышал мягкий шуршащий звук парашюта, и уже в следующий момент, прищурившись, он лежал и смотрел на пасмурное небо. Над ним нависло нахмуренное обветренное лицо мужчины с густой бородой, разглядывающего его, как вонючую дохлую рыбу.

— Я никогда не видел тебя раньше. Из какого ты района?

— Кто это? — прозвучал неподалеку еще один голос.

— Я его никогда раньше не видел, — повторил хмурый мужчина через плечо.

— Он упал с неба, — предположила одна из детей, рыжеволосая девочка с большой залысиной над виском. Над Фоллером собралось трое взрослых с изможденными лицами, впалыми глазами

и ввалившимися щеками.

— Он определенно не из этого района, — сказал мужчина без передних зубов и, отвернувшись, плюнул на землю.

Земля под Фоллером была неустойчивой, как будто он, эти люди и этот мир все еще падали. Трудно было осознать, что он живой. Если, черт возьми, ему дадут хоть немного воды, он будет жить.

— Как вы думаете, что с ним случилось? — спросила женщина с выступающими передними зубами. На ее запястье были две нити коричневого жемчуга.

— Что с тобой случилось? — громко спросила она. — Кто ты?

— Я… я упал.

Когда никто, казалось, не понял, Фоллер указал на небо. Люди смотрели друг на друга, нахмурившись.

— Мы видели, как он упал, — настаивал другой ребенок, мальчик.

— Он из другого района. Думаю, из Верхнего квартала, — сказал папа. Игнорируя расспросы детей, он развернулся: — Я скоро вернусь.

— Воды, — снова прохрипел Фоллер. Но никто не двинулся с места.

Отец детей вернулся с грязным обломком кирпича.

— Проще всего треснуть его по черепу и сбросить в канализацию.

— Нет! — воскликнул Фоллер, поднимая руки.

— Дети, возвращайтесь домой, — жестом указал отец. — Вы слишком маленькие, чтобы смотреть на такие вещи.

— Подожди, Бо. Может быть, нам стоит отвести его к людям Мунларка, — сказал лысый мужчина с седой полукруглой бородкой.

Затем добавил:

— Если он из Верхнего квартала, то может знать что-то полезное.

— Мунларк, — согласился Фоллер, чувствуя, как колотится сердце.

— Христ, но дорога туда и обратно займет два часа, — сказал Бо, игнорируя Фоллера.

— И ты говоришь, что не стоит дружить с Мунларком? Мы приведем ему шпиона, а он это запомнит.

— Я не шпион, — перебил их Фоллер.

— Ага, — рассмеялся лысый. — Ты упал с неба.

Наклонившись, он помог Фоллеру сесть.

— Вставай, пацан.

Они говорили странно. *Акцент* — всплыло сло-

во в голове Фоллера. Мужчина пытался поставить Фоллера на ноги, но его колени отказывались выпрямляться.

— Вставай, — сказал Бо, встряхнув Фоллера так, что он рухнул в руки парня. — Христ, помоги-ка мне с ним.

Лысый мужчина взял Фоллера под руку. Сняв с него ремни парашюта и отшвырнув их в сторону, незнакомцы позволили ему повиснуть на себе и начали тащить.

— Папа, а если в этом? — позвал один из детей.

Они остановились. Мальчик держал ручку красной строительной тачки, прислоненной к низкой стене.

— Неплохая идея. Давайте ее сюда.

Фоллера погрузили в тачку, как мешок с мукой. Не имея никаких сил, Фоллер прислонил голову к одной из ручек тачки.

IV

— Эй, это же наш вундеркинд! — попыталась как можно радостнее крикнуть Изабелла, но ее голос дрожал. Она сидела на кровати, руки лежали на коленях ладонями вверх, а пальцы резко то сжимались в кулаки, то разжимались.

Сколько дней прошло после поставленного

ей диагноза? Восемь? Прион действовал очень быстро. Скоро все ее тело будет себя так вести. Прион постепенно разрушал нервную систему Изабеллы, через месяц она совсем не сможет себя контролировать.

На глаза Питера навернулись слезы, но он продолжал улыбаться.

— Привет, Рыжая Соня[15]. Как ты себя чувствуешь?

— Как дерьмо, если ты действительно хочешь знать. Как большой старый мешок дерьма.

Питер рассмеялся.

— Прости. Это не смешно. Я просто смеюсь над тем, как ты это обрисовала.

— Продолжай смеяться над инвалидом, больной ты ублюдок. — Изабелла протянула руку. Питер через мгновение понял, что она хочет, чтобы он ее взял.

— Интересно наблюдать, как тебя меняет смерть. — Она произносила слова с усилием. — Я никогда не была одной из тех, кто любит обниматься и держаться за ручки. Мне не нравилось,

---

[15] Примечания: 15

Женщина-воин Хайборийской эры, персонаж комиксов Marvel Comics и Dinamite Entertainment. Создана в 1973 году писателем Роем Томасом и художником Барри Виндзор-Смитом как «женский аналог» Конана-варвара. *(Прим. пер.)*

когда до меня дотрагивались. А теперь все мало.

Питер сжал ее руку.

— Может быть, из-за того, что все остальное, кроме людей в твоей жизни, отпадает на второй план. — Под простынями сжимались и разжимались пальцы ее ног. Он не мог вынести мысли о том, с чем она столкнется через неделю и затем через месяц.

— Вот почему я с нетерпением жду твоих посещений. Любой другой твердил бы: «Ты не умираешь, не говори так». Но не ты.

Ее рука сжималась и разжималась, как сокращающееся сердце.

— Даже Мелисса так говорит. Она была здесь большую часть полудня. Похоже, все смущаются, когда я говорю о том, о чем не могу не думать каждую минуту.

— Они не хотят думать о жизни без тебя. К тому же разговоры о смерти пугают людей.

— Разве тебя они не пугают? — спросила она.

— Пугают, черт возьми, — ответил Питер. — Я никогда не умел подавлять свои страхи. Или что-то в этом роде.

Изабелла рассмеялась, и Питер воспринял этот смех как маленькую победу. Все, что он мог сделать для нее, это быть более терпимым.

— Я вижу, тебе недостаточно забрать мою Нобелевскую премию. Тебе нужна и моя жена, — сказал за его спиной Уго.

Питер не услышал, когда он вошел. Он разжал пальцы, чтобы отпустить руку Изабеллы, но она только крепче их стиснула и протянула другую руку к Уго. Взяв ее, он глубоко вздохнул и сел на кровать напротив Питера.

— Что бы ты делал с Нобелевской по физике? — спросил Питер, стараясь сохранить шутливый тон. — Ты можешь поговорить с людьми, которые дают ее за достижения в области медицины и физиологии.

— Ты думаешь, что я не внес существенный вклад в работу?

— Нет. Конечно, нет, — Питер облизнул губы, во рту стало сухо.

В течение двух недель они то и дело возвращались к этому разговору, напряжение в лаборатории усиливалось с каждым днем.

— Я не в комитете, Уго. Для меня было бы честью разделить эту премию с тобой, но с моим мнением никто не считается.

Уго выпятил нижнюю губу и задумался.

— Получается, ты думаешь, что я сделал существенный вклад в общие заслуги, а комитет

ошибся?

Он такого не говорил. Уго пытался загнать его в угол.

— Парни, я вообще-то тут умираю. Может, не будем о работе? — сказала Изабелла.

— Извини. — Уго протянул руку и погладил Изабеллу по волосам.

Она закрыла глаза.

— И пожалуйста, не говорите о проклятой войне.

— Хорошо. — Уго наклонился и поцеловал ее в щеку. — Как ты себя чувствуешь?

— Как я сказала Питеру, я чувствую себя как дерьмо. — Она одарила Уго непонятным взглядом, затем повернулась, чтобы посмотреть на Питера, и начала что-то говорить, но вдруг остановилась.

— Что такое? — мягко спросил Питер.

— Мне интересно, как идет работа над дубликатором.

— Разве не ты только что отчитывала нас за разговоры о работе? — спросил Уго.

— Я отчитывала вас за споры, но старалась сделать это вежливо. — Ее челюсть сильно задрожала, а горло сжалось в резком спазме. Питер понял, что она прикладывает эти усилия, просто

чтобы проглотить слюну. — Как идет работа?

— Хорошо, — пожал плечами Питер.

— Ты говорил, что с мышами получается просто прекрасно.

— Верно.

На кормушку для птиц, которую Уго повесил у ее окна, сел щегол. Изабелла наблюдала, как он клюет семена.

— Они сохраняют память после выхода?

— Дубликаторы считывают всю память оригинальных органов, скорее всего, они сохраняют память мышам. Было бы удивительно, если бы они этого не делали, учитывая то, что на клеточном уровне дубликатор и оригинал одинаковы.

— Объяснишь мне еще раз, как это работает? Я знаю, ты уже объяснял.

Питер бросил на нее подозрительный взгляд, не понимая, с чего у нее вдруг возник такой интерес к его работе. Может быть, она пыталась перевести разговор на другую тему, более нейтральную, чтобы между ним и Уго опять не разгорелся спор.

— Дубликатор является отголоском оригинала. Оригинал возвращается на миллисекунду назад во времени через миниатюрную кротовую дыру.

Изабелла судорожно кивнула.

Уго прокашлялся.

— Белла, у меня для тебя…

— Я хочу, чтобы вы меня клонировали, — перебила Белла.

— …сюрприз, — нахмурившись, закончил Уго. — Прости, что ты только что сказала?

— У моего клона не будет Петерсона-Янтца, верно? — спросила Изабелла.

Ее слова застали Питера врасплох. Он подумал, что Изабелла, должно быть, шутит, но в ее глазах не было озорного блеска и какой-либо иронии. Переведя взгляд с Уго на Питера, она выглядела совершенно серьезной.

— Не будет, верно?

— Да, — ответил Питер, — не будет. Прион — инородное тело.

Он сжал ее руку.

— Но, Белла, у тебя он все равно есть.

— Я это понимаю. Но за исключением надежды, что меня вылечат, самая утешительная вещь, которую я могу себе представить, — это то, что я, мое тело, все мои воспоминания останутся. В некотором смысле прежняя я все равно будет жить с Уго.

Мысль о том, чтобы сбросить Изабеллу в черную дыру, заставила Питера содрогнуться.

— Ты ведь шутишь? — спросил Уго.

Руки Изабеллы продолжали то сжиматься, то разжиматься.

— Если бы ты лежал здесь, ты бы не задавал этот вопрос.

Схватившись за спинку кровати, Уго наклонился к ней.

— Белла, я люблю тебя. Мне не нужна замена, мне нужна ты. Я создам вирус, который поможет изолировать прионы, не повреждая память.

— Нет времени! — почти закричала Изабелла.

И более спокойно добавила:

— Мы все это знаем. Перестань пудрить мне мозги.

Вбежавшая в комнату медсестра увидела напряженные, молчаливые лица и остановилась.

— Я зайду позже.

Когда она ушла, Уго сказал:

— Изабелла, мы не можем сделать то, о чем ты просишь. Это немыслимо. Ты ведь это понимаешь?

— Это может быть немыслимо для тебя. Для меня это, похоже, последний шанс.

— Не говори так, — мягко произнес Уго. — Я во всем разберусь. Мы будем жить вместе еще очень долго.

Его слова не подействовали на нее убедитель-

но.

— Я пытался тебе сказать, — продолжил Уго, меняя тему. — У меня есть для тебя сюрприз.

Изабелла подняла брови и улыбнулась дрожащими губами.

— Я знаю, как ты была разочарована, когда не увидела выступление струнного квартета «Брентано». Итак…

Уго скрылся в зале.

Через миг он вернулся вместе с женщиной, несущей виолончель, и седовласым мужчиной со скрипкой. За ними появились альт и вторая скрипка. Изабелла рассмеялась от восторга. С тех пор как ей поставили диагноз, ее смех прозвучал более энергично, чем когда-либо.

— Боже мой, ты шутишь.

Когда все заняли свои места, квартет начал играть. В маленькой комнате музыка звучала изысканно и невероятно прекрасно.

Со слезами на глазах, прослушав первое произведение, Питер извинился и вышел, чтобы Уго и Изабелла смогли наслаждаться временем наедине.

Просьба Изабеллы его ошеломила. Они теоретически говорили о том, чтобы клонировать человека, но проделать это с живой Беллой, на-

ходящейся на грани между жизнью и смертью и держащей его за руку, было сродни фильмам ужасов.

По дороге домой Питер попал в пробку на Ричмонд-Роуд. Ему потребовалось целых сорок минут, чтобы обогнуть ее. Пробка, как ни удивительно, заканчивалась заправочной станцией. У него оставалась только четверть бака, но он не мог позволить себе провести три часа в очереди. Не во время вспыхнувшей в Японии новой биоинженерной чумы.

13

Если бы не ощущение скорой смерти, он бы чувствовал унижение. Люди на грязных улицах смотрели, как его катят на грохочущей строительной тачке, словно какое-то животное. Мужчины толкали ее по очереди, а женщина с выступающими вперед зубами держала Фоллера за плечо, чтобы он не выпал.

Во всяком случае, люди, мимо которых они проходили, выглядели еще более худыми и голодными, чем в мире Фоллера. Улицы были не такими прямыми и симметричными: они извивались и петляли, беспорядочно пересекаясь друг с другом. Так или иначе, он оказался в мире,

похожем на его собственный. Ветер разносил знакомый запах мочи и экскрементов. Четырех- и пятиэтажные здания тесно примыкали друг к другу. Даже мусор на дорогах был таким же: ржавые автомобили, грузовики и автобусы. Вокруг расположились красные пожарные гидранты и коричневые телефонные столбы — вещи, которые каждый мог назвать, но не понимал, какая от них польза.

Повернув направо, они приблизились к длинной, высокой стене. Она была построена из мусора — машины, столы, шлакоблоки — и выглядела как огромный пазл. Когда Фоллер коснулся стены, задумавшись над ее видом, откуда-то брызнула вода. Холодные влажные капли приятно покалывали его лицо и руки.

— Черт! — выругался Бо, подбегая к Фоллеру, как только тот открыл рот, чтобы поймать серебряные капельки. — Я знал, что это плохая идея.

Свернув направо, они прошли еще несколько кварталов, и вдруг перед глазами возник потрясающий пейзаж. Слева от Фоллера из заросшего сорняками поля вздымалась белая башня. Она была высокой, тонкой и сужалась к треугольной крыше. Справа от них, за зеленым прямоугольным прудом, расположилось великолепное

куполообразное здание с мраморными ступенями. Его украшали сотни колонн, и оно было таким же белым, как и башня. Свернув в сторону башни, извозчики Фоллера бросили на нее беглый взгляд, а затем повернули прямо перед ней. Они проехали по тропинке, проходящей через еще одно заросшее сорняками поле, и сразу вышли на дорогу, ведущую к еще одному огромному белому зданию с колоннами вокруг входа.

Остановив тачку у подножия длинной лестницы в форме полумесяца, они потащили Фоллера в здание. Каждый его шаг отдавался болью в пятках. На верхней площадке, скрестив руки на груди, стоял мужчина в костюме и наблюдал, как они поднимаются. У него были темные волосы, борода и рубцы на щеках — все это придавало ему устрашающий и сердитый вид. Он был не таким худым, как остальные.

Мужчины опустили Фоллера на землю, последовал короткий, приглушенный разговор. Наконец, человек со шрамами, все так же скрещивающий руки, кивком головы указал на дверь.

Бо и лысый подняли Фоллера и занесли его в великолепный вестибюль. Пока они продвигались по длинному коридору, Фоллер восхищался безупречно чистой люстрой и изящно сделанной

лепниной, обрамлявшей высокий потолок.

Фоллер посмотрел на Бо и с удивлением увидел в его широко открытых глазах страх. Ощутив внимание Фоллера, Бо взглянул на него, нахмурился и безуспешно попытался казаться менее испуганным.

Они внесли Фоллера в большую комнату с деревянными панелями, где, сидя за столом, работал какой-то мужчина, и поставили тачку на пол рядом с бордово-черным диваном с искривленными деревянными ножками.

Человек за столом одним ловким движением отодвинулся на стуле. Это был тот самый Мунларк: упитанная фигура, большая львиная голова, темные волосы и глаза с тяжелыми веками. На нем был черный костюм, выглядевший так, будто его сняли с вешалки еще в Первый День и никогда не надевали.

Прищурившись, Мунларк посмотрел на Фоллера и, не поднимаясь со стула, наклонился к нему, провел пальцем по его треснувшим и пересохшим губам.

— Как такое получилось? — спросил Мунларк.

— Упал, — прохрипел Фоллер. Он попытался облизнуть губы, но сухой язык только прилипал к ним.

— Упал? Что ты имеешь в виду? Как это упал? — Мунларк потянул его за комбинезон. — Что это?

— Падать, — сказал Фоллер, понимая, что говорит бессмысленные вещи.

Но он был слишком слаб, чтобы объяснить точнее.

— Пожалуйста, немного воды. — Его тон казался жалким и слащавым даже ему самому.

Мунларк повернулся к стоявшему в дверном проеме человеку с рубцами на лице.

— Дай ему воды.

Мужчина сразу же убежал.

Повернувшись к людям, которые принесли Фоллера, Мунларк спросил:

— Зачем вы привели его ко мне?

— Он шпион, — сказал Бо. — Мы нашли его на крыше нашего дома, прячущегося под большим листом.

— Листом? — спросил Мунларк, теряя терпение.

— Это парашют, — произнес Фоллер. — Я упал.

— Откуда? — гневно спросил Мунларк. — Ты продолжаешь говорить, что ты упал. Откуда же?

— С неба.

Мунларк прищуренно посмотрел на Фоллера, кривя губы в замешательстве или отвращении, и

перевел взгляд на других мужчин.

— Положите его на диван.

Двое мужчин, которые недавно тащили Фоллера через двор, подняли его, как будто он был пушинкой, и посадили на диван, не отводя взгляда от Мунларка.

— Вы раньше его не видели? — спросил у них Мунларк.

Бо покачал головой.

— Никогда. Но он не может говорить правду… — Его слова прозвучали наполовину с утвердительной, наполовину с вопросительной интонацией.

Мунларк взглянул на Фоллера.

— Я ценю, что вы привели его ко мне. Ваше глубокомыслие не будет забыто.

Услышав это одобрение, двое мужчин вышли из комнаты. Между ними протиснулся человек с рубцами, держащий в руке стеклянный кувшин. Фоллер потянулся к нему, мужчина остановился посередине комнаты. Руки пронзало болью, и он чуть не упал с дивана, пытаясь дотянуться. Мужчина вложил кувшин Фоллеру в руки, трясущиеся так сильно, что он расплескал воду на воротник рубашки, не сделав ни глотка. Фоллер разочарованно захрипел.

— Вот так, — сказал Мунларк, поднимая кувшин и придерживая его у рта Фоллера. Первые пять или шесть глотков, казалось, попали прямо в рот и горло, и затем вода, принося блаженство, прохладным потоком пронеслась по всему организму.

— Отдохни, — промолвил Мунларк, отнимая кувшин. — Если выпьешь все залпом, тебя стошнит.

Тяжело дыша, Фоллер кивнул. Мунларк поставил кувшин на гранитный столик.

— Итак, откуда ты на самом деле? — спросил Мунларк, указывая на себя, а затем на Фоллера. — Просто между нами.

Фоллер попытался сесть ровно, чувствуя, что покажется более правдоподобным, если он будет находиться в вертикальном положении. Но как сформулировать?

— Я упал с края моего мира, — сказал он, показывая пальцем в потолок. — Над твоим миром есть другой мир. Далеко-далеко, вверху.

Мунларк скрестил ноги и улыбался. Улыбка, казалось, говорила: «Я удивлен твоей выдумкой, но могу убить тебя, если ты не прекратишь нести чушь».

— Интересная история. Даже впечатляющая.

Придвинувшись к столу, он залез в деревянный ящик и вытащил банку орехов. Самую настоящую закрытую банку орехов. Не прилагая особых усилий, он открыл крышку и протянул банку Фоллеру.

— Орехов?

Подавшись вперед, Фоллер зачерпнул большую горсть, поскольку был уверен, что не уйдет от Мунларка без перерезанного горла. Увидев, что тот даже не посмотрел, сколько он взял, Фоллер мысленно выругал себя за то, что не взял больше.

— Так скажи мне… — Мунларк сделал паузу. — Как тебя зовут?

— Фоллер.

— Фоллер? — фыркнул Мунларк, поворачивая голову и кивая, как будто позволял Фоллеру носить это имя. — Хорошо. Скажи мне, Фоллер, если ты упал с неба, как ты, черт возьми, сумел приземлиться, не переломав себе все кости?

— У меня был парашют. — Он вдохнул, собираясь все объяснить, но вдруг замолчал. Даже для него это звучало нелепо. Он указал на дверь. — Его забрали люди, которые привели меня сюда.

— Ах, парашют. Понимаю. А что именно делает парашют?

Вероятно, у Мунларка это слово вызывало смутные и неясные ассоциации, но Фоллер не хотел даже думать об этом.

— Это полукруглый лоскут материи с прикрепленными стропами. — Прежде чем продолжить, он сделал паузу, чтобы отдышаться. — Под тканью образуется воздушный пузырь, позволяющий медленно парить, а не падать.

Мунларк скрестил пальцы и задумался.

— Как я уже сказал, это впечатляющая история. — Он поднял брови, очень настораживающе ухмыляясь. — Кто-нибудь может это подтвердить?

— Двое детей. Дети Бо, того мужчины, что повыше. Я не знаю, видел ли кто-нибудь еще.

Мунларк усмехнулся.

— Никто больше не видел, как ты падаешь с неба?

— По крайне мере, я никого не заметил.

Мунларк наблюдал за ним все с той же забавной, но в то же время угрожающей улыбкой. Фоллеру стало интересно, кто этот парень. Несомненно, у него есть власть. Он тот, кто вправе его убить, если Фоллер не убедит его, что ему стоит доверять.

Фоллер указал на висевшую над столом Мун-

ларка картину: пасущиеся на зеленом поле коровы и одинокий фермерский домик неподалеку.

— Есть ли подобное место в вашем мире?

Мунларк даже не посмотрел на картину.

— Нет. Это другое место.

— Ты оттуда? — спросил Мунларк, через плечо указывая на картину. — Ты видел коров на поле?

— Это я и хочу сказать: неужели так трудно поверить, что есть другой мир, отличный от этого?

Мунларк выпятил нижнюю губу и пожал плечами.

— Это не трудно. Думаю, есть большая вероятность, что где-то там существуют другие миры, — его голос стал ледяным. — Мне трудно поверить, что ты упал с одного из них.

Мунларк встал и протянул Фоллеру банку орехов.

— Почему бы тебе не остаться здесь, пока мы это не выясним?

Фоллер взял банку.

— Спасибо.

Разумеется, Мунларк думал, что он шпион из Верхнего квартала (где бы он ни находился), и решил пока вести себя с ним терпеливо. Скорее всего, его терпение будет недолгим. Но у него бы-

ло место, где можно отдохнуть, и банка арахиса. В остальном он разберется, когда наберется сил.

— Молот? — позвал Мунларк. Человек с рубцами просунул голову в дверь.

— Фоллер пока побудет нашим гостем. Размести его в Зеленой комнате, принеси ему одежду и скажи Пороху, пусть приготовит ванну.

Ванну? Приготовить ванну? Фоллер не мог себе представить, где набрать столько воды, чтобы заполнить одну из ванн, которые бесполезно стояли в каждом доме, и в них даже сесть было невозможно, не говоря уже о нагревании воды.

— Спасибо, — только и смог сказать Фоллер Молоту, который помог ему встать. Он находился в опасном месте и должен был быть осторожным, но по сравнению с тем, куда он попал несколько часов назад, это место было раем.

V

Большинство ресторанов вдоль Ричмонд-Роуд были закрыты — они не получали своевременных поставок. Питер через окно наблюдал за проносящимися темными силуэтами, на коленях у него лежал подарок на день рождения Изабеллы.

Что можно подарить той, кто в свой день рождения умирает? Конечно же не сувенир и не

одежду, если только это не особенно красивый больничный халат. Они думали записать DVD-диск с домашним видео за несколько лет, но это только вызвало бы ее слезы. В конце концов они заключили, что лучшие подарки — это те, что смогут принести ей удовольствие непосредственно, как тот подарок от Уго неделю назад.

— Я не могу представить, сколько стоило Уго нанять тот струнный квартет. — Питер, все еще глядя в окно, изумленно покачал головой. — Что о нем ни говори, но он любит Изабеллу.

— М-м-м, — протянула Мелисса, ее тон был менее восторженным.

Питер посмотрел на нее.

— Что?

Мелисса, остановившаяся на светофоре, казалось, задумалась.

— Я должна держать при себе то, о чем мы говорили на наших девичьих посиделках, но она мне кое-что рассказывала. С Уго не так легко жить.

Почему-то Питера это не удивило. Он не раз задавался вопросом, как Уго удавалось полностью подавлять свой мерзкий характер, когда рядом была Изабелла.

— Что он делал?

Мелисса поджала губы и причмокнула.

— Больше всего мне запомнилась история о том, как они спорили, должна ли женщина из сюжета новостей сесть в тюрьму за отравление собак своего соседа. Это был просто глупый спор, но Уго не останавливался. Он продолжал читать ей лекции, а когда Белла вышла из комнаты, последовал за ней, говоря, что она не должна уходить, когда он с ней разговаривает. У нее лопнуло терпение, она вошла в их спальню и заперла за собой дверь.

В голове Питера кружилась лишь одна мысль: «Безусловно, эта история не закончилась побоями. Конечно, Уго ее не бил». Питер был уверен, что, если бы Уго ее ударил, Изабелла шарахнула бы ему утюгом по голове. Она и Мелисса — не те женщины, которые прощают такое поведение. Они росли в чокнутой семье и научились драться.

— Уго стучал в дверь и продолжал говорить: «Не смей меня игнорировать». Когда она не ответила, он выбил дверь.

— Охренеть, — сказал Питер.

— Я знаю. Как только он вошел в комнату, то просто продолжил доказывать, почему сажать кого-то в тюрьму за убийство животного — это глупо, в то время как в Боснии было убито и из-

насиловано множество людей.

Питер кивнул. Он слышал некоторые истории Уго. Сербские солдаты изнасиловали его мать прямо перед ним и его отцом, после чего убили обоих родителей, а его поместили в тот постапокалиптический приют-концлагерь. После войны его усыновили сербский генерал Валентин Стоич с женой. Стремительный переход к лучшей, привилегированной жизни, предоставленной, возможно, убийцами его родителей, должно быть, чертовски запутал ребенка.

Заехав на больничную стоянку, они увидели, что их уже ждал Уго, поэтому разговор пришлось прекратить.

* * *

Когда Изабелла поняла, куда они едут, она радостно засмеялась. Вид на океан пока загораживали дюны. Мелисса заехала на песчаную парковку, которая была совершенно пустой, за исключением красного мини-купера Кэтлин. По дороге в Вирджиния-Бич[16] почти не было машин. Бензин стал слишком дорогим.

---

[16] Примечания: 16

Город в США, расположенный на юго-востоке штата Виргиния на побережье Атлантического океана и Чесапикского залива. *(Прим. пер.)*

Наклонив головы, чтобы спрятаться от холодного ветра, они следовали за Уго, который на руках нес Изабеллу к воде. Прямо за ним шли Гарри и Кэтлин, несущие в руках портативную капельницу. Мелисса сняла с Изабеллы туфли и носки, а Уго усадил ее на шезлонг и укутал одеялом. Смотреть на такую Изабеллу было мучительно. Она дрожала, как будто в припадке, лицо исказилось мышечными спазмами.

Уго открыл ее подарки. Когда он развернул подарок Питера и Мелиссы — возможно, последний фунт макадамии[17] на континенте, — Изабелла отреагировала так, будто они подарили ей новую машину.

Что подарить умирающей женщине? Вещи, которые она может использовать прямо сейчас: еда и поездка к океану, чтобы в последний раз ощутить запах соленого воздуха.

Кэтлин подарила ей красивый шелковый халат оранжевого цвета, определенно ручной работы. Подарок Гарри — толстая книга комиксов «Кель-

[17] Примечания: 17

Макадамия — высококалорийный австралийский орех. Этот вид орехов считается самым дорогим в мире, потому что его сложно выращивать. *(Прим. пер.)*

вин и Хоббс»[18].

Уго оставил свой подарок на десерт: изысканный изумрудный браслет. Изабелла отреагировала так, будто он подарил ей Тадж-Махал[19]. Питер не мог выбросить из головы образ Уго, выбивающего дверь своей спальни.

Питер жестом пригласил Кэтлин прогуляться. Когда открывали подарки, она заметно нервничала. Беззвучно повторяла какие-то слова, дергала бровями и указательным пальцем правой руки что-то писала в воздухе. В магистратуре ее симптомы всегда ухудшались, когда приходила пора экзаменов, но они никогда не были такими тяжелыми, как сейчас.

— Какие последние новости? — В поездке они старательно избегали разговоров о войне. Питер не был уверен, знала ли Изабелла, что в войну вступила Северная Корея, добавив пятую по величине армию в мире к вражеским войскам.

---

[18] Примечания: 18

Ежедневный комикс, который придумывал и рисовал американский художник Билл Уоттерсон. В комиксе отражены выходки и проказы шестилетнего мальчика Кальвина и его плюшевого тигра Хоббса. *(Прим. пер.)*

[19] Примечания: 19

Тадж-Махал — мавзолей-мечеть, находящийся в Агре (Индия), на берегу реки Джамна. Построен по приказу потомка Тамерлана — падишаха Империи Великих Моголов Шах-Джахана в память о жене Мумтаз-Махал, умершей при родах четырнадцатого ребенка. *(Прим. ред.)*

— Аспен и ее советники порядком испуганы. Мы несем слишком много потерь. Потерь, потерь… — чуть слышно прошептала она. — Они разрабатывают план. Немедленно. Сегодня.

— Боже…

— С Северной Кореей все станет еще хуже. К концу года будет уже около миллиарда жертв во всем мире.

— Трудно поверить, что кто-то этого хочет, даже сумасшедшие в Северной Корее. Похоже на то, что война живет своей жизнью и даже враждующие страны не могут ее остановить.

Под глазами Кэтлин виднелись темные круги. Питер положил ей на плечо руку.

— Как ты держишься?

— Ты ведь меня знаешь, — засмеялась Кэтлин. — Со всеми новыми возникшими проблемами мне требуется час, чтобы принять душ, но я в порядке.

Питер кивнул. Добавить к этому было нечего. Лекарства не помогали Кэтлин, обсессивно-компульсивное расстройство будто было частью ее души.

— Мы с тобой. Если тебе понадобится безопасное место, приезжай к нам с Мелиссой.

— Спасибо. Вы знаете, что я люблю вас, ребята.

Не знаю, что бы я без вас делала.

Там, где они расстелили полотенца и расставили стулья, разговор был более непринужденным. Мелисса и Изабелла вспоминали о летней поездке на берег Джерси. Они смеялись над тем, как их пьяный отец нелегальными фейерверками чуть не сжег дощатую кладку.

На горизонте было видно, что собирается шторм: по небу плыла густая серая туча. Но она была еще далеко.

— Как насчет тебя, Питер? — спросила Изабелла. — У тебя есть любимая история о летних каникулах?

Питер попытался воспроизвести в голове какое-то воспоминание о лете. Он не любил думать о своем детстве. Помимо несчастного случая с отцом, его самым ярким воспоминанием было то, когда на железнодорожных путях, пересекавших Ист Миллер-стрит, его избивали трое одноклассников. Один из них — Дэвид Дэвисон, который до того, как Питера перевели в класс для одаренных богатых детей из Кларкстона, был его лучшим другом. Но, избивая, видимо, считал, что Питер таким образом предал детей своего района.

Или выпускной класс средней школы, когда он жил со своим учителем химии, мистером Карузо.

Этот год стал откровением. Увидев, как живет нормальная семья, он открыл глаза на многие вещи.

— Интересно, это ли нас всех сблизило, — сказала Изабелла. — Плохое детство.

— Я отдал бы миллион долларов, чтобы поменяться детством с Питером, — проворчал Уго.

14

Когда Фоллер проснулся, было еще светло. Он понятия не имел, как долго спал. Фоллер встал с кровати — ноги казались резиновыми и слишком длинными. Комната будто накренилась в одну сторону. Шея одеревенела, и, повертев ею туда-сюда, он почувствовал, как от затылка до плеч прокатилась волна боли.

Осушив два стакана воды из кувшина, оставленного на тумбочке, он огляделся вокруг в поисках предмета, куда можно было бы справить нужду, и заметил бутылку из-под молока. Он наполнил емкость на добрую треть — видимо, спал он действительно долго.

Отдернув занавеску, за разросшимися кустарниками Фоллер увидел поле с высокой травой и деревьями с толстыми стволами. За ним возвышался стальной забор.

Ему трудно было собраться с мыслями, глядя на другой мир. Все, о чем он думал, что понимает, — все было неправильным. Он чувствовал себя таким же растерянным, как и в Первый День. Из головы не выходили слова Мунларка: «Думаю, есть большая вероятность, что где-то там существуют другие миры».

Миры, а не мир. Он был слишком измучен, чтобы осознать эту фразу, когда ее произнес Мунларк, но теперь она казалась ему самой впечатляющей из всех, что он когда-либо слышал. Если есть два мира, то может быть десять или сто? Картин, изображающих различные места, было очень много, а небо выглядело таким огромным.

Фоллер отпустил занавеску. Он хотел осмотреться, найти здесь подсказки для объяснения происходящего, подсказки, которые посторонний человек, видевший другой мир, смог бы собрать в одно целое. Фоллер потратил много времени, копаясь в шкафах пустых квартир в своем мире, пытаясь соединить осколки минувшего времени. Возможно, на этот раз все получится.

На комоде лежала совершенно новая одежда — черные штаны и обтягивающая толстовка. Одевшись и взяв бутылку с мочой, Фоллер вышел в коридор и начал искать выход на улицу,

чтобы ее выбросить. Он прошел мимо наглухо закрытых дверей, повернул за угол и услышал резкие голоса, доносившиеся из большой, ярко освещенной комнаты.

Заглянув туда, он увидел около десятка людей, в основном женщин и детей, наблюдавших за двумя другими, которые разыгрывали какое-то представление. У зрителей были ясные глаза и сытый вид. Они сидели на хоть и старых, но безупречных креслах и диванах. Выступающие — мужчина и женщина — разыгрывали состязание по ходьбе. Они шагали на месте, лидировал то мужчина, то женщина. Они выступали за большим прямоугольником, обрамлением которого служили белые пластиковые трубы. То, что люди не выходили за рамки фигуры, создавало эффект, что этот прямоугольник был окном в собственный воображаемый мир актеров. Это должно было показаться странным, но Фоллер так не думал. В его мире представления могли разыгрывать где угодно, а зрители и выступающие были единым целым и делили воображаемый мир.

Прежде чем кто-то его заметил, Фоллер двинулся дальше. Место было огромным. Он прошел через открытую дверь и замер, восхитившись самым длинным обеденным столом, который

когда-либо видел.

— Вот ты где.

В дверях появился Мунларк, одетый в темно-синий костюм. Из кармана пиджака выглядывал белый носовой платок. Взглянув на бутылку, которую держал Фоллер, он указал на боковую дверь и сказал:

— Просто оставь там, кто-нибудь об этом позаботится.

Когда Фоллер вернулся, Мунларк положил руку ему на плечо и повел вниз по коридору к высокой входной двери на яркий солнечный свет.

— Давай прогуляемся. — Все признаки гнева и нетерпения исчезли. Пока они шли по кирпичной дорожке, Мунларк казался дружелюбным и расслабленным.

Оглянувшись, Фоллер увидел, что за ними идут двое мужчин в костюмах, с пистолетами, заметно выпирающими из-под пояса. Проходя через главные ворота, Мунларк кивнул еще одному, прислонившемуся к дереву, охраннику с винтовкой. Фоллеру стало интересно, заряжено ли оружие или это все, чтобы произвести на кого-то впечатление.

Они направились к стене, которую он видел вчера, проходя первые кварталы в молчании.

— Ты никогда такого раньше не видел? — наконец спросил Мунларк, обводя рукой улицу с магазинами.

— Я видел похожие улицы, но именно такую — нет.

Повернув налево, они прошли через пустой парк и оказались в забитом жилыми домами районе. На вывешенных над улицей веревках висело постиранное белье. Над грудами мусора жужжали мухи. Фоллер чувствовал нарастающую усталость, но не останавливался, стараясь не подавать вида.

Пока они шли, люди провожали их взглядами. Некоторые держались на почтительном расстоянии, с любопытством наблюдая и перешептываясь. Мунларк привычно их игнорировал.

— Я хочу, чтобы ты оказал мне услугу, — небрежно сказал Мунларк. — Когда мы доберемся туда, куда мы идем, я покажу тебе различные машины. Я бы хотел, чтобы ты смотрел на каждую из них так, будто они тебе знакомы. Много кивай. Прикасайся к рычагам, будто знаешь, для чего они предназначены. Когда я спрошу, можешь ли ты ими управлять, ты ответишь: «Конечно, без проблем». Громко, но не слишком. Можешь для меня это сделать?

Фоллер кивнул.

— Конечно, без проблем.

Он сохранял бесстрастное выражение лица, недоумевая, что задумал Мунларк. Как Фоллер мог притвориться для выгоды Мунларка, что знает, как управлять машинами, если на самом деле не знал?

— Через забор будут наблюдать люди из Верхнего квартала, — сказал Мунларк, глядя на него и поднимая одну бровь. — Тебя кто-нибудь узнает? Скажи мне правду. Ты из этого квартала? Или с другого района?

— Я же тебе говорил, что никто в этом мире меня не узнает, кроме разве тех людей, которые меня нашли.

Мунларк усмехнулся.

— Потому что ты из другого мира. Продолжай в том же духе, друг мой.

Прогулка напомнила Фоллеру о его походе на башню. Это было похоже на парад с идущей за Фоллером и Мунларком толпой. Только люди были более худыми, а их шаги менее твердыми.

Они прошли через еще один деловой квартал с давно разграбленными пустыми магазинами.

— Вот мы и пришли. — Мунларк двинулся к стене, которую Фоллер увидел в тот день, когда

сюда прибыл. Стена, должно быть, отделяла это место от Верхнего квартала.

Когда они подошли ближе, Фоллер понял план Мунларка. Улицу, которая шла вдоль стены, загромоздили большие страшные машины. Ближайшая к нему была похожа на гигантскую стрекозу. Часть разума Фоллера, которая всегда знала правильное слово, прошептала: «Харриер»[20]. Немного дальше стояло пятиногое стальное насекомое с двумя установленными на вращающейся голове башенками — *радиоуправляемый танк*. Как и все остальные, Фоллер мог придумать слово практически для всего, имея лишь самое туманное (или вообще не имея) представление, что это за предмет.

Для начала Мунларк подвел его к истребителю и спросил:

— Ты умеешь управлять «Харриером»?

Оставив дверь открытой, Фоллер забрался в узкую кабину управления и коснулся частей, которые, как он предположил, были рычагами. Надеясь, что хорошо сыграл осведомленность, он кивнул: «Без проблем». В мире Фоллера привлечение слишком большого внимания к себе было

---

[20] Примечания: 20
Британский истребитель-бомбардировщик. *(Прим. пер.)*

хорошим способом в конечном итоге оказаться убитым. Лучше опустить голову и создать вид голодного нищего. Теперь казалось, что Мунларк хотел представить его как человека, который чрезвычайно опасен. Не имея другого выбора, Фоллер играл свою роль, но это давалось ему крайне непросто.

— Я предполагаю, нам нужно достать определенные материалы, чтобы привести его в действие. Можешь сказать, что нужно?

— Не вопрос, — ответил Фоллер. — Конечно, без проблем.

Пока они переходили от машины к машине, притихшая толпа становилась все больше. С другой стороны стены за ними наблюдало много лиц. Фоллер увидел, что кто-то на третьем этаже здания за стеной смотрит в бинокль.

Когда их шествие между машинами закончилось, Мунларк привел Фоллера к толпе. Он придерживал его за локоть, что могло сойти за теплый, покровительственный жест. Остановившись перед толпой, Мунларк поднял руки, призывая к тишине.

— Люди, я хотел бы представить вам Фоллера. Он пришел с небес, чтобы помочь нам. Более пятидесяти человек стали свидетелями его падения

с неба. Некоторые из них здесь, с нами.

Мунларк указал на группу из примерно двадцати человек, стоящую перед основной толпой. Фоллер узнал нашедших его детей и взрослых, которые привели его к Мунларку. Дети оживленно болтали с окружающими, девочка показывала на небо.

— Когда Фоллер станет нашим защитником, те, кто захочет причинить нам вред, пожалеют об этом.

Фоллер улыбнулся, но тут же понял, что у него не подобающий вид для этой роли, и попытался таинственно смотреть вдаль.

— Откуда вы пришли? — спросил человек из толпы, крепко обхвативший себя руками.

— Там есть другой мир, похожий на этот, — сказал Фоллер, показывая на небо. — Далеко, далеко вверху.

Мунларк сжал ему шею так сильно, что она заныла бы от боли, даже если бы не была повреждена, как сейчас. Как бы то ни было, боль была почти невыносимой.

— Сейчас важно то, что он пришел.

— Он один из богов? — раздался чей-то голос.

Проигнорировав вопрос, Мунларк потащил Фоллера вдоль толпы, вероятно, желая дать воз-

можность каждому его увидеть.

* * *

— Ты отлично поработал, — сказал Мунларк, когда они возвращались на его территорию. — Люди, которые тебя нашли, распространяют твою историю по всему городу, и некоторые из моих доверенных людей также говорят, что видели, как ты упал с неба. Теперь мы пустили молву, и все больше людей утверждают, что видели, как ты упал. Можно рассчитывать на то, что те люди дадут нам, что мы хотим. Это человеческая природа.

Как понял Фоллер, план Мунларка заключался в следующем. Тот, кто был главным по ту сторону стены, должен был дать Мунларку все, что он хотел, страшась дальнейших действий, предпринятых Фоллером. Но все это не было похожим на человеческую природу.

Когда они вошли в дом, Мунларк, отправив Фоллера на кухню за едой, исчез в комнате с длинным столом для совещаний. Сказать повару, чтобы он его накормил, — и еда просто появится. Это звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой. Фоллер поспешил на кухню.

Мимо него проскочила женщина, одетая в

лимонно-желтое платье и белые сапоги на каблуках.

Мысленно находясь на кухне, Фоллер быстро взглянул на нее и в знак приветствия кивнул.

Увидев ее лицо, он чуть не задохнулся и застыл, как громом пораженный.

— Подождите!

Она повернулась и внимательно посмотрела на него. Фоллер в свою очередь пристально ее осмотрел, чувствуя, как от удивления отвисает челюсть.

— О, ты тот, кто… — начала она и вдруг замолчала.

Не нужно было сравнивать ее с девушкой на фотографии. Волосы были длиннее, зубы не такие белые, но квадратная челюсть, веснушки на переносице, странные, слегка раскосые зеленые глаза…

Фоллер искал на ее лице какой-нибудь знак, чтобы понять, что она его узнала.

— Да, я тот, кто, — начал говорить он, протягивая ей руку.

От ее прикосновения по телу пробежала дрожь. Может быть, верующие были правы, что боги переродили мир и оставили их в Первый День со всем, в чем они нуждались. В его случае это

была фотография женщины, которую он хотел любить, и игрушка, показавшая ему, как до нее добраться.

— Меня зовут Фоллер.

— Буря. — Нахмурившись, она смотрела на него. — Я все время думаю, что Мунларк, должно быть, неправильно тебя понял. Ты сказал ему, что упал с неба?

Она подавила смех. Говорила Буря прямо и по делу, без ерунды, без пустых разглагольствований. Была уверена в себе и добивалась целей. Фоллер сразу увидел все это. Когда он смотрел ей в глаза, казалось, что воздух мерцал вокруг.

— Я действительно упал с неба.

— Лааадно. — Закатив глаза, Буря слегка повернулась и махнула рукой в сторону коридора. — Что ж, было приятно с тобой познакомиться. Уверена, мы еще увидимся. А сейчас мне нужно быть в другом месте.

— Подожди. — Он потянулся и едва было не схватил ее за запястье.

Она отпрянула подальше от него. Было заметно: женщина решила, что Фоллер сумасшедший. Он полез в карман и понял, что оставил фотографию в комбинезоне, в своей комнате. Он поднял палец.

— Можешь подождать меня здесь?

Взгляд Бури переместился за плечо Фоллера.

— Фоллер!

Он сразу узнал голос того, кто его окликнул. К ним приближался Мунларк с парашютом Фоллера под мышкой.

— Это тот парашют, о котором ты говорил? — спросил он, разворачивая его на полу.

— Да, это он.

Мунларк пристально посмотрел на Фоллера, его ноздри вздымались, удивление исчезло с его лица.

— Еще один человек клянется, что видел, как ты падал прямо с неба. На этот раз взрослый.

Одним быстрым движением он сунул руку в карман, выдернул пистолет и приставил дуло, сразу врезавшееся в кожу, к шее Фоллера.

— Мунларк, не надо, — сказала Буря.

Фоллер попытался отвести голову от давившего на шею пистолета. Мунларк сдвинул дуло еще сильнее.

— Я хочу, чтобы ты прямо здесь и сейчас сказал мне правду. Откуда ты и как сюда попал?

Фоллер развел руками.

— Я говорил тебе. Я упал. — Говорить с прижатым к горлу пистолетом было больно. — Я

могу показать. Дай мне парашют, и я спрыгну с крыши.

Мунларк убрал пистолет. Дотронувшись до отпечатка дула под подбородком, Фоллер повертел головой из стороны в сторону, пытаясь избавиться от пульсации. Мунларк повернулся к Буре.

— Люди клянутся своей жизнью, что видели, как он парил в небе. Своей собственной жизнью.

Передав Фоллеру парашют и расправив ему рубашку, он жестом указал на большую входную дверь:

— Покажи мне.

Фоллер повернулся, остановился и посмотрел на Мунларка. Он сильно волновался и не мог произнести ни слова.

— Что? — спросил Мунларк.

— Я очень голоден. — Вкусные орехи были последним, что он ел, не считая нескольких кусков вяленого собачьего мяса, которым он питался еще в день своего падения.

Мунларк огляделся и, никого не увидев, повернулся к Буре и положил ей руку на плечо.

— Дай-ка ему немного еды, — сказал он и, наклонившись, поцеловал ее.

Фоллер отвернулся от вида поцелуя, внутри него все угасло.

VI

Увидев входящего Питера, Изабелла неистово дрожащими пальцами спрятала пульт. Канал MSNBC[21] транслировал видео со вчерашнего дня: российские беспилотники бомбили комплекс Брайан Маунд-Фрипорт в Техасе, где хранятся стратегические запасы нефти.

Мир боролся за сокращение энергоснабжения, все уменьшая его количество. Это не имело смысла. Все боялись, что Россия и ее союзники, которые теперь включали большую часть стран Юго-Восточной Азии, Аргентину, Северную Корею, Ближний Восток и большинство стран бывшего Советского Союза, вторгнутся в Соединенные Штаты, а не в Китай. Вторжение на землю с размером и населением как у КНР было подобно самоубийству.

Питер взял пульт и выключил телевизор. Желая отвлечься от непрерывных военных забот и полностью уделить внимание Изабелле, он

---

[21] Примечания: 21

MSNBC — американский кабельный телеканал, доступный в США, Канаде, Южной Африке и на Ближнем Востоке. Был основан в 1996 году совместно компаниями Microsoft и отделением National Broadcasting Company, принадлежащим General Electric (ныне NBC Universal). *(Прим. ред.)*

сел и взял ее за руку. Ее пальцы тряслись так, будто через них проходил электрический ток. Лицо ее тоже подергивалось, рот кривило в одну сторону.

— Это уже не смешно, — невнятно сказала она.

— Я не смеюсь.

Он посмотрел на жидкость, вытекающую из пакета капельницы в шприц.

— Ты знал, что не понравился мне, когда мы впервые встретились? — спросила Изабелла.

Питер рассмеялся.

— А я-то думал, что первые впечатления — мой конек. Забавно, а ты мне сразу понравилась. — Питера всегда сбивало с толку, почему другие его иногда не понимали. На протяжении многих лет он выдвигал множество предположений. — Что тебе во мне не понравилось?

Наклонившись вперед, Изабелла дотянулась до длинной соломинки. Так она могла пить воду. Сделав два глотка, она откинулась на подушку и сильно закашлялась.

— С тобой все в порядке? — спросил Питер и наклонился, собираясь похлопать ее по спине.

Изабелла кивнула.

— Обычное дело.

После еще одного приступа кашля она сказала:

— Тебя было трудно понять. — Потребовалось время, чтобы Питер мог разобрать ее слова. — Ты носишь маску такого приветливого, обычного парня. Попытка снять ее — это как удариться о стену, но ты *знаешь*, что за этой стеной найдешь гораздо больше.

Питер пытался переварить ее слова: будто в пустоту он смотрел на бутылку воды и едва тронутый обед Изабеллы. Питер никогда не считал себя замкнутым. Исключая Мелиссу и Гарри, Изабелла знала его лучше, чем кто-либо, поэтому он понимал, что она не шутит и говорит на полном серьезе.

— Мне кажется, за эти последние две недели я узнала тебя лучше, чем за последние двадцать лет.

Питер ничего не сказал, она добавила:

— Позволь впустить людей в свое сердце до того, как они начнут умирать.

— Я услышал тебя, — кивнул он. — Я постараюсь.

Изабелла пристально посмотрела на него. Их глаза смотрели друг на друга, как смотрят глаза двух влюбленных людей. У нее вдруг выступили слезы.

— Что такое?

— Ты знаешь.

Он наклонил голову, не уверенный, что понял.

Но понимание вдруг пришло, как гром среди ясного неба.

— Только не клонирование.

Она кивнула.

— Белла, это невозможно. Даже если бы я посчитал это хорошей идеей, я не могу проделать это за спиной Уго и Мелиссы.

— Это не им решать. Я хочу это сделать. Значение имеет лишь мое мнение.

Изабелла попыталась отбросить волосы с глаз, но рука ее не слушалась. Питер протянул руку и помог ей.

— Если бы вместо меня в этой постели лежал ты, ты бы сделал это? — спросила она.

— Нет.

Он отпустил руку Изабеллы и подошел к окну, чтобы не видеть мольбы в ее глазах.

— Прежде чем говорить «нет», сначала подумай. Поставь себя на мое место. Время идет быстро. Через две недели тебя уже не станет. Весь ты, все твои воспоминания, любовь, все это просто… остановится.

Закрыв глаза, Питер повернулся к Изабелле, и она поняла: он пытался представить себе всю

оставшуюся жизнь, состоящую из нескольких мучительных недель.

Он делал это раньше. Питер знал, что, если задумываться о своей собственной смерти достаточно глубоко, наступит тот момент, когда это перестанет быть обычным упражнением для мозга: жесткая реальность ударит его в живот, и наступит настоящий страх. Нехотя он поставил себя на место Изабеллы.

Ему пришлось признать, что было приятно представлять себя клонированного с теми же мыслями и воспоминаниями. Это не избавило бы от страха смерти, но хотя бы притупило его.

— По-моему, я понимаю, почему ты хочешь это сделать, — признался он. — Я бы, наверное, тоже хотел этого.

И, прежде чем она заговорила, добавил:

— Но, Белла, я не могу. Слишком много риска. Было бы безрассудно пробовать это. — Он представил все это. Видение было ужасающим. — Ты думаешь, Уго и Мелисса так просто примут твой клон? Они растеряются. Это будет сплошной хаос.

— Это буду *я*. Я буду стоять здесь, разговаривать с ними и вести себя так, как всегда. — Она сложила руки и покачала головой. — Они меня

не отвергнут.

Питер взмахнул руками вверх.

— Я даже не знаю, безопасно ли это. Если это работает с мышами, далеко не факт, что сработает с людьми.

— А если я умру, посмотри на чудесную жизнь, которая останется после. Питер, посмотри на меня.

Питер машинально отвернулся. Он видел ее лицо, настолько непохожее на лицо Мелиссы, гораздо более круглое. Ее глаза пылали и напряженно вглядывались в него.

— Если это меня убьет, это будет подарок. Ты это знаешь. Мне совершенно нечего терять.

В его голову закралась эгоистичная мысль: если он сделает то, о чем она просит, он действительно ее не потеряет. И да, и нет.

— Это не значит, что мы сдаемся, — сказала она. — Уго может так же работать над лекарством. — В голосе Изабеллы появилась надежда.

Возможно, потому, что она видела, как он колеблется. Она изо всех сил пыталась поднять голову с подушки.

— Мы можем рассматривать это как страховку. Я всегда хотела сестру-близнеца, поэтому, если я выживу, она не станет проблемой. Кроме того, я

стану знаменитой.

Питер кивнул в знак того, что понял, о чем она говорит, но пока он не согласен с ней.

15

Мунларк выбрал заброшенное шестиэтажное здание в нескольких кварталах от своей резиденции. Оно имело форму подковы, внутренний двор был завален машинами. Казалось, что в этом мире больше заброшенных зданий, чем в мире Фоллера, хотя и там их было немало.

— Осмотритесь и разгоните всех, кого найдете, — сказал Мунларк одному из своих людей, когда Фоллер начал подниматься по внешней пожарной лестнице. — Никаких свидетелей, пока мы не узнаем, с чем имеем дело.

На крыше Фоллер присоединил застежки к стропам и дернул каждую пять-шесть раз. Закрепив стропы, он на мгновение задержал взгляд на застежках, как будто они могли прыгнуть самостоятельно.

Занимаясь всем этим, Фоллер думал о снимке в кармане, на котором были изображены он и женщина, живущая в другом мире. Он представлял единственный возможный способ их знакомства: они когда-то знали, как управлять машинами,

и путешествовали между двумя мирами друг к другу.

Удовлетворенный надежностью парашюта, он собрал его в рюкзак и подошел к краю крыши, чтобы оценить высоту прыжка. После прыжка с башни и падения с края света шесть этажей казались расстоянием, с которого он мог бы спрыгнуть и без парашюта. В этот момент к Мунларку и его людям во дворе присоединилась Буря, державшая в руках коричневый бумажный мешок, в котором, как надеялся Фоллер, была еда.

Стемясь произвести впечатление, Фоллер помахал своей аудитории, затем отступил на три шага назад и поднял руки в воздух для более драматичного эффекта. Он опустил голову и закрыл глаза, симулируя глубокую концентрацию, хотя это вызывало боль в шее.

Подняв голову, Фоллер разогнался, прыгнул и, посчитав до трех, раскрыл парашют. Тот раскрылся резко: толчок отдался острой болью в шее, но это было ничто по сравнению с несколькими блаженными секундами полета.

Приземлившись в десятке метров от своих зрителей, Фоллер отскочил в сторону, чтобы его не накрыло парашютом. Для завершения представления казалось уместным поклониться, что

Фоллер и сделал. Подняв голову, он поймал взгляд Бури. По ее лицу Фоллер предположил, что сейчас она почти поверила ему и все ее представления о мире рушатся. Фоллер как никто другой хорошо знал это чувство.

Пока он отстегивал подвесную систему, к нему не спеша подошел Мунларк и, потянувшись в карман своего жилета, к удивлению Фоллера, вытащил пачку сигарет, вытянул одну и предложил закурить.

— Если ты не тот человек, кем я тебя до этого считал, я перестану проявлять к тебе неуважение. Но если это неправда и ты просто чертов шпион, и я об этом узнаю, разрежу тебе живот и разбросаю твои кишки по тротуару.

Улыбаясь, Фоллер взял сигарету.

— Если бы это было неправдой, я бы пропустил ту часть своей истории, в которой пробыл четыре дня без еды и воды, и просто сказал, что упал после сытного завтрака. — Он мучительно осознавал присутствие Бури, спрятанной за спинами людей Мунларка.

Мунларк выпустил длинную струю дыма.

— У меня это все равно в голове не укладывается. — Он схватил Фоллера за плечо. — Значит, ты действительно знаешь, как управлять ма-

шинами?

— Нет, я не знаю, как ими управлять.

Мунларк пристально посмотрел на него.

— Но ты знаешь, как управлять парашютом. Ты знал, что мы здесь, иначе бы не прыгнул. И ты говоришь, что ты не один из тех, кто все это подстроил?

— Я не прыгал, я упал. Я пытался спрыгнуть с небоскреба и упал с края моего мира.

Мунларк зажег спичку и прикурил Фоллеру сигарету.

— А как выглядит твой мир?

Легкие Фоллера наполнились сладким дымом, часть которого витала вокруг его лица. Это было чистое блаженство. Он выпустил струйку дыма в воздух.

— Очень похож на этот.

Мунларк посмотрел на крышу, где недавно стоял Фоллер.

— Очень похож на этот… Ты имеешь в виду здания, дороги и знаки, о которых никто не знает, что они значат?

— Да. Именно так.

Пока Мунларк размышлял над этими словами, к его ноге подлетела пожелтевшая обертка от конфет, которую тот бездумно пнул.

— Может быть, тебя послали научить нас, как управлять этими машинами, а ты пока этого не знаешь.

Фоллер рассмеялся над шуткой, но тут же увидел, что Мунларк не шутил, и перешел на улыбку.

— Ты ведь несерьезно. Я же говорил, что ничего не знаю о машинах. Я ничего не знаю ни о чем…

— Ты можешь не знать, что тебя отправили. На самом деле, в том, что ты не будешь знать своей цели, есть определенный смысл.

Фоллер расстроенно махнул свободной рукой.

— Но меня не отправили — я упал.

— Просто повесели меня. — Мунларк дернул подбородком в сторону груды ржавчины в углу двора, похожей на грузовик. — Иди.

Фоллер с ужасом двинулся туда, не осмеливаясь отказаться.

Мунларк распахнул дверь грузовика и жестом указал Фоллеру забраться внутрь. В кабине пахло мокрой шерстью грызунов, а чехол на сиденье разваливался в клочья. Буря с мужчинами подошли ближе к грузовику и с интересом наблюдали.

— Просто дай волю рукам, — сказал Мунларк, махая рукой в сторону рычагов и кнопок. — По-

играй с этим.

Чувствуя себя полным придурком, Фоллер бросил сигарету на край пассажирского сиденья, положил руки на руль и повернул его влево и вправо. С первых дней, когда некоторые автомобили еще какое-то время работали, он запомнил, что сюда должен вставляться, а затем поворачиваться ключ. Он огляделся: ключа в грузовике не было.

Он переместил ручку в направлении бедра. «Смещение», — прошептал его голос. Хорошо, пусть будет смещение. Слова словами, но такое слово, как «смещение», было просто набором пустых звуков, которые ни о чем не говорили.

Фоллер ударил кулаком по передней части (*панели*) и потыкал в кнопки радио. Из динамика должны были доноситься голоса. Его внезапно озарило. Он был уверен, что прав, хотя не мог сказать, почему или чьи голоса должны были звучать. Покрутив еще несколько ручек, он посмотрел на Мунларка и пожал плечами.

— Доволен?

Мунларк улыбнулся, признав свою глупость.

— Да. Пошли домой и хорошенько поужинаем.

* * *

«Хорошенько поужинаем» было еще мягко сказано. Они ели голубя и картошку. На столе была соль. Соль, черт возьми! Позже на десерт Молот принес три красивых блестящих красных шара и положил один перед Фоллером. Тот уставился на него. Это была одна из тех мифических вещей, названия которых он знал. Он видел их на картинах в музее и в книгах с картинками, но этих предметов не существовало. Они были только в этом мире. *Яблоко*. Его сердце забилось сильнее, когда он поднял его и понюхал, наблюдая, как Мунларк и Буря сжимают свои фрукты в руках и надкусывают их. Фоллер вонзил зубы в свое яблоко и, когда откусил, хихикнул от восторга. Оно было вкуснее, чем все, что он когда-либо ел. Совершенно новый вкус вскружил ему голову.

Наблюдая за реакцией Фоллера на яблоко, Мунларк выглядел довольным.

— Так какими были дни в твоем мире, Фоллер? — спросил он в перерыве между укусами.

— Они были плохими. Слишком много людей. Недостаточно еды. В Первый День все выглядели сытыми, но понятия не имели, кто их накормил и как не растерять это чувство. Около тридцати

дней спустя в головы людям полезли дурные мысли, начался хаос — война с миллионами сторон. Стрельба. Поножовщина. Банды, убивающие каждого и забирающие пищу.

Он сделал паузу и откусил от яблока, чтобы подавить грусть. Фоллер не любил вспоминать о первых днях. Ему даже не хотелось думать о них, но как бы ему ни хотелось, образы не покидали его.

— Многие люди умерли от болезни. В конце концов народу стало меньше, и все успокоилось. Люди сейчас в основном ладят. По крайней мере, те, кто остался. — Ни Мунларк, ни Буря не удивились этим словам.

Он продолжил:

— У нас есть племена, может быть, штук сто. Никто не сможет посчитать количество союзов, частичных союзов, враждующих сторон. А что здесь?

— Почти то же самое, — ответил Мунларк. — Хаос был более организованным. Группы — мы тогда называли их кланами — сформировались рано. В первые дни было около пятнадцати. Некоторых уничтожили в первых боях, другие слились, и теперь у нас осталось семь. Семь районов.

Он пересчитал их на пальцах:

— Верхний квартал, Речная долина, Граничный район, Картервиль, Дальний угол, Зеленый район и наш — Врата. Мы контролируем Центр. Вся торговля и движение с одной стороны мира на другую должны проходить через нас. — Он ткнул себя в грудь двумя указательными пальцами.

Фоллеру показалось интересным, что Мунларк использовал слово «нас», когда было очевидно, что более подходящим являлось «меня».

— Здесь нет порядка, — сказала Буря. — Всегда есть районы, сражающиеся друг с другом, постоянные рейды. Шесть месяцев назад банда с Верхнего квартала вторглась на нашу землю и убила восемьдесят наших людей, прежде чем мы их оттеснили.

— Да, но мы убили сто пятьдесят человек с их стороны, — добавил Мунларк, размахивая огрызком.

Мунларк и Буря сидели рядом, часто глядя друг на друга. Фоллер попытался вычислить, насколько постоянными могут быть их отношения и как долго они продолжаются. Но спросить не посмел.

— Сколько людей в вашем мире? — спросил Фоллер.

— На Вратах живет около 2800 человек, — отве-

тил Мунларк. — Мы не знаем точное количество населения других районов, но в целом, вероятно, около пятнадцати тысяч.

Мир Фоллера был меньше, хотя у него было лишь смутное представление о разнице в их размерах.

— За месяц до войны с Верхним кварталом наши подсчеты сводились к тридцати тысячам. Кто знает, сколько людей было здесь вначале. Вот почему ты так важен — кому-то нужно объединить районы, прежде чем они сотрут друг друга с лица земли.

На лице Бури промелькнула вспышка нетерпения.

— Есть и другие возможности, которые не предполагают принципа «все или ничего».

— Ладно.

Не обращая внимания на реплику Бури, Мунларк встал из-за стола.

— Мне нужно поговорить с некоторыми людьми, — сказал он, кивая Фоллеру.

— Большое спасибо за еду. Я еще никогда так не ужинал, — произнес тот в ответ.

— А, не беспокойся об этом.

Буря тоже встала. Фоллер откинулся на стул, наблюдая, как Буря направляется к двери, а Мун-

ларк пошел дальше по коридору. Когда Мунларк скрылся из виду, Фоллер последовал за Бурей. Дверь вела на улицу.

Он увидел, что она стоит, скрестив руки, во внутреннем дворике рядом с прямоугольным бассейном над темной водой. В зарослях кустов, окружавших дворик, трещали сверчки.

— Это твое тихое место?

Буря развернулась. Она не удивилась, увидев его.

— Здесь много тихих мест, — сказала она, указывая на тридцатиэтажную башню в нескольких кварталах от нее. — Если ты ищешь себе тихое место, она пуста. Каждую неделю становится все больше таких мест.

— Спасибо, но я провел достаточно времени в тишине, пока падал. Я больше настроен на разговоры.

Буря улыбнулась и покачала головой, словно говоря: «Что мне с тобой делать?»

— Тебе лучше отдохнуть. Мунларк распланировал для тебя завтра насыщенный день. — Она посмотрела на него и ухмыльнулась. — Ты будешь заводить танк.

— Так и есть.

Он не хотел говорить о планах Мунларка или

о сокращении населения. Он хотел показать ей снимок. Одновременно он опасался его показывать, боясь, что она вырвет его из рук и обо всем расскажет Мунларку. Тогда Фоллеру пришлось бы долго объяснять, начиная с того, почему у него есть фотография самого себя с его подругой (или кто она ему там), и заканчивая тем, почему он не показал этот снимок раньше. У него не было убедительных ответов на эти вопросы.

— Так как вы с Мунларком познакомились? — спросил Фоллер, взглянув на смотревшую в воду Бурю.

— Как-то двое мужчин, пока я спала, отобрали мой пистолет. Они напали на меня. За их спинами появился Мунларк с палкой и начал избивать их до смерти. Когда все закончилось, он взял пистолет и отдал его мне.

Фоллер кивнул. Он отлично понимал, к чему может привести такое доверие к кому-либо.

— Где ты взяла пистолет?

— Он был у меня на поясе в первый день. — Буря повернулась к нему лицом. — Скажи-ка мне, Фоллер, как ты думаешь, чем все это кончится?

— Чем кончится что?

Буря закатила глаза к небу.

— Скажем, Мунларк убедит лидеров других рай-

онов, что ты умеешь управлять машинами, и они дадут ему то, что он хочет. А что будет потом?

Подняв брови, Фоллер ждал продолжения.

Буря говорила похожим тоном, который использовал сам Фоллер, когда объяснял Маргаритке что-то, что она должна была уже понимать. Например, что нельзя есть грибы, растущие на колесах машин.

— В какой-то момент должно произойти одно из трех, — сказала она.

А затем, загибая один палец, продолжила:

— Первое: ты проедешь по улице на танке или починишь кран для воды. Мы оба знаем, что этого не произойдет. Второе: Мунларк признает, что обманывал всех насчет тебя, чтобы получить больше территории, и видит бог, — засмеялась она, — что этого не будет. Остается третье.

Она опустила руки и посмотрела на него, ожидая его реакции.

Фоллер присел на корточки, поднял камешек и бросил его в воду.

— А третий вариант я должен понять сам, верно?

— Да, ты прав. — Она очень пристально посмотрела на него. — Скажи мне, Фоллер. Если тебе хватило ума понять, как прыгать из одного мира

в другой, то до этого додуматься еще легче. Какой третий вариант?

Фоллер догадался, какой третий вариант, когда она еще не договорила первый. Он не был уверен, что это в его интересах, чтобы подруга Мунларка знала, что он понял, какой третий вариант. Разумеется, сказать, что ее муж собирался его убить, было не в ее интересах, поэтому, возможно, он мог ей доверять.

— В третьем варианте меня ждет несчастный случай.

— В точку, — сказала она, указывая на него. — Ты не такой глупый, каким кажешься.

— Почему ты мне это рассказываешь?

Буря наклонилась так близко, что на мгновение Фоллер подумал, что она собирается его поцеловать.

— Потому что ты не единственный в нелепом плане Мунларка, кого собираются убить.

Несмотря на ситуацию, близость ее дыхания вскружила ему голову. Она отпрянула и скрестила руки на груди.

— Если ты можешь вернуться туда, откуда пришел, сейчас самое подходящее время.

— Ну, это проблема. Я не умею падать вверх.

— Тогда спрячься. Перелезь через стену в другой

район, где никто не знает, как ты выглядишь.

Это имело смысл, но вскоре Фоллер снова бы умирал от голода, и еще там будет стена, отделяющая его от Бури. Поэтому он не был против такой опасности. Ну, может быть, «не был против» было преувеличением, но Фоллер предпочел бы быть кем-то, кто ест яблоки и имеет цель, чем никем, кто ест крыс и пытается отыскать еду, чтобы выжить. Если все станет слишком опасным, он всегда может убежать и скрываться. А пока посмотрит, что будет дальше.

16

Танк стоял посреди улицы, оба его дула были нацелены на стену, разделяющую Центр города и Верхний квартал. Вдоль улицы выстроились тысячи жителей Врат. Они яростно распихивали друг друга, пытаясь занять лучшее место для обзора, но всякий, кого сталкивали с тротуара на улицу, немедленно возвращался на тротуар. Люди Мунларка приказали им освободить эту улицу, а Фоллер знал, что жители всегда слушаются Мунларка и его людей.

— Какую дыру он пробьет? — спросил Мунларк с такой громкостью, чтобы его услышали даже зрители с Верхнего квартала, которые собрались

за стеной.

— Может, такую? — сделал он руками большой круг.

— Это будет не дыра, — покачал головой Фоллер, проводя рукой по большому участку стены. — Выстрелом выбьет целую секцию.

Мунларк, явно довольный ответом Фоллера, засиял.

Поскольку башня танка была похожа на гигантский пулемет, Мунларк предполагал, что дыра будет такой, как после выстрела из пулемета. Фоллер же не был уверен, что танк можно считать похожим на это оружие. Конечно, башня танка *выглядела* как гигантский пулемет, но его пушки были рабочими. Никто не понимал, почему они работают, а ни одна из остальных машин — нет. Возможно, пушки вообще не были машинами. Может быть, было лучше думать о них как об инструментах, таких как молотки и пилы. Если его сон о самолетах, сбрасывающих бомбы, был чем-то большим, чем его собственное искаженное воображение, то, что вылетит из дула радиоуправляемого танка, будет не чем иным, как пулями.

Фоллер и Мунларк, как и репетировали, забрались на танк, чтобы посмотреть на рычаги

управления.

— Ты можешь двигать пушки, не стреляя? — спросил Мунларк.

— Да, конечно.

Фоллер подошел к рычагам. Пытаясь разыгрывать обдуманность действий, одной рукой он взялся за ручку, а другой схватил зазубренную черную рукоятку. Толпа смолкла. Он закрыл глаза, словно глубоко концентрируясь, повернул рукоятку и одновременно ручку, а затем, открыв глаза, отпустил рукоятку и щелкнул несколькими переключателями.

Танк медленно двинулся задом. Толпа ахнула. Это был красивый звук: одновременный вдох тысячи пар легких. Фоллер смотрел за меткой, которую люди сделали на улице. Когда переднее колесо коснулось ее, он вернул переключатели в прежнее положение, а затем повернул рукоятку в противоположном направлении. Танк остановился.

Спрыгнув с машины, он услышал, как в люке под ним прячутся люди, сматывающие цепь, с помощью которой они протащили танк эти несколько метров. Крышка люка тихонько закрылась. Фоллер присоединился к Мунларку и пожал его протянутую руку. Они играли на публику.

Их руки были сомкнуты, как будто скрепляли клятву, лица повернулись к зрителям.

Знакомое лицо в толпе застало Фоллера врасплох. Заметив ее каплевидные глаза и строгую линию рта, он издал резкий вопль удивления и выпустил руку Мунларка.

— Орхидея? — воскликнул Фоллер, делая шаг в ее сторону.

Мунларк поймал его за локоть и потянул назад.

— Орхидея, это ты? — позвал Фоллер.

Это *была она.* Только еще более худая, одетая в сильно испачканные джинсы и футболку и сжимающая руку маленького мальчика. Фоллер попытался вырваться из хватки Мунларка, но тот только сильнее сжал руку. Он повернулся к нему.

— Эта женщина из моего мира! Я знаю ее. Как она сюда попала? — спросил он, отчаянно махая ей. — Орхидея, это я!

Орхидея посмотрела через плечо, как будто подумала, что он обращается к кому-то другому.

Мунларк дернул Фоллера в другом направлении и прошипел:

— Уходим.

Орхидея смотрела на Фоллера без единого на-

мека на то, что она его узнала.

— Орхидея! — Фоллер оттолкнул Мунларка. Вся толпа теперь смотрела на Орхидею.

Выглядя смущенной и нервной, Орхидея метнулась в толпу. Рука маленького мальчика, сжимающая сломанную игрушечную гоночную машину, была последним, что увидел Фоллер до того, как один из людей Мунларка схватил его за руку. Они унесли Фоллера прочь. Его ноги болтались чуть выше бордюра.

— Мать твою, ты ведь сказал мне, что никого не знаешь! — закричал Мунларк, когда толпа уже не могла их слышать.

Он посмотрел на Фоллера сверху вниз, как будто разглядывал экскременты на своем ботинке.

— Ты *лживый* мешок дерьма. Тебе удалось меня развести.

— Я *не знаю* никого из этого чертового мира. Но *эта* женщина не из этого мира — она из моего.

Мунларк остановился и уставился на Фоллера.

— Ты не мошенник, ты хренов сумасшедший.

— Нет, — быстро сказал Фоллер. Он догадался, что будет с ним, если Мунларк примет его за сумасшедшего. — Клянусь тебе, я не сумасшедший. Ты можешь на меня рассчитывать.

Он старательно пытался показать, что уже все

нормально, что он стоит с ними спокойно и без страха.

— Я сожалею об этом, этого больше не повторится. Она, должно быть, похожа на ту, кого я знал. Жутко похожа, правда.

Мунларк внимательно посмотрел на Фоллера. Тот старался выглядеть совершенно нормальным и смышленым. Мунларк выругался сквозь зубы и пошел дальше.

— Наверное, я уже по самые уши во всем этом, чтобы обойтись малой кровью.

Фоллер кивнул. Они повернули за угол, выходя на улицу, чтобы обойти обрушившуюся стену.

— Ладно, проехали. — Он довольно сильно похлопал Фоллера по спине. — Больше никаких сюрпризов, понятно?

VII

Питер вкатил Изабеллу в лабораторию, дверь за ними захлопнулась с громким звуком, эхом, раздавшимся в открытом пространстве. «Делать это посреди ночи — преступление», — подумалось ему, и, возможно, технически так и было.

— Тебе не начало казаться, что это все-таки плохая идея? Может, мне следует отвезти тебя обратно?

— Давай не будем повторять это снова, — взмолилась Белла. — Я и так напугана до смерти.

Ее речь была прерывистой, гортанной.

Кресло-коляска оставляло на безупречно чистом полу мокрые полосы. На улице шел дождь, его капли, оставляя следы, стекали по большим окнам от пола до потолка.

Наклонившись к Изабелле, Питер взял ее под руки и поднял с кресла. Девушка могла только смотреть, как он пытался затащить ее на третью алюминиевую ступень лесов. Питер был слишком мал и слаб. Тяжелоатлет Уго мог бы ее поднять с легкостью, но Уго не следовало знать, чем они занимаются, пока все не закончится.

Тяжело дыша, Питер посадил Изабеллу на край лесов, поближе к диафрагме — порталу для клонирования.

Изабелла сдернула свое обручальное кольцо и передала его Питеру.

— Я не хочу его потерять.

— Я об этом не думал, — сказал Питер.

— Черт, а как же моя одежда? Я не подумала принести что-нибудь для меня или для нее.

Упоминание о *ней* вызвало у Питера мороз по коже. Он тоже не подумал об одежде. Он не умел просчитывать все детали.

— Может быть, нам стоит вернуться и взять что-нибудь.

— *Нет.* Я не хочу упасть духом. Я могу снять больничную рубашку, а после ее надену. Мой двойник может спрятаться в одном из офисов, пока ты не принесешь ей какую-нибудь одежду. Черт. Мой *двойник.* Это реально?

— Вот и я о том же. Это реально. Слишком реально.

Он отвел глаза и стал развязывать бантик в верхней части больничной рубашки Изабеллы.

— Брось, Питер, — сказала Изабелла. — Как ты бросишь меня туда, *не глядя* на меня?

Она была права. Повернув голову примерно на 45 градусов, он уставился в одну точку, спустил рубашку с бедер Изабеллы и снял ее. Бледно-белая кожа женщины явно контрастировала с темными волосами.

— Мне нужно, чтобы ты посмотрел на меня, Питер. Посмотри мне в глаза.

Питер выполнил ее просьбу.

— Я боюсь, — сказала она. — Мне нужно, чтобы ты был здесь, со мной.

Он взял ее дрожащую руку и сжал.

— Прости. Я здесь. Не бойся. Ничего плохого не случится.

Если бы он был в этом уверен. Чем меньше времени оставалось до того, что они хотели сделать, тем неуверенней он себя чувствовал.

Он встал за спиной Изабеллы и взял ее под руки, правой рукой дотронувшись до ее груди.

— Прости.

Она издала нервный смех:

— Да, я почти уверена, что ты ко мне не пристаешь.

Она безудержно дрожала. Питер не мог сказать, было ли причиной этому действие приона или прион смешался со страхом. Его сердце неистово колотилось. Через несколько минут появятся две Изабеллы.

— Мы вот-вот войдем в историю, — сказал он. — Ты это понимаешь? Ты будешь как первый человек в космосе. Даже больше.

— Просто подними меня, вундеркинд. Мы сможем подумать о важности момента, когда все закончится.

Он поднял Беллу. Ее ноги повисли над диафрагмой.

— Если что-нибудь случится, скажи Уго, что я прошу прощения за то, что пошла на это за его спиной. Мелиссе передай, что я люблю ее. — Вытянув шею, она попыталась поцеловать его в

щеку, но из-за судороги в мышцах только ударилась носом в его ухо. — Спасибо тебе.

— Я увижу тебя через минуту, тогда и сможешь поблагодарить. В лаборатории.

Он уставился на отверстие, ожидая, когда она передумает. Они смогут смеяться над тем, как Питер помогал ей раздеться. Это будет их маленький секрет. Еще несколько недель, как минимум.

Изабелла всматривалась в темноту.

— Отпускай меня, Питер.

— Ты уверена?

Она закрыла глаза.

— Ради бога, Питер, давай покончим с этим.

Стараясь не упасть вместе с ней, Питер отпустил ее.

Она исчезла в отверстии диафрагмы.

С колотящимся от волнения сердцем Питер быстро спустился по лестнице, ринулся к подводящим каналам и повернул налево, где на мягкую, подложенную им подушку должна была упасть настоящая Изабелла.

Ни одна Изабелла не появлялась.

Мыши выходили сразу же. Как и все пробные органы и ткани. Питер уставился на канал. Он сопротивлялся соблазну окунуться в него, чтобы посмотреть, не застряла ли она, зная, что так не

могло случиться.

Он стоял неподвижно, сердце выпрыгивало из груди. До сих пор все, что попадало в дубликатор, имело на выходе свой клон.

— Где она? — сказал он вслух. Он знал, что есть риски. Риски были всегда, поскольку о процессе мало что было известно, но как она могла *исчезнуть*?

— Изабелла? — крикнул он и, немного подождав и послушав, еще раз: — Изабелла?

Ему стало трудно дышать.

Он бросился к лесам, взлетел по лестнице и чуть не упал в диафрагму.

— *Изабелла?*

Он не увидел ничего, кроме абсолютной черноты диафрагмы.

Его всполошил мягкий глухой стук. Он поднял голову и, увидев подводящие каналы, торопливо спрыгнул на пол и рухнул на колени, прежде чем оправиться. Питер увидел бледные, белые, обнаженные формы обеих Изабелл, обе лежали лицом вниз. Он приблизился к настоящей Изабелле и наклонился над ней.

— Изабелла?

Перевернув ее на спину, он заглянул в безжизненные карие глаза.

17

Гуляя в тени заброшенных магазинов и домов, Фоллер был уверен в том, что женщина, которую он видел, — просто незнакомка, чертовски похожая на Орхидею. Он, наверное, представил себе ту женщину в толпе — красивые каплевидные глаза, длинные ресницы, зажатая манера поведения — и убедил себя в том, что это Орхидея. Ее лицо он знал так же хорошо, как свое собственное.

Приглядывала ли она за Маргариткой, как обещала? Конечно же, да: она любила Маргаритку почти так же, как и Фоллер. Они были как семья, если не считать Бурю. Хотя Буря особо его не ждала.

Фоллер остановился на углу улицы и посмотрел на густо покрытые темно-зелеными листьями витрины. Весь квартал походил на какое-то вьющееся растение. Но все было бессмысленно: гуляя по улицам, он не отыщет Орхидею, или кем бы ни была та женщина. Фоллер даже не знал, где находились населенные участки района, — эта часть города казалась безлюдной. Фоллер оглянулся на белую башню и вернулся туда, откуда пришел. С белой башней, служащей ориентиром, риск заблудиться отсутствовал.

Возможно, женщина, которую он видел в толпе, была сестрой-близнецом Орхидеи. Она могла оказаться здесь, в этом мире, как и Буря. Это объясняет, почему женщина его не узнала.

Когда Фоллер вернулся в дом Мунларка, Молот сообщил ему, что тот искал его, и направил в его кабинет.

Мунларк так широко ухмылялся, что казалось, уголки губ касаются ушей. У него не было одного резца. Фоллер мысленно позлорадствовал: у него самого пока были все зубы.

— Супер хочет обсудить условия объединения.

— Кто такая Супер? И что такое объединение? — Мунларк не предложил ему присесть, поэтому Фоллер остался стоять в центре большой комнаты.

— Супер руководит Верхним кварталом. После объединения стену между двумя районами снесут, превратив их в один. Разумеется, квартал будет под моим контролем. Она хочет вести переговоры сейчас, пока еще может получить благоприятные условия. Вероятно, она надеется стать моим заместителем.

Мунларк встал из-за стола, с важным видом прошествовал между двумя диванами, расположенными напротив друг друга, и заложил руки

за спину.

— С армией такого размера и полным контролем торговли во всех районах это будет только вопросом времени, прежде чем мы снесем все стены и объединим мир. Ни один из районов долго не продержится, даже если догадаются, что мы не умеем управлять машинами. — Он откинул голову и рассмеялся. — Черт, да я ведь гений, да?

Он посмотрел на Фоллера и поднял брови.

— Я же гений?

— Ты гений.

Мунларк обнял Фоллера и поцеловал его в висок.

— У меня еще и отличная память. — Он постучал пальцем по виску. — Я не забываю людей, которые мне помогают.

Под этой фразой подразумевалась награда для Фоллера, но никакой угрозы в ней не слышалось.

18

Фоллер проснулся от собственного крика. Казалось, что кошмар затягивал его в свои сети, заставлял досмотреть до конца. Сердце Фоллера колотилось, было тяжело дышать. Он встал с постели, прижал подушку к груди и ждал, пока ужасные образы испарятся.

Фоллер тащил труп по темным туннелям. Труп был слишком тяжел для него. Женщина продолжала скользить по земле, но он не хотел ее тащить, потому что знал, кто она. Хорошо, что он не слышал звук тянущихся по земле ее ног, иначе он бы окончательно потерял рассудок. Фоллер пытался схватить ее еще крепче, но она все время выскакивала из потных рук. Его пальцы хватались за ее холодную грудь, волосы, бедра. И вдруг она подняла руку и схватила его за плечо.

Раздвинув шторы, Фоллер широко открыл глаза навстречу утреннему солнечному свету, желая, чтобы он выжег образы из его головы.

* * *

Все еще дрожа, Фоллер встретился с Мунларком, Бурей и шестью его людьми на длинной тропинке, соединяющей дом Мунларка и намеченное место их действий. У всех мужчин были пистолеты, заправленные за пояс.

— Готовы? — спросил Мунларк.

Они отправились в путь, птицы щебетали им вслед.

— Когда мы доберемся туда, вы двое немного отстанете, — сказал Мунларк Фоллеру и Буре. — Я переброшусь с Супер несколькими словами и

позову вас. Буря поздоровается, затем я представлю Фоллера. Ради бога, не говори ничего, кроме «привет».

— Без проблем, — сказал Фоллер.

— Сегодня мы творим историю. Люди запомнят этот день на всю оставшуюся жизнь.

— Я горжусь тем, что являюсь ее частью. — Это было сказано с определенно наигранным энтузиазмом. Как только сделка состоится, Фоллеру придется быть начеку.

Они дошли до стены. Фоллер с Бурей немного отстали. Один из людей Мунларка нырнул в здание позади, чтобы занять место наблюдателя на крыше.

— Мне показалось, или я только что уловила в твоем тоне сарказм? — спросила Буря, взглянув на Фоллера.

— Сарказм? — Фоллер сделал вид, что задумался. — Сомневаюсь. Мой голос становится тоньше, когда я целую чью-то задницу. Возможно, ты это и уловила.

— Возможно.

— Так почему ты против этого? — спросил Фоллер, когда Мунларк и его люди остановились на тротуаре вдали.

Буря подняла глаза, чтобы встретиться с ним

взглядом.

— Не думаю, что ты тот идеальный человек, которому я могу доверять.

— Подожди-ка, *я* не тот, которому *ты* можешь доверять? — Когда она посмотрела на него, он вспомнил то чувство, когда кусал яблоко. Все остальное ушло на второй план.

— Ты и Мунларк, похоже, довольно сильно сблизились. Что мешает тебе рассказывать ему все, что я говорю тебе, чтобы завоевать его благосклонность?

— Послушай, если бы я собирался стучать Мунларку на тебя, я мог бы начать с малого, с того, о чем ты говорила мне вчера. А я просто пытаюсь остаться в живых. — Он указал на небо. — Я падал несколько дней, приземлился здесь в полумертвом состоянии и внезапно оказался посреди всего этого.

Он махнул рукой в сторону Мунларка, и в этот момент ворота короткими рывками начали открываться, громко скрипя.

— Ну вот, началось, — произнес Фоллер.

Шесть крупных мужчин (заведомо одетые менее нарядно, чем Мунларк) прошли через ворота в сопровождении Супер.

Супер была седой и полной. В Первый День

было довольно много толстых людей, но в мире Фоллера ни один из них не смог сохранить вес. Прежде чем опустить голову и двинуться вперед, Супер подняла руку и помахала Мунларку. Фоллер задался вопросом, что произойдет, как только будет достигнуто соглашение. Все вот так сразу начнут сносить стену или что?

Супер резко остановилась и медленно подняла голову.

— Что, черт возьми, она делает? — спросил Мунларк.

Подарив Мунларку странную улыбку, которая Фоллеру не понравилась, Супер развернулась и тяжело двинулась назад к воротам.

— Что, *черт меня возьми*, она делает? — повторил Мунларк.

Подойдя к воротам, она подняла руки высоко вверх. С крыши за спиной Фоллера раздался выстрел — треск, напомнивший ему о Первом Дне в его мире. Он повернулся и посмотрел на человека Мунларка на крыше. Тот отчаянно махал руками.

— Бегите! — закричал он. Его голос утонул в криках людей, прорывавшихся сквозь ворота с оружием в руках: топорами, дубинками, кухонными ножами. Они бросились к группе

Мунларка, и казалось, каждый первым стремился добраться до них и раскроить им черепа. Другие, не дожидаясь, пока все пройдут через ворота, перелезали прямо через стену.

Люди Мунларка выхватили свои пистолеты. Фоллер повернулся к Буре, но она уже исчезла. Крики атакующей толпы за его спиной превратились в сплошной рев.

Он бросился за Бурей, которая была уже на полквартала впереди. Она бежала босиком, ее туфли слетели. Буря повернула налево в переулок, который вел бы ее параллельно толпе, а не подальше от нее. На миг оглянувшись, Фоллер увидел Мунларка, стреляющего в женщину, которая решительно преграждала ему путь. Фоллер нырнул в поворот и последовал за Бурей.

На узкой улице их было всего двое — это был подходящий момент, чтобы исчезнуть.

— *Буря!*

Она оглянулась, но продолжала бежать.

— *Сюда!* — Он бросился через открытую дверь в темноту. Когда глаза привыкли, Фоллер увидел, что очутился на грязной кухне ресторана. По полу расплескалась вода. Он забрался поглубже в темноту.

Через мгновение в дверь ввалилась Буря.

— Я здесь, — прошипел он.

Тяжело дыша, Буря шла на его голос и присела на корточки рядом с ним за большим разделочным столом. В этот момент с улицы послышались голоса. Низко и гулко зазвенел колокол — вероятно, призыв к оружию для района Мунларка.

Фоллер был вполне уверен, что прямо сейчас они были в безопасности: сейчас в разгар войны никто не будет шастать в заброшенном здании.

— Ты видел его? Он убежал? — спросила Буря.

— Последний раз, когда я его видел, он был жив.

— Это все из-за его *гениального* плана, — всхлипнула она. — Супер, видимо, поняла, что она должна применить всю свою мощь и силу, прежде чем ты разберешься, как работают танки. Какой же он *идиот*.

Учитывая все происходящее, Фоллер был вынужден согласиться.

— Ты думаешь, это полномасштабное вторжение или просто попытка покушения?

— Понятия не имею. — Она смахнула с глаз прядь волос и посмотрела на него. — Мне нужно уйти от тебя как можно дальше. Я уверена, что Супер предпочтет захватить тебя живым, чтобы ты смог управлять машинами для нее. Но твоя

смерть — это второй вариант устранения угрозы. Разумеется, на самом деле ты не умеешь управлять машинами, так что, если тебя поймают, возникнут проблемы.

— Полагаешь, если они поймают подругу Мунларка, они доставят ее к себе домой и уложат в постель?

С улицы доносились не крики людей, пробегающих мимо, а какие-то отчаянные, сердитые вопли. Фоллер привстал, чтобы посмотреть.

Мужчина с топором загнал в угол седовласого мужчину с лопатой. Прижатый к кирпичной стене, пожилой лихорадочно размахивал лопатой, пытаясь удержать другого.

— Подожди! — повторял он после каждого отчаянного промаха мужчины с топором. Фоллер не знал, кто из них с Верхнего квартала, а кто — с Врат, а может быть, они вовсе не из разных районов.

Мужчина с лопатой выдохся.

— Подожди! — задыхаясь, закричал он. Его противник размахнулся, топор с лязгом встретился с лопатой и выбил ее из рук пожилого мужчины. Противник снова размахнулся и ударил старика чуть ниже локтя.

Лопата лежала у ног пожилого мужчины, тот

кричал от резкой, пронзительной боли. Его руку почти разорвало. Раненый схватился за топор своей другой рукой в тот момент, когда тот ударил во второй раз. Руку разрубило на две части, а топор вонзился в район шеи.

Фоллер присел на корточки, сопротивляясь желанию заткнуть руками уши, чтобы не слышать предсмертные крики мужчины.

— Мы должны вернуться в резиденцию, — сказала Буря. — Она усиленно охраняется. У них множество ящиков с пулями.

— Как? Первые поймавшие нас с Верхнего квартала разорвут тебя и меня на куски, и нам нечем себя защитить. — Фоллер указал на улицу. — В переулке снаружи лежит лопата, но последнему владельцу она принесла мало пользы.

Буря повернулась и вгляделась в темноту ресторана.

— Если мы сможем добраться до станции метро, то пройдем по туннелям.

— Где ближайшая станция? — спросил Фоллер.

— Идем.

Она нырнула в дверь, ведущую к обеденным залам ресторана. Фоллер последовал за ней.

Там повсюду валялись разбитые тарелки и приборы. Ничего особенного, кроме столовых ножей,

но Фоллер положил в карман осколок фарфора. Если дело дойдет до битвы за свою жизнь, этот кусок явно поможет немного больше, чем кулаки. Особенно его кулаки.

Они осмотрели улицу через пробитое витринное окно. Там творился кромешный ад. Прямо перед ними двое мужчин бесчувственно лупили друг друга дубинками. Фоллер заметил знакомого с топором. Он ранил молодую женщину (вернее, даже девушку) в бедро и преследовал ее, решительно намереваясь закончить начатое. Люди заполонили все пространство. Большинство из них, похоже, были захватчиками с Верхнего района, хотя разобрать, кто с какого, было невозможно.

— Вон там, — прошептала Буря, указывая на ступеньки, ведущие под землю и с трех сторон окруженные высокими зелеными воротами.

За окном пронесся крупный мужчина, держащий в руках длинную палку с прикрепленным к ее концу ножом. Воткнув свое самодельное копье в спину другого мужчины, он вытащил нож, прежде чем раненый успел упасть, и ринулся на поиски другой жертвы.

— У нас нет ни единого шанса выжить, — сказал Фоллер. Это было так очевидно, что едва ли

стоило об этом говорить.

Они посмотрели на тошнотворное зрелище за окном.

— Почему бы нам не остаться здесь, давай найдем укрытие в здании? — Фоллер хотел было добавить, что он замечательно умеет находить потайные места, потому что большую часть первых тридцати дней провел то в одном укрытии, то в другом.

Но потом решил, что такой талант вряд ли сделает его более привлекательным для Бури.

— А что мы будем делать, если Верхний квартал возьмет этот участок под свой контроль? Никогда не вылезать из укрытия?

— У тебя есть идея получше? — Фоллер показал пальцем в окно. — Как только мы выйдем через эту дверь, нас тут же кто-нибудь убьет.

Буря внимательно посмотрела на станцию, а затем перевела взгляд на Фоллера.

— Ты быстро бегаешь, Фоллер?

— Быстрее, чем ты. Я всю жизнь бегаю.

Буря улыбнулась его неудачной шутке.

— Значит, мы туда добежим.

Фоллер прикинул расстояние до станции. Никто ведь не ожидает увидеть двоих невооруженных придурков из заброшенного здания.

Возможно, все получится. И у нее было обоснованное мнение о недостатке его плана.

— Хорошо. Ты первая.

Она посмотрела на него сверху вниз.

— Очень мужественно с твоей стороны.

Они отпрянули от окна — мимо пробежал безоружный человек, сжимающий горло окровавленной рукой.

— Тот, кто побежит первым, получит преимущество в пару шагов, прежде чем те люди с оружием поймут, что к чему, — прошипел Фоллер в ухо Бури. — Если хочешь, чтобы я был первым, я с радостью побегу.

Согласившись быть первой, Буря подвела его к дверному проему (двери не было) и стала ждать подходящего момента, чтобы побежать.

Несколько минут наблюдения — наконец-то выдались два более-менее благоприятных момента для побега. Буря повернула голову и сказала:

— Пора. Когда доберешься до туннеля, поворачивай налево. — Схватившись за дверной проем, она вздохнула и сорвалась с места.

Тяжело дыша от страха, Фоллер бросился за ней. Перепрыгнув через окровавленное тело на тротуаре, он быстро ринулся вперед, набирая дистанцию между собой и пока еще неподвижными

людьми с оружием. Мужчина с впалыми щеками и чем-то похожим на косу посмотрел на Фоллера, когда тот пролетел мимо.

— Вот он!

Буря была уже почти у ступенек. Путь Фоллеру преградила женщина с ножом, заставившая его притормозить. Ее нож блеснул совсем рядом, когда Фоллер сделал ложное движение, пытаясь ее обойти. На мгновение могло показаться, что они танцуют, но он вдруг заставил ее повернуть налево, сделав два быстрых шага в этом направлении, прежде чем броситься вправо.

Женщина задержала его достаточно долго, и теперь вход в метро заблокировал высокий, худой мужчина, размахивающий ломом. Со всех сторон приближались другие. Ни единого способа обойти парня не было.

Фоллер изо всех сил побежал прямо на него. Парень попытался быстро взмахнуть ломом, но в последний момент вздрогнул, удивившись прыткости Фоллера. Двое мужчин полетели куда-то в темноту прямо с лестницы. Врезавшись в своего противника, Фоллер перекувырнулся через него и, ударившись, покатился вместе с ним вниз по бетонным ступенькам.

Когда Фоллер наконец остановился, в спину

ему, усилив и без того резкую боль, врезался падавший вместе с ним мужчина. Переплетясь телами, они изо всех сил пытались встать. Возле головы Фоллера промелькнула голая нога, и он услышал громыхание. Это Буря забрала лом. Резкий глухой стук, потом еще один. Мужчина обмяк.

— Идем, — сказала Буря.

Выбравшись из-под неподвижного тела, Фоллер преодолел последний пролет лестницы, пролетев через четыре ступеньки зараз, и приземлился в почти полной темноте. В это время чуть выше спотыкались и падали их преследователи. Буря схватила его за руку и потащила за собой. Через дюжину шагов наступила кромешная тьма. Они пятились вдоль стены, стараясь двигаться как можно быстрее. Запах фекалий был невыносим. Тьма и относительная уединенность превратили станции в идеальные туалеты. Фоллер, под чьими туфлями хлюпали испражнения, далеко не завидовал босоногой Буре.

— Рассредоточьтесь! — воскликнул кто-то за их спинами.

Прямо впереди что-то загрохотало. Не издавая ни звука, Буря положила руку Фоллера на турникет, а затем он услышал и почувствовал, как она

карабкается через него. Он последовал за ней, их преследователи перекрикивались и бежали на звуки.

Преодолев турникет, Фоллер махнул рукой, Буря снова схватила его. Они быстро двинулись вдоль стены, их преследователи были где-то в шести метрах от них. Похоже, их было около дюжины или больше.

— Лестница, — прошептала Буря, отпуская его.

Хватаясь за поручни, они опускались ниже, становилось все более темно и сыро. Внизу они снова двигались вдоль стены, пока Буря не прошептала:

— Прыгай.

Фоллер почувствовал ногой край платформы и вслепую прыгнул, приземлившись на гравий.

Буря потянула его вправо, хотя он был уверен, что она сказала ему идти влево. Они побежали, держась за руки. Фоллер свободной рукой защищал лицо, молясь, чтобы они не врезались головами в стоявший на путях поезд. Хруст гравия под их ногами почти заглушался криками преследователей.

Всего через несколько десятков метров Буря крепко сжала его руку и потянула к стене. Фоллер понял ее план. Он присел у стены как можно ни-

же и слышал, как Буря передвигается по гравию. Фоллер понял, что она делает умнее. Она легла на бок и ползла, прижавшись к самому низу стены. Он последовал примеру своей спутницы, ее ноги упирались ему в голову.

Их преследователи были умны, они рассредоточились по всему туннелю. Когда они приблизились, Фоллер выдохнул, желая в этот миг просочиться сквозь стену.

Его щеки коснулась чья-то нога. Он напрягся, ожидая криков и хватающих его грубых рук, но группа людей медленно двинулась вниз по туннелю, их голоса стихали.

Фоллер поднялся на корточки, Буря сделала то же самое. Взяв его за руку, она молча повела его туда, откуда они пришли.

VIII

Ее губы были еще теплыми. Если бы Уго в тот момент вошел в лабораторию и увидел, как Питер касается своими губами губ лежащей на каталке голой Изабеллы, что бы он подумал?

— Боже мой, Изабелла. — Он сжал ее руку. — Пожалуйста. Пожалуйста, очнись.

Питер обещал ей, что не позволит, чтобы с ней что-нибудь случилось.

Он вдруг вспомнил о ее клоне. Его он еще не проверил. Метнувшись к телу, он перевернул женщину лицом кверху и пощупал пульс на ее все еще теплой шее.

Его не было. Она тоже была мертва.

Питер поднял голову к потолку и закричал.

О чем он думал? Он должен был сказать «нет». Как бы настойчиво она ни упрашивала, он должен был ей отказать. Вытащив из кармана телефон, чтобы вызвать «Скорую помощь», он открыл свой список контактов и начал искать номер для чрезвычайных ситуаций.

Под буквой «Ч» нужного телефона не было. Питер пролистал до конца списка, нашел номер Уго Вулкоффа и застыл.

Сначала необходимо позвонить Уго. Он сам должен сообщить ему о случившемся.

Он набрал номер Уго.

— Чего тебе? — в своей приветственной манере ответил Уго.

— Это по поводу Изабеллы. Ее нет, Уго. Она умерла.

— Моя… — запнулся Уго. — Моя Белла? Как это могло случиться? Со мной бы связались.

— Нет… Она не в больнице. Она умерла не там.

— *Что? Почему*?

Питер сглотнул.

— Она попросила меня ее клонировать. Она… это не сработало.

В трубке раздался вой Уго. Питер зажмурился, сопротивляясь желанию откинуть телефон от уха. Он попытался сказать, что сожалеет, но Уго его оборвал:

— Не трогай ее, сукин сын, — и бросил трубку.

* * *

Уго примчался в лабораторию так быстро, как никогда. Дверь с треском распахнулась.

— *Изабелла!*

Упав на колени рядом с ней, он поднял ее руку и крепко сжал в своих. Он весь дрожал.

Рот Изабеллы был приоткрыт от бесполезной попытки Питера сделать искусственное дыхание. Ее губы скривились в гримасе или улыбке, обнажив ровные белые зубы.

— Она должна дышать. Почему она не дышит?

— Мне очень жаль, Уго. Ты ничего об этом не знал. Белла долго просила…

— *Заткнись!* — закричал Уго. — *Не смей пытаться обвинить мою Беллу. Не смей. Это сделал ты.*

— Да, я, потому что она этого хотела. По край-

ней мере, это был шанс.

Питер не заметил, как Уго замахнулся. Ему показалось, что в нос врезался молоток. Он упал на спину и треснулся головой о твердый пол.

— *Я был ее шансом.* — Уго стоял над ним, яростно и прерывисто дыша. — Мое исследование *было ее шансом*.

Он ткнул себя пальцем в грудь.

— Я собирался спасти ее. Я, а не *ты*.

Схватившись за нос, Питер почувствовал, как по пальцам течет кровь.

— Если ты хочешь привлечь меня к ответственности, я пойму.

— Ответственности? — Уго недоверчиво покачал головой. — Да я убью тебя, ублюдок.

Вернувшись к Изабелле, он опустился на колени и коснулся пальцами ее щеки.

Последние дни приносили ей мало приятных моментов. Предсмертное состояние было бы пыткой. Уго это понимал.

Он поднял Изабеллу на руки.

— Что ты делаешь? — спросил Питер, садясь. — Ты не должен ее трогать.

— Заткнись. Мою жену не будут вспоминать как жертву какого-то больного эксперимента. Она мирно умерла в своей постели.

Уго переместил тело Изабеллы, пытаясь перехватить ее поудобнее, и внимательно посмотрел на ее лицо.

— Ты уверен, что это моя жена, а не сделанный тобой выкидыш?

— Да.

Уго направился к двери.

— Что мне делать с ее клоном? — окликнул его Питер.

— Мне плевать.

Уго толкнул дверь плечом и направился к стоянке.

Ухватившись за край лабораторного стола, Питер встал на ноги. На пол брызнуло несколько капель крови — он зажал нос, чтобы ее остановить.

Бледная и безмолвная копия Изабеллы лежала под люминесцентными лампами. Если Уго хотел, чтобы люди поверили, что его жена Изабелла умерла от болезни, этот клон должен исчезнуть. Питер зажмурился, пытаясь придумать, что делать.

Ни одной мысли. Изабеллы больше нет — он убил ее. Это все, о чем он мог думать. Ему нужна была помощь.

Гарри. Питер вытащил телефон. Гарри поможет

ему понять, что делать.

19

— Почему захватчики не используют эти туннели, чтобы переходить в другие районы? — спросил Фоллер.

— Они закрыты на границах, — ответила Буря.

В этом мире все сложилось совсем по-другому. Стены и районы, войны и диктаторы. В мире Фоллера все было намного проще. Люди тоже казались проще.

Крысиный писк становился громче, а тошнотворный запах — еще противнее, но когда они прошли мимо того, что, вероятно, было боковым туннелем, все пришло в норму.

— Не пойми меня неправильно, но мне интересно, как ты сошлась с таким человеком, как Мунларк.

— Он не всегда был таким… — Буря осеклась. — Нет, это неправда. Раньше он не так перегибал палку, вот что я должна сказать. Он отличился в первые дни, когда каждый вел себя как животное. Он помог мне, не попросив ничего взамен. Он проявил уважение, когда не должен был.

Возможно, из-за ощущения уединения, созданного тьмой, или усталости Фоллер почувствовал,

что теперь знал Бурю лучше, чем несколько минут назад. Доверял ли он ей настолько, чтобы показать фотографию? Она лежала в его заднем кармане.

Мрак из черного цвета превратился в темно-серый, и Буря замедлилась.

— Думаю, наша остановка здесь.

Они поднялись на платформу и вдоль стены прокрались к озарявшейся тусклым светом лестнице.

Улочка, на которую они вышли, дышала спокойствием, но звуки боя были еще близки. Они находились в полуквартале от заросшего сорняками поля, граничащего с одним концом резиденции Мунларка. Буря и Фоллер решили, что самый безопасный путь пролегает прямо через него. Фоллер шел впереди, пробираясь через высокие сорняки и кусты, пока они не вышли на дорогу недалеко от ворот.

За забором резиденции патрулировало несколько десятков мужчин. Первый заметивший Бурю и Фоллера втащил их внутрь.

— Мунларк вернулся? — спросила Буря у встретившего их Молота.

— Нет.

По его тону и выражению лица стало ясно, что

он больше не ожидает увидеть Мунларка. Он взял Бурю за локоть.

— Послушай меня. Здесь не только Верхний квартал. С другой стороны наступают Речная долина и Граничный район. В стене между нами и Граничным есть брешь. Падение Врат — это только вопрос времени.

Реакция Бури подтвердила подозрение Фоллера: новость была смертным приговором. Бурю убьют сразу, а Фоллера повесят, как только станет ясно, что он не умеет управлять машинами. Нет места, где они были бы в безопасности.

По крайней мере, в этом мире такого места не было.

Фоллер взял Бурю за руку.

— Идем.

Она отдернула руку.

— О чем ты, куда «идем»? Ты разве не понимаешь? Бежать некуда.

— А вот и есть. — Фоллер поднял палец. — Жди здесь. Никуда не уходи.

Он бросился по коридору, споткнулся и, проехав последние пять метров по гладкому скользкому полу, ворвался в свою комнату. Парашют и рюкзак лежали на комоде рядом с комбинезоном.

— Нам нужны еда и вода, — бросил он Буре,

проносясь мимо нее в сторону кухни.

— Подожди! — окликнула она его.

На кухне он наполнил два пустых стеклянных кувшина водой из желоба под окном, вытащил из шкафчика буханку хлеба, а из кладовой взял несколько больших кусков консервированного мяса и полдюжины яблок.

В двери кухни появилась Буря.

— Куда ты предлагаешь идти? — спросила она, отчетливо произнося каждое слово.

— Осталось только одно направление. — Фоллер указал на пол. — Вниз. Если есть два мира, почему не может быть три? Или сто?

Он забросил рюкзак за спину. Буря издала сухой смешок.

— Ты, должно быть, шутишь. Я лучше попытаю удачи с захватчиками.

Фоллер замер и пристально посмотрел на Бурю.

— Неужели?

— Я не буду прыгать с края света. — Она сделала резкое движение рукой. — Забудь об этом. Даже после твоего маленького трюка с парашютом я не уверена, что верю твоей безумной истории. Даже если бы верила, это все равно невозможно.

Фоллер вытащил из кармана фотографию и

передал ее Буре.

Она разглядывала снимок, выражение ее лица менялось от ошеломленного до серьезного. Буря была шокирована.

— Где ты это взял?

— Я нашел снимок в кармане в Первый День.

— Первый День?

— Да. Когда началось новое время.

Ее и так обычно бледное лицо стало цвета извести. Она разглядывала фотографию, изумленно качая головой.

— Мы выглядим как любящая пара. — Она оторвала взгляд от снимка и внимательно посмотрела на лицо Фоллера. — Почему так?

— Я надеялся, что ты это знаешь.

Буря поднесла снимок поближе к глазам.

— Позволь мне кое-что спросить, — сказал Фоллер. — В первые дни люди обнаружили много фотографий самих себя с людьми, которых не знали, и в местах, которых не существовало. Ты не находила хоть одну свою фотографию?

Она посмотрела на него так, будто он показал фокус.

— Нет. Откуда ты в этом уверен?

Он постучал по фотографии.

— Это единственный снимок, на котором есть

я. Как будто я только что прибыл туда в Первый День, в то время как все остальные уже некоторое время там были.

Буря перевернула фотографию и осмотрела обратную сторону, словно подозревала, что это могут быть два склеенных фото.

— Я действительно упал с другого мира.

Когда она не ответила, Фоллер потянулся и схватил ее за руку, крепко сжав.

— Буря, я не шучу. Я не спятил. Я абсолютно нормальный. Я. Сюда. Упал.

Ее взгляд скользнул по его лицу и вернулся к фотографии.

— Почему ты показываешь мне ее сейчас?

— Я не показывал ее раньше, потому что не хотел, чтобы Мунларк перерезал мне горло.

— Мудрый ход, — рассмеялась Буря. — Но зачем ты сейчас мне ее показал?

Нужно ли ей все разжевывать? Фото доказывает, что они должны быть вместе.

— Значит, ты должна мне поверить, — сказал Фоллер.

Она вернула фотографию.

— Почему я должна тебе доверять? Ты только что сам признал: ты понятия не имеешь, есть ли еще миры ниже этого. Ты просто догадываешься.

Я не буду прыгать с края света, основываясь на догадках.

— Это обоснованная догадка. — Он положил фотографию обратно в карман, рядом с кровавым рисунком. — Можно предположить, что должны быть…

В его голове всплыл кровавый рисунок: овалы, расположенные друг над другом. Только в уме Фоллера его мир — как он выглядел после того, когда он упал оттуда — находился над верхним овалом.

— Фоллер?

Фоллер вытащил из кармана рисунок и разложил его на кухонном столе. Чувствуя, как колотится сердце, он посмотрел на рисунок свежим взглядом — взглядом того, кто видел миры на расстоянии.

— Что это?

— Это карта, — прошептал он, пробегая пальцами по верхнему овалу с кровавым отпечатком пальца над ним. Фоллер предполагал, что отпечаток был оставлен случайно, но теперь понял, что это на самом деле: ориентир.

Здесь находишься ты.

А вот и символ «Х» на самом нижнем овале.

«Символ “Х” отмечает место», — сказала та

часть его разума, которая подсказывала слова. Он должен добраться до этого нижнего мира. Он должен добраться туда любой ценой. Именно там были ответы.

Он посмотрел на Бурю.

— Я не догадываюсь. Под этим миром есть другие миры, и я должен добраться до самого нижнего. — Он постучал по карте. — В Первый День я нашел это в кармане вместе с твоей фотографией. Посмотри, это карта.

— Это не карта, — нахмурившись, ответила Буря. — Это кучка овалов…

— Это карта. Я знаю, как работает мой разум.

Он поднял левый большой палец, который порезал, как будто собираясь нарисовать карту.

— Я нарисовал ее собственной кровью, чтобы знать, насколько она важна. Что я серьезно отношусь к этому, что я все понимаю и доберусь в нижний мир. Я оставил ее в кармане рядом с твоей, нашей фотографией, потому что должен был найти тебя в пути. — Фоллер взял ее за руку, переплетая свои пальцы с ее.

— Скажи, что тебе не нравится, — прошептал он. — Скажи, что тебе не кажется, что наши руки соединяются, словно две детали, потому что когда-то они много времени пробыли в таком

положении.

Буря вырвала свои руки из его.

— *Поверь мне.*

Крики снаружи становились заметно громче.

— Я даже тебя не знаю, — выкрикнула она. — И даже если бы знала, у тебя всего один парашют.

— Мы можем им поделиться. Послушай, Буря, не хочу показаться бесцеремонным, но у тебя мало вариантов. Если ты останешься здесь, тебя убьют. Со мной, по крайней мере, у тебя есть шанс.

Она потянулась к его куртке и вытащила фотографию. Казалось, она изучает собственное лицо, возможно, удивляясь тому, как она была счастлива. Фоллер догадался, что с Первого Дня она никогда так больше не улыбалась.

Буря протянула ему снимок, но, когда он схватил его, она не разжала пальцы.

— Ты уверен, что мы оба сможем приземлиться с одним парашютом?

— Да, — решительно кивнул Фоллер. По крайней мере, он думал, что они смогут. Он учтет все детали позже.

— И ты уверен, что под нами есть другой мир?

— Да.

Она отдала фотографию.

— Нам понадобится фонарик.

IX

На вершине холма стояла церковь. Питер отвернулся, желая, чтобы она не приближалась, чтобы была еще в тысяче или десяти тысячах километров отсюда. Дядя Изабеллы и Мелиссы, Уолт, и их тетя Роуз шли по дорожке, направляясь к большим входным дверям. На нем был черный костюм, на ней — черное платье.

Ему ни за что не удастся войти туда. Он притворится больным, оставит Мелиссу, поедет домой и ляжет в постель. И даже не придется симулировать болезнь: его и так тошнило, он потел, его внутренности выворачивало при мысли о том, чтобы пойти туда и встретиться с Уго, семьей Изабеллы и ее друзьями.

У сидевшей рядом Мелиссы глаза были ввалившимися от недосыпания, нос порозовел от плача.

Он должен сказать ей. Если бы Мелисса узнала и по-прежнему захотела бы стоять рядом с ним на этих похоронах, Питеру стало бы легче и он справился бы. Но каждый раз, когда он пытался, слова застревали в горле. Забирая Беллу в лабораторию, он чувствовал, что поступает благородно.

Теперь это казалось отвратительным.

Мелисса припарковалась за церковью. Двигатель фургона затих, они сидели, глядя через лобовое стекло на церковь. Скорбящие люди, склонив головы, молча и неторопливо двигались к входу, многие молодые были призывниками в парадной форме.

Наконец Мелисса открыла дверь, и у Питера не осталось выбора, кроме как открыть свою и следовать за ней к церкви. Мелисса взяла его за руку, и он начал плакать. Она сжала руку крепче, думая, что он плачет об утрате. Он и плакал, потому что ее не было, но имелась еще гораздо более веская причина.

Уго, в этот раз без шляпы, стоял прямо в дверях и принимал соболезнования. Мелисса упала в его объятия, он обнимал ее довольно долго. Уго прищурился, вены на висках вздулись. Когда они наконец отпрянули друг от друга, Питер подошел к Уго. Его ноги тряслись так сильно, что он был уверен, что упадет.

— Соболезную… — начал он, протягивая руку.

Уго повернулся к следующему скорбящему в очереди, как будто и не заметил Питера. Тот убрал руку и отвернулся.

— Боже мой, он просто тебя проигнорировал! —

изумилась Мелисса. — Какая муха укусила Уго?

— Может, он меня не увидел. Просто он в трансе.

— Он тебя видел. Это все из-за той Нобелевской премии? Он, несомненно, не повернулся бы спиной к семье из-за чего-нибудь подобного. Не в такое время.

— Я не знаю из-за чего.

Произнеся эту ложь, он мысленно вернулся в лабораторию, где вместе с Гарри под покровом холодной темноты нес клон Изабеллы к зданию старого завода. Он прятал тело, как преступник.

Питер вздрогнул, когда чья-то рука коснулась его спины. Это был Гарри.

— Как ты держишься?

* * *

Питер и так долго, как только мог, задержался в ванной Уго. Как только он вышел, его окружили Билл и Одри Дениро.

— Мы очень сожалеем о вашей потере. — Одри прижалась к Питеру щекой, он почувствовал аромат крема Noxzema.

— Спасибо.

За углом появился Уго. Он ждал там, пока Билл пожимал руку Питеру.

Когда они ушли, в зале остались лишь Уго и Питер.

— Я понимаю, что у тебя не было другого выбора, кроме как приехать сюда…

— Ничто не могло помешать мне прийти. Я любил Изабеллу, как родную сестру…

Уго, прерывая его, поднял палец и подошел очень близко к Питеру.

— Никогда больше не произноси при мне ее имя. Была бы моя воля, я бы вообще с тобой больше не разговаривал. Просто держись подальше. Если нам нужно побыть вместе в одной комнате, не подходи ко мне. Понятно?

Питер кивнул. Он хотел находиться рядом с Уго не больше, чем Уго хотел быть рядом с ним. Если бы не семейные узы и работа, Питер сделал бы все возможное, чтобы больше не видеть Уго. Теперь, когда похороны Изабеллы были позади, все, что он хотел, — окунуться в работу. Чтобы забыть ту ночь, чтобы посвятить себя помощи людям, страдающим этими чертовыми биоинженерными заболеваниями, и надеяться, что со временем он почувствует, что сделал достаточно, чтобы восстановить свое душевное равновесие и покой.

20

Пока они приближались к краю света, никаких звуков с ближайших улиц не доносилось. Очевидно, битва была сосредоточена где-то в центре города.

— Так что это за женщина, которую ты видел в толпе? — спросила Буря, пока они пробирались по туннелю метро, освещая фонарем путь.

— Друг из моего мира. Член моего племени. Ее зовут Орхидея.

— Просто друг? В твоем мире у тебя не было никого особенного?

— Был. Та, которую я любил всем сердцем.

Увидев, как Буря попыталась скрыть свое удивление, Фоллер усмехнулся.

— Ее зовут Маргаритка. Ее рост — около ста двадцати сантиметров…

— Значит, почти такой же, как у тебя?

— Верно, — рассмеялся Фоллер. — Я выдал ее за свою дочь во время чистки.

— Чистки?

— Когда стало ясно, что еды для всех не хватает, одна шайка начала сбрасывать слабых с края. Они убили тысячи людей — всех, кто не мог дать отпор. Я хотел остановить их, но что я мог сде-

лать? Тогда мне пришла в голову мысль: я могу спасти хотя бы одного. И подбежал к первому попавшемуся ребенку, размахивая фотографией нас с тобой и крича, что на ней запечатлены я и этот ребенок.

Подозрение в глазах Бури исчезло.

— Ты просто полон неожиданностей.

Рассказывая эту историю, Фоллер не предполагал заработать у Бури еще лишние пару очков в свою пользу. Маргаритка заслуживала большего, чем быть использованной в качестве маневра для симпатии.

— Прежде всего я сделал это для себя. Если бы не спас хотя бы одного, то знал, что буду чувствовать себя виноватым всю оставшуюся жизнь.

— Те, кто сбрасывали детей с края света, тоже делали это для себя. Они беспокоились о своих желудках. Ты же беспокоился о своей совести.

— Суть в том, как себя вело большинство этих людей. Они плакали. Рыдали. Но все равно продолжали… — Фоллер замолчал. Он не хотел говорить о том дне. Впереди забрезжил луч света, подсказывавший, что рядом следующая станция.

— Это то, что нам нужно. — Буря ускорила темп. — Наверное, тяжело знать, что Маргаритка, которая все еще там, наверху, думает, что ты

мертв.

— Я лишь надеюсь, что племя заботится о ней. Я уверен, что это так: они хорошие люди. Особенно Орхидея, несмотря на все ее странности.

Буря освещала лестницу фонарем, и вот, наконец, прищурившись от солнечного света, они вышли на поверхность края мира. Улицы были безлюдны.

Когда они приблизились к краю, небо стало огромным. Сердце Фоллера заколотилось от мысли о намеренном прыжке с края этого мира.

Буря остановилась довольно далеко от края на выщербленном асфальте и сказала:

— Не думаю, что смогу это сделать.

Фоллер, продолжавший идти, осматривал край на предмет препятствий. Их не было.

— Я уже сталкивался с таким выбором раньше. Упасть в небо или умереть. Выбор не столь трудный, если думать таким образом.

Он повернулся лицом к Буре.

— Не хочу умирать. Помимо этого, мне нужно увидеть, что происходит внизу. Я нарисовал эту карту не просто так.

Буря посмотрела на край света, как на ядовитую змею.

— С самого Первого Дня мы жили одними во-

просами, — сказал Фоллер. — Тебе не хочется для разнообразия узнать ответы?

Он протянул руку. Она долго и пристально смотрела на него. Затем взяла его за руку.

— Буря!

За ее плечом Фоллер увидел четверых мужчин, толкающих пустую машину. Пятый сидел за рулем. Это был Мунларк. Дребезжащая и грохочущая машина катилась к ним по потрескавшемуся тротуару.

— Буря!

На этот раз Мунларк был услышан. Она повернулась и ахнула, увидев его живым, но явно раненым.

Фоллер сжал ее руку.

— Если ты пойдешь к нему, ты умрешь вместе с ним. Ты сама говорила, что спрятаться негде.

Сердце Фоллера бешено колотилось. Мунларк приближался. Буря колебалась.

— Подожди. — Мунларк теперь был настолько близко, что ему не нужно было кричать. Это же слово повторял обреченный на смерть мужчина с лопатой.

Буря попыталась освободить руку. Фоллер понимал, что если отпустит, он ее потеряет.

Он схватил запястье Бури свободной рукой и

потянул за собой.

Вздрогнув, Буря метнулась в противоположном направлении.

— *Нет.*

Фоллер потянул ее к себе. Упав сначала на колени, Буря растянулась на земле, пытаясь разорвать его хватку свободной рукой. Она кричала.

— Ты *умрешь*.

Одной ногой Фоллер нащупал пустоту. Держа запястье Бури мертвой хваткой, он начал заваливаться назад. Она царапала асфальт, пытаясь схватиться за что-то свободной рукой. Пальцы скользили по выщербленным кускам тротуара и стеблям сорняков.

Сделав рывок у самого края света, Фоллер потерял равновесие.

Пока они падали мимо выступающих камней, над ними появился Мунларк. Он хромал, одна нога кровоточила. Он что-то прокричал, но за ужасными воплями Бури Фоллер его не слышал. Затем он поднял руку. Грянули выстрелы — три, четыре, пять, шесть — каждый из них глухой, слабее, чем предыдущий. После звука последнего Мунларк стал чем-то вроде кровавого месива в угольно-черном костюме на фоне зеленовато-голубого неба.

Фоллер почувствовал, как по лицу что-то ударило. Его первой безумной мыслью было то, что одна из пуль попала в него. Но вдруг понял, что это Буря ударила его. Она, казалось, была не столько в гневе, сколько в панике, как утопающая женщина, которая безучастно тянется к ветке.

— Мы в порядке. — Он попытался защититься от нее свободной рукой, но она не останавливалась, продолжая наносить удары, в глазах был виден страх.

Ужас, казалось, полностью поглотил ее, каждый мускул напрягся, как будто она готовилась к удару. Все еще сжимая ее руку, Фоллер взял ее за плечо.

— Буря, посмотри на меня. Посмотри на меня. — Ее взгляд мгновенно скользнул по его лицу. — Мы в порядке. Бояться нечего.

X

Когда входная дверь в лабораторию распахнулась, Питер ощутил прилив адреналина.

Это был Эндрю Стоун, один из аспирантов Виргинского университета. Он выглядел сонным. Вероятно, он пришел, чтобы получить доступ к оборудованию, которое нельзя использовать днем.

Питер поприветствовал его, Эндрю ответил тем же.

Уго не было на работе уже неделю (со дня похорон Изабеллы), но всякий раз, когда дверь открывалась, днем или ночью, Питер испытывал приступ ужаса. Так или иначе, Уго придется вернуться. Однажды дверь откроется и он ворвется в лабораторию.

— Неужели мы это сделаем?

Он не заметил стоящего в дверях Гарри.

Поставив бутылку энергетика на стол, Питер отошел от мониторов.

— Почему нет? Как часто тебе удается увидеть, как действует объективная реальность, когда ты кладешь под нее обычную подушку для сидения?

— Я до последнего не понимал, что мы делаем.

Они не говорили о ней, но тело двойника Изабеллы словно висело в воздухе между ними. Питер чувствовал это, когда они находились рядом, и был уверен, что Гарри чувствует то же самое. Но Гарри был слишком хорошим другом, чтобы заводить об этом речь, а самому Питеру было невероятно стыдно. Да и что тут сказать?

В лаборатории не было никого, кроме них и Эндрю. Они направились к диафрагме. Гарри держал клетку с подопытной анестезированной

мышью.

Когда Уго ушел, реализация программы репликации органов застопорилась. Питеру оставалось заниматься только фундаментальными исследованиями, но до тех пор, пока команда трансплантологов не усовершенствовала программу. Большинство экспериментов, которые они проводили, были направлены на то, чтобы понять, почему умерла Изабелла, хотя только он и Гарри действительно понимали, чем они занимаются. Теперь они узнали один важный факт: ни один сложный организм не может выжить в этой процедуре, если при попадании в дубликатор пребывает в сознании. Питер хотел узнать больше. Он хотел понять дубликатор как изнутри, так и снаружи. И прямо сейчас Питер хотел проверить очередную свою гипотезу. Это был дикий эксперимент, который лучше всего проводить посреди ночи.

— Итак, что ты думаешь? — спросил Питер у Гарри.

— Черт, я понятия не имею. Я могу только предположить, что мышь останется живой, как будто бы и не проходила через диафрагму.

Питер усмехнулся:

— Логично.

Питер сгорал от желания узнать, что произойдет. Это походило больше на откровенный разговор об устройстве мироздания. Полчински — первый ученый, который придумал гипотезу. Объект проходит через кротовую нору, затем возвращается на миллисекунду раньше и отправляется обратно через дубликатор на миллисекунду позже. Так объект блокирует себя и не может пройти первым. Все это создает парадокс. В доказательство своей гипотезы Полчински использовал бильярдные шары, но парадокс не исчезал даже тогда, когда объектами выступали спящие мыши. Для создания эффекта они смоделировали дополнительный подводящий канал, который напрямую подается обратно в диафрагму.

Питер подошел к подводящему каналу слева, откуда должна выйти настоящая мышь, если она вообще вернется.

— Скажи, когда будешь готов, — сказал он Гарри. — Очень волнительный момент.

— Понеслась, — отозвался Гарри.

Из канала появилась тень.

Питер отступил назад, Гарри закричал от удивления. Эту тень отбрасывал не их объект. Явно не тень мыши. Это было темное пятно размером

с шину, которое расплывалось по серой плитке пола. Темнота была настолько глубокой, что создавалась иллюзия дыры.

От вида тени Питера охватил суеверный страх, как будто в его лаборатории материализовался демон или бог.

— Выведи отсюда Эндрю, — быстро сказал он Гарри.

Питер понятия не имел, что это было за пятно и опасно ли оно. Оно только что появилось из кротовины, а этого абсолютно не должно было быть, потому оно несло в себе опасность. Он обернулся и обнаружил застывшего Гарри, который пораженно смотрел на происходящее.

— *Выведи его. Сию же минуту.*

Когда Гарри убежал, Питер обошел вокруг объекта.

Из дубликатора не должно выходить ничего, кроме объектов, которые они помещают. В происходящем не было никакого смысла.

Дверь лаборатории открылась и закрылась. Питер услышал щелчок замка. Гарри вернулся через пять секунд.

— Что это за чертовщина?

— Я не уверен.

— Что, если прямо сейчас оно излучает ради-

ацию? — Гарри стоял метра на три дальше, чем Питер, но если эта тень вредна, то даже это расстояние не помогло бы ему.

— Если так, то, наверное, слишком поздно.

Пятно оказалось трехмерным. Когда он смотрел на него, было сложно что-нибудь разглядеть, как будто его зрение сопротивлялось, пытаясь закрыть созданную пустоту. Питер на минуту отвел взгляд в сторону, а затем снова взглянул на него. Пятно вдруг начало затвердевать, превращаясь в сферический объект, который расползался по полу лаборатории.

Нет, даже не расползался. Нижняя часть его уже не была абсолютно сферической — она стала сплющенной. Объект медленно просачивался сквозь плитку. Там, где он разъедал пол, мерцало голубоватое сияние. Он ионизовал вещество, с которым взаимодействовал.

Питер хихикнул. Он закрыл ладонью рот, еле сдерживая смех. Он подумал, что, должно быть, находится в состоянии шока. Сделав глубокий вдох, Питер попытался привести свои мысли в порядок.

Первым делом им нужно нейтрализовать эту вещь, прежде чем она просочится сквозь пол.

Питер повернулся к Гарри.

— Нам нужно использовать что-то заряженное. Скорее.

Питер подбежал к генератору Ван де Граафа[22].

— Что-то *заряженное*? — переспросил Гарри. Он стоял, как будто приклеенный к полу. — Твою мать! Ты думаешь, что это сингулярность.

— Да, — он схватил Гарри за руку и потянул за собой. — Если мы ее зарядим, то сможем контролировать. Помоги мне.

Они установили генератор Ван де Граафа возле черной сферы.

— Найди где-нибудь две металлические пластины, — сказал Питер, когда генератор начал искрить, показывая, что зарядился. — Если даже этот объект не сингулярность, все равно нужно реагировать быстро и действовать четко, как будто он является таковым. — Он побежал за батареей.

Питер вернулся с двумя металлическими крышками, которые сорвал с воздухопроводов кондиционера. Они установили металлические

---

[22] Примечания: 22

Генератор Ван де Граафа — генератор высокого напряжения, принцип действия которого основан на электризации движущейся диэлектрической ленты. Первый генератор был разработан американским физиком Робертом Ван де Граафом в 1929 году и позволял получать разность потенциалов до 80 киловольт. *(Прим. ред.)*

пластины по обе стороны объекта и подсоединили положительный полюс батареи к одной пластине, а отрицательный — к другой.

Объект поднялся в воздух и встал ровно между двумя пластинами.

Он был нейтрализован и приостановлен. Теперь им нужно было перенести его из лаборатории в какое-нибудь безопасное место и определить, с чем они имеют дело.

Во время подземных прогулок с Уго они часто проходили мимо огромного заводского помещения с толстой стальной дверью. Оно должно подойти.

— Берись за конец, — сказал Питер, хватая одну из пластин.

— Бог ты мой, — вздохнул Гарри, поднимая вторую.

Объект взлетел как по волшебству.

— Если это сингулярность, почему она не тяжелая? — спросил Гарри.

Питер кивнул. Сингулярность с окружностью шины должна весить больше, чем вся Земля.

— Черт, не спрашивай. Парадокс должен вызвать необычный квантовый эффект. Ведется так много споров о том, что происходит, когда квантовая механика и сингулярности объединяются.

Единственное, что было бы удивительно, — это то, что результат бы *нас не удивил*.

Они стояли, глядя на объект, парящий между ними.

— Что мы, черт возьми, сделали? — спросил Питер.

— Эй, не смотри на меня. Я просто делал свою работу, — сказал Гарри.

Питер улыбнулся ему.

— Готов к тому, что федералы узнают?

Поставив батарею и генератор Ван де Граафа на каталку, они медленно двинулись в сторону коридора. На лестнице им будет туго.

— Как только мы разработаем более профессиональную электростатическую ловушку и начнем работать со счетчиком Гейгера — Мюллера, альфа-спектрометром, гамма- и нейтронными детекторами, тогда и будем думать, нужно ли нам звать федералов. Я не буду им звонить, если нам это не нужно. Тем более что они сначала прикроют наше исследование и только потом будут разбираться, что к чему.

21

Паника у Бури в конце концов утихла. Какой у нее был выбор? Жизнь продлена еще на некото-

рое время — Фоллер и все остальные поняли это в течение нескольких недель после Первого Дня.

После того как паника прекратилась, она начала злиться.

— Я не мог позволить тебе умереть. — Фоллеру приходилось кричать, чтобы заглушить шум ветра.

— Ты понятия не имеешь, умерла бы я или нет. Возможно, Мунларк пришел, чтобы сказать мне, что они оттеснили захватчиков.

Порывы ветра придавали ее лицу странный вид: щеки растянулись и сморщились, а глаза широко раскрылись в бесконечном удивлении.

— Другие районы наступали со всех сторон. Тебя собирались убить. Если бы ты осталась, то была бы уже мертва.

— Это не имеет значения. Не тебе решать.

— Но ты ведь признаешь, что невозможно было бы выжить, если бы я оставил тебя там?

— Кем ты, черт возьми, себя возомнил? Думаешь, что можешь решать за меня, только потому, что у тебя есть моя фотография? Если я хотела остаться и умереть вместе с Мунларком, ты не имел права меня останавливать.

— Он *стрелял* в нас.

— Он стрелял в *тебя*!

Фоллер глубоко вздохнул и постарался говорить как можно спокойнее, хотя необходимость кричать это усложняла:

— Да, в первую очередь он стрелял в меня, но ты ведь была рядом, значит, он не сильно о тебе беспокоился. Это все, что я могу сказать. Если ты о ком-то заботишься, ты не будешь стрелять в рядом находящегося с ним человека.

— Ты *тащил* меня по скале. Не читай мне лекций о том, что правильно, а что нет.

Фоллер замолчал. Она была права. Он действовал инстинктивно, потому что времени для иного решения не было. В тот момент оно казалось самым подходящим. Даже сейчас, имея время для размышлений, он считал, что поступил правильно. Однако ему пришлось признать, что Буря вправе спорить, что его поступок неправильный.

— Прости! — крикнул он, и вновь оказалось, что трудно говорить искренно в таком шуме.

Буря не ответила.

Не зная толком, что еще сказать, чтобы все исправить, Фоллер разглядывал небо. Он следил за движением дюжины темных, продолговатых облаков. Они были похожи на рыб, плывущих в бесконечно глубоком, голубом озере. Некоторые

в его мире были убеждены, что облака живы, что они ели солнечный свет, а дождь был их исходом или слезами. Фоллер был единственным человеком в мирах, который знал, что облака — это обычные сгустки тумана, хотя Буря тоже скоро узнает этот секрет.

— Разве это не красиво? — наконец спросил он.

— Что?

— Небо. Разве оно не красивое?

Она посмотрела на него, видимо, оценивая, серьезно ли он, и недоверчиво покачала головой.

— Да ты просто издеваешься.

Спустя некоторое время они пролетели сквозь облако и намокли.

22

Внезапно Фоллер понял, что пока ничего не сделал для решения главной проблемы: один парашют и два падающих тела. Когда появится другой мир, ему нужно быть начеку. Он потянулся за своим рюкзаком. Самое простое решение заключалось в том, чтобы расширить подвесную систему, чтобы они оба могли в нее втиснуться, но, когда парашют раскроется, рывком дернет их обоих.

— Можешь подержать это крепче? — спросил

Фоллер, протягивая ей сложенный парашют и стропы. Буря сердито посмотрела на него, но затем осторожно, чтобы их не вырвало из рук, взяла.

Через некоторое время Буря сказала:

— Это был не один и тот же человек.

Фоллер вопросительно посмотрел на нее.

— Мунларк говорил с той женщиной, которую, как ты думал, знаешь. Она никогда прежде тебя не видела.

Фоллер хрюкнул от смеха. Чего-чего, а обстоятельности Мунларку не занимать. Или *было* не занимать.

— Ну, это ответ на вопрос.

— Какой вопрос? Помешанный ты или нет?

— Очень смешно.

Простит ли его Буря или оставит при первой же возможности? Возможно, когда они найдут другой мир и благополучно приземлятся, она поймет, что он спас ей жизнь.

XI

При виде Мелиссы, которую заводили в лабораторию трое сотрудников службы безопасности, у Питера екнуло сердце. Она выглядела испуганной. Представить только, что будет, когда она

увидит ту вещь в подвале.

Она побежала впереди охранников и бросилась в объятия Питера.

— Я скучал по тебе, — сказал Питер, зарывшись лицом в волосы Мелиссы. Он не видел ее уже три дня.

— Я боялась, что ты совершил какую-то глупость или поранился.

Питер поднял голову, чтобы увидеть ее глаза.

— Но я ведь написал на твою почту: «Все в безопасности, никто не пострадал. Все в порядке».

— Что бы ты еще мог написать? — рассмеялась она. — «Я ранен, и мне грозит страшная опасность. Подождешь еще несколько дней?»

Питер подбоченился.

— Разве я когда-нибудь вел себя, как один из тех — «я не хотел вас беспокоить, ребята»? Если бы я поранился, даже просто нарезая на кухне помидоры, то хотел бы получить награду за свои страдания. Чтобы проявили сочувствие.

— С этим не поспоришь. Помнишь, когда нам в классе биологии пришлось прокалывать пальцы, чтобы сделать лабораторную по определению группы крови? Мне пришлось сделать это за тебя, а ты вел себя так, будто я тебя подстрелила.

— Такого не было, — рассмеялся Питер. — Я

даже не вздрогнул. Я хотел впечатлить тебя своей храбростью.

Она поморщилась.

— Не хочу тебя разочаровывать, но у тебя это не вышло еще с тех пор, когда ты не смог проколоть себе палец. — Мелисса оглядела почти пустую лабораторию. — Так что же произошло?

Питер взял ее за руку.

— Нужно идти вниз.

— Твоя рука дрожит и мокрая от пота, — отметила Мелисса, поднимая их соединенные вместе руки.

— Слишком много энергетика. И мало еды, — сказал Питер, двигаясь по длинному коридору.

— Что ты ел?

Питер пожал плечами:

— В основном пиццу и китайскую лапшу. Больше не смогу чувствовать запах кисло-сладкой свинины.

В конце коридора он включил поспешно установленные на лестнице лампы и повел Мелиссу в длинную заброшенную раздевалку. Вдоль стены висели грязные оранжевые резиновые плащи, похожие на шкуры животных. В одной из туалетных кабинок у стены послышалось шуршание. Вероятно, крыса.

— Куда мы идем?

— Я бы не хотел испортить сюрприз. Все, что могу сказать: это невероятно. Мир никогда не будет прежним.

— И это говорит человек, который создал дубликатор. Теперь у меня ладони потеют.

Они спустились по еще одной бетонной лестнице, где воздух был более влажным и прохладным, затем прошли по узкой дорожке через огромное помещение, заваленное доверху колесами гаубиц времен Второй мировой войны.

— Боже, жуть какая.

— Нам пришлось хранить это там, где его никто никогда не увидит.

Вниз вела еще одна лестница. Спустившись, Питер присел на корточки и включил две рождественские гирлянды. Длинный коридор замерцал тусклыми синими и красными огоньками.

Они подошли к тяжелой стальной распахнутой двери, ведущей в огромный заводской цех.

— Эй, Мелисса, — к ним метнулся Гарри. — Хотел бы я остаться и понаблюдать за твоей реакцией, но твой муж управляет мной, как девятилетним ребенком в магазине сладостей.

Питер попытался дать Гарри пинка, но промахнулся.

Бетонный заводской цех был размером с половину футбольного поля. Дверь толщиной сантиметров тридцать говорила о том, что в те времена, когда здесь был военный завод, помещение использовалось для особых проектов. Углы и потолок отражали длинные тени. В центре находился изоляционный резервуар: два с половиной кубических метра пространства, окруженных толстым слоем взрывостойкого стекла военного образца. Собранная Питером команда — четыре физика, которых он уважал и ценил. Он работал инструментами, установленными на столах, которые они притащили из лаборатории в первый день.

Подойдя прямо к стеклу, Мелисса заглянула внутрь и вдруг отпрянула, как будто ее ужалили.

— Что это?

Сколько бы раз Питер на это ни смотрел, его всегда наполняли благоговейный страх, ужас и волнение.

Несмотря на то что оно вышло из дубликатора, оно было неживым. Оно не дышало и не имело биологических жидкостей. Оно не состояло из живых клеток. Оно состояло *из ничего*: это была единая единица, неделимая, словно какая-то огромная квантовая частица.

— Я экспериментировал с дубликатором, — он тоже смотрел на нечто, и его голос сделался мягким, почтительным, как будто он находился в церкви. — На выходе мы получили это.

— Боже мой, — прошептала Мелисса и прикрыла рот рукой, не в силах оторвать взгляда от смоляно-черной сферы. — Что это?

— Теперь ты понимаешь причину всей секретности. Если федералы об этом узнают, они захватят лабораторию.

— *Что это?*

Вот уж вопрос, не так ли?

— Мы почти уверены, что это сингулярность.

Мелисса уставилась на него.

— То есть черная дыра?

— Не совсем. Черные дыры — одна из форм сингулярности.

— Вы проводили эксперимент, и из твоего дубликатора выпала *черная дыра*? Откуда?

— Пока не могу сказать точно.

— Она появилась из космоса? Сквозь время?

Питер положил руку ей на плечо.

— Тебе нужно перечитать труды Эйнштейна. Пространство — это время, в той ли иной степени, хотя во времени можно двигаться только вперед.

Присев, Мелисса скрестила худые руки на ко-

ленях.

— Вообще-то я не читала Эйнштейна, и тебе это хорошо известно, — она посмотрела на сингулярность. — Какой эксперимент вы проводили?

Питер покачал головой.

— Лучше тебе не знать. Так будет безопаснее. На случай, если кто-то взломает наши компьютеры, мы ничего не записывали.

— Дай мне понять, что ты думаешь о случившемся. Это опасно?

— До сих пор я думал об этом портале как о простой петле — кротовине, которая возвращается сюда чуть раньше, чем наше субъективное время.

Мелисса ущипнула себя за переносицу.

— Хорошо, это я поняла.

— Но я ошибался, потому что, если бы это было так, вот оно не смогло бы появиться, — сказал он, указывая на сингулярность. — Потому что в кротовине не может быть ничего, кроме того, что мы через нее отправляем.

— Так что ты думаешь теперь?

— Я думаю, что дубликатор — это как бы портал закулисья. В начало бытия и его конец. В источник.

Питер закрыл глаза. В голове мелькали образы

и впечатления.

— Но что это на самом деле, я не знаю.

Уставившись на темную сферу, Мелисса прижала дрожащую руку ко рту.

— Это уже слишком, Питер. Как будто ты вызвал бога.

Мимо них прошли два физика, Джилл Сандерс и Наталья Комолова. Они выглядели усталыми и взволнованными. Питер кивнул. Несмотря на то что Мелисса и Джилл были довольно хорошими подругами, та, похоже, даже не заметила ее.

Питер обнял Мелиссу, уговаривая ее отвернуться от стекла.

— Вот что самое главное: она содержит ошеломляющее количество энергии. — Питер поднял руки, растопырив пальцы. — Я имею в виду захватывающее, удивительно огромное количество энергии. Мы экспериментировали на ней с помощью лазеров. Оказалось, что центр вращается. Ты не поверишь, что нам удалось сделать.

Вытащив из кармана рубашки черный маркер и блокнот, он прижал его к стеклу и начертил круг.

— Это сингулярность. — Он добавил вокруг круга эллипс. — Это окружающая ее переходная область.

Затем он нарисовал ряд точек, входящих в эту область.

— Мы отправили поток наноботов в переходную область, чтобы разбить ее на две части, — он нарисовал линию совсем маленьких точек, попадающих в круг, и еще одну линию, продолжающуюся из переходной области. — Одна часть попадает в сингулярность, другая возвращается.

Он посмотрел на Мелиссу, понимая, что говорит очень быстро, но никак не мог сбавить обороты.

— Часть, которая выходит, содержит больше энергии, чем весь вошедший нанобот.

Мелисса кивнула:

— Ты говоришь, что ее можно использовать в качестве источника энергии.

— Да, — подтвердил Питер. — Она содержит столько энергии, что всему миру ее хватит на десятилетие. Только одна эта сингулярность. И нам не нужно довольствоваться только одной.

Мелисса посмотрела на него.

— Что ты имеешь в виду?

— Если нам понадобится еще одна, мы сможем повторить эксперимент. Создать еще один парадокс.

Мелисса уставилась на содержимое резервуара, прикусив нижнюю губу.

— Больше никакой вражды из-за нефти, угля или ядерного топлива, — прошептала она. — Они смогут управлять всем.

— Мы сумеем прекратить войну за один день.

Сфера обладала неисчерпаемым, углеродно-нейтральным источником энергии. А его дубликатор был, как заметила Кэтлин, неисчерпаемым запасом продовольствия. Если эти качества объединить, очень многое может измениться.

— Отправь ее назад, — прошептала Мелисса.

— Что?

— Я еще никогда не видела вещи, которая бы пугала меня настолько сильно.

— Ты знаешь, что я не могу. Если я верну ее в дубликатор, она снова вернется обратно и, возможно, приведет с собой друга.

— Я знаю. — Мелисса не могла оторвать глаз от стекла. — Как ты будешь ее использовать для снабжения мира энергией? Ты собираешься провести линии электропередачи от двери лаборатории в Индию? Или, может, выдать бесплатные сингулярности России и Северной Корее?

Питер улыбнулся.

— Беспроводная передача энергии на более дальние зоны поля. Такой способ применяется

уже десять лет. Потоки электромагнитного излучения направляются на топливные элементы, установленные на платформах. Любой человек, любая страна сможет свободно использовать топливные элементы и брать себе столько энергии, сколько нужно.

Он поднял палец.

— При условии, что они заключат соглашение о немедленном прекращении огня и начнут переговоры о выводе войск из захваченных стран. Если какая-либо страна откажется — никакой бесплатной энергии. Они будут отрезаны на какое-то время.

Робко, будто ожидая удара, Мелисса коснулась стекла пальцем.

— Война в любом случае станет неактуальной, — сказал Питер. — Она будет похожей на борьбу за морскую воду или кислород.

— Ты думаешь, что сможешь это сделать?

— Я знаю, что смогу. Но мне нужны миллиарды. *Скрытые* миллиарды. Я найму инженеров для проектирования топливных элементов и платформ, не сообщая им, для чего они нужны.

Питер отхлебнул немного энергетика. Он чувствовал себя вымотавшимся, дрожал и ощущал легкую головную боль, как будто чем-то заболел.

— Кэтлин поможет мне собрать деньги с помощью своих связей.

Мелисса отошла от изоляционного резервуара.

— Может быть, я смогу ей помочь. В любом случае я едва ли смогу работать так, как сейчас.

Питер горячо обнял ее.

— Спасибо тебе. Спасибо, что веришь в меня. Не знаю, что бы я без тебя делал.

23

Фоллеру снилось, будто на него нападают тысяча человек с топорами и лопатами. В руках у него был пистолет. Он поднимает его, но вместо того, чтобы прицелиться в толпу нападавших (которую теперь возглавлял Мунларк, сжимавший в руке мачете), приставляет пистолет к собственному виску и нажимает на курок…

Он резко дернул рукой и проснулся, напугав и разбудив Бурю.

— Прости. Мне приснился кошмар.

Все это время Буря пребывала в состоянии растерянности, но вдруг оно мгновенно исчезло, как будто Бурю кто-то ударил по щеке. Фоллер сначала не понял ее реакции, но затем осознал, что она смотрит не на него, а куда-то ему за спину.

Он обернулся.

Вдали виднелся мир размером с его кулак, частично скрытый за облаками в вечернем небе.

— Ха! — Его лицо расплылось в улыбке, он оглянулся на Бурю. — Я же тебе говорил. Говорил?

Им повезло, что она его заметила.

— Он слишком далеко. — Буря смотрела на мир и не могла оторвать от него глаз. — Мы упадем мимо него.

Фоллер извернулся, чтобы оценить расстояние. Мир на самом деле был далеко, но далеко внизу. Стоит попытаться. Они падали уже более двух дней. Нужно не упускать эту возможность.

— Держись за мои ноги, — сказал он.

Он перевернулся на живот, чтобы использовать всю силу ветра. Как только Буря схватилась за его лодыжки, Фоллер развел руки и ноги и начал скользить. Может быть, это была всего лишь иллюзия, но казалось, что такое горизонтальное положение помогало им двигаться быстрее. Возможно, два тела усилили давление на ветер.

* * *

Пока они переворачивались, вокруг стемнело. Видневшийся внизу мир стал похож на растущее черное пятно в небе.

— Это прекрасно, — сказал Фоллер. — Нас ни-

кто не увидит. Мы сможем приземлиться в тихой части города и остаться незамеченными.

Он едва сдерживал свое волнение при мысли о другом мире. Сгущающаяся темнота создавала ощущение тайны и неизвестности. Вскоре звезды под ногами исчезли. Фоллер возился с подвесной системой и подтягивал застежки так, чтобы их тела были прижаты друг к другу лицом к лицу.

Падение в темный мир вызывало тревогу. Невозможно было увидеть, как близко они теперь находились к земле, но даже если Фоллер раскроет парашют слишком рано, они могут пролететь прямо мимо мира.

Наконец он заметил пятно оранжевого света, затем еще одно. Огни. В свете луны и звезд стали видны детали: огромные поля и леса, разделенные полосами, которые, как он догадался, были дорогами. Значит, пора раскрывать парашют.

— Приготовься к рывку. Обхвати руками голову. Постарайся не слишком сильно вертеть шеей, чтобы твоя голова не врезалась в мою.

Буря последовала его инструкциям. Ее локоть уперся ему в ухо.

— Хорошо, на счет «три». Раз, два… — Он в последний раз взглянул вниз и увидел быстро приближающуюся землю. — Три.

В тот момент, когда Буря приглушенно закричала, парашют выскочил из рюкзака и открылся одним резким движением.

Будто гигантская рука прижала Фоллера и Бурю друг к другу. В его глазах поплыли пятна.

И вот они уже спокойно парили под звездами над новым миром.

Фоллер мог разглядеть везде разбросанные небольшие здания, вдоль одного края расположенные особенно кучно. Таинственный голос его разума, в котором хранились слова, нехотя прошептал: «*Город».*

— Здесь как на картинках в книге, — в голосе Бури прозвучало что-то среднее между страхом и удивлением.

Холодный ветер нес их прямо в направлении города. Внизу промелькнуло цилиндрическое здание — *силосная башня*[23]. Слово пробежало по коже Фоллера холодком удовольствия.

— Я знал, что все места из картинок в книгах — настоящие, — сказал он.

Буря посмотрела на него, как на сумасшедшего.

— Ты что, не видел картинку океана? Он бы

---

[23] Примечания: 23

Силосная башня — специальное сооружение для хранения растительных кормов. *(Прим. ред.)*

занял все небо.

Это было правдой. В книгах также были картинки горных хребтов, которые, казалось, тянулись бесконечно и исчезали где-то вдали. Мир не был создан для того, чтобы вмещать в себя такие большие вещи. Это все воображение художника. Они спускались в сторону леса, что совсем было для них некстати. Тогда Фоллер взмахнул руками, направив себя и Бурю к заросшему сорняками полю. Жесткий ветер быстро нес их вдоль горизонта.

— Не пытайся приземлиться на ноги, — сказал Фоллер. — Как только мы коснемся земли, просто сделай кувырок.

Их ботинки уже касались подошвой сорняков — и Буря взвизгнула. В следующий миг они почувствовали под ногами твердую землю и упали друг на друга.

Расстегнув застежки и собрав их вместе, Фоллер встал и отряхнулся. Ночь была удивительно тихой, издалека доносилось лишь стрекотание сверчков. Парашют лежал неподалеку.

На краю поля стоял дом: лозы с большими каплевидными зелеными листьями обвивали его вокруг. Он указал на него:

— Почему бы нам не отдохнуть там до утра?

— У нас было полно времени для сна. Давай

лучше осмотримся.

Фоллер считал себя человеком с наибольшим опытом падений в неизвестные миры, поэтому принимать решения должен он.

— Я не уверен, что есть смысл бродить в темноте.

— Ну, мне все равно. Я собираюсь осмотреться. Если хочешь скрываться до утра, вперед.

У Фоллера возникло желание вытащить фотографию и напомнить себе, что когда-то они могли быть счастливы вместе, но было уже слишком темно. Поэтому он поплелся за Бурей по грунтовой тропе, огибающей край поля, мимо ржавеющего грузовика, опутанного лозами, и какой-то старой ржавой техники, лежащей рядом.

Они вышли на более широкую дорогу, которая вела через лес, но уже вдали от дома.

Изредка они проходили мимо домов, большинство из которых были такими маленькими, что казались вылепленными по одной модели. Ни один не выглядел жилым.

Лес поредел, уступая место полям. Они прошли мимо силосной башни и сарая, которых Фоллер заметил еще сверху. В ряд с ними стоял большой дом с длинным обрамлявшим его крыльцом. Вид был прекрасен. Вместе три эти постройки

создавали какой-то баланс, гармонию, которую он не мог выразить словами.

— Ты плачешь? — спросила Буря.

Фоллер вытер щеку тыльной стороной ладони. Она оказалась влажной.

— Почему ты плачешь?

Фоллер пожал плечами.

— Не знаю. Просто вид этой фермы вызвал у меня это теплое чувство, и мне кажется, что я должен знать почему, но я не знаю.

Буря внимательно рассмотрела пейзаж.

— Но ведь ты уже видел фермы на картинках?

— Это совсем другое.

Буря еще некоторое время разглядывала ферму, а затем двинулась дальше.

На горизонте забрезжило розовое зарево рассвета, они вышли на асфальтированную дорогу и направились к городу.

24

Город лежал у подножия длинного отлогого холма. Здания на одной стороне главной улицы нависали прямо над краем, некоторые из них — укреплены стальными балками. По всей маленькой долине были беспорядочно разбросаны дома.

— Вероятно, нам следует гулять по главной улице города как можно непринужденнее, — сказал Фоллер. — Посмотрим, что нам удастся увидеть. Пока мы не поймем, как слиться с толпой, ни с кем не заговаривай.

Буря посмотрела на него с удивлением.

— Никто не видел, как мы приземлились. Кто будет подозревать, что мы упали сюда из другого мира?

Для Фоллера воспоминание о мужчине, стоящем над ним с обломком кирпича в руке, еще было свежим.

— Просто сделай мне одолжение, хорошо?

Пожав плечами, Буря продолжила спускаться с холма.

Они прошли мимо сидящей на крыльце женщины, которая абсолютно ничего не делала. Фоллер махнул рукой. Она прищурилась, слегка приподняла руку и осторожно пошевелила пальцами.

Через несколько домов стояли два пикапа, неожиданно из-под них выскочила маленькая собачка с приплюснутым носом. Она остановилась у тротуара и начала лаять. Все собаки в мире Фоллера были съедены в течение ста дней. Значит, в этом мире должно быть больше еды.

Фоллер опустился на одно колено и протянул руку, но собака не была настроена на ласку. Они двинулись дальше.

Прямо впереди появилась главная улица. Она была чуть длиннее двух кварталов, тротуары были заставлены автомобилями. Около полудюжины человек заполняли всю улицу. На установленном на тротуаре деревянном стуле сидел мужчина, другой стриг ему волосы. Еще один мужчина стоял в дверном проеме и что-то забивал молотком. Улицу пересекала пара, а две маленькие девочки камнем рисовали что-то на тротуаре.

Расположенные вдоль улиц магазины успокоили Фоллера. Он не мог понять свои чувства, которые вызывали у него открытые пространства. Неплохое — но безграничное, как будто он может упасть в небо в любой момент. Магазины слева и справа были пустыми, их витрины были в основном разбиты и не предлагали ничего, кроме пыли и мертвых мотыльков.

— Мы должны говорить друг с другом, — сказала Буря. — Люди, гуляющие вместе, обычно разговаривают.

— Хорошая мысль.

Они прошли мимо магазина, который не был

пустым. Похоже, в нем была еда и некоторые вещи с Первого Дня — обувь и что-то еще. У Фоллера возникло желание остановиться и присмотреться, но он придерживался своего плана. У них для этого еще будет много времени.

— А тебе не показалось знакомым мое лицо, когда ты впервые меня увидела? — спросил Фоллер. — Типа, возможно, мы встречались раньше, но ты не могла вспомнить где?

— Нет. Я услышала, что кто-то привел сумасшедшего, который утверждает, что он упал с неба. Я не хотела, чтобы ты приближался ко мне, вдруг ты опасен.

Фоллер засмеялся.

— Ты, возможно, еще поймешь, как чувствует себя человек, который рассказывает кому-то, что упал с неба.

Из двери на улицу вышли двое мужчин. Когда они повернули в их сторону, сердце Фоллера начало биться сильнее. Это было их первое испытание. Мужчины были пожилыми, один из них носил кожаную кепку. Оба были обуты в тяжелые ботинки, обмотанные малярной лентой.

Приблизившись, мужчины замедлили ход, вдруг остановились и уставились на Фоллера.

— Кто вы? — Движение губ мужчины нель-

зя было рассмотреть из-за густых усов. Бороду он не носил — из-за этого его лицо выглядело странным.

— Простите? — сказал Фоллер, пытаясь, чтобы голос звучал как можно спокойней и беззаботней.

— Я никогда прежде вас не видел. — Он произнес это так, будто говорил нечто шокирующее, и посмотрел на своего спутника, который медленно, словно пребывал в трансе, покачал головой.

Фоллер протянул руку.

— Меня зовут Фоллер. Я из… — он указал большим пальцем за плечо. — Из… эмм… удаленных районов…

Мужчины уставились на Фоллера так, будто вместо его головы выросла козья. Фоллеру стало любопытно, почему они не смотрят на Бурю. Она явно заслуживала больше внимания, чем он.

Мужчина с большими усами наконец перевел взгляд на Бурю.

— Эмили, это ты? — Он прищуренно посмотрел на Бурю. — Или это Сюзанна?

— Стюарт? — позвал другой мужчина, глядя мимо Фоллера.

Фоллер посмотрел через плечо. К ним направлялся высокий мужчина с мягкими чертами лица

и всклокоченной белой бородой. Все это явно не по плану.

Оба мужчины указали на Фоллера.

— Посмотри на него, — сказал усатый. — Я его в жизни не видел.

Шагнув на тротуар, Стюарт склонил голову набок, словно пытался разобраться, что не так в лице Фоллера.

— Мы сами по себе, — пробормотал Фоллер. — Мы отшельники.

— Он будто появился из воздуха, — сказал усатый Стюарту.

Улицу переходили две женщины, их любопытство, очевидно, было вызвано увеличивающейся толпой. Фоллер поднял голову, чтобы поприветствовать их, пытаясь своим видом показать: «О, разве это не глупое недоразумение?»

Когда он увидел лица женщин, его вежливой улыбки как не бывало.

Широко открытыми глазами они смотрели на Бурю, приближаясь к ней, словно к дикой собаке на не очень длинном поводке. Они были одеты в поношенные, но чистые синие летние платья, у обеих в волосах были желтые бантики.

Обе были как две капли воды похожи на Бурю.

Мужчины, которые таращились на Фоллера, те-

перь перевели взгляд на этих двух Бурь. С каждой секундой их глаза становились все шире и шире.

— Что, черт возьми, происходит? — наконец спросил Стюарт, глядя на женщин. — Эмили? Сюзанна?

Две женщины кивнули, не отрывая взгляда от Бури. Буря выглядела так, будто сейчас упадет.

Стюарт повернулся к Буре.

— Тогда кто *ты*? Что происходит? — Его голос был на грани паники.

К толпе присоединились еще двое, еще больше людей спешило к ним по улице. Зато есть с кем сливаться.

— Послушайте… — начал было Фоллер, но сразу же замолчал. Он не знал, как продолжить. Времени придумать правдоподобную ложь не было. Ему не приходило в голову, что мир может быть таким маленьким, что все знают друг друга по имени. Похоже, единственный его выход — говорить правду.

— Я могу рассказать вам, кто мы и как мы сюда попали, но вы мне не поверите. Будь я на вашем месте, я бы не поверил.

Фоллер услышал вдалеке возгласы. Вокруг теперь собралась как минимум дюжина людей. Некоторые будто не дышали, боясь пропустить

хоть одно слово. Фоллер указал на небо:

— Далеко вверху над вами есть другие миры. Так высоко, что вы не можете их даже увидеть. — Он глубоко вздохнул и выпалил: — Буря и я упали с одного из них.

Тишина длилась так долго, что Фоллер почувствовал, как краснеет от смущения, словно его только что уличили во лжи.

Наконец Стюарт спросил:

— Ты пытаешься доказать нам, что вы упали с неба?

— Я не пытаюсь вам что-либо доказать, — ответил Фоллер. — Мы упали с неба. Вот…

Он сбросил рюкзак, расстегнул замок и вытащил парашют.

— Не совсем *упали*. Мы прыгнули в небо с парашютом. Очевидно, что, если бы мы упали, мы бы умерли. Мы спрыгнули с парашютом.

Он немного развернул парашют и показал им.

— Он наполняется воздухом, позволяя медленно планировать к земле.

Надеясь хоть на какую-то поддержку, он посмотрел на Бурю, но она изумленно смотрела на своих двойников, беззвучно открывая и закрывая рот.

— Мистер, в вас столько дерьма, что я чую его

запах отсюда, — сказал Стюарт.

Фоллер чувствовал, что его лицо становится краснее, но теперь из-за гнева. Он шагнул к Стюарту.

— Объясни, зачем мне лгать. — Он бросил парашют на тротуар. — Как еще мы могли сюда попасть? Почему вы никогда не видели нас раньше?

— Если бы я знал, я бы тебя тогда спрашивал?

Фоллер открыл рот, чтобы сказать, что он это докажет. Он спрыгнет с крыши здания с парашютом и покажет им. Но ни одно из зданий не имело больше двух этажей, для открытия парашюта этого недостаточно. Он задрал голову к небу и вздохнул от разочарования.

— Разве поверить в то, что мы упали из другого мира, сложнее, чем в то, что случилось со *всеми нами* несколько сотен дней назад?

— Эй, хватит, — сказал Стюарт.

— Что такое? Я просто говорю как есть. — Фоллер схватился руками за виски. — Если никто из нас ничего не знает о том, что произошло до того дня, даже если предположить, что мы *существовали…*

— Хватит болтать! — оборвал его Стюарт.

Люди смотрели друг на друга так, будто у Фол-

лера вылез клюв. Стюарт жестом подозвал двух молодых, довольно крупных мужчин из толпы.

— Джим, Билли, помогите мне запереть этих двоих. Мы разберемся с этим после того, как сможем собрать Городской Совет.

Стюарт схватил Фоллера за плечо. Тот попытался отдернуть руку.

— Зачем ты нас запираешь? Мы не сделали ничего плохого.

— Вы распространяете плохие ощущения, — сказал Джим, будто это все объясняло.

XII

Чья-то фигура виднелась в дальнем конце тренировочного поля для гольфа. Кто-то присел на корточки, чтобы подготовить мяч для удара. С этого расстояния Питер не мог разглядеть его лицо, но панамская шляпа подсказывала ему, что это Уго. Сделав глубокий вдох и зажав под мышкой коробку конфет, он прошел через автостоянку и направился в сторону тренировочного поля.

Отметки, обозначающие расстояние в ярдах на поле, все еще стояли, хотя оно уже по колено заросло травой и сорняками. Поле, заросшее травой и сорняками, требовало слишком много энергии для ухода за ним. К тому же кто бы еще, кроме

Уго, отправился на тренировочное поле в разгар мировой войны?

Уго взмахнул клюшкой и пустил мяч по низкой, поднимающейся траектории мимо отметки двести пятьдесят ярдов. Повернувшись, чтобы взять еще один мяч из ведра, он заметил Питера и на мгновение застыл. Немного задержав на нем взгляд, Уго установил мяч на подставку.

Однажды Питер пытался сыграть в гольф с Уго и быстро понял, что это занятие не для него. Слишком раздражает.

Прищурившись от ослепительного блеска асфальта, он снова почувствовал нарастающую головную боль и переложил коробку конфет в другую руку. Хорошо, что на улице было прохладно, иначе они бы растаяли.

На Уго были надеты белая тенниска, шляпа и широкие солнцезащитные очки. Питер приветственно поднял руку. Уго только посмотрел на него. Он, похоже, не удивился, увидев Питера.

— Я все так же не понимаю, что ты находишь в этой игре, — сказал Питер.

— И не поймешь.

Питер остановился в десяти шагах от Уго.

— Я подумал, может, мы могли бы поговорить.

Взяв клюшку, Уго посмотрел на мяч.

— Что, правда?

— Уго, прости меня. Я хочу наладить наши отношения, но не знаю, как это сделать.

Уго взглянул на него с предубеждением, затем отвернулся, словно ему было тяжело долго смотреть на Питера.

— Я любил Изабеллу, — торопливо произнес Питер. — Я никогда бы не подумал сделать то, что могло ей навредить. Я только хотел ей помочь.

Уго уставился на поле.

— Что у тебя там?

Питер протянул коробку Уго.

К его удивлению, Уго взял их и осмотрел коробку.

— Трюфели Книпсшилдт. Их, должно быть, было трудно найти.

— Я просто хочу, чтобы ты знал, что я искренне сожалею.

— Ничто так не свидетельствует об искренности, как трюфели Книпсшилдт.

Уго затолкал клюшку в сумку и вытащил другую. Питер непроизвольно сделал полшага назад, когда Уго повернулся, сжимая ее в кулаке. Держа в одной руке конфеты, а в другой клюшку, он подошел к подставке.

— Ты такой предсказуемый. Как маленький

мальчик. Ты хочешь восстановить со мной отношения, потому что не можешь объяснить Мелиссе нашу ссору. И бог знает почему ты не можешь сказать ей правду.

Уго поставил коробку на траву, взял один трюфель и установил его на подставку.

— Я не особенно заинтересован в том, чтобы помогать тебе решить эту маленькую проблемку.

От удара Уго трюфель развалился, крошки шоколада разлетелись метров на пять от подставки. Уго присел, взял еще одну конфету и установил для удара.

— Я здесь, потому что ты мой друг. Или был им. Потому что мы семья. — Питер не знал, догадывался ли Уго, что именно Мелисса сказала ему, где его найти. — Возвращайся в лабораторию. Давай вернемся к работе. Война слишком важна, и в нее не должен вмешиваться личный конфликт.

— Личный конфликт. — Уго со злобой взмахнул клюшкой, словно пытался выбить из трюфеля дух. На туфли для гольфа брызнула шоколадная начинка. Он остановился и повернулся к Питеру. — Какой прекрасный, великолепный способ обрисовать всю ситуацию.

Уго выпятил нижнюю губу и осмотрел поле.

— Во время войны, когда я был двенадцати-

летним мальчиком и сидел в лагере Омарска[24], меня заставили откусить мизинец другого заключенного при потешающихся охранниках. Если бы я отказался, другой мальчик откусил бы палец мне.

Питер прикрыл рот рукой.

— Боже, Уго. Я не знал…

Без предупреждения Уго ударил клюшкой по коробке. Та отлетела в сторону Питера, трюфели высыпались на траву.

— Мне не нужно твое сочувствие. Я хочу, чтобы ты понимал. Ты думаешь, что я ничего не значу. Ничтожество, слабак.

Питер открыл было рот, чтобы не согласиться, но увидел в глазах Уго решимость: тот был готов без промедления направить клюшку в голову Питера, если он снова его перебьет.

Уго быстро пожал плечами.

— Уго не соглашается, но я все равно это сделаю. Я отправлю его жену через свой дубликатор. Кого волнует, что думает Уго?

Уго потер свой длинный нос и продолжил:

---

[24] Примечания: 24

Концентрационный лагерь Омарска находился под управлением боснийских сербов в старом железном руднике, рядом с небольшим городом Омарска около Приедора на севере Боснии и Герцеговины. *(Прим. пер.)*

— Ты мне сказал однажды: «Не будь мудаком». — Он затолкал клюшку в сумку. — Я не тот, кем ты меня, очевидно, считаешь. Я не слабак. Когда люди меня предают, я отрываю им головы.

Он плюнул на траву.

Питер посмотрел на шоколадное месиво, тянущееся от подставки вниз по холмику.

— Все было совсем не так, как ты думаешь. Изабелла умоляла меня…

Уго ткнул пальцем ему в грудь.

— Если ты еще раз произнесешь ее имя, я разобью твой череп об эту стену.

Питера подмывало сказать Уго, чтобы он попытался. Но выиграй он или проиграй, драка только ухудшит ситуацию.

— Теперь, — сказал Уго, — что касается войны. Она очень важна. Слишком важна, чтобы тратить время на помощь кому-то. И слишком важна, чтобы оставлять ее на усмотрение маленькому хрупкому президенту, у которого кишка тонка сделать то, что нужно сделать.

— Что ты имеешь в виду?

Уго отвернулся.

— Потом узнаешь. А теперь прочь с глаз моих.

Питер не сдвинулся с места, пока Уго переходил к новой, более чистой подставке и продолжил го-

нять мячи. Через минуту или две он направился обратно через автостоянку.

Война слишком важна, чтобы ею занималась президент Аспен? Питер понятия не имел, что это значит. Следующие выборы будут проходить только через два года. Неужели Уго планирует переворот?

Питер усмехнулся этой мысли.

25

Их ввели в камеру: Фоллер заметил странного и безобразного человека. Он развалился на полу вдоль решетки, прижав к голой груди одно колено. У него были длинные черные волосы, красновато-коричневая кожа и рваные жуткие шрамы на плече и животе. Когда Фоллер и Буря сели на длинную скамью напротив него, он едва на них взглянул. В углу камеры — лужа, из-за страшной вони Фоллер догадался, что это моча.

— Все прошло хорошо, — сказал Фоллер.

Он взглянул на Бурю, но все его внимание было приковано к незнакомцу, за которым он следил боковым зрением. Незнакомец смотрел куда-то на пол между ними. Он не казался особенно угрожающим, но все же подобных ситуаций Фоллер предпочитал избегать.

— Почему эти женщины похожи на меня? — спросила Буря. — Они выглядят в точности как я.

— Вспомни женщину в твоем мире, которая похожа на моего друга Орхидею. Возможно, у всех нас есть близнецы.

Незнакомец посмотрел на них, затем перевел взгляд на свои ногти, один из которых отсутствовал.

— Наверное, мы сестры.

— Может быть.

Фоллер указал на незнакомца. Буря пожала плечами. Находиться в таком маленьком пространстве с кем-то и не разговаривать с Фоллером — походило на абсурд.

Прежде чем он понял, что происходит, Буря уже стояла над незнакомцем. Она откашлялась. Мужчина поднял глаза. У него были поразительно острые скулы и яркие, сердитые глаза.

— Я подумала, что должна представиться, так как, похоже, мы теперь сокамерники, — она протянула руку. — Меня зовут Буря.

Незнакомец внимательно посмотрел на нее.

— Я не понимаю. Почему ты поменяла имя?

— Нет, я не… — Буря сделала неопределенный жест рукой. — Я не одна из тех женщин, которых вы знаете. Не из близнецов.

— Ты просто выглядишь точно так же, как они? — спросил мужчина.

— Верно.

Незнакомец долго смотрел на Бурю и наконец спросил:

— Думаешь, я дурак?

— Нет… — начала Буря.

— Нет, честное слово, она говорит правду, — сказал Фоллер. Он попытался встать между мужчиной и Бурей, но она не отошла в сторону, и он остановился рядом с ней. — Я знаю, это звучит абсурдно. Но, честно говоря, если бы мы собирались вам солгать, разве мы не выбрали бы что-то более правдоподобное?

Мужчина пристально посмотрел на Фоллера — его лицо не выражало никаких эмоций.

— Я имею в виду, посмотрите на нашу ситуацию, — Фоллер обвел рукой камеру. — Мы находимся в маленьком замкнутом пространстве с незнакомцем, который может легко свернуть шеи нам обоим, даже не вставая. Так зачем же нам подталкивать вас к этому?

Здоровяк задумался.

— Кстати, я Фоллер, — сказал он, протягивая руку.

После паузы мужчина поднялся и пожал ее.

— Укус Змеи. — Ладонь мужчины была настолько большой, что Фоллер почувствовал себя ребенком, пожимающим руку взрослого.

— Укус Змеи. Интересное имя, — сказала Буря. — Как ты его получил?

Укус Змеи закатал штанину, обнажив еще один шрам: две затянувшиеся дыры, расположенные примерно в сантиметре друг от друга.

— Меня укусила змея.

Он поднял глаза на Фоллера и Бурю. На лице появилась улыбка.

Фоллер и Буря рассмеялись.

Укус опустил штанину.

— Я слышал, как ты говорил, что у каждого есть близнецы в других мирах. Что ты имел в виду?

На этот раз Фоллер решил делать все медленнее. Взяв рюкзак, он вытащил парашют и начал объяснять его устройство Укусу Змеи. Тот внимательно исследовал его, вплоть до застежек и подвесной системы. Только потом он и Буря подробно объяснили, для чего они использовали парашют, и с каждым их словом шок и тревога на лице Укуса Змеи становились все сильнее и сильнее.

— Твою мать, — выругался Укус Змеи, когда они закончили.

— Ты нам веришь? — произнес Фоллер, стараясь, чтобы в его голосе не звучало удивление.

— Почему бы и нет? Вы же здесь, не так ли?

Наружная дверь скрипнула: Стюарт привел похожих на Бурю близнецов.

— Теперь я верю, что ты умеешь следить за языком и разговаривать цивилизованно, — сказал Стюарт, указывая пальцем на Фоллера. Фоллер кивнул, смутившись из-за того, что его посчитали потенциальным сквернословом.

— Я Сюзанна, — сказала Буре одна из близнецов, когда наружная дверь закрылась.

Затем указав на сестру:

— Это Эмили.

— Я Буря, — по ее щеке прокатилась слеза. — Мы сестры?

Сюзанна подошла ближе и взялась за решетку.

— Наверное.

Согласно кивнув, Буря приблизилась к близнецам и схватилась за прутья.

Фоллер не был уверен, что все так просто разъяснялось. Получается, у Орхидеи тоже была сестра в другом мире. Он молчал, не имея лучшего объяснения.

— Мы собираемся вытащить тебя отсюда прямо сейчас. Это ведь смешно, — сказала Эмили.

— Думаю, что Стюарт заслуживает, чтобы хорошенько получить ниже пояса, — добавила Сюзанна. Фоллер усмехнулся. Возможно, они и правда *были* сестрами.

Девушки мучительно пытались что-то сказать друг другу. Наконец, Эмили спросила:

— Откуда ты?

Думая, что ответить, Буря запнулась и окончательно сдалась:

— Я объясню, когда у нас будет больше времени.

Сюзанна и Эмили пообещали вернуться с толпой, чтобы повесить Стюарта, если понадобится.

Укус Змеи подождал, пока дверь полностью закроется, а затем тихо спросил:

— Так какой же этот другой мир?

— Миры. Есть еще как минимум два.

Они рассказывали о своих мирах, а Укус Змеи внимательно слушал. Перебивая друг друга, Буря и Фоллер задавали ему в ответ свои вопросы, но мужчине было явно легче слушать, чем говорить.

— Проснувшись, мы увидели на земле свиней, коров, урожай, — ответил Укус Змеи, когда Буря спросила его о Первом Дне. — Люди были голодны — произошло несколько убийств, но большин-

ство были просто напуганы и растеряны. Когда все успокоилось, здесь начали происходить странные вещи.

— В чем их странность? — спросила Буря, когда Укус Змеи замолк.

— Все начали притворяться, будто ничего не произошло. Люди не слушали и не слышали друг друга. Если кто-то сейчас вспоминает о тех первых днях, то они «заставляют других чувствовать себя плохо». Сейчас вслух о том, как использовать телефоны, почему некоторые из нас родились молодыми, а другие — старыми, никто никого не спрашивает.

Буря посмотрела на Фоллера.

— Это объясняет то, что мы здесь делаем.

Снова повернувшись к Укусу Змеи, она спросила:

— Ты здесь тоже из-за этого? Из-за того, что говорил о первых днях?

— Я? Нет, — ответил Укус. — У меня есть и другие дела, кроме как будоражить маленький мир иллюзий этих людей. Я здесь, потому что не извинился за то, что отрезал Уэйну пальцы.

В голове Фоллера возникла ужасающая картина: Укус Змеи прижал руку какого-то бедного парня к столу и отрезает ему пальцы. Но все

оказалось не так жутко. Уэйн и трое его братьев пришли в дом Укуса с разборками: мужчина использовал слишком много воды, которая предназначалась для всех. После словесной перепалки завязалась драка. Уэйн ринулся было в мастерскую Укуса за косой, но схватился за нож. Когда Укус Змеи пытался выбить его из рук Уэйна, он нечаянно отрезал тому пальцы. Городской Совет посчитал, что Укус должен извиниться. Он не согласился.

* * *

Дверь открылась снова — вошел Стюарт с ключом в руке. За его спиной семенили Сюзанна и Эмили с самодовольным выражением на лицах.

— Собирается Городской Совет, — сказал Стюарт, открывая камеру и выпуская Фоллера и Бурю.

Укус Змеи встал.

— Думаю, я тоже готов выйти.

— Ты готов извиниться перед Уэйном?

— Думаю, да, — ответил Укус, изо всех сил стараясь выглядеть искренним.

— Тогда идем. — Стюарт широко распахнул дверь камеры и вывел всех наружу.

26

Фоллер был голоден, но помалкивал об этом, боясь нарушить еще какое-либо из причудливых негласных правил этого мира, которых не знал.

Зал заседаний Городского Совета находился в большой церкви с высокими потолками и причудливыми витражами, где пастухи смотрели на маленьких детей, которые преклонялись перед людьми со светлыми кругами вокруг голов. *Нимбы*. Не было такого предмета, для которого Фоллер не смог бы подобрать слово. В его мире церкви были в основном заброшены, а окна их выбиты. Пространство было совершенно бесполезным, и, хотя люди имели смутное представление о том, что церкви предназначены для общения с богами, никто точно не знал, что нужно говорить и как подтвердить, что они тебя слышат.

Стюарт провел Бурю и Фоллера до первого ряда и, велев им подождать, поспешил присоединиться к одной из групп людей, собирающихся сзади. Они приглушенно о чем-то говорили и глазели на Фоллера и Бурю.

Фоллер открыл было рот, чтобы сказать Буре, как ему неудобно, что на него все здесь смотрят, но вдруг в церковь вошла Орхидея.

— Ох, это какое-то издевательство, — выдохнул Фоллер.

Она убаюкивала ребенка, завернутого в белое одеяло. На ней были аккуратные, совершенно новые голубые джинсы с отворотом, сделанным для того, чтобы они подходили по размеру. Ботинки тоже выглядели новыми, словно их только что достали из коробки. Рядом с ней стоял высокий, седой, смуглый мужчина в очках. Они разговаривали со Стюартом, и, кстати, Стюарт постоянно кланялся ему в пояс. Это давало Фоллеру повод полагать, что спутник Орхидеи — какая-то важная особа.

— Что такое? На кого ты смотришь? — Буря посмотрела назад и внезапно судорожно вдохнула. — Подожди-ка, это…

— Орхидея. Опять. — Фоллер протиснулся мимо Бури в проходе. — Я скоро вернусь.

Буря схватила его за руку.

— Ты уверен, что это хорошая идея?

Фоллер пожал плечами:

— Что здесь плохого? Уверен, что она меня не узнает. Мне любопытно посмотреть, насколько она похожа на ту Орхидею, которую я знаю.

Приблизившись, он наблюдал за реакцией Орхидеи. Она смотрела на него широко открытыми

от любопытства глазами с легким оттенком страха, и было не похоже, что она его узнала. Орхидея что-то прошептала своему спутнику, который все еще разговаривал со Стюартом. Высокий мужчина повернулся, чтобы посмотреть на Фоллера.

Его глаза, рот и даже ноздри широко раскрылись, и, отшатнувшись назад, он шумно и резко выдохнул: «Ха». Его поймала Орхидея, иначе он упал бы прямо в открытые входные двери.

В помещении воцарилась тишина. Все повернулись к седому мужчине, который тяжело дышал, пытаясь успокоиться, но все так же таращился на Фоллера, как на гигантского волосатого паука или нечто подобное.

Его реакция потрясла и смутила Фоллера. Этот мужчина его узнал! Фоллер прошел через безмолвное помещение и протянул ему руку.

— У меня такое чувство, что вы меня знаете, но, похоже, я вас не помню, — сказал он достаточно громко, чтобы каждый в помещении услышал.

Мужчина посмотрел на руку Фоллера. Его нос сморщился, как будто в церкви стоял дурной запах.

— Что? Нет. — Он сделал полшага назад, все так же шарахаясь от протянутой руки Фоллера. — Конечно же я вас не знаю. Кто вы?

— Меня зовут Фоллер. — Схватив запястье мужчины левой рукой, он продолжал смотреть ему прямо в глаза. — А вас?

Ладонь мужчины была влажной от пота.

— Меня зовут Брюс. Вице-президент Городского Совета.

Упоминание о своем социальном статусе была явной попыткой вернуть себе превосходство. Брюс, видимо, привык к лидерству, но Фоллер не был запуган. То ли из-за реакции Брюса на его появление, то ли из-за находившейся рядом Бури он ощущал уверенность.

— Рад с вами познакомиться, — сказал Фоллер, пытаясь прочитать что-нибудь в его похожих на птичьи глазах.

Брюс пожал ему руку и, разглаживая поношенный, но чистый вельветовый пиджак, направился к помосту. Двойник Орхидеи (на самом деле теперь она была тройником), бросив последний взгляд на Фоллера, последовала за ним.

Когда Фоллер вернулся в свой ряд, близнецы уже сидели рядом с Бурей. Укус Змеи находился в следующем. Пытаясь соединить все детали и понять закономерности мироздания, Фоллер почувствовал головокружение. Существовало как минимум три Орхидеи и три Бури. Неужели

в каждом мире каким-то образом изначально жили одни и те же люди? Если это действительно так, то Укус Змеи в его мире умер одним из первых. Иначе Фоллер наверняка бы его вспомнил. И конечно же он был вполне уверен, что в его мире не было Бури.

Кроме Орхидеи, ни одного знакомого лица в помещении не оказалось, а Фоллер был уверен, что в своем мире он встречал каждого человека хотя бы несколько раз. Впрочем, в мире Бури знакомых ему людей также не было, кроме самой Бури и другой Орхидеи. Значит, у некоторых людей были двойники, а у других — нет.

Люди занимали свои места, совет вот-вот начнется. Фоллер понятия не имел, как им вести себя здесь. Он повернулся к Укусу Змеи.

— Можешь дать совет, как с этим справиться?

Укус подался вперед, его губы теперь были у самого уха Фоллера. Буря наклонилась к Фоллеру, чтобы слышать разговор.

— Лгите, — прошептал Укус.

— Лгать?

— Придумайте объяснение, которое никого не заставит *чувствовать себя плохо*. Дайте им малейшую возможность, и они с радостью засунут голову обратно в песок и будут притворяться, что

вы всегда жили здесь.

Фоллер медленно кивнул, спрашивая себя, какое объяснение, кроме правды, он может предоставить.

На помосте черноволосый мужчина с густыми бровями призывал собравшихся к порядку, ударив двумя маленькими палочками друг об друга. Фоллер закрыл глаза, пытаясь подумать. Ему нужно что-то говорить.

— Меня зовут Карл. Это Дэнни… — далее он назвал имена еще семи мужчин, усаживающихся в ряд на складные стулья. Затем он назвал каждого присутствующего в церкви. Он озвучил около ста имен, прежде чем спросить Фоллера и Бурю, как их зовут.

— Я думаю, нам нужно узнать, — Карл повернул руки ладонями вверх, — где вы были? Почему мы вас не знаем?

Фоллер посмотрел на Бурю. В голове крутилось только: «Мы скрывались от вас намеренно». Это было сложно назвать объяснением, и когда Карл спросит, *почему* они скрывались, у него не будет ответа.

Все еще глядя на Фоллера, Буря сказала:

— Мы не знаем.

— Как это вы не знаете? — спросил Карл.

Ответ застал Фоллера врасплох. Как это «мы не знаем» поможет им выкрутиться и уйти с этого странного собрания?

Спрятав лицо в ладони, Буря всхлипнула. Фоллер похлопал ее по спине и издал пару успокаивающих звуков, задаваясь вопросом, что она, черт возьми, задумала.

— В какой-то момент мы оказались там, на том поле. Я не знаю, кто я и откуда пришла. Я ничего не помню, кроме своего имени.

По помещению прокатился гул. Фоллер посмотрел по сторонам, не зная, можно ли считать признание Бури *распространением плохих ощущений*. По выражению лиц людей понять что-то было невозможно. Буря не говорила о Первом Дне, она просто на это намекнула, и этого было достаточно, чтобы заставить каждого ощутить неудобство и, хотелось бы надеяться, сочувствие.

Члены Городского Совета переговаривались между собой, мужчины, сидевшие на задних рядах, подтягивались к центру, чтобы услышать и быть услышанными.

Фоллер оглянулся на Укуса Змеи, который поднял брови и пожал плечами. По-видимому, он понятия не имел, что будет дальше.

Внезапно Эмили и Сюзанна тоже забрались

на помост, присоединившись к беседе. Фоллер услышал, как Карл предложил им присесть, но сестры продолжили говорить стоя. В общем шуме разговора он не мог различить, что они говорили, но их манера была настойчивой.

Брюс, постоянно хмуривший брови, тоже много разговаривал, его голос менялся с каждым словом. Он спорил о чем-то с Карлом, сестрами и некоторыми другими, но вдруг Карл сказал что-то резкое. Разговор вмиг прекратился.

Карл постучал палочками, шум в комнате стих.

— В мире есть непостижимые уму вещи.

Он посмотрел на Фоллера и Бурю и продолжил.

— Мы не можем вас в этом обвинить. Вы рассуждаете цивилизованно, — он демонстративно посмотрел на Фоллера, — и мы не видим необходимости в дальнейшем заседании.

Это были странные люди. Фоллер поднялся со своего места вместе со всеми, глядя на Брюса, который наблюдал за ним.

Многочисленная толпа начала тесниться к выходу. Вокруг Фоллера и трех Бурь возникло небольшое пространство. Фоллеру было непривычно глядеть на них, стоявших так близко друг

к другу, у него как будто появились проблемы со зрением.

— Можно тебя на минутку? — спросила Буря, когда они спустились по ступеням церкви. Она взяла его за запястье и отвела на несколько шагов. — Сюзанна и Эмили предложили мне пока остаться с ними, и я согласилась.

Фоллер попытался скрыть боль. Он предполагал, что это он и Буря будут держаться вместе из-за фотографии, из-за их общего секрета.

— Я понимаю, ты злишься на меня…

— Это здесь совсем ни при чем.

— Хорошо, — после долгой паузы произнес наконец-то Фоллер. — Но давай поговорим позже.

Буря кивнула.

— Думаю, это хорошая идея.

Она вернулась к своим близнецам и направилась в сторону их дома. Без нее Фоллер почувствовал себя совершенно забытым и опустошенным.

Он взглянул на небо: уже вечерело. Мысль о том, что нужно блуждать, пока он не найдет заброшенный дом, чтобы спать в одиночестве под пыльными простынями, чертовски его угнетала.

Посреди дороги дальше по улице он вдруг заметил Укуса Змеи.

— Укус?

Здоровяк подождал, пока Фоллер его догонит.

— Мне негде жить. — Он сделал паузу, надеясь, что Укус Змеи не будет тянуть с приглашением, но тот только ждал. — Могу я поселиться у тебя?

Укус кивнул.

— Пошли.

Пока шли, они не разговаривали, и Фоллер был благодарен за молчание. Ему нужно было время подумать.

Он думал о Брюсе. Что могло вызвать у взрослого человека такую реакцию? Присутствие Фоллера потрясло Брюса так, будто тот увидел привидение.

А что, если у Фоллера когда-то был двойник в этом мире и Брюс видел, как он умирает? По правде говоря, это многое могло бы объяснить. Тогда Брюс не смог бы объяснить свою реакцию другим, не припоминая Первый День, поэтому был вынужден отрицать, что узнал Фоллера.

А что, если Брюс *убил* двойника Фоллера? Это могло объяснить неприкрытое потрясение на лице Брюса. Представьте себе, что вы встретились лицом к лицу с человеком, которого убили.

— Почему ты улыбаешься? — спросил Укус Змеи.

Фоллер и не осознавал, что шел и улыбался.

— Я пытаюсь понять, почему Брюс так испугался, увидев меня.

— Если что-то подобное может заставить тебя улыбнуться, ты, наверное, счастливый человек.

Фоллер засмеялся и покачал головой.

— Просто у меня мысли сумасшедшего.

Свернув на главную улицу, они прошли под навесами магазинов. Лучи вечернего солнца переливались на стеклах голубыми оттенками. Несмотря на облупившуюся краску, магазины, встречающиеся на их пути, были красивыми. Каждый имел свой цвет и оригинальный фасад.

— Брюс — важный человек, — сказал Укус Змеи. — Он получил свою должность, потому что в первые дни придумал многие вещи, которые помогают людям выжить.

— Например?

Укус пожал плечами.

— Как качать воду из-под земли. Как выращивать урожай. Как действуют некоторые лекарства.

— Откуда он это знал?

— Не знаю. Он это придумал.

— Тебе он нравится? — спросил Фоллер.

Укус Змеи посмотрел на него, явно рассерженный вопросом.

— Мне никто не нравится. Я лучше жил бы в лесу на другом конце света.

— Тогда почему не живешь?

— Потому что я люблю поесть.

* * *

Укус Змеи жил в одном из магазинов, свисающих с края света, в квартире с небольшими комнатами и узкими коридорами. Он предложил Фоллеру выбрать одну из свободных комнат с кроватью (Фоллер выбрал ту, где было окно с видом на край света), а затем даже пригласил поесть.

За магазином на первом этаже находилась кухня. Она тоже была завалена сломанными вещами. Укус Змеи рассказал, что зарабатывает себе на еду, ремонтируя вещи — обувь, стулья, щетки, велосипеды, — все, что ему приносят люди.

— Как ты научился ремонтировать так много вещей? — спросил Фоллер, наблюдая, как Укус снимает кролика с крючка в кладовой. Его сердце забилось сильнее, рот наполнился слюной.

Вопрос Укуса Змеи, казалось, смутил.

— Не научился. Я изучаю каждую принесенную вещь и догадываюсь, что нужно делать. — Он положил кролика на разделочную доску. — Это

просто практический ум.

— Думаю, ты знаешь, как чинить эти вещи, потому что умел это делать когда-то в прошлом.

Укус Змеи, похоже, был поражен его замечанием.

— Как это?

— Я не могу сказать, сколько раз видел, как кто-то в моем мире поднимал флейту или штопальные иглы, а их пальцы знали, что делать, даже если сами люди этого не знали. — Фоллер поднял руку. — Но *мои* пальцы не будут играть на флейте.

Держа в одной руке кролика, а в другой — нож, Укус Змеи задумался.

— Ты говоришь, что я научился ремонтировать вещи до первых дней?

— Именно так. В Первый День ты проснулся здесь, в этом доме? Со всеми этими инструментами и вещами?

Сделав на спине кролика длинный разрез, Укус отложил нож, взял животное двумя руками и содрал шкуру.

— Нет. Я очнулся на кладбище, за церковью, где проводилось собрание. Я сидел спиной к надгробию.

Фоллер кивнул. Укус Змеи, как и он, очнулся

бездомным. В своем мире Фоллер завидовал людям, которые очнулись в Первый День в доме, окруженные другими людьми и фотографиями, из которых можно было предположить, что до Первого Дня они что-то значили друг для друга.

Укус взглянул на него.

— Как ты думаешь, что произошло?

— Не знаю, но думаю, что скоро буду знать, когда дойду до конца. — Фоллер вытащил карту и разгладил ее на столе, чтобы Укус мог рассмотреть. — Я нарисовал ее для себя, своей собственной кровью, до Первого Дня.

* * *

Спальня Фоллера была захламлена бесполезными вещами с Первого Дня, словно Укус Змеи никогда здесь ничего не менял. На стенах висели красочные плакаты: человеческий череп с тремя мужскими лицами, выглядывающими через глазницу и ноздри; крылатая женщина, одетая в такой ярко-красный наряд, что Фоллера на миг ослепило. На полке стояли небольшие пластиковые копии автомобилей, самолетов, кораблей. На тумбочке лежала стопка комиксов.

Фоллер взял комиксы, сел на край кровати и начал их перелистывать. Персонажами были

в основном мультяшные животные, а не его любимцы. В своем мире он время от времени просматривал книги и в конце концов понял, что картинки так же не случайны, как в картинной галерее. Если смотреть на них в правильном порядке, то есть слева направо и вниз по странице, то они рассказывали историю.

В самом низу стопки Фоллер натолкнулся на комикс без мультяшных животных и, вытащив его, рассмеялся от восторга, потому что узнал персонажа. Однажды в своем мире он просматривал тот же комикс. Мужчина на обложке был одет в узкий сине-желтый костюм, напоминавший Фоллеру его комбинезон. Возможно, именно это изображение вдохновило его на такой комбинезон, хотя он не помнил, что думал об этом персонаже, выбирая свой наряд. Фоллер листал комикс, как будто тот был его старым другом. На самом деле было неудивительно найти такой же в этом мире. Многие из машин, даже некоторые из людей были одинаковыми, так почему не быть тем же комиксам?

Закончив предаваться воспоминаниям, Фоллер передвинул кровать к открытому окну. Он лежал на спине и, заложив руки за голову, смотрел на яркий вихрь звезд, чувствуя дуновение прохлад-

ного ветерка и спрашивая себя, сколько миров было там, в этом бесконечном небе.

Он вытащил из кармана карту и посчитал овалы. Согласно карте их было семь. Возможно, и семь, но, если их тысячи, у него не хватило бы бумаги или крови, чтобы нарисовать их все, карта может не представлять собой ценность. На его взгляд, миров миллион.

Были ли еще соседние миры или миры ниже этого? Что еще более важно: был ли там кто-нибудь, кто мог бы рассказать ему, откуда все началось? Почему миры были населены одними и теми же людьми? Кто-то где-то должен иметь ответы. Фоллер уставился на символ «X» над нижним миром. Он был готов поспорить, что ответы можно найти там, внизу.

XIII

Они с недоверием уставились в экран телевизора. Канал MSNBC показывал многочисленное скопление солдат на Маркет-стрит в Сан-Франциско. Они были иностранцами: русские, венесуэльцы, дальше по побережью, похоже, северные корейцы. Иностранные солдаты заполоняли Сан-Франциско. Русские танки Т-90 на пляже в Санта-Монике вели огонь по позициям США в

городе.

Почувствовав на плече чью-то руку, Питер обернулся и увидел стоявшего с каменным лицом Гарри.

— Думаю, мы должны привлечь больше людей на нашу сторону. Нам нужно работать быстрее, — сказал Гарри.

— Нас будут задерживать электростанции.

У них было двести инженеров, работающих над наноструктурированными топливными элементами; целых три завода находились в процессе преобразования для производства клеток. Никто из этих сотрудников не знал, для какой цели они все это разрабатывают и строят.

— Тогда нам нужно больше людей на той стороне.

Питеру никогда не приходило в голову, что Западный Альянс может проиграть. Питер не хотел победы *ни для одной* из сторон, он хотел, чтобы эта бессмысленная война просто закончилась.

— Ты прав, — сказал он, сжимая виски в попытке избавиться от безжалостной головной боли. Она его не покидала. Неудивительно, учитывая, как мало он спал. Его веки и пальцы дрожали от усталости.

— Я должен вернуться к работе.

Питер двинулся в сторону станции, установленной в углу, но вдруг споткнулся и упал на колени. В ушах раздавалось громкое жужжание, в глазах потемнело.

— *Питер?*

— Да-да, я в порядке. — Питер уперся руками и коленями в пол и попытался встать, но свалился в обморок. Он даже не понял, что потерял сознание, — его словно накрыло волной.

Он почувствовал, как кто-то взял его под руку.

— Дыши глубже. Садись. Просто сиди.

В окружении своих коллег он сидел на полу, все еще чувствуя головокружение.

— Вызовите «Скорую», — сказал кому-то Гарри.

— Нет. Поездка в больницу займет полдня. Это просто усталость.

— Питер, ты только что потерял сознание. Тебя должны осмотреть.

Питер глубоко вдохнул, пытаясь собраться с мыслями. В висках стучало, тело, словно электрическим током, било холодом.

— У нас есть три врача на ставке? Давайте одного сюда.

* * *

Десять минут спустя он согласился отдохнуть еще несколько минут, а затем вернуться к работе. Питеру казалось, что его прижимает к кровати невероятная сила тяжести. Он попытался поднять руку, чтобы дотянуться до воды, оставленной доктором Отеро. Голова болела в двух разных местах: в области глаз и левой стороны затылка. Однако никто не мог выполнить работу за него. Возможно, ему следует уступить и поспать шесть или семь часов.

Вошедшая доктор Отеро держала в руках бумаги, вероятно, результаты анализа крови. На ней была маска. Во время осмотра маска отсутствовала.

— Доктор Сэндовал… — она сделала паузу. Вид у нее был чрезвычайно серьезный.

В голове Питера замелькали возможные болезни: рак, боковой амиотрофический склероз…

— Вы подцепили прион Петерсона-Янтца, — она опустила глаза. — Мне очень жаль.

Словно кровать из-под него резко вытащили, и теперь Питер падает на пол. Он был уверен, что снова потеряет сознание. Может быть, уже потерял и все это ему только померещилось?

Питер принимал все меры предосторожности, и возможность заражения должна была быть нулевой. Болезнь передается только через жидкость — кровь, сперму, слюну. Но ведь всегда было место для ошибки?

Ему осталось не больше месяца. Причем не самого легкого времени. Мозг взорвался от воспоминания о дергающейся Изабелле.

В душу ворвался холодный, сосущий ужас, перед глазами поплыло, голова закружилась. Он умрет.

— Хотите, чтобы я сообщила еще кому-нибудь? — спросила Отеро.

— Нет. Никому не говорите. — Прежде чем умереть, он должен был закончить проект. Хватит ли ему времени?

Нет.

— Вас нужно госпитализировать.

— Я сам лягу в больницу. — Он умоляюще посмотрел на Отеро. — Я, сам того не зная, носил это в себе в течение нескольких дней. Если я мог кого-нибудь заразить, теперь этого не случится, потому что я знаю о вирусе. По крайней мере, сейчас я знаю, что своим рожком мороженого нельзя делиться ни с кем.

Доктор Отеро кивнула.

— Оставлю вас отдохнуть и проведу осмотр через несколько часов.

— Спасибо.

Как только шаги Отеро стихли, Питер услышал, как в лаборатории кипит работа. Он не представлял, как они смогут закончить проект без него. Им придется передать его федеральному правительству, которое, несомненно, попытается превратить сингулярность в оружие.

Быть может, диагноз был ложным, ведь есть такие случаи, когда врачи ошибаются…

Питер громко рассмеялся. Ну, началось: отрицание — первая стадия принятия смерти у Кюблер-Росс[25]. Потом он начнет торги, хотя понятия не имеет, с кем будет торговаться. Наверняка он сможет торговаться с Уго. «*Если ты возобновишь свою работу над Петерсоном-Янтцем, ты найдешь способ изолировать прионосвязывающие свойства без побочного эффекта полного стирания моей памяти, я же…*» Что он? Вернет Изабеллу?

Уго презирал его. Он имел на это все основания.

---

[25] Примечания: 25

Американский психолог швейцарского происхождения, создательница концепции психологической помощи умирающим больным и исследовательница околосмертных переживаний. *(Прим. пер.)*

Мысли Питера продолжали возвращаться к Изабелле. Она просила его попытаться представить себя умирающим. Тогда он сделал все возможное, а теперь понял, что его воображение было лишь бледным отблеском того, что оказалось на самом деле. Просто невозможно представить себе, какие чувства возникают, когда кто-то стоит перед тобой с результатами анализа в руках.

И теперь, когда он почувствовал всю тяжесть чувств умирающего, желание Изабеллы быть клонированной имело огромный смысл.

Теперь, когда он знал, что во время процедуры человек должен быть без сознания, он мог это сделать. Мог, если бы захотел.

Он был так близок к тому, чтобы использовать силу сингулярности, чтобы положить конец войне, прежде чем та уничтожит планету.

А как же Мелисса? Если он это сделает, сможет ли новый Питер продолжить то, что оставил старый, если старый умрет? Начнут ли они с самого начала?

Он действительно думал об этом?

Да, думал.

Если бы Питеру удалось себя клонировать после неудачного эксперимента с Изабеллой, Уго

стал бы презирать его еще больше.

Поймет ли кто-нибудь? Разрешат ли клону Питера продолжить проект, унаследовать его лабораторию, его гранты? Или его затащат в какую-то лабораторию ЦРУ для исследований?

Он должен был сделать это тайно, посреди ночи. Как и с Изабеллой.

27

Как только взошло солнце, Фоллер захотел отыскать Бурю, но это выглядело бы жалко и убого. Он вполне мог бы быть убогим и жалким, но не хотел казаться таким Буре.

Вместо этого он достал ее фотографию. Та уже потрепалась по краям, углы округлились, но улыбающееся лицо Бури все так же было совершенно четким…

И вдруг его осенило. Одежда Сюзанны и Эмили — простые платья и одинаковые бантики в их волосах. На снимке же глядела девушка в черной блузке и джинсах. Буря уже тоже, должно быть, поняла, что, возможно, на снимке и не она. Может, именно поэтому она решила пойти со своими близнецами, вместо того чтобы держаться рядом с Фоллером.

Он не хотел верить, что женщиной на фотогра-

фии могла быть или Сюзанна, или Эмили. Они могут быть похожими на Бурю, но в Буре было что-то особенное. Когда он находился рядом с ней, возникало чувство, что она именно та, которую он когда-то любил.

И до сих пор любит. Он был уверен, что его чувства к ней сохранились еще с Первого Дня. Как еще Фоллер мог объяснить любовь, которую испытывал к этой женщине? И он понял это с того момента, как увидел ее в другом мире. Да, она была прекрасна. Такой же прекрасной была Орхидея, такими же были и много других женщин. Но они не вызывали у него чувства, будто он падает, стоя на твердой земле. Его способна была вызвать только Буря.

Несмотря на тяжесть от их расставания, Фоллер решил, что лучше дать ей время, позволить ей прийти к нему самой, когда она будет готова.

Тем временем Фоллер помогал Укусу Змеи по мелким бытовым делам: держал два сломанных конца топора вместе, пока Укус закручивал болты, залатывал обувь, как только тот запускал канву. Первые несколько раз, когда Фоллер пытался заговорить о чем-то, Укус только бурчал или кивал. Когда же Фоллер упрямился, Укус прекращал работу и строго глядел на него:

— Не отвлекайся.

После этого один из них заговаривал лишь тогда, когда это было необходимо, вроде ситуации: «Передай мне вон тот молоток».

В полдень они работали над велосипедом. Цепь была сломана, и Укус Змеи заменил ее на ту, которую взял с велосипеда без колес, стоявшего в углу магазина.

— Когда-нибудь запасных частей перестанет хватать, и тогда больше не будет велосипедов, — сказал Укус, продевая цепь, пока Фоллер медленно крутил педаль.

— В любом случае ходить пешком безопаснее, — сказал Фоллер. — Мой приятель Пояс, катаясь на велосипеде, угодил в люк и потерял передние зубы.

Укус Змеи кивнул.

— Наверное, ты прав.

Фоллер внимательно наблюдал за тем, как Укус соединяет два конца цепи, чтобы получилась петля.

— Каково это — падать? — спросил Укус, не отрывая глаз от цепи.

Вопрос Фоллера удивил.

— Сначала плохо. Как будто твое сердце сейчас взорвется, а желудок будто летит быстрее, чем

все остальное. Через некоторое время становится почти спокойно, словно ты и вовсе не падаешь.

Укус Змеи вытер пот со лба тыльной стороной ладони и спросил:

— Ветер крутил и бросал тебя в разные стороны?

— Двигая руками и ногами, можно найти баланс. — Он уже забыл, как трудно было представить падение в никуда.

Укус Змеи прокрутил педаль: заднее колесо велосипеда щелкнуло безотказно. Убрав тиски, Укус без лишних усилий поставил велосипед на пол и, сжимая руль, подтолкнул его к Фоллеру.

— Не мог бы ты передать его владельцу? Можешь не ехать на нем, а вести рядом, тут недалеко.

Фоллер улыбнулся.

— Конечно. Куда мне идти?

— Он принадлежит жене Брюса. — Укус Змеи указал на улицу. — В нескольких кварталах от зала заседаний Совета, большой желтый дом слева. Ты его увидишь.

Укус придержал для него входную дверь. Когда Фоллер посмотрел на него и благодарно кивнул, он сохранял каменное лицо, но понимал, какую возможность давал Фоллеру для их примирения.

Фоллер катил велосипед по главной дороге. Вдруг он увидел сидящего на бампере красной машины мужчину, который спокойно ел лук прямо на улице. Любой мог подбежать и вырвать еду из рук. Но никто этого не делал. Очень странное место.

На капоте этого автомобиля была прикреплена серебряная фигурка лошади. Как люди из этого мира могут так спокойно сидеть на машинах, видеть их разбросанными по всем улицам, но не говорить, откуда они здесь взялись? Фоллера действительно мучил этот вопрос. Возможно, люди нарушают правило и разговаривают об этом только с наступлением ночи, когда лежат в постели со своими любимыми.

Двери в магазин все еще были открыты. Он замедлил ход и заглянул внутрь. В магазине было три человека — один за прилавком, остальные двое разглядывали вещи на полках и складывали их на пол. Все это происходило в полной тишине. В его мире люди говорили почти без остановки. Может, это из-за того, что им нельзя говорить о Первом Дне, — они не оглядывались на прошлое, а если на него не оглядываться, то поводов для разговоров не так уж и много. Можно только попросить кого-нибудь передать тебе молоток или

спросить, почему ты не знаешь, как выглядит этот инструмент.

Фоллер прошел мимо зала заседаний Совета — дорога вела вниз. Он заметил дом Брюса, большое здание с целыми окнами и со скошенной в саду травой.

Как только он повернул велосипед к подъезду, входная дверь распахнулась и выскочил Брюс. Он остановился в нескольких шагах от крыльца, но сразу же метнулся внутрь и снова появился, сжимая в руке монтировку.

— Тебе тут не рады. Никогда, — сказал Брюс, приближаясь.

— Ты никогда не видел меня раньше, ты ничего обо мне не знаешь, но выходишь из дома с монтировкой, когда появляюсь я с твоим велосипедом?

Фоллеру нравился этот мир: здесь было более спокойно, чем в его мире или мире Бури:

— Короче, хватит пороть чушь. Откуда ты меня знаешь?

— *Тебя* я не знаю, но знаю твой тип. Ты погубишь это место, если кто-то тебя не остановит.

Фоллер заметил движение наверху и увидел, что двойник Орхидеи наблюдает за ними из окна. Он решил, что ему нравится слово «двойник».

— Мой тип. Ты чуть не выскочил из своих бо-

тинок, когда повернулся, увидел меня и узнал… *мой тип*, — с сарказмом сказал он.

— Меня схватила судорога, — сказал Брюс. — Я ошибся. Ты здесь ни при чем.

Фоллер видел, что ничего полезного от этого человека не добьется. Он резко откинул ножку велосипеда, поставил его рядом с Брюсом и, не сказав ни слова, развернулся. В мире Фоллера повернуться спиной к человеку с оружием в руках считалось ужасным оскорблением. Фоллер надеялся, что в этом мире такие же порядки.

XIV

Питер откинул капюшон защитного костюма и оглянулся.

Он подавил желание дважды проверить двери в лабораторию. Они все равно были заперты. Он знал, что это так. Вместо этого дрожащими от усталости и болезни руками Питер стянул с себя толстовку, опустил штаны и трусы и сбросил все это в кучу вместе с пистолетом на стол.

Усевшись за стол, он глубоко и со свистом вдохнул, пытаясь набраться энергии для выполнения своего замысла.

Не сказать Мелиссе «прощай» было не самой худшей идеей. Питер не мог себе представить,

что она пошла бы на все это и согласилась с его планом. На карту поставлено слишком много жизней.

Металлическая лестница была ледяной — холодели ступни ног. Он чувствовал себя как заключенный, который поднимается на виселицу.

Войдя в стальную клетку с люком, Питер посмотрел вниз на диафрагму, похожую на уставившийся на него гигантский глаз. Теперь, когда он стоял прямо над диафрагмой, Питер спросил себя, хватит ли ему смелости ввести себе метогекситал и упасть туда. Его руки вцепились в прутья клетки — и ничто не могло их сдвинуть.

Но это единственный путь. Мелиссе не придется его терять. Миллионы жизней будут спасены. Все это в обмен на несколько месяцев страшной жизни.

Он мог бы попросить Гарри помочь ему сделать это. Он сблизился с ним, но по отношению к Гарри это было бы несправедливо. Питер мог справиться в одиночку, да и Гарри уже сделал для него больше, чем любой другой друг когда-либо делал.

Глубоко вздохнув, Питер запустил таймер люка. Он откроется через три минуты. Он вытащил из

пластиковой трубки шприц, положил на ладонь и вспомнил Изабеллу. Ее бледное, дергающееся тело, ужас в ее глазах.

«Мне нужно, чтобы ты посмотрел на меня, Питер. Посмотри мне в глаза. Я очень боюсь».

Из-за невероятной дрожи он промахивался и колол себя дважды, и лишь на третий раз ему удалось резко ввести иглу и надавить на поршень шприца.

Его окутала чернота…

* * *

Питер спал, но сны казались слишком старыми и поблекшими, как будто были откуда-то из детства. Он не мог вспомнить, откуда они, но от самой этой мысли по коже бежали мурашки.

Питер открыл глаза. Далеко вверху виднелись ржавые стальные рамы. Он повернул голову: его двойник сидел на такой же каталке напротив него, думая о чем-то. Тут Питер вдруг вспомнил, что в его плане он, настоящий Питер, сейчас умрет. В этот миг ему захотелось бежать отсюда.

Он громко рассмеялся.

Другой Питер поднял глаза.

— Что такое?

Питер стоял и дрожал.

— На минуту я задумался о том, чтобы убежать от тебя и от моего собственного тщательно продуманного плана.

Другой Питер улыбнулся.

— Знаешь, что еще забавнее?

— Что?

Другой Питер ждал, давая первому время, чтобы тот догадался сам, но потом наконец сказал, вяло улыбаясь:

— Еще забавнее то, что ты даже не знаешь, какой ты Питер.

Потом обвел взглядом лабораторию и понял, что что-то пошло не так. Он сидел под другим проводящим каналом. И он чувствовал себя прекрасно — никакой головной боли и дрожи.

Другой Питер, настоящий Питер, неспешно прошел по бетонному полу и забрался в химический бак. Он был ему по шею. Питер вспомнил, как неделю назад забирался в этот бак, вспомнил холодное, ужасное, безнадежное чувство, которое испытывал, стоя там. Только он теперь был не Питер. Питер существовал всего три минуты.

С Днем рождения.

Пистолет лежал на краю стола, где другой Питер его оставил. В тысячный раз — и первый — он задавался вопросом, был ли пистолет наилучшим

способом. Но он прошел через это и знал, что, как бы жестко и кроваво ни было, пуля в мозг была наиболее безболезненным методом, учитывая ситуацию.

Питер заторопился, понимая, что каждый момент жизни настоящего Питера теперь был адом. Время, проведенное в химическом баке в ожидании смерти, было не тем временем, которого стоило желать.

Настоящий Питер сгорбился, его лицо дергалось от ужаса, а рот исказился в жесткой гримасе. Он сидел в цилиндрическом баке на корточках: голова больше не выглядывала над краем, что сводило к минимуму вероятность того, что кровь забрызжет пол. Внутренняя часть бака была покрыта пружинящими плитками, чтобы предотвратить рикошет. Питер продумал все детали.

Кроме той, что он не убийца.

— Я не смогу это сделать. — Пистолет в руке весил как будто килограммов двадцать.

Другой Питер поднял глаза.

— Бог ты мой, просто покончи с этим.

— Я не могу. Нам нужно придумать другой путь. — В голове роились варианты. — Мы однояйцевые близнецы, разделенные при рож-

дении…

— *Не заставляй меня делать это самому,* — почти закричал Питер в баке. — Это будет намного хуже. Я отдаю тебе свою жизнь. Просто сделай это для меня. *Пожалуйста.*

Дрожащей рукой Питер направил пистолет в голову настоящего Питера и опустил чуть ниже, в область позвоночника, как они и планировали.

— Черт возьми, Питер, черт возьми! Я не могу вот так хладнокровно в тебя выстрелить.

— Я все равно, мать твою, умираю. Просто…

Он дернул курок. Голову другого Питера разорвало, и тот рухнул в бак.

Питер зажмурился и отвернулся.

— О боже. Боже, — хрипел и причитал он, не в силах остановиться.

Ему нужно было взять себя в руки, чтобы закончить начатое. Потом он сможет упасть на койку в конце офиса и дать волю чувствам. Он сможет плакать или кричать в подушку и скорбеть о себе.

Питер наполнил бак хлорной кислотой. Пока она заливала емкость, шипя, дымя и растворяя тело настоящего Питера, он оделся.

Когда бак опустел, он поковылял к койке, взял две таблетки «Ксанакса», которые оставил на

ночном столике, и запил водой из бумажного стаканчика.

Теперь он был единственным Питером. Никто никогда не узнает, что он не настоящий. Даже Мелисса.

28

На улице уже стало темнеть, когда в магазин Укуса Змеи вошли Эмили и Сюзанна. У одной в руках был трехногий стул, у другой — четвертая ножка. Пока одна женщина советовалась с Укусом, другая положила сломанную ножку на стол, а затем повернулась к Фоллеру и сказала:

— Это я. Буря.

Даже после того, как она произнесла свое имя, ему потребовалось некоторое время, прежде чем что-то сказать. Она и Эмили (или это была Сюзанна?) были одеты в одинаковые домашние платья с пейслийскими узорами. Очевидно, она привязывалась к своим сестрам. Фоллер не мог подавить приступ ревности.

— Если ты подождешь, я могу починить его прямо сейчас, — сказал Укус Змеи второй сестре, глядя на Фоллера и Бурю.

— Мы можем поговорить на кухне? — Фоллер указал на дверь в задней части магазина и после-

довал за Бурей.

Положив руки на пластиковую столешницу, Буря разглядывала набор тарелок с красными и синими цветочными узорами, висевший на стене.

— Я хочу поблагодарить тебя за то, что привел меня сюда. Я все еще возмущена тем, как ты это сделал, но теперь вижу, что ты спас мне жизнь.

Фоллер не ответил, Буря посмотрела на него, и тот кивнул в ответ, не зная, что она хочет ему сказать.

— Я полночи разговаривала с Эмили и Сюзанной. И объяснила им, откуда я появилась, и они поверили мне и не начали читать нотации о «плохих ощущениях». С ними я чувствую себя как дома. Так, как никогда не чувствовала в своем мире.

Фоллеру потребовалась минута, чтобы понять, о чем она говорит.

— Ты хочешь остаться?

— Да.

— Но мы не можем. Я должен идти дальше. — Он провел рукой по карману, в котором лежала карта.

Буря кивнула.

— Я знаю, что ты должен.

— Но я думал… — Фоллер запнулся.

Он думал, что им суждено быть вместе, что она его вторая половинка. Эти слова прозвучат глупо, если он произнесет их вслух.

— Разве ты не хочешь знать, что там внизу? Тебе не кажется… — Он попытался подобрать слова. — Что большая часть тебя отсутствует, выскальзывает из твоих рук каждый раз, когда ты ее настигаешь и ловишь?

Он вытащил из кармана парашютиста, карту и фотографию и бросил все на кухонный стол:

— Ответы находятся *внизу*. До Первого Дня я делал все, что мог, чтобы направить самого себя потом по верному пути. А затем я положил с остальными вещами твою фотографию. Может ли сообщение себе быть более понятным и ясным? Мы должны отправиться вниз. *Вместе.*

Буря подошла к окну и прислонилась к раме.

— Или ты должен отправиться туда с Эмили. Или Сюзанной.

— На снимке ты. Я знаю, что это ты.

Буря закрыла глаза.

— В Первый День у меня в кармане был лишь заряженный пистолет. Ни карт. Ни парашютов.

«Ни фотографии Фоллера». Она оставила это недосказанным.

— Тогда забудь о вещах в моем кармане. Ответы все так же находятся внизу. Ты ведь это чувствуешь?

— О да, чувствую.

— Разве ты не хочешь узнать, что произошло?

— Нет, — наконец сказала Буря.

— Как ты можешь…

Буря, перебивая его, повысила голос:

— Потому что это что-то ужасное.

Ее реакция застала Фоллера врасплох, но он не мог спорить с Бурей.

— Если бы я могла упасть *вверх* и уйти от этого, я бы это сделала.

Ее слова вызвали образы из его кошмаров: огромные кишки и кровоточащие небеса. И внезапно мрачное небо за окном показалось зловещим, непостижимым.

Буря протянула руку и коснулась его щеки. Ее пальцы были прохладными и мягкими.

— Единственное, что действительно имеет значение в жизни, — это люди. Если у тебя есть люди, которые тебе небезразличны, у тебя есть все, что нужно.

— Не могу не согласиться. — Он взял ее за руку. — Вот почему я хочу, чтобы ты пошла со мной.

Буря не отдернула руку, только улыбнулась.

— Я не могу оставить Эмили и Сюзанну. У меня есть семья. Можешь понять, насколько это для меня важно?

— Тогда я останусь здесь с тобой.

Буря засмеялась.

— Ты будешь ненавидеть себя, если останешься. И меня тоже.

Фоллер открыл рот, чтобы возразить и сказать ей, что предпочел бы быть с ней и ничего не знать. Она сжала его руку и тут же отпустила.

— Пойду посмотрю, как дела со стулом.

Дверь захлопнулась. Фоллер уставился в окно, разглядывая черные дождевые тучи вдалеке.

Когда он наконец открыл дверь кухни и остановился на пороге, Буря и Эмили, наклонившись друг к другу, вполголоса разговаривали у двери.

Увидев его, Буря сказала:

— Укус Змеи починил стул. Мы возвращаемся.

— Я пойду с вами. — Пытаясь проглотить комок в горле, Фоллер забрал у Укуса стул и последовал за ними.

Пока они шли, Фоллер не мог отличить Бурю и Эмили друг от друга. Как бы внимательно он их ни разглядывал, не появлялось ничего, что могло выдать их различия. Одна из них подняла палец,

прижав его к верхней губе; другая наклонила голову в сторону, скрестив руки. Все движения были характерны для Бури.

Он спрашивал себя, должен ли он сегодня попрощаться и отправиться в путь с самого утра. Но что бы ни ожидало его внизу, это могло подождать еще несколько дней. Долгие проводы — лишние слезы.

Оглушительное *бах* заставило Фоллера подпрыгнуть.

Бурю или Эмили резко отбросило в сторону, и одна упала на тротуар. Чуть ниже уха выступила кровь. Другая Буря вскрикнула, услышав еще три быстрых «бах-бах-бах», таких громких, что у Фоллера зазвенело в ушах.

— Не двигайтесь. Оставайтесь там, где стоите, — прозвучал мужской голос.

Фоллер развернулся.

— Я сказал, не двигайся.

К нему подошли две фигуры, одетые в черные наряды и маски, закрывающие все, кроме глаз. Один с оружием в руках ударил Фоллера в лицо, прямо в глаз. Тот пошатнулся и чуть было не упал, если бы другой его не подхватил. Он скрутил руки Фоллера за спиной.

На крики Бури появились еще четыре или пять

других фигур.

Двое из них сдерживали ее.

Здоровяк, одетый в военную форму, подошел к Буре или Эмили и поднял пистолет.

— Молчи, или я застрелю тебя прямо здесь.

Мужчина повернулся к Фоллеру и воскликнул:

— Попался! — Его голос прозвучал ликующе, как у ребенка, нашедшего коробку шоколадного пудинга.

— Кто попался? — спросил Фоллер. — За кого ты меня принимаешь? Кто бы это ни был, ты ошибаешься, потому что я никто. Ты только что убил кого-то, чтобы схватить «никого».

Мужчина подошел ближе. У него было упитанное лицо и длинный нос.

— Ты ужасный актер, Питер. Если тебя поразил вирус затмения, откуда ты узнал, что можешь прыгать с одного острова на другой? Инстинкт? Ты покажешь мне, где спрятал…

Прозвучал щелчок, вслед за которым последовало ужасное «бах». Нижняя часть лица одной из фигур превратилась в кровавое месиво. Еще одно «бах», и другая фигура упала, скрутившись на земле и прижимая рукой рану на животе.

Остальные фигуры бросились врассыпную. Приседая и держа оружие наготове, они оставили

Фоллера и Бурю (он молил Бога, чтобы это была Буря) на улице одних. Буря припала к тротуару и поползла к своему близнецу. Фоллер последовал за ней.

Краем глаза он заметил проблеск дула, выглядывавшего из разбитого окна магазина прямо за ними. И тут же одна из фигур на улице упала, раненная в бедро.

— *Там*, — указал один из мужчин в масках. Его товарищи подбежали и начали окружать магазин, откуда произошел выстрел.

Фоллер прищуренно вгляделся в окно и заметил большую фигуру, которой должен был быть Укус Змеи, скрывающийся в тени. Вдалеке раздавались крики. Сюда направлялись люди, встревоженные выстрелом из дробовика. Фоллер надеялся, что у них есть оружие.

Держа пистолет, один из мужчин в черном побежал перед фасадом магазина.

— Осторожно! — крикнул Фоллер. Он видел, как Укус упал и покатился по земле, уходя от выстрела стрелка, но продолжал стрелять, пока не исчез в глубине магазина.

Двое других развернулись и ворвались в магазин, стреляя в темноту.

Еще два выстрела дробовика. Оба мужчины

упали на землю.

Фоллер огляделся и понял, что их главарь, мужчина, который назвал его Питером, исчез. К ним приближалась горстка местных жителей. Застывшие на месте стрелки бросились вниз по улице.

Укус Змеи вылетел через дверь с пистолетом в руке, как раз вовремя, чтобы увидеть три фигуры, крадущиеся между двумя зданиями на другой стороне улицы. Оглядевшись вокруг, Укус опустил оружие, и в этот момент неподалеку остановились трое местных жителей, разглядывающих кровавую бойню.

— Боже мой, что случилось? — Это был Стюарт.

Укус Змеи мог только с трудом дышать, его руки свисали по бокам, как будто он не знал, что с ними сейчас делать.

Буря стояла на коленях в луже крови, поддерживая голову Эмили, или, возможно, все было наоборот. Рана выглядела ужасно. Фоллер едва подавил крик отчаяния от вида крови, стекающей по ее щеке.

Взглянув на одного из мертвых убийц, лежащих неподалеку, Фоллер подполз к безжизненной фигуре, потянулся к подбородку, нашел конец маски и содрал ее.

У Фоллера перехватило дыхание. Воздух в лег-

ких будто закончился, в глазах мелькали черные пятна, он не мог разглядеть лицо перед собой. Он никак не мог сделать вдох. Он подумал, что сейчас потеряет сознание, и жаждал этого забвения.

Укус Змеи сдернул маску с другого трупа. Этот мужчина, как и первый, был похожим на Фоллера.

— Что происходит? — воскликнула женщина из толпы, которая стояла подальше от бойни.

Стремительно подошедший Стюарт осмотрел труп, а затем взглянул на Фоллера.

— Тебе нужно вернуться туда, откуда ты пришел.

— Эй, они пришли за *мной*!

— Если я тебя хоть еще раз увижу, клянусь, что повешу тебя на этом фонарном столбе. — Он указал на столб, затем посмотрел на Бурю или Эмили. — Кто ты? Кто это?

Фоллер со страхом приготовился услышать имя.

Девушка всхлипнула, взяла безжизненную руку другой и прижала ее к лицу.

— Пожалуйста, — прошептал Фоллер, — скажи, кто ты.

Опустив голову так, что волосы упали на лицо, она с горечью и злостью ответила:

— Я Эмили, — и, поцеловав белые костяшки пальцев сестры, еще раз прошептала: — Я Эмили.

Фоллер опустился на тротуар.

Из толпы вырвалась седая женщина и помогла Эмили подняться.

— Я отведу тебя назад к Сюзанне.

Взяв ее за руку, женщина уводила Эмили, платье которой с каждым шагом задиралось, обнажая голые икры.

Почему они не убили Эмили? Это была плохая мысль, но Фоллер не мог не думать об этом. Убитой с легкостью могла оказаться Эмили. Фоллера и Бурю разделила невидимая чертовщина, произошедшая в этом мире, но он все-таки *каким-то образом* ее нашел.

Все раны, которые получила Эмили, ограничивались царапиной на икре. Но как только нога обнажилась, он увидел, что царапина нехорошая — три или четыре рваных линии, спускающихся к лодыжке, плюс несколько красных ссадин.

Эмили остановилась, словно что-то забыла. Сказав что-то пожилой женщине, она повернулась, подошла к Фоллеру и протянула руку.

— Соболезную твоей утрате. — Ее глаза были красными.

— Спасибо. — Фоллер взял ее за руку. Ее пальцы были сильно исцарапаны. Особенно кончики. Кожа на них была содрана. Раны начинали рубцеваться. Они были не такими, какие бывают при разделывании кролика или сборе ежевики, а гораздо более серьезными. Как будто она цеплялась за стену, пытаясь удержаться на высоте.

Фоллер посмотрел ей в глаза и одними губами произнес: «Буря».

Сглотнув, она кивнула, крепко сжала его руку, и из ее взгляда он понял.

«Не выдавай меня».

Он кивнул в ответ.

— Прощай.

— Прощай, — прошептала она.

XV

Сингулярность находилась в защищенной закрытой камере и не хотела выдавать свои секреты. Питер хотел бы иметь все время мира для того, чтобы разгадать ее тайну, но такого времени у него не было. Он был похож на археолога, вынужденного использовать экскаватор-погрузчик для раскопок хрупкого участка.

Гарри усиленно работал над наиболее перспективным углом, который Питер задумал

использовать для преобразования энергии, получаемой ими из сингулярности, во что-нибудь пригодное для эксплуатации.

На заводской стене были установлены пятьдесят прожекторов, подключенных к топливным элементам различных конструкций. В помещении словно проводился конкурс гениальных умов, пытающихся понять, какой из элементов включить первым.

Члены маленькой команды Питера носились по цеху, шушукались в углах, долбили по клавиатуре карманных компьютеров, спорили перед маркерными досками. Он спрашивал себя, рассказал ли кто-нибудь из них своим супругам, любовникам, родственникам о том, что происходило здесь внизу. По крайней мере, федералы пока об этом не пронюхали.

Сейчас Питеру казалось странным и непривычным иметь секреты. Какие у него были секреты до смерти Изабеллы? Никаких, которые имели последствия. К ним можно отнести те фигурки супергероев Marvel, которые он крал из местного магазина «Уолмарт» в течение пары лет. Он никогда не попадался. Его родители никогда не спрашивали, откуда он доставал эти фигурки.

Он был удивлен, как память по точной, непре-

рывной линии привела его к детству. Он ожидал четкого разделения между настоящим Питером и ним, Питером-клоном, но он как будто был тем же самым человеком. Как будто умер Питер-клон, а не настоящий Питер.

В дальнем конце цеха послышался шум. Питер обернулся и увидел Мелиссу, направляющуюся к нему. Питер перехватил ее на полпути.

— Что происходит с Уго? За последние два дня я оставила три сообщения. Последний раз я общалась с ним спустя несколько дней после похорон.

Питер кивнул, не зная, что сказать. Она продолжила:

— Похоже, что вместо того, чтобы объединиться после смерти Изабеллы, вы двое разделились. Очевидно, я тоже не при делах.

— Не знаю, что тебе сказать. Между нами произошла ссора — по правде говоря, даже несколько, — и разрыв будет продолжаться, пока мы не поговорим. — Он быстро заморгал, чувствуя себя ужасно от того, что так откровенно солгал своей жене. — Я почти уверен, что он все еще работает на Министерство обороны в Кэмп-Пири. Они, должно быть, заставили его работать над биологическим оружием. Возможно, он не отвечает тебе, потому что занят.

— Ты что, не можешь наладить с ним отношения?

Питер развел руками.

— Я привез ему конфеты за четыреста долларов, а он использовал их в качестве мячей для гольфа. Что еще я могу сделать?

Мелисса вздохнула.

— Я знаю. Это просто убивает меня. Мы семья. Изабелла была бы убита горем.

Петр в сотый раз подумал, есть ли какой-нибудь способ признаться во всем Мелиссе. Тяжесть случившегося сдавливала ему грудь. Он не мог вспомнить, когда в последний раз глубоко и свободно дышал.

— Ты следишь за новостями? — спросила Мелисса.

— В лаборатории телевизор есть, здесь нет.

«А зачем?» — боялся он спросить.

— Европейский Союз повержен.

Питер опустил голову.

— Черт.

Это не было неожиданной новостью, но он все же думал, что они смогут продержаться еще несколько месяцев. Мысли об иранских, пакистанских, российских войсках, контролирующих Англию, Францию, Германию, вызывали ужас.

— Ты действительно думаешь, что все можно остановить с помощью этого? — спросила Мелисса, указывая на защищенную камеру. — Мне интересно, насколько далеко все зашло.

Питер покачал головой.

— Кэтлин думает, что может быть не слишком поздно. Они будут вести какие-то жесткие переговоры об уже завоеванной территории; шансы не будут такими же, как раньше. Но она убеждена, что основные игроки будут открыты для прекращения огня в обмен на неограниченную энергию, особенно под угрозой исключения из сделки, если они не подчинятся.

— Питер! — крикнул Гарри.

Обернувшись на крик, Питер увидел Гарри возле стены; он указывал на автоматически включившийся прожектор, заливший часть цеха ярким белым светом.

За ним со щелком включился другой, затем еще один.

Через минуту, посмотрев на стену, возникало ощущение, что смотришь на солнце. Даже если бы на стене было установлено миллион прожекторов, Питер не сомневался, что батарея сможет включить их все.

29

Укус Змеи открыл кухонный шкафчик, поставил под ним мешок и начал сметать туда все содержимое полок.

— Нет, это слишком щедро, — сказал Фоллер, махая руками. — Я не могу все это принять.

Укус посмотрел на Фоллера своими свирепыми глазами. Даже сейчас, когда он знал, что Укус не представляет угрозы, глаза Укуса его обескураживали.

— Я пойду с тобой.

— *Что? Зачем?*

Укус Змеи на мгновение исчез и вернулся, держа в руке кошелек. Он бросил его на стол.

— Вот что было в моем кармане в Первый День. Взгляни.

В кошельке лежала ламинированная карта с фотографией Укуса, немного денег, сложенный обрывок желтой бумаги и несколько пластиковых прямоугольников *(«кредитные карточки»* — подсказывал Фоллеру его голос разума). Из одного отделения выглядывали три фотографии детей. Две девочки и один мальчик. У всех троих, как у Укуса, были черные волосы, красноватый цвет лица и свирепые глаза.

— Ты хоть раз видел кого-то из них в своем мире? — спросил Укус.

Фоллер покачал головой.

— Если бы видел, я бы помнил. Если они, конечно, сразу не погибли, — ответил Фоллер, возвращая ему снимки.

— Я раньше не знал, что делать с этими фотографиями. Теперь я понимаю. Ты нашел свою женщину. Я хочу найти своих детей. — Укус Змеи пожал плечами. — В любом случае это место не для меня. Я всегда это чувствовал. Ты поможешь мне сделать парашют?

— Конечно. — Фоллер был в восторге, он и не думал о спутнике, особенно таком, у которого есть дробовик и определенная цель. Он коснулся плеча Укуса. — Пойдем, нам нужно отправляться на рассвете.

За зданием, которое когда-то было рестораном, они нашли внутренний двор, где под навесом из ткани, идеально подходящей для парашюта, стояли стальные столы и стулья. Они срезали навес и направились обратно в магазин Укуса. Тот не выпускал из рук дробовик; оба следили за малейшим движением на улицах.

— Я пытаюсь понять, как они сюда попали и зачем пришли, — сказал Фоллер.

Укус Змеи взглянул на небо.

— Они, должно быть, пришли так же, как и ты. Они почему-то тебя преследуют.

— Тот мужчина, который не похож на меня, подумал, что я какой-то парень по имени Питер.

— Возможно, твое имя и перепутали, но готов поспорить, что ты тот, за кем они охотятся. Ты можешь перемещаться из одного мира в другой, и они тоже могут. Я сомневаюсь, что это совпадение. Может, им не нравится, что ты перемещаешься с места на место.

— Мужчина, назвавший меня Питером, сказал, что я скрывался, как будто он искал меня еще до того, как я начал падать. Затем он что-то говорил о затмении. И как раз перед тем, как ты сделал первый выстрел, он начал говорить, что хочет, чтобы я показал ему, где я что-то спрятал. Думаю, он меня с кем-то спутал.

— Или, может быть, твое настоящее имя — Питер, — сказал Укус Змеи.

Мысль об этом холодом пробежала по спине Фоллера.

— Откуда он это знает?

— Возможно, он ничего не забыл.

Такой вариант поразил Фоллера, словно на голову упал кирпич. Если это было так, у этого

человека есть все ответы.

30

В нескольких метрах от жилища Укуса Змеи находились остатки сгоревшего дотла магазина. Над краем нависал лишь треснутый фундамент. С тяжелыми рюкзаками Укус и Фоллер стояли на краю света и смотрели в небо. На тротуаре столпились наблюдатели. Бури среди них не было. Фоллеру было легче от этого: они попрощались, и, если он снова ее увидит, прыгнуть будет гораздо сложнее.

После того как они закончили шить парашют для Укуса Змеи, Фоллер так и не смог заснуть. Чувствуя, как внутри все сжимается, он жалел, что не может остаться на этом маленьком островке мира с Бурей.

Фоллер повернулся к Укусу:

— Готов?

Укус кивнул.

— На счет «три», хорошо?

— Фоллер!

Он повернулся на ее голос.

— Буря?

Она была одета в свои старые джинсы и белую рубашку, за спиной висел рюкзак. Рядом с ней

стояла Сюзанна, их глаза были мокрыми от слез.

— На твоем парашюте найдется место для еще одного? — спросила она.

Фоллер подлетел к ней и крепко обнял.

— Это правда? Ты действительно пойдешь с нами?

— Я убедила ее, что она должна пойти, — сказала Сюзанна. — Чем больше мы говорили, тем более очевидным становилось то, что… — Она замолчала, подбирая слова:

— Ее место с тобой.

Буря выбралась из объятий Фоллера.

— Нам лучше отправляться. Сюзанна сказала, что Стюарт просто до смерти хочет увидеть тебя.

Укус Змеи хрипло рассмеялся.

— Да, я прямо дрожу от страха. Мы готовы?

Сюзанна ткнула Фоллера пальцем в грудь.

— Ты должен о ней заботиться, — она посмотрела на Укуса. — Ты тоже.

Они заняли свои места на краю света. В этот раз до трех считал Укус Змеи.

Они прыгнули одновременно.

Он дал Укусу несколько минут, чтобы тот привык к падению, затем начал движение в воздухе.

— Уроки приземления! — крикнул он.

Укус кивнул.

Фоллер решил научить их обоих всему, что знал о навигации и приземлении. В следующем мире они смогут сделать парашют для Бури, и тогда снаряжение будет у всех.

XVI

Слева от Питера промелькнул кампус колледжа Вильгельма и Марии[26]: здания из темно-красного кирпича, расположившиеся на ровной зеленой лужайке. Университетский городок, несмотря на середину осеннего семестра, был пуст. Многие из студентов сейчас находились на Западе, на передовой, или сражались в Юго-Восточной Азии или Северной Африке. Или погибли. Погибших было очень много. Пресса не могла назвать даже примерное количество американцев, убитых на войне. На данный момент все знали, что их миллионы. *Миллионы.*

Припарковав машину рядом с их домом, Питер через ограду увидел, что его бассейн уже освещен. Из фонтана в небо била струя воды. На закате их соседи смогут наблюдать эту завораживающую

[26] Примечания: 26

Государственный исследовательский университет в городе Уильямсберге (Виргиния, США). Колледж был учрежден в 1693 году королевской хартией Вильгельма и Марии и является вторым по времени основания высшим учебным заведением США. *(Прим. ред.)*

игру электричества из своих темных, давно не освещенных домов. Он чувствовал себя отчасти виноватым в том, что у них есть генератор и достаточно средств, чтобы приобретать топливо для его запуска. Кичиться этим — себе дороже.

Знакомые думали, что благодаря работе Питера он и Мелисса выплатили большую часть ипотеки. Но это Мелисса внесла большую часть средств. Питер получал небольшую зарплату и не понимал, почему некоторые люди считают, что возможно много заработать, занимаясь научными исследованиями. Работа Мелиссы всегда пользовалась спросом, особенно поля для минигольфа. Они есть и в «Диснейленде»[27], и в музее Метрополитен.

Он уже подходил к дому — на крыльцо вышла Мелисса.

— У нас что-то вроде вечеринки? — пошутил Питер, наклоняя голову, чтобы ее поцеловать. Когда они отпрянули друг от друга, он заметил в ее глазах беспокойство.

— Что случилось? — спросил Питер.

---

[27] Примечания: 27

Самый большой по площади и самый посещаемый центр развлечений в мире, покрывающий примерно площадь в 100 кв. км. В его составе четыре тематических парка, два аквапарка, 24 тематических отеля, многочисленные магазины, кафе, рестораны и места развлечений. *(Прим. пер.)*

— Войди в дом и налей себе выпить, сейчас расскажу.

— Не очень-то мне нравится, как это звучит.

Он вошел вслед за ней. Они прошли через вестибюль с высокими потолками и мраморным полом, проследовали дальше по коридору и вышли на веранду, выходящую к бассейну, где Далия, их повар и экономка, накрыла столик для троих.

— Я думал, сегодня будет ужин для двоих, — сказал Питер.

— Именно об этом я хочу поговорить. После того, как ты выпьешь.

Питер остановился.

— Зачем? Кто должен прийти?

На лице Мелиссы читался ответ.

— Он не знает, что ты будешь здесь. Я сказала ему, что ты остаешься в лаборатории…

Сердце Питера бешено заколотилось.

Мелисса смахнула волосы с лица.

— Извини, что солгала. Это был единственный способ, который я смогла придумать, чтобы собрать вас двоих в одном помещении. — Она положила руки на бедра и заглянула через широкую арку в коридор. — Он — наша семья. Что бы между вами ни произошло, вам нужно с этим

разобраться.

Раздался звонок в дверь. Первой мыслью Питера было убежать с веранды, пока Мелисса открывает дверь, но он не мог так с ней поступить. Он и Уго должны были просто вытерпеть присутствие друг друга на время одного ужина. Они могут обсуждать нейтральные темы. Музыку. Хороший шоколад.

Звук его зычного баритона с выраженным славянским акцентом заставил Питера содрогнуться. Голос становился все громче — они с Мелиссой приближались к веранде:

— Я должен был позвонить тебе еще несколько недель назад, но я…

Увидев Питера, он застыл как громом пораженный.

— Уго, — как можно приветливее сказал Питер.

Уго попытался снова надеть пиджак, но Мелисса взяла его за локоть и почти потащила к столу.

— Уго, *сядь*. — Уго нехотя разрешил Мелиссе посадить его на стул. Она посмотрела на Питера. — Садись. Пожалуйста.

Питер занял место за столом с противоположной стороны, Мелисса устроилась между ними.

— Вы двое дружите уже десять лет. Вы что,

действительно хотите прекратить дружбу из-за ссоры? — Она переводила взгляд с одного на другого.

Питер пожал плечами:

— Иногда люди просто расходятся.

Бормоча себе под нос, Уго потянулся через стол и щедро плеснул себе мартини из шейкера. Питер смотрел на серебряный фонтан, установленный в центре их трехуровневого бассейна.

— Помните, как вы, два городских парня, решили отправиться в поход в глушь? — спросила Мелисса. — Оба замерзли, и вдруг начался дождь — вы повернули обратно к дороге и заблудились в темноте. Так вы провели ночь, дрожа под деревом.

Она посмотрела на Уго, затем на Питера.

— Так ведь?

Питер попытался улыбнуться, но уголки рта не двигались. Уго смотрел в пустую тарелку.

— Когда мы все вместе пошли гулять в первый раз, Питер поменялся с тобой рубашками, потому что на твою нагадила птица. — Она ждала хоть какой-то реакции. — Вы не должны разрывать такую дружбу. Просто не должны.

Питер слабо кивнул.

— Вы даже не можете *смотреть* друг на дру-

га. — Мелисса повернулась к Уго. — Питер говорит, что ты зол на него, потому что он публично не заявил о том, что ты заслуживаешь разделить с ним Нобелевскую премию.

Уго схватил с холодного блюда креветку и сунул в рот.

— Если он утверждает, что дело только в этом, кто я такой, чтобы спорить?

Питеру ничего не приходило на ум. Было мучительно сидеть здесь и притворяться, что дело в премии, смотреть, как Мелисса пытается исправить то, что нельзя исправить.

— Я должен был прилагать больше усилий, чтобы появляться в ночных ток-шоу и выклянчивать приглашения на научно-фантастические конференции в качестве почетного гостя, — сказал Уго.

Питер тяжело вздохнул.

— Ты меня раскусил, Уго. Я получил Нобелевскую премию, потому что подмазался к сообществу научной фантастики.

Уго сложил руки на столе.

— Ты нарисовал себе образ волка-одиночки, гения, который все сделал сам. Ты сделал много вещей за моей спиной помимо исследования.

Питер попытался скрыть потрясение от выпада, стараясь выглядеть раздраженным. Он потянулся

к шейкеру, налил себе выпить и пролил половину на скатерть.

— Что значит за твоей спиной? — спросила Мелисса.

— Ничего, — с отвращением отмахнулся Уго.

— Питер не сделал ничего такого, чтобы *намеренно* не разделить с тобой премию. Ты же не думаешь, что он смог бы так поступить?

Уго посмотрел прямо на Питера.

— Нет. Все ошибки Питера — *несчастные случаи.*

Питер сделал большой глоток, пытаясь скрыть, как сильно дрожат его руки.

— Почему бы нам не поговорить о чем-то приятном?

Мини-поле для гольфа Мелиссы, находившееся за бассейном, купалось в золотом свете заходящего солнца. Он указал на него.

— Мелисса только-только закончила тринадцатую лунку. Стоунхендж.

Мелисса спрыгнула со стула.

— Давайте сыграем. — Не дожидаясь ответа, она направилась по извилистой лестнице к бассейну. Питер последовал за ней, оставив Уго сидеть наедине со своим напитком.

Мелисса передала Питеру клюшку и мяч и

наклонилась за двумя запасными клюшками, лежавшими за скамейкой у недавно завершенной лунки.

Мяч Питера ударился в один из широких плоских камней и срикошетил вправо. Обернувшись, он увидел, что Уго стоит метрах в шести за их спинами, засунув руки в карманы.

Удар Мелиссы пришелся метрах в двух от лунки.

Питер направился к своему мячу.

— Погоди, — Мелисса подняла одну из запасных клюшек. — Кто будет играть вместо Изабеллы?

Питер застыл. Мелисса стояла с клюшкой в руках, ожидая, пока кто-нибудь из них заговорит первым.

— Я скучаю по ней. Я знаю, что вы двое тоже. Может быть, вы этого не осознаете, но я думаю, что по большей части ваш раздор связан с ней. Если бы она была здесь, не думаю, что этот конфликт возник бы.

Уго издал лающий смешок, грубость которого явно поразила Мелиссу.

— Что здесь смешного, Уго?

Питер достал запасную клюшку, его колени сильно тряслись.

— Я буду играть вместо Изабеллы. Давайте про-

сто покончим с этим.

Пока он устанавливал оранжевый мяч, кто-то вырвал клюшку из его руки. Он поднял глаза и увидел, что над ним навис Уго.

— Не смей. Я говорил тебе никогда не произносить при мне ее имя, и я не шутил.

Между ними встала Мелисса.

— Что, черт возьми, происходит? Скажите мне кто-нибудь. Сейчас же.

Питер должен был настоять, чтобы в ту ночь они вызвали в его лабораторию полицию. Но он выбрал легкий путь, который предложил тогда Уго. Однако сейчас он уже не казался таким легким. Уго уставился на Питера.

— Вперед. Расскажи ей. Я устал от того, что наши друзья думают, что я корень зла.

Он хотел сказать Уго, чтобы тот заткнулся. Он хотел бежать.

— Что мне рассказать? — Мелисса посмотрела на Питера, нахмуренно и растерянно. Должно быть, в ее голове проносились варианты и самый страшный был тот, что он изменял ей с ее сестрой. Если бы все было так просто.

— А еще лучше, пусть тебе расскажет *Питер.* — Уго посмотрел на него. — Почему бы тебе не узнать, сможет ли настоящий Питер присоеди-

ниться к нам? Или он слишком болен?

Слова поразили Питера так, будто его ударили в челюсть. Определенно, Уго не мог этого знать. Никто не знал, кроме его врача.

Мелисса перевела взгляд с Уго на Питера и обратно.

— Если ты пытаешься донести какую-то глубокую экзистенциальную мысль, Уго, она от меня ускользает.

Уго пожал плечами:

— Я просто спрашиваю, может ли Питер присоединиться к нам.

— *Он сейчас перед нами*, — почти крикнула Мелисса.

Уго отрицательно покачал головой.

— Это не Питер. — Он посмотрел на Питера и хмыкнул. — Я предполагал, что хотя бы твоя жена посвящена в эту тайну. Неужели ты ничего ей не рассказал?

Как же Уго мог узнать? Доктор Отеро не могла выдать Питера, так ведь? Если бы она это сделала, то рассказала бы Мелиссе, а не Уго.

Уго цокнул языком и покачал головой, как будто был разочарован Питером.

— Ты действительно думал, что я не замечу первые симптомы болезни, от которой страдала

моя жена?

Питер попытался вспомнить, когда последний раз он виделся с Уго. На тренировочном поле? В тот день даже *сам* Питер не знал, что у него Петерсон-Янтц.

Мелисса внимательно осмотрела Питера, задержав взгляд на его дрожащих руках.

— Милый, ты болен?

— *Он* не болен. Болен настоящий Питер. Сейчас даже очень.

— Заткнись, — сказала Мелисса. — Я спрашиваю у Питера.

Она повернулась к Питеру, умоляюще глядя на него.

— Скажи мне, что происходит.

Уго сел на скамейку рядом с тринадцатой лункой, откинулся на спинку и скрестил руки на животе.

— С чего начать? — спросил он, подняв брови.

— Что, по-твоему, ты знаешь? — ответил вопросом на вопрос Питер.

— Ладно. Две недели назад у тебя появились ранние симптомы Петерсона-Янтца. Теперь, — он размашистым жестом указал на руки Питера, — они совсем исчезли. Либо ты разработал лекарство от Петерсона-Янтца, — в этом случае я

уверен, что Нобелевский комитет тут же вручил бы тебе премию в области медицины и физиологии, — либо ты себя клонировал.

Мелисса, разинув рот, уставилась на Уго.

— О чем ты говоришь? Ты в своем уме? Это *Питер.*

Питер решил, что будет все это отрицать, настаивая на том, что Уго спятил. У него не было доказательств. Тело клона Изабеллы лежало на дне шахты, глубоко под лабораторией. Тело Питера исчезло.

Мелисса взяла его за руки, ее лицо приблизилось к его лицу.

— Ты знаешь, о чем он говорит? Потому что ты выглядишь не растерянным, а ошарашенным. И это меня пугает.

Питер посмотрел на Уго, который попеременно то поднимал, то опускал брови. Ублюдок наслаждался зрелищем.

— Мы можем присесть? — дрожащим голосом прошептал Питер.

Он последовал за Мелиссой обратно на веранду, Уго шел в нескольких шагах позади.

Прежде чем начать, он за три больших глотка осушил свой бокал мартини.

— Прямо перед смертью Изабелла попроси-

ла меня ее клонировать. — Он никак не мог отдышаться, словно только что делал пробежку. — Сначала я сказал «нет»…

— *Мы* сказали «нет», — прервал его Уго. — Она просила нас обоих, и мы сказали ей «нет».

— Хочешь рассказать ей сам? — прошипел Питер.

Уго пожал плечами.

— Как тебе угодно. Но у тебя хорошо получается. Почему бы тебе не продолжить?

Питеру захотелось разбить об его лысую голову тарелку.

— Позже, когда я пришел к ней один, Изабелла умоляла меня помочь ей. Я все так же говорил, что это слишком опасно. В тот момент Белле казалось, что ей нечего терять. Поэтому я согласился помочь ей.

Он посмотрел на решетчатый пол, его голос упал почти до шепота:

— И она умерла.

Питер знал, что Мелисса будет в шоке, но не был готов к абсолютно пустому выражению на ее лице. Немного оправившись, она повернулась к Уго.

— Тебе лучше отправиться домой.

Уго пожал плечами и встал из-за стола.

— Я понимаю. Для меня тоже стало шоком, когда Питер позвонил посреди ночи, чтобы сказать, что моя жена лежит мертвой в его лаборатории.

— Пожалуйста. Уходи, — дрожащим голосом сказала Мелисса. Она плакала, опустив голову, ее лицо закрывала копна волос.

Когда Уго обернулся, Питер увидел на его мрачном хмуром лице намек на ухмылку. Он был в восторге от реакции Мелиссы: это было именно то, на что он надеялся.

— Какой же ты ублюдок.

— Почему бы тебе не купить ей конфет? Это должно все исправить. — Уго сделал паузу, словно раздумывал. — А еще лучше дай ей бутылку энергетика.

Уго стоял неподвижно и пристально смотрел на Питера, будто эти слова про энергетик были чрезвычайно важными.

Питер наблюдал, как он спускается по лестнице.

Все так же с опущенной головой, Мелисса отрывисто дышала. Она ждала, пока Уго уйдет.

Почему Уго так долго ждал? Если он собирался раскрыть правду об Изабелле, зачем ждать?

Единственное, что изменилось, — Питер подхватил вирус Петерсона-Янтца. Уго не было ря-

дом, когда он как сумасшедший глотал «Мотрин» и пил энергетик, потому что кофеин помогает от головных болей. Как он мог узнать?

«Почему бы тебе не дать ей бутылку энергетика?»

В голове Питера возник образ Уго, втыкающего шприц в горлышко пластиковой бутылки энергетика. Поэтому бутылка не протекала бы, поэтому Питер не заметил бы крошечного отверстия, когда вынимал ее из своего холодильника…

Он резко вдохнул и задержал дыхание. Кто имел более легкий доступ к приону Петерсона-Янца, как не Уго? Он крикнул:

— Это *ты* сделал это со мной.

Остановившись на половине лестницы, Уго поднял голову, посмотрел на Питера и улыбнулся.

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь.

Питер схватил со стола нож для стейка и бросился вниз по лестнице за Уго.

— Питер!

Питер слышал, как за ним бежит Мелисса. Вот почему в ту ночь Уго не позвонил в полицию. Если бы Питер был в тюрьме, Уго не смог бы до него добраться.

— Ты убил меня! — крикнул Питер. — Я только

пытался *помочь* ей, а ты меня за это убил.

— Питер!

Уго стоял всего на несколько ступеней ниже и ждал, что сделает Питер. Он видел нож в его руках. Уго спустился вниз. Где-то сзади Мелисса кричала мужу, чтобы тот остановился.

Здоровяк Уго бросился к воротам. Гонимый яростью, Питер не отставал. Уго пришлось замедлиться, чтобы открыть ворота, — у Питера появился шанс. Но ему не хватило решимости использовать нож. Вместо этого он замахнулся им в нескольких сантиметрах от плеча Уго.

Мелисса схватила его сзади и потянула на себя.

— Что ты делаешь? Что с тобой такое?

— Ты не слышала, что он сказал? Он заразил меня Петерсоном-Янтцем.

За спиной Мелиссы, словно сильный ливень, брызгали струи фонтана. Она прижала руки к лицу и оттянула нижние веки глаз вниз.

— Почему ты мне не рассказывал?

«Порш» Уго взревел и вырулил на дорогу.

Она говорила об Изабелле или о клонировании Питера? Поняла ли она уже, что он не настоящий Питер? Должно быть, да. Все выходило из-под контроля.

Мелисса ждала ответа.

— Мне было стыдно, и я боялся. Уго предложил мне выход, потому что не хотел, чтобы кто-нибудь знал, как умерла Изабелла. По крайней мере, он так сказал.

— Вышел ли клон Изабеллы?

— Да. Она тоже была мертва. — Он уже знал, какой вопрос последует, и заранее боялся его.

— Что случилось с ее телом?

Питер обхватил руками голову и отвернулся от Мелиссы.

— Я его спрятал. На заводе, — он не видел смысла приплетать к этому Гарри.

— Ты похоронил тело моей сестры на заводе? — В голосе Мелиссы звучали ужас и отвращение. Именно это представлял себе Питер, когда думал о том, как ей рассказать.

Он повернулся к ней лицом.

— Это было не ее тело. Оно никогда не было живым.

— Значит, ты его спрятал. — Ее глаза были полны слез, она подняла руку и дрожащими пальцами отбросила с лица прядь волос.

— Да.

Мелисса ждала продолжения и, видя, что Питер молчит, сказала:

— Продолжай.

— Я начал заболевать. Головные боли, дрожь. Сюзанна Отеро поставила диагноз — Петерсон-Янтц. Я думал, что заразился им от Изабеллы. Теперь я знаю правду.

Он взглянул на дорогу, но Уго давно скрылся из виду.

— Мне нужно было закончить проект сингулярности, от меня зависит слишком много жизней. Поэтому я себя клонировал.

Казалось, что для принятия его слов требуется время. Когда они дошли до ее мозга, Мелисса не выдержала. Она опустилась на тротуар и схватилась за живот. Когда Питер опустился на одно колено, пытаясь ее утешить, она оттолкнула его.

— Ты не Питер? Ты это хочешь сказать?

— *Разумеется*, я Питер. Я помню, как в первый раз тебя увидел, когда ты вышла из вашего трейлера на пути к автобусной остановке. Наш первый поцелуй за кинотеатром «Ригал» после просмотра фильма с Томом Крузом…

— Ты — клон, хотя… это ты и имеешь в виду.

Питер нехотя кивнул.

Мелисса встала.

— Где Питер?

— Я Питер. — Он злобно ткнул себя в грудь. — Единственный способ, которым я мог спасти свою

жизнь, — это создать второго себя. Это был единственный способ. Я знал, что если бы рассказал тебе, ты бы попыталась меня остановить…

— Где мой Питер?

— Это был единственный способ. Я создал свой клон, а затем убил себя — себя умирающего…

Мелисса вскрикнула и прикрыла ладонью рот.

— …поэтому вопроса в том, что я — это я, быть не может.

Он потянулся и положил обе руки ей на плечи. Она отбросила их, будто ядовитых змей.

— Не трогай меня. Я не твоя жена. Я вдова. — Ее глаза широко раскрылись, затем она грубо рассмеялась. — Ты даже не тот Питер, который убил мою сестру и спрятал тело. Ты даже не существовал, когда это случилось.

— Технически это правда. Но ты ошибаешься. Я сделал это. Мне до сих пор снятся кошмары.

Она выглядела так же, как и на похоронах Изабеллы, — ошеломленной. Убитой горем.

— Я влюбилась в Питера, потому что он был таким милым, таким честным. — Она вытерла нос ладонью. — Теперь я стою на своем заднем дворе и слушаю о телах, сложенных в подвалах.

Она взялась за живот.

— Боже, у меня болит живот. Это кошмар? По-

жалуйста, пусть это будет кошмар.

Питер еще раз потянулся и взял ее за плечо, пытаясь успокоить. И снова Мелисса оттолкнула его.

— *Уходи.* Уходи, или я позвоню в полицию и скажу им, что ты сделал.

— Мелисса, это *я.* Это все еще я. Я не хотел сделать что-то плохое. Пожалуйста, давай вместе во всем разберемся.

Мелисса подняла руку в знак предупреждения, по щекам катились слезы.

— Уходи.

Он вышел через ворота и, подойдя к своей машине, сел на дорогу. Он дрожал. Он все делал неправильно, делал неправильный выбор на каждом шагу. Мысль о том, чтобы прямо сейчас провести хотя бы одну ночь без Мелиссы, была невыносимой. Во всем, что происходило, во всем этом напряжении и страхе Мелисса помогала ему не сойти с ума.

Единственным местом, куда ему пришло в голову отправиться, была квартира Гарри.

31

Фоллер глядел, как белая рубашка Бури трепыхается на ветру. Он хотел верить, что женщиной

на фотографии была именно она, но, как говорила сама Буря, глупо притворяться, что это не могут быть или бедная Эмили, или Сюзанна. Кто же знает? Возможно, есть еще несколько Бурь.

С каждым часом его беспокойство становилось все сильнее, до тех пор, пока он не смог шевелиться и управлять своим движением в воздухе.

Они говорили очень мало. Фоллеру казалось, что он вернулся в мастерскую Укуса Змеи, только вместо слов «Передай мне этот молоток» были другие слова: «Хочешь ягод?» Фоллер был рад. Болтовня нарушала гармонию и вытаскивала его из того блаженного места, в котором он сейчас находился и замирал, неспешно размышляя.

Ему нравилось наблюдать, как падает Буря: ее связанные в хвост волосы развевались по ветру. Он спрашивал себя, зла ли она на него до сих пор за то, что он выдернул ее из родного мира.

Ему вдруг пришло в голову, что он так и не извинился за то, что принял тогда решение за нее. Он оправдывал, защищал себя, но не извинился, и, если говорить по справедливости, Буря сама должна была решать. Даже если бы остаться там означало смерть.

Фоллер приблизился к Буре.

— Прости меня! — крикнул он. — Я не знаю,

почему пытался оправдать то, что сделал. Все, что я могу сказать, это…

У него возникло желание добавить, что он сделал это только потому, что очень переживал за нее, но это было бы еще просто одним оправданием.

— Все, что я могу сказать… прости меня.

Выражение лица Бури смягчилось.

— И ты меня прости.

Фоллер нахмурился.

— За что?

Она протянула руку. Фоллер взял ее, и они приблизились друг к другу настолько, что не нужно было кричать.

— Я позволила тебе думать, что я мертва.

Фоллер покачал головой.

— Всего на мгновение.

— Только потому, что ты понял. Я собиралась сказать тебе, что это я, как только бы мы остались наедине.

Фоллер кивнул.

— А я клянусь тебе, что то, что я сделал, не было преднамеренным. Я сделал это не обдумывая. Иногда я импульсивен. И это создает мне проблемы.

— Типа упасть со своего мира? Такие пробле-

мы?

— Да, что-то в этом роде.

Они пролетели через огромное облако, намного большее в высоту, чем в ширину, и, насквозь промокшие, увидели розово-персиковый закат.

— Ты скучаешь по Мунларку? — спросил Фоллер.

Буря слабо улыбнулась.

— Да. Он не был моим идеалом мужчины, но стал частью моей жизни почти с самого начала. Странно думать о том, что я больше никогда его не увижу.

Скорее всего, никто никогда его не увидит, — но Фоллер оставил эту мысль при себе.

32

Они падали бок о бок, но говорили мало. Фоллер был счастлив просто падать рядом с Бурей, чувствуя, как ветер выдувает из его головы образы мертвой Эмили, лежащей на коленях Бури, и всех трупов, похожих на него самого.

Фоллер не понял, что заснул, но его вдруг разбудил голос Бури.

Он приблизился к ней.

— Я тебя не услышал.

— Я все время думаю о фотографии и об Эмили

с Сюзанной.

— Забудь о фотографии.

— Не могу.

— Женщина на снимке — ты. Я знаю это.

— Но ты *не можешь* этого знать.

И они никогда не узнают. Эти сомнения всегда будут их мучить.

— Мне все равно, что мы значили друг для друга в прошлом. Меня волнует настоящее.

Он подлетел ближе и поцеловал ее, но поцелуй получился смазанным из-за ветра, он лишь скользнул по ее губе и ноздре.

Лицо Бури не выражало никаких эмоций.

— Помнишь, ты говорил, что импульсивность всегда создает для тебя проблемы? — спросила Буря.

Она вдруг взяла его за нос двумя пальцами и скрутила так, что он вскрикнул от боли. После отпустила его руку и отлетела подальше.

XVII

Гудок фургона, подъезжающего по дороге к дому, вернул Питера из воображаемой беседы с Мелиссой в реальный мир. Он поднялся со скамейки на тринадцатой лунке и подошел к входной двери.

Мелисса как раз вышла из машины. На ней были солнцезащитные очки, волосы зачесаны назад. Увидев его, она отвернулась.

— Ты обещал не подходить ко мне, пока я не закончу.

— Я знаю. Прости. Я понял, что это может быть последний раз, когда я тебя вижу. — Его глаза были красные из-за слез.

— Я даже не знаю, как тебя называть, — сказала Мелисса.

Питер посмотрел в небо.

— Я Питер. Это я, всего лишь я.

К ним подошел один из рабочих.

— Мисс Деверо, не могли бы вы пройти со мной в дом и показать, что к чему?

— Конечно.

Питер смотрел, как она уходит. На ней были черные брюки и черный шелковый шарф, как будто она в трауре.

В голове пронеслась ужасная мысль: а что, если она устраивает его похороны? Конечно, она бы этого не сделала. Он просто очутился в водовороте страшных мыслей.

Питер вернулся на скамейку и стал смотреть на мелькающие силуэты Мелиссы и рабочих, выносящих мебель из их дома. Он попытался

понаблюдать за скоплением сиреневых кучевых и слоисто-кучевых облаков, но они его не успокаивали. Каждая коробка, каждый предмет мебели, которую выносили рабочие, вызывали внутреннюю боль, но он не мог отвернуться и не смотреть.

Дверь открылась, выпуская Мелиссу. Пока она шла к нему, он почувствовал новый прилив безрассудной надежды на то, что она идет, чтобы простить его.

Ее взгляд говорил, что никакой надежды нет.

— Ты действительно думаешь, что мы не женаты, или планируешь подать на развод? Когда мы регистрировали брак, я еще был законным Питером Сэндовалом.

Мелисса подняла голову к небу и обеими руками зачесала волосы назад.

— Сейчас я даже не хочу об этом думать. Я хочу поехать домой в Нью-Йорк и провести время с друзьями, но теперь не могу этого сделать.

Абсолютно точно. Районы Нью-Йорка находились под контролем противника. Часть города превратилась в руины.

— Куда поедешь?

— Я поживу у Кэтлин в Вашингтоне. — По тому, как она стояла, скрестив руки и переминаясь с

ноги на ногу, Питер понял, что здесь она надолго не останется. Если он хочет выступить с маленькой речью, которую репетировал бессонными ночами, сейчас самое время. Не факт, что от нее будет толк.

— Что бы ты ни думала обо мне и о том, что я сделал, я хочу, чтобы ты знала: я делал это из хороших побуждений. И только хотел помочь Изабелле. В моем сердце, когда я сказал ей «да», было лишь это желание.

Он вздохнул, ожидая, что она будет спорить, что скажет ему заткнуться, но она только продолжала смотреть на бассейн.

— Когда Уго попытался убить меня, я мог думать лишь об одном: я смогу прекратить эту проклятую войну. Если бы у меня было больше времени, то мог бы спасти миллионы людей.

— Ты говорил, что женился на мне, потому что я была доброй. Я и сейчас такая. Я хороший человек. Я могла бы использовать сингулярность, чтобы стать самым богатым человеком на Земле. Вместо этого рискую своей жизнью, чтобы не потерять ее. Не смей делать из меня какую-то психопатку.

Все еще глядя на воду, Мелисса опустила руки.

— Хорошо, — сказал он.

Как только она двинулась в сторону дома, через ворота прошли две женщины в черных костюмах и темных солнцезащитных очках. Они направлялись к Питеру. Мелисса остановилась.

Когда они подошли к Питеру, одна из женщин подняла значок: ФБР.

— Мистер Сэндовал, я специальный агент Шеннон Мицнер, а это агент Патриция Кортез. Мы хотели бы, чтобы вы пошли с нами.

— Зачем? — спросил Питер.

— Мы расследуем два случая, предположительно убийства: Питера Сэндовала и Изабеллы Деверо-Вулкофф.

Уго.

— Я Питер Сэндовал.

Агент Мицнер кивнула.

— Дело сложное. Пожалуйста, пройдемте с нами, и мы сможем все обсудить.

— Почему убийства расследуют федеральные агенты? — спросил Питер.

— Из-за убийства Питера Сэндовала имеются потенциальные последствия для национальной безопасности.

— У меня есть выбор? Я арестован?

— Да, боюсь, что так, — ответила агент Мицнер.

Питер посмотрел на Мелиссу в поисках помощи, сострадания — он не знал, что сам хотел получить от нее. Она отвернулась и направилась к дороге. Он слышал, что она плачет.

33

После двух дней падения Фоллер уже начал было волноваться, но вдруг заметил другой мир. Их запасы почти подошли к концу, отчасти потому, что они рассчитывали их только на двоих. Они с Бурей приблизились к Укусу Змеи.

Укус смотрел прямо перед собой, словно видел что-то на расстоянии тысячи километров. Фоллер похлопал его по плечу, тот медленно обратил на него взгляд.

Фоллер указал на мир. Укус кивнул.

На большой скорости он и Буря втиснулись в подвесную систему и раскрыли свой парашют.

Мир был маленьким, U-образным, в нем не было ничего, кроме обломков и руин. Расплавленные машины, кучи кирпичей и бетона, извилистые стальные балки. Это напомнило Фоллеру о разбомбленной части его собственного мира.

Фоллер и Буря свалились в кучу кирпичей, парашют отнесло немного в сторону. Фоллер поднял голову и смотрел, как Укус Змеи все еще

парит в небе…

— Черт!

Фоллер выпутался из подвесной системы и побежал за Укусом, которого несло к краю.

— Осторожно! — крикнул он, словно Укус сам не видел, что у него проблемы.

Укус протянул руку и ухватился за стальную балку, которая была частью почерневшего, почти десятиметрового каркаса. Из-за набранной скорости его хватка чуть не разомкнулась, но Укус сжимал балку крепко, напрягая все мышцы тела. Парашют сорвало, и он, вяло пролетев пару метров, упал на землю.

Фоллер и Буря ждали, пока Укус спустится на землю.

— Можешь мне сказать, что я сделал не так, чтобы впредь не повторять эту ошибку? — спросил Укус, осматривая ссадины на руках.

Фоллер задумался.

— Цель в середине.

Укус хмыкнул.

Они обнаружили несколько тел. Все, кроме одного, были завернуты в одеяла и аккуратно сложены в ряд в вестибюле полуразрушенной гостиницы. Последнее тело было прислонено к бетонному дорожному ограждению, прямо возле

края света. Они были больше похожи на скелеты в одежде. По всему отелю были разбросаны ведра, брезенты, ванны, но не было видно ни одного источника воды, так что несложно было понять, от чего они умерли. Они нашли несколько пустых банок. Одна из-под персиков напомнила Фоллеру о Маргаритке.

— Думаю, можно с уверенностью предположить, что это не тот мир, который мы ищем, — сказала Буря.

— Почему бы нам не подойти к краю света? — Фоллер искал на своей карте символ «Х». Они могли прозевать еще один мир, пока падали.

Он наткнулся на согнутый дорожный знак, торчащий из треснутого бетона. Освободив ногу, Фоллер увидел изображение на знаке: это была башня, в два раза выше, чем здания вокруг. Она была словно перекручена. Широкое основание здания, кверху оно сужалось и было увенчано длинным металлическим столбом, напоминающим копье. На знаке была стрелка, указывающая налево. Когда знак стоял вертикально, он, должно быть, указывал прямо на край света.

Фоллер наклонился, взял знак обеими руками и отчистил от грязи изображение башни. Он знал это здание как свои пять пальцев.

— Как же я раньше не заметил? — сказал он вслух.

Буря наклонилась к нему и посмотрела на знак.

— Что это?

— Это башня — небоскреб, с которого я прыгнул. Этот знак указывает на здание в моем мире.

— Как так… — начала она, но сразу же, все осознав, запнулась.

Он ясно представлял себе, где этот фрагмент мира будет соответствовать его миру, — на выступе над краем, в разбомбленной части его мира.

— Кто-то или что-то разорвало мир на части. Вот из-за чего все эти страдания. Голод. Чистки. Я хочу узнать, кто или что сделал это. — Фоллер вытащил и развернул карту. — Вот для чего этот символ «Х» — показать нам, где искать ответ.

XVIII

Питер подошел к своему шкафу для хранения документов, порылся там и нашел бутылку текилы, которую ему подарили на спонтанной вечеринке по случаю дня рождения, устроенной работниками лаборатории в прошлом году. У него возникло желание выпить все прямо из горла. Было уже два часа ночи, а по лаборатории

все еще ходили десятки людей. Чтобы никого не смущать, Питер взял кружку, подаренную на память о восемьдесят седьмой Международной конференции по теоретической физике. Это была хорошая конференция. Он сделал глоток текилы и почувствовал, как она обжигает горло.

Слушание в суде все еще не выветрилось из его памяти. Питера Сэндовала объявили мертвым. Прокурор ссылался на Питера в прошедшем времени.

Он сделал еще глоток текилы. Он не ел уже три дня и едва мог пить воду из-за мучительной боли в горле.

Питер постоянно спрашивал себя, что делала сейчас Мелисса. Он все еще не мог поверить в то, что теперь не может просто так взять телефон и позвонить ей, рассказать, какой отвратительный был его день. Сказать ей, как сильно он ее любит.

Она больше не вернется. Алкоголь вызывал ощущение ясности и реальности. Мелисса больше не вернется. Они даже не были официально женаты. Она была вдовой.

Дверь в лабораторию распахнулась. Питер привстал, чтобы посмотреть, кто вошел, и увидел Кэтлин. Первая его мысль: она пришла сюда с ве-

сточкой от Мелиссы. Но зачем Мелиссе посылать Кэтлин в трехчасовую поездку из Вашингтона, вместо того чтобы позвонить Питеру самой или отправить сообщение? Подняв руку, он помахал Кэтлин.

Остановившись в дверях, она посмотрела на текилу, а затем, засмеявшись, подняла то, что было в ее руке: бутылку «Джек Дэниелс».

— Великие умы мыслят одинаково, — сказала она.

Питер указал на пустой стул.

— Что ты делаешь в Уильямсберге?

— Я приехала к тебе. — Она наполнила половину пластмассового стакана виски.

— Как ты узнала, что я буду в лаборатории в два часа ночи?

Кэтлин усмехнулась.

— Повезло, что ли? Следующим местом поисков стал бы твой дом.

Питер захохотал, но его смех не был веселым и искренним, как раньше.

Сделав глоток, он посмотрел на дубликатор — машину, которая должна сделать мир лучше, но в то же время являлась причиной всех его бед.

— Она уже не вернется, да?

Это была полная чушь, но Кэтлин не моргнула

и проговорила:

— Она не говорит об этом, поэтому я не знаю, о чем она думает. Но нет, я думаю, что вернется.

Питер подошел к окну и вгляделся в темноту.

— Это из-за нее, хотя уже два часа ночи, но я все еще здесь. В те ночи, когда я слишком уставал от работы, я спал здесь, потому что не хотел идти домой. Я должен был продать дом, но каждый раз, думая об этом, убеждал себя, что она вернется и в нашем доме вновь наступит мир и покой.

В его кружку плеснула жидкость: Питер повернулся и увидел наливающую Кэтлин.

— Спасибо, — сказал он.

Кэтлин подняла бутылку в воздух, будто чокаясь с ним, и села на свое место. Окинув взглядом помещение, она выбрала подходящее место и поставила бутылку на пол. Трудно было понять, какие дальнейшие действия диктовала болезнь Кэтлин.

— Ее поведение сейчас похоже на поведение Мика Джаггера[28]. Останавливает машину на обочинах, чтобы убрать с дороги *жаб*. Носит

---

[28] Примечания: 28

Британский рок-музыкант, актер, продюсер, вокалист рок-группы The Rolling Stones. Это имя до сих пор ассоциируется у миллионов поклонников с яркой, необычной внешностью музыканта, отвязным поведением на сцене, непревзойденной манерой исполнения песен и другими атрибутами рок-н-ролльной жизни. *(Прим. ред.)*

пижамы с изображениями героев «Лиги Зеленых Фонарей»[29]. Это я все испортил.

Кэтлин вздохнула и, скрестив ноги, сказала:

— Если хочешь знать мое мнение, в вашем расставании ты виноват на шестьдесят процентов, из-за того что ты самый глупый гений на планете, который думал, что Уго будет молчать. Мелисса — на сорок процентов, за то что пыталась приблизить тебя к идеалу. Она хочет быть женой Галахада[30], Ганди[31] и прекрасного принца в одном флаконе.

Она покачала головой.

— А знаешь, в чем ирония?

Питер глубоко вздохнул.

— Нет.

— Ты почти такой человек, а она этого даже не замечает.

— Ага. — Он закрыл глаза, потому что ее слова причиняли боль, хоть и были сказаны с хороши-

---

[29] Примечания: 29

Имя множества вымышленных персонажей, супергероев, появлявшихся в комиксах, издаваемых компанией DC Comics. *(Прим. ред.)*

[30] Примечания: 30

Рыцарь Круглого стола короля Артура и один из трех искателей Святого Грааля. *(Прим. пер.)*

[31] Примечания: 31

Индийский политический и общественный деятель, один из руководителей и идеологов движения за независимость Индии от Великобритании. *(Прим. ред.)*

ми намерениями. Он когда-то был о себе такого же высокого мнения. Теперь эти слова звучали как ложь, которую говорят расстроенному другу, чтобы его подбодрить. — Ты сказала, что приехала сюда, чтобы со мной встретиться?

— Веришь или нет, я здесь, чтобы передать предложение от президента.

Питер поднял брови.

— Ого, ты перешла на другой уровень. Последний раз я слышал, что вы делили на двоих один кабинет, разрабатывая PR-релизы.

Кэтлин отмахнулась от комплимента.

— Она попросила меня сделать это, потому что я знаю тебя лично.

Он наклонился вперед и провел пальцами по колену.

— Ну, рассказывай. Чего хочет президент Аспен? — Питер догадывался, о чем пойдет речь. Они застали его врасплох.

— Чтобы ты передал дубликатор правительству США. Научил наших людей всему, что знаешь о нем сам. Взамен ты получишь полное помилование.

— Только дубликатор, не сингулярность?

Кэтлин цокнула языком.

— Питер, она не знает о сингулярности. Я не

предаю своих друзей.

— Я думал, что один из моих четырех коллег-физиков уже меня сдал.

— Если бы она знала об этом устройстве, то забрала бы уже его силой. Если бы потребовалось.

Питер нахмурился.

— Зачем ей тогда дубликатор, если не для создания сингулярности?

— Мне не нужно говорить тебе, что мы несем тяжелые, очень тяжелые потери на Западе и в Европе. Она хочет сделать больше солдат.

Питер вздрогнул. Немного текилы из чашки брызнуло на пальцы.

— Она хочет… — Питер представил себе таких одинаковых солдат, с явным высоким интеллектом и превосходными боевыми навыками, которые один за другим выпадали из дубликатора днем и ночью. Клоны будут перемещаться, как товар по конвейеру.

— Война — не единственная ее проблема, — сказала Кэтлин. — Аспен серьезно обеспокоена возможным переворотом. Уверена, ты видел, как генерал Эльба обливает Аспен грязью в средствах массовой информации. Она прощупывает почву, наблюдая, как отреагируют люди.

«У этой хрупкой старушки кишка тонка, чтобы

сделать то, что нужно сделать», — говорил Уго на тренировочном поле.

— В этом замешан Уго, верно?

— Еще как, — ответила Кэтлин. — Похоже, с каждым днем он становится все могущественней.

Питер задался вопросом, должен ли он заключать эту сделку, видя перед глазами миллионы солдатов-близнецов. Есть ли у него выбор? Если он не согласится, они наверняка заберут дубликатор силой. Президент вела неплохую войну до тех пор, пока дело не коснулось самого дубликатора. Он был необходим.

Даже если у него был выбор, было бы, вероятно, непатриотично, даже предательски, если бы его страна отказалась от этого преимущества, поскольку без сингулярности они проиграют. Китай и Индия провоцировали Россию, беспощадно бомбя Москву и Санкт-Петербург. Если бы он должен был передать сингулярность одной стране, ею стали бы США и их союзники, но он был убежден, что лучший вариант — выпустить ее для всех сразу.

— Полагаю, ты думаешь, что я должен заключить эту сделку?

Кэтлин положила ногу на его стул.

— Да нет. Определенно нет. — Посмотрев на ошарашенное лицо Питера, она рассмеялась. — Они боятся тебя, Питер.

Она едва заметно подняла брови.

— Ты ведь это понимаешь? Ты разбил реальность как яйцо; никто не знает, на что ты способен. Вот почему они пытаются надавить на тебя вместо того, чтобы просто прийти и взять то, что им нужно. Они не знают о сингулярности, но я сомневаюсь, что она их удивит.

Казалось невозможным, что они сидели и разговаривали об этом. Питер не будет убивать невинных людей, ни в коем случае. То, что его собственное правительство могло его убить, казалось почти таким же непостижимым.

Кэтлин наклонилась вперед и прищурила глаза.

— Как ты думаешь, ты мог бы превратить Вашингтон в кратер, если бы захотел?

Питер пожал плечами:

— Может быть. Но я никогда этого не сделаю. К тому же я собираюсь использовать сингулярность как источник энергии, а не делать из нее оружие.

— Я знаю. Вот почему я тебе все это рассказываю. Если бы Аспен знала о сингулярности, она

тут же превратила бы ее в оружие. Твой план мне нравится больше. Больше, больше, — еле слышно прошептала она.

— Интересно. — Питер сделал еще один глоток. — Ты беспощадна, но твоя беспощадность обусловлена благими намерениями. Это похоже на оксюморон, но тебе прекрасно подходит.

Кэтлин криво улыбнулась.

— Буду считать это комплиментом.

Он только что назвал Кэтлин беспощадной. Это был верный признак того, что ему следует перестать пить. Он поднял кружку и сделал еще один глоток.

— Я бы серьезно рекомендовала тебе нанять частных охранников. Я могу связать тебя с людьми, которым ты сможешь доверять.

Питер услышал в ее голосе предупреждение.

— Не уверен, что могу себе это позволить. Мне нужны деньги. Я трачу те, что мне дал Константинид и его друзья-миллиардеры. Из-за войны им сложно оставаться на плаву.

— Я работаю над тем, чтобы найти больше. С помощью Мелиссы.

— *Мелиссы?*

Кэтлин кивнула.

— Хотел бы я, чтобы ты на меня поработала. Я

мог бы получить советы в некоторых политических аспектах.

Кэтлин встала и распростерла руки для объятий.

— Я приеду, когда придет время. Сейчас от меня больше пользы в Вашингтоне.

Чувствуя, что его немного пошатывает, Питер встал и обнял ее.

— Спасибо тебе. Огромное.

Быстро поцеловав его в губы, она отошла и закрыла свою бутылку «Джек Дэниелс».

— Я буду на связи. Будь осторожен. Стань параноиком.

34

Когда Фоллер заметил следующий мир, наступила ночь, заслонившая свет звезд под их ногами. Из-за темноты он не мог разглядеть большую часть земли, но по мере их падения слева от него вырисовывались силуэты невысоких зданий. Справа он видел причудливые предметы, названия которых не мог вспомнить, но они вертелись в его голове. Небо пронизывали голые петли, вздымались скелетообразные стальные башни, похожие на большие лестницы, в поле зрения появилось гигантское колесо…

«Колесо обозрения», — прошептал голос в его голове. Да, это оно. Фоллер помнил, что колесо обозрения вращается и что на нем сидят люди, но не мог сказать почему. Его вид вызвал у Фоллера такое знакомое ему ощущение падения в животе.

Они опустились на широкую, выщербленную дорогу с четырьмя полосами. Совершив совместную с Бурей посадку, они увидели, что зданий поблизости нет. Наряду с едой и водой Фоллеру нужно было раздобыть материалы, из которых нужно сделать отдельный парашют для Бури.

Спрятав парашюты в свои рюкзаки, они встали посреди дороги.

— Куда пойдем? — спросил Фоллер, озираясь.

— Туда, — показала Буря. — Я хочу посмотреть на парк аттракционов.

Парк аттракционов — вот как называлось то место.

— Ты знаешь, для чего он?

Буря посмотрела на него так, словно в жизни еще не встречала такого тупицу. Она положила ладонь ему на лоб и, легонько постучав, повернула в сторону парка аттракционов.

— Думаю, для развлечений.

В какой-то момент он просто стоял и смотрел,

как они уходят, но, спохватившись, догнал Укуса Змеи.

Они приближались к огромному дорожному указателю, на котором не было ничего, кроме слов. Фоллер прищуренно посмотрел на надпись.

— Я знаю их как свои пять пальцев. Я понимаю, что буквы составляют слова, но как бы ни старался, не могу их выговорить.

Укус Змеи задумчиво разглядывал знак.

— Значит, многие из слов, которые я знаю, не имеют значения, — сказал Фоллер.

— Италия, — сказал Укус.

— В точку. Ботинок? Думаю, это похоже на ботинок.

Укус покачал головой.

— Это белое здание с мраморными столбами у фасада.

Это тоже казалось правильным. Возможно, это было одно из тех слов, которые имеют несколько значений. Как «коса».

— Раньше я думал, что многие из слов, которые знаю, вымышленные, как говорящие животные в комиксах. Но чем больше я вижу, тем сильнее верю, что все они настоящие.

Укус Змеи указал на огромные конструкции,

поднимающиеся над деревьями впереди.

— Колесо обозрения. Американские горки. Я никогда раньше их не видел, но они сейчас перед нами.

Фоллера вдруг осенило:

— На них катаются.

Укус немного подумал, затем кивнул.

— Да, это так. На них катаются. Для развлечения.

Они прошли еще один знак, большой и красочный, установленный среди мертвых бамбуковых деревьев. Дальше Фоллер увидел самый большой в своей жизни участок неповрежденного асфальта, а за ним высокий забор и защищенные ворота. Они были открыты.

Когда они вошли в парк аттракционов, солнце начинало подниматься. Никого не было видно. Прямо впереди за низкой оградой расположились американские горки. Они были похожи на огромного зверя — безумный набор извилистых, петляющих железнодорожных путей. Увидев их вблизи, Фоллер ясно понял, что на них катаются, хотя далеко на них явно не уедешь.

Они прошли мимо огороженного поля, усыпанного костями и гниющими кусками коричневой и белой шкуры. Укус Змеи указал на знак, уста-

новленный на заборе, на котором крепилась фотография.

— Жирафы, — сказал он.

Еще одна вещь, которая, как подозревал Фоллер, была лишь в его фантазии. Очевидно, этот мир был заселен, потому что жирафы выглядели так, будто их съели. Ему хотелось бы увидеть хоть одного живого.

В парке был пиратский корабль, десятки изрядно разграбленных магазинов, пустые кабины с фотографиями восхитительно выглядящих, не существующих продуктов. То тут, то там начали появляться люди: некоторые бросали взгляды, но особого внимания на них никто не обращал.

Проходя мимо небольшого поезда на круговой дорожке, каруселей и игрушечных самолетов на концах столбов, также расставленных по кругу, впереди они услышали гул голосов.

На рынке царило оживление: на открытой вымощенной площадке, окруженной приземистыми коричневыми и белыми зданиями и башней с часами посредине, были выставлены столы с различными товарами. Засунув руки в карманы, троица прогуливалась между рядами, разглядывая ассортимент.

— У вас есть что-нибудь для меня сегодня?

Фоллер поднял глаза. За столом с травами и овощами стояла пожилая женщина, выжидательно смотревшая на Бурю. У корней ее ярко-рыжих волос пробивалась седина. Когда Буря не ответила, женщина добавила:

— Кто ваши друзья?

Буря продолжала сохранять сухое и безразличное выражение лица.

— Это Фоллер и Укус Змеи, — сказала она.

Фоллер приветственно кивнул. Старушка улыбнулась и кивнула в ответ.

За ее плечом Фоллер заметил мчащуюся в их сторону женщину на велосипеде. Ее руки были покрыты красочными татуировками, а длинные черные волосы развевались на ветру. Лавируя между людьми и товарами, она управляла велосипедом весьма умело.

— Почему вы так одеты? — спросила старушка. — А что у вас за рюкзаки? Вы…

Женщина на велосипеде подняла глаза, встретилась взглядом с Фоллером и вскрикнула.

Она врезалась в стальную стойку с самодельной обувью и, посбивав товар на землю, покатилась по брусчатке и остановилась у ножек стола.

Фоллер бросился ей помогать. От плеча до локтя тянулась длинная, уродливая царапина, брюки

на колене разорвались, из раны текла кровь.

— С вами все в порядке?

Она посмотрела на него, вопрос, казалось, ее смутил. Над ними маячили Буря, Укус Змеи, темнокожий мужчина, очевидно, владелец обувной лавки, и еще несколько человек.

— Вы можете стоять?

— Я не знаю, — ответила женщина. У нее был необычный голос, высокий и журчащий. Фоллер помог ей встать на одно колено и подняться. Когда ее правая нога коснулась земли, она вскрикнула от боли и упала в руки Фоллера.

Укус Змеи присел на корточки, закатал ей штанину и осмотрел лодыжку:

— Опухолей нет.

— Мне больно, — сказала женщина. — Думаю, там может быть перелом.

— Пойдем, нужно раздобыть немного холодной воды, — сказал Фоллер.

Укус взял женщину за другую руку, Буря подняла ее велосипед.

— Куда нам идти? — спросил Укус у раненой женщины.

— Я живу в районе Дикий Запад, — она посмотрела в сторону вымощенной дорожки, ведущей вверх от площади, поэтому Фоллер двинулся в

этом направлении, не желая показывать, что они понятия не имеют, где или что такое этот Дикий Запад.

Женщина прыгала на одной ноге, тяжело опираясь на Фоллера и Укуса Змеи. Ее татуировки начинались у запястья и исчезали под короткими рукавами свободной оранжевой блузки. Фоллер различил на ее теле гобелены из тернистых роз, молодые и старые лица, слова и абстрактные рисунки. Они были похожи на чью-то мечту — хаотичную, кошмарную, но по-своему красивую. В уголках ее глаз и на лбу были морщины — она находится в среднем возрасте.

— Вашей лодыжке было бы легче, если я понесу вас на руках, — предположил Укус Змеи.

— Если не возражаете, то лучше не надо. Ценю ваше предложение, но чем хуже я выгляжу, тем больше вероятность того, что это кто-то заметит и воспользуется преимуществом. Вы меня понимаете?

Укус кивнул.

— Кстати, я Пенни.

Фоллер, Буря и Укус Змеи тоже представились.

— Вас я видела, — сказала она Буре, — но Фоллера и Укуса вижу впервые. Вы двое с другого конца?

— Да. — Фоллер мог поклясться, что Пенни вскрикнула от его вида. Это напомнило ему, как его впервые увидел Брюс. Хотя, возможно, в тот момент что-то случилось с ее велосипедом и она кричала из-за этого.

— Вас изгнали или вы пришли сюда что-нибудь продать? — спросила женщина.

— Что-нибудь продать, — ответил Фоллер. Изгнали? Звучит не слишком многообещающе. Он надеялся, что с ними не повторится ситуация в мире Бури. По крайней мере, на этот раз никто не видел, как они падали с неба, и они не были беззащитными.

Когда они достигли развилки, Фоллер на шаг отстал от Пенни, она запрыгала вправо.

— Что там произошло? — спросил он.

— О, — махнула она рукой. — Я двигалась слишком быстро и наехала на что-то скользкое, поэтому потеряла контроль над колесом.

Фоллеру казалось, что она неслась прямо на лавку с обувью, но он оставил свое мнение при себе.

Они прошли под шаткой деревянной табличкой, на которой, кроме слов, имелось еще изображение ковбоя. За табличкой тянулась грунтовая дорога, петляющая между старыми неокрашен-

ными зданиями из грубых досок. То тут, то там к деревянным перилам были привязаны велосипеды. Единственной заметной растительностью (если ее можно было так назвать) было большое засохшее дерево, выглядывающее из-за боковой стены здания на одной стороне улицы. Людей вокруг было мало.

— Я живу здесь, наверху.

Пенни жестом указала на лестницу, которая ненадежно была придвинута к стене одного из деревенских зданий. Они помогли ей подняться по зловеще скрипевшим ступенькам. С площадки Фоллер мог видеть, что они находятся достаточно близко к краю света, может быть, в тысяче шагов. Крутая, приподнятая полукруглая лестница внезапно заканчивалась выступом.

Пенни выудила из заднего кармана мешковатых штанов ключ и открыла дверь.

Ее комната была завалена бесполезными вещами. На полках одного книжного шкафа стояли в ряд куклы. Некоторые из них были грязные и затасканные, а одна — мужчина в черном смокинге, сидящий рядом с полкой, — была в натуральную величину. Они увидели там чучела животных любого размера и бесконечные полки с книгами. Стены были увешаны картинами,

изображавшими лишь какие-то цветные пятна.

— С вами будет все хорошо? — спросил Фоллер. Ему хотелось осмотреться, найти пищу и воду, а также материалы для изготовления парашюта.

— Нет, — почти крикнула Пенни и более спокойно добавила: — Пожалуйста, не уходите. Я уверена, что через день-два буду в форме, но сейчас я едва могу ходить.

— У вас нет друга, который мог бы вам помочь? — спросила Буря.

Отвечая, Пенни выглядела слегка смущенной:

— В зависимости от того, что вы имеете в виду под словом «друг».

Фоллер посмотрел на остальных, не зная, что делать.

— У меня есть еда, — предложила Пенни.

Фоллер не был уверен, что ему хватило бы духу бросить Пенни в таком состоянии, но окончательно их убедила предложенная еда. Укус Змеи отправился на кухню, чтобы начать трапезу, Фоллер вышел с Бурей на площадку.

— Что ты думаешь? — спросил он.

— Я могу остаться с Пенни, пока она поправляется, и потому не будет никаких шансов наткнуться на моего нового близнеца.

Было очевидно, что перспектива встретить еще

одну «сестру» не слишком радовала Бурю. Фоллер это чувствовал.

— Мы находимся возле края света, поэтому если столкнемся с проблемами, то сможем быстро уйти. Ты и Укус могли бы заняться пополнением запасов продовольствия.

— А еще нам нужно сделать тебе парашют. И не больше чем за два дня.

— Нет, максимум за два или три, — сказала Буря.

* * *

Они сделали два новых парашюта — один для Бури, а второй запасной, на случай повреждения. Надежно упаковав парашюты в свои рюкзаки, они сидели в гостиной Пенни, когда вдруг погас свет.

— У вас интересная квартира. Вся эта обстановка, — сказал Фоллер, продолжая разговор о безобидных вещах, которые не должны были выдать их незнание ее мира.

Потирая больную лодыжку, Пенни оглядела комнату.

— Это все ярмарочные призы. Они просто лежали в ящиках из-под игрушек. Я ходила туда-сюда и собрала целую кучу, — она пожала плечами. —

Они меня успокаивают. Я не знаю почему.

— Они мягкие и невинные, — улыбаясь, сказала Буря. — Думаю, нам всем хотелось видеть рядом дружелюбные лица, особенно в первые дни.

— А как насчет книг? — спросил Фоллер. Чуть ли не первым делом, найдя себе комнату в Первый День, он выбросил все книги через окно.

— О, они уже были здесь, — пренебрежительно махнула рукой Пенни.

Они поддерживали легкую и непринужденную беседу: рассказывали о своих самых больших открытиях в еде, размышляли о причине появления Первого Дня. Пенни рассказала им о своих приключениях: в тот день она очнулась в парке на скамейке, окруженная слонами. Она описала им слонов, жирафов и зебр. Она не задавала им никаких трудных вопросов, которые могли бы разоблачить их незнание ее мира. Вероятно, желала отблагодарить за то, что они остаются с ней, пока ее лодыжка не заживет. Она нервничала, постоянно то накручивала волосы на пальцы, то грызла ногти, то могла внезапно рассмеяться.

— Значит, вы и Укус Змеи планируете вернуться на другой конец света? — спросила она Фоллера, когда в комнате воцарилась почти кромешная тьма. — Здесь, в парке, безопаснее.

Фоллер посмотрел на Укуса.

— Мы пока не знаем, каковы наши планы. Но хотим как можно больше перемещаться.

— Я спрашиваю, — сказала Пенни, — потому что мне действительно хочется иметь друзей, а вы мне нравитесь. Все вы.

Она посмотрела на каждого из них по очередности.

— Мне кажется, я могу вам доверять.

Фоллер подарил Пенни теплую улыбку, чувствуя себя последней сволочью, а Буря пробормотала что-то неразборчивое о том, что нужно посмотреть, как разворачиваются события.

Когда стало так темно, что они не могли видеть лиц друг друга, Пенни заявила, что она будет спать здесь, на диване, а их пригласила занять кровать в ее спальне. Укус взял свой рюкзак и развернул одеяло на полу на кухне. Буря направилась к спальне. У двери она повернулась к Фоллеру:

— Ты идешь?

35

— Перестань улыбаться. Люди могут что-то заподозрить, — сказал Укус Змеи.

Фоллер не мог ничего с собой поделать. Всякий

раз, когда он не думал о своих губах, те сразу расплывались в улыбке. Он никогда не чувствовал себя так хорошо. Казалось, теперь он понял смысл некоторых предметов, которые нашел в кармане в Первый День. Он выбрался из своего мира и воссоединился с женщиной, которую потерял. Тяготила его лишь карта.

Укус Змеи достаточно сильно ткнул его в грудь:

— Хватит лыбиться.

Укус не переставая смотрел по сторонам. Фоллер подумал, что он, наверное, постоянно ожидает угрозу со стороны, но вдруг в голову пришло другое объяснение:

— Ты ищешь своих детей.

Тот продолжал вглядываться в лица.

— Только так я могу их найти.

— Я тоже буду их высматривать.

Однажды, когда у них выдалась свободная минута, Укус показал Фоллеру свои фотографии. Хотя и без снимков Фоллер узнал бы его детей по глазам и угловатым лицам.

Рынок, во всяком случае, был более людным, чем вчера. Старушка с травами и овощами находилась на месте. Мужчина, торгующий обувью, также стоял за своим столом, предлагая свой

нисколько не пострадавший товар.

Дело в том, что все, что Фоллер и Укус могли выставить на продажу, — это оружие и боеприпасы. Даже если они возьмут по две пушки на каждого, остается еще две запасных. Если этот мир был похож на его или мир Бури, пистолет может стоить много еды, но продать его на рынке не так просто. Он привлечет нежелательное внимание.

Так и было: взгляды многих людей были прикованы к Укусу Змеи. Он был человеком незабываемой внешности, и каждый в этом мире видел его впервые.

— Думаю, лучший вариант для нас — найти более криминальный район, если в этом мире вообще есть такой, — сказал Фоллер, глядя на Укуса. — В твоем мире не было такой части города, верно?

— Этой частью был мой дом.

Фоллер рассмеялся:

— Подожди минутку. У меня есть идея.

Подойдя к столу старушки, Фоллер остановился, лучезарно улыбнулся и спросил:

— Позвольте спросить, видели вы сегодня моего друга — женщину, с которой я был вчера?

— Мелиссу? Нет. Вы хотите узнать, работает ли она?

Фоллер положил руки на стол, наклонился и понизил голос:

— Честно говоря, я не очень хорошо ее знаю. Я встретил ее только вчера, и она ушла после того, как помогла нам с Укусом отвести Пенни домой.

Женщина лукаво улыбнулась.

— И вы надеетесь снова на нее наткнуться.

Фоллер закрыл глаза, будто смущался.

— Вы меня раскусили. Но я же не виноват?

Женщина положила руку на плечо Фоллера.

— Если вы не знаете, где работает Мелисса, вам нужно пройти чуть дальше. — Она указала в сторону театра, стоящего в конце парка развлечений.

— Ты собираешься подойти к ней и представиться? — спросил Укус, когда они отошли.

Фоллер рассмеялся.

— Просто небольшая разведка. Если в этом мире есть еще одна Буря, я хочу увидеть ее собственными глазами. Двойники — похоже, единственный ключ к тому, что происходит.

Они прошли группу из семи человек, трое из которых держали ружья. Мужчины замедлились и посмотрели на проходящую мимо парочку. Фоллер улыбнулся и кивнул, Укус вел себя так, будто не замечал их, даже когда им пришлось

уступить мужчинам дорогу.

Издалека Фоллер услышал голос — ясный и резкий, слегка похожий на пение. Они стояли на мощеной дорожке, павильон под открытым небом, к которому их отправила продавщица, находился прямо впереди.

— Где ты, Роберт? Повернись спиной к своим людям, а если ты этого не сделаешь, скажи мне, что ты любишь меня, и я повернусь спиной к своим.

Ее голос был несравним ни с чем, она почти прокричала эти слова с невероятным одушевлением и страстью. Сердце Фоллера затрепетало в груди.

Фоллер ринулся было вперед, когда раздался мужской голос:

— Скажи мне больше. Или я должен ответить сейчас?

— Что такое клан, по сути? — ответила Мелисса. — Это не рука или нога. Это просто слово. А что слово? Как розу ни назови, она будет пахнуть так же сладко.

Павильон — одна большая крыша, поддерживаемая стойками, — был забит под завязку. Периметр был отгорожен канатом. Фоллер поднял его, и они с Укусом нырнули внутрь. Их

перехватил высокий мужчина с мачете.

— Сначала нужно заплатить, — сказал он, жестом указывая на небольшую белую кабинку возле павильона.

— Ты был бы таким же совершенным… — Мелисса остановилась на половине предложения.

Фоллер взглянул на Мелиссу. Она смотрела прямо на него, на ее прекрасном лице застыло потрясение и ужас. Ее губы двигались, не издавая ни звука.

Мужчина на сцене пробормотал что-то, пытаясь замять неуместное молчание, но Мелисса продолжала смотреть. Аудитория недовольно загудела.

Она спрыгнула с низкой сцены и побежала так, будто мчалась за своей жизнью.

XIX

В небе было так много близко расположенных бомбардировщиков, что казалось, будто над Бостоном распростерт стальной занавес. Питер едва мог дышать, видя такое скопление крошившихся небоскребов.

— Это невыносимо, — сказал Гарри, прижимая ладони к глазам. — Я больше не могу на это смотреть. Боже правый.

Питер положил руку Гарри на шею.

— Я знаю. Подожди, приятель.

Северокорейских бомбардировщиков становилось все больше. Эту же картину передавал каждый из больших экранов, установленных вдоль заводской стены. В то время как остальная часть Восточного побережья каждые три часа страдала от веерных отключений, они могли смотреть столько телевизоров, сколько душе угодно. Они могли бы освещать цех, как на Рождество, поскольку их генераторы подпитывала сингулярность. Если бы они просто дали Питеру время, он мог бы сделать это для всех на Земле.

Джилл Сандерс рыдала. Она выросла в Бостоне.

— Мы не успеем, — сказал Гарри.

— Тогда нам нужно сделать это быстрее.

Возможно, Питер должен передать сингулярность федералам. Их ресурсы были почти бесконечными, а у него их практически не было.

— Доктор Сэндовал? — Обернувшись, Питер увидел бегущего к нему Денни де Роза, одного из его коллег-физиков. — Прототип прибыл.

Питер задрал голову к потолку и закричал от радости и облегчения. Наконец-то.

— Его погружают на лебедку в южном конце здания, — сказал де Роза. — Он должен быть здесь

через полчаса.

У Питера зазвонил телефон: это была Кэтлин.

— Как ваши дела? — спросила она без обиняков.

Кто-то в цеху позвал Питера по имени. Жестом попросив Гарри пойти посмотреть, кому он понадобился, Питер поднялся вверх по лестнице, чтобы убедиться, что прототип опускается в целости и сохранности.

— Теперь получше. Не хочу сглазить, но думаю, что мы в месяце от положительного результата. Сейчас ведется работа над восьмью платформами, а остальные пятьдесят шесть планируем запустить на этой неделе. Наши инженеры в Германии только что доставили прототип топливного элемента, и, если наш пробный заряд станет успешным, они сразу же готовы начать их производство.

— Ты должен это знать.

Тон Кэтлин заставил Питера съежиться.

— Что случилось?

— Министр обороны Эльба и ее начальники штабов — Перес, Холланд… и Уго Вулкофф — попытались выпустить пресс-релиз о том, что Аспен неспособна быть главнокомандующим. Президент блокировала выпуск.

Уго. С какой радости этот ублюдок стал начальником штаба?

— У них хватит сил, чтобы ее свергнуть? — спросил Питер, поднимаясь по сырой, тускло освещенной лестнице.

— На данный момент трудно сказать, у кого больше власти: у Аспен или военных. Через некоторое время президент сама позвонит тебе. Она попросит предоставить ей средства для производства собственного дубликатора.

— *Что?* Нет. Нет времени. — Он понизил голос, толкнул тяжелую дверь и вышел в коридор, ведущий в главную лабораторию. — А если она узнает о сингулярности? Нет.

— Просто хотела тебя предупредить.

— Я это ценю. И никогда не забуду.

Подбоченившись, Питер окинул взглядом лабораторию. Она была похожа на казарму морской пехоты.

Охранники (по факту его личная армия) общались с другими людьми за пределами кампуса с помощью специальных гарнитур. Несколько лаборантов, не обращающие внимания на то, что происходило под землей, занимались своими делами. Так много вещей, так много деталей, за которыми нужно было следить. Питер ненавидел

детали, но был просто обязан все контролировать. От этого многое зависело.

36

Фоллер пересек павильон, Укус Змеи не отставал. Он заметил, что Мелисса сбежала по той дорожке, по которой пришли они, и, оглянувшись через плечо, вылетела на узкую тропинку за игрушечным слоном.

— Подождите! — крикнул Фоллер. — Я хочу с вами поговорить.

Почему она убегает? Она, должно быть, узнала его или его двойника. Наверное, в этом мире был похожий на него мужчина, которого Пенни не знала. Они приближались к ней. Она опережала их всего на несколько метров, а ее длинное бежевое платье и такого же цвета туфли только мешали бегу. Увидев их рядом, Мелисса пронеслась полдюжины шагов и исчезла в широком дверном проеме.

Метнувшись за ней, Фоллер врезался в стекло и упал, видя, как дюжина Мелисс разлетелась в разные стороны.

— Ты в порядке? — спросил Укус, хватая его под руки и помогая встать.

Щека пульсировала, и, коснувшись ее, он по-

чувствовал боль. На кончиках пальцев были пятна, похожие на кровь.

— Думаю, да. Идем, — ответил Фоллер. Он вытянул руки и более осторожно двинулся по лабиринту. Тот представлял собой путаное сочетание окон и зеркал, покрытых относительно однородным слоем пыли и грязи. Мелисса была в пятидесяти местах одновременно. Он понятия не имел, как до нее добраться.

— Мелисса?

Она услышала свое имя — повернулись головы всех Мелисс.

— Мелисса, я не уверен, что понимаю, что происходит, но обещаю, что не причиню вам вреда. — Он взглянул на своего спутника. — И хоть мой друг Укус выглядит устрашающе, он тоже не представляет опасности.

— Я знаю, кто ты, — сказала Мелисса.

— Кто я? Я очень хочу узнать.

— Мелисса? — раздался крик у входа. — С тобой все в порядке?

В зеркалах появилось отражение пяти или шести мужчин. Один из них чуть раньше стоял на сцене с Мелиссой.

— Плантер? — позвала Мелисса. — Помоги мне.

— *Помочь тебе?* Я же сказал, мы просто хотим поговорить. Тебе не нужна помощь. — Слова Фоллера почти утонули в криках ворвавшихся в лабиринт мужчин. Двое из них, появившихся из-за угла, заметили Фоллера и Укуса.

Укус резко навел оружие на приближающихся мужчин.

— Всем успокоиться.

Мужчины замерли.

— Мелисса, не двигайся. — Укус посмотрел на Мелиссу через лабиринт, в его глазах была невысказанная угроза.

Мелисса застыла.

Фоллер не думал, что Укус Змеи из тех, кто стреляет в безоружных людей, но сейчас понял, что все возможно.

— А теперь выйди к Фоллеру. Он хотел бы задать тебе несколько вопросов. Потом мы уйдем. Никто не пострадает. Согласна?

Сделав паузу, Мелисса ответила:

— Да.

— Спасибо, — пробормотал Фоллер Укусу.

— Надо сразу вести себя сдержанно.

Нащупывая руками стекло, Фоллер пробирался через лабиринт, пока не увидел стоявшую спиной к зеркалу живую Мелиссу.

— Пожалуйста, просто объясни, за кого ты меня принимаешь.

Мелисса дрожала, как будто была уверена, что Фоллер собирается ее убить.

Он совсем забыл о фотографии — вытянул ее из кармана и протянул ей.

— Ты видишь здесь какой-то смысл?

Отойдя от стекла, Мелисса сделала полшага в сторону Фоллера и посмотрела ему в глаза.

— Ты, должно быть, шутишь, — сказала она, забирая у него фотографию и переворачивая ее другой стороной и обратно.

— Она тебе знакома?

— Как ты, черт возьми, сюда попал? — прошептала она.

Фоллер вытащил из кармана игрушечного парашютиста.

Мелисса прижала ладони к глазам и начала смеяться. Смех не был радостным и задорным, Фоллеру он казался близким к истерическому.

— Я не могу от тебя избавиться. Ты как болезнь, которая продолжает возвращаться. — Она опустила руки. — Я думала, ты один из убийц Уго, который пришел за мной. Мы с Джилл решили спрятаться на одном острове. Они поймали ее. Они почти поймали меня.

Она говорила тихо, очевидно, чтобы другие не могли ее услышать.

Мелисса пристально посмотрела на него и спросила:

— Помнишь Джилл Сандерс? Твою коллегу?

Фоллер покачал головой.

С лица Мелиссы тотчас исчезла вся враждебность.

— О нет. — Она закрыла рот одной рукой. — Вирус достал и тебя.

— Вирус? Это болезнь?

Она плакала.

— И да, и нет. Болезнь и оружие. — Она покачала головой. — Черт возьми, Питер.

— Меня зовут Фоллер, — настаивал он, хотя в него вселилось ужасное предчувствие.

Он почти не хотел спрашивать, но должен был знать:

— Это ты на снимке?

— Да. Хм. Его сделали во время нашего медового месяца. В Коста-Рике. Мы попросили местного жителя нас сфотографировать.

— *Мы женаты?*

Мелисса издала горький смешок.

— Нет, милый. Мы развелись.

Фоллер почувствовал, как его сердце разбилось.

Он подумал о Буре, которая ждет его в квартире Пенни.

— Этого не может быть. Ты лжешь.

— Я *лгу*? — Она подняла левую руку и пошевелила пальцем. — Где твое кольцо?

Она подняла снимок и постучала по руке Фоллера, обнимавшей ее за талию на снимке.

— На фотографии оно есть.

Фоллер понятия не имел, как кольцо связано со всем этим.

— Почему ты все помнишь, а я нет?

— Это долгая история.

Он указал на дверь.

— Пойдем, ты сможешь рассказать ее за обедом.

Она не двинулась с места.

— Из-за тебя нас обоих убьют. Уго ищет нас, особенно тебя, а ты перемещаешься с места на место, как идиот.

Он не мог поверить, что женщина на фотографии — это она. Сейчас она была такой измученной.

— Вот почему я должен знать, что произошло. Я не хочу, чтобы из-за этого всего меня или еще кого-нибудь убили. Если мои действия невежественны, убеди меня остановиться.

Скрестив руки, она отвернулась, затем опустила их и ринулась вперед, легко перемещаясь по зеркальному лабиринту.

На пути в квартиру Пенни Мелисса шла между Фоллером и Укусом Змеи. Укус дал Мелиссе фотографии своих детей.

— Ты видела кого-нибудь из них?

Мелисса внимательно изучила каждую фотографию.

— Извини, не видела. Если их не было на твоем острове, они могут быть на любом другом из десяти тысяч. И даже больше.

Выслушав эту тираду, Укус не выразил никаких эмоций.

Фоллер боялся момента, когда Буря узнает, что женщина на фотографии — не она. Со своей стороны, он пытался разобраться, как эта новая информация повлияла на его чувства к Буре. И да, и нет. Буря осталась прежней, но знание того, что их воссоединение основывалось на ошибочной схожести, вызывало беспокойство.

Они с Мелиссой разведены. Все это время он разглядывал эту фотографию, стремясь ее найти. Одна лишь эта вещь давала ему стимул жить.

— Что нам делать с Пенни? — спросил Укус Змеи, когда они подошли к квартире.

Это был хороший вопрос. Они могли попросить Бурю выйти на улицу и оставить Пенни, но тогда кто-нибудь из прохожих мог увидеть Бурю и Мелиссу вместе. Это привлекло бы внимание незнакомцев.

— Думаю, мы рискуем, если скажем ей правду, — сказал Укус.

— Кто такая Пенни? — спросила Мелисса.

— Женщина из твоего мира, с которой мы познакомились, — ответил ей Фоллер.

Мелисса только кивнула.

Прежде чем открыть дверь квартиры Пенни, Фоллер сделал глубокий вдох. Буря, сидевшая на диване напротив Пенни, улыбнулась ему, когда он вошел. Увидев идущую за ним Мелиссу, она вскочила с дивана.

Пенни перевела взгляд с Мелиссы на Бурю и обратно.

— Я не понимаю. Что происходит?

Мелисса же, оглядевшая Бурю с ног до головы, только покачала головой, как будто присутствие ее двойника лишь слегка ее удивило.

— Это Мелисса, — начал Фоллер. — Она кое-что знает и любезно согласилась нас просветить.

— Пожалуйста, скажите мне кто-нибудь, что происходит? — дрожащим голосом спросила

Пенни.

Фоллер поднял обе руки.

— Пожалуйста. Пенни, просто пойми нас. — Он повернулся к Буре. — Мелисса утверждает, что женщина на фотографии — это она.

Буря быстро моргнула, пытаясь не выдать свою реакцию. Но Фоллер, по крайней мере, успел ее заметить.

— Ты уверена? — спросила Буря у Мелиссы. — Ты это помнишь?

Мелисса посмотрела в потолок.

— Как никто другой.

Фоллер подошел к Буре, обнял ее за плечи и как можно мягче сказал:

— Мы с Мелиссой разведены.

Буря прикрыла рот и побежала в ванную.

Мелисса в недоумении уставилась на Фоллера.

— Ты в нее *влюблен*? — Она выглядела так, будто у нее сейчас откажут ноги, будто она будет плакать, смеяться, кричать или все одновременно.

Фоллер не ответил.

— Не могла бы ты рассказать нам, кто ты и почему ты помнишь то, что Фоллер не помнит? — сказал Укус Змеи, скрестив руки на широкой груди.

Дрожащими руками Мелисса откинула волосы назад, явно пытаясь успокоиться.

— Как я сказала Фоллеру, это долгая история.

— Почему бы тебе не начать? — спросил Укус.

— Подожди минутку. — Фоллер подошел к двери ванной комнаты и осторожно постучался. — Буря, тебе захочется это услышать.

Дверь открылась. Буря выглядела спокойной, на лице не было эмоций.

— Спасибо.

Мелисса села в белое кресло. Укус поставил на стол рядом с ней стакан воды и опустился на пол у стены. Фоллер с колотящимся сердцем подвел Бурю к дивану. Он чувствовал, что то замешательство и непонимание, с которыми он жил с Первого Дня, скоро должно развеяться.

Мелисса смотрела на него и Бурю.

— Это просто… Я не могу поверить своим глазам.

— Пожалуйста, рассказывай, — торопил ее Укус Змеи.

Мелисса прижала кончики пальцев к носу и закрыла глаза.

— Шла война. Мы с Питером… — Она откашлялась. — Простите… Мы с *Фоллером* активно поддерживали проигрывавшую сторону, по-

этому, по мнению выигрывавшей, мы военные преступники.

Она открыла глаза и снова посмотрела на Фоллера и Бурю.

— Наверное, в этом есть смысл. Если тебе сделают лоботомию, это кажется сексуальным.

Прикусив нижнюю губу, Фоллер ждал, когда она продолжит. Он не собирался перебивать ее.

— Война продолжалась до тех пор, пока ученый с вражеской стороны, Уго Вулкофф, не разработал оружие. Его назвали вирусом затмения. Он распространялся как болезнь, но не вызывал никаких симптомов, а просто стирал память.

Итак, тайна Первого Дня раскрыта. Он наступил не из-за богов или чей-то вины: причиной была война.

— Дело в том, что у нашей стороны тоже было оружие. — Мелисса сделала глоток воды. — Ученый с нашей стороны разработал его не как оружие, а как способ прекратить войну мирным путем. Ученый спешил закончить свое устройство, когда Уго Вулкофф выпустил вирус затмения.

Мелисса пожала плечами.

— Он закончил его в то же время, когда Вулкофф выпустил вирус. Только оно сделало не то,

что он ожидал.

— Что оно сделало? — спросил Фоллер.

— Оно разорвало мир на части.

Пенни попыталась что-то сказать, затем встала и налила себе стакан воды.

— Насколько большим был мир до разрыва? — спросил Укус Змеи.

— Чтобы обойти его вокруг пешком, — Мелисса посмотрела на потолок, — требовалось около пятисот дней.

Фоллер обходил свой мир за полчаса. И это в длину.

— Почему мы похожи друг на друга? — спросила Буря.

Мелисса сложила руки на коленях и долго смотрела на них, прежде чем ответить:

— Машина, из-за которой разорвало мир, способна делать дубликаты людей.

Фоллера будто облили ледяной водой.

— Времени было мало, а дел, если мы хотели прекратить войну, много, поэтому некоторые из нас клонировали себя. Когда мир был разорван, дубликаты разбросало…

— Подожди, — прервала ее Буря. — Ты хочешь сказать, что я твоя копия?

Копия. Вот почему Мелисса так резко отреагиро-

вала, когда поняла, что Фоллер и Буря влюблены друг в друга. Фоллер вдруг понял, что не хочет слышать то, что последует за вопросом Бури.

— Да, — мягко сказала Мелисса. — Но это не значит, что ты не такая же настоящая, как я.

— О, я настоящая. Ну, это обнадеживает. — Буря встала и двинулась к входной двери. — Да вы совсем спятили.

— Буря! — крикнул Фоллер захлопнувшейся двери. Он привстал было, намереваясь пойти за ней, но затем неохотно сел. Ему нужно было дослушать.

Теперь Укус Змеи стоял рядом с Пенни на кухне. Он показывал ей фотографии своих детей, что-то тихо спрашивая. Очевидно, лодыжка Пенни беспокоила ее гораздо меньше.

Питер вытащил карту и протянул ее Мелиссе.

— Я нашел ее в кармане в Первый День. Похоже, эта карта для меня. Ты знаешь, куда она ведет?

Мелисса пристально ее рассмотрела.

— Она ведет тебя вниз. Участок суши с символом «Х» над ним — это, вероятно, то место, где ты жил. Уильямсберг.

Входная дверь распахнулась. Запыхавшаяся Буря ворвалась в дом, захлопнула за собой дверь и посмотрела на Фоллера.

— Я только что видела на улице тебя.

Все вскочили со своих мест.

— Я же говорила, что из-за тебя нас убьют, — сказала Мелисса.

Вытащив дробовик и пистолет, Укус забросил рюкзак на плечи, подошел к двери и, открыв ее, выглянул наружу.

— Я никого не вижу, но они уже не остановятся после того, как заметили Бурю.

— Кто не остановится? — спросила Пенни.

— У тебя еще есть оружие? — спросила Мелисса, игнорируя вопрос.

Укус повернулся к ней.

— Ты умеешь стрелять?

— Не очень. Но точно не выстрелю в тебя или себя.

Фоллер сел на корточки и вытащил из рюкзака пистолет, который дал ему Укус.

А сам Укус носился по квартире, осторожно выглядывая из окон.

— Не забудьте парашюты, — сказал он. — Я хочу, чтобы все вылезли из окна спальни. Между этим зданием и следующим всего полметра, так что вы можете проскользнуть. Когда я закричу, бегите к тому длинному синему желобу.

— К водной горке, — предложила Пенни.

— Хорошо. С ее помощью мы окажемся прямо над краем света. Когда я начну стрелять, вылезайте через окно.

Укус схватил большую куклу Пенни и поставил ее рядом с кухонным окном, выходившим на водную горку. Метнувшись в спальню и вернувшись с матрасом, он с трясущимися от напряжения руками сложил его и протолкнул через окно. Ухватив куклу Пенни за горло, Укус сделал два глубоких вздоха и бросил ее вслед за матрасом.

И тут же раздались выстрелы преследователей, принявших куклу за человека. Укус забрался на подоконник, схватился за раму и, высунувшись на улицу, быстро выстрелил в сторону крыши. Мимо окна пролетело падающее тело.

— Уходите! — крикнул Укус, разжимая руки и падая в сторону матраса.

Они побежали в спальню. Мелисса вылезла через окно первой и, уперевшись ногами в противоположную стену, прижалась спиной к стене дома Пенни. Попытавшись карабкаться, она сразу же опустилась метра на полтора, но оставшуюся высоту она то ли проехала, то ли проскользила по стене. Держа пистолет наготове, Мелисса жестом показала остальным спускаться, поскольку за домом выстрелов раздавалось все больше.

Вслед за Мелиссой начала спускаться Буря.

Когда Пенни подняла ногу, чтобы пролезть в окно, Фоллер сказал:

— Оставайся. Ты здесь ни при чем.

— Я сомневаюсь, что они так подумают, когда начнут стрелять. — Не дожидаясь ответа Фоллера, она начала спускаться, цепляясь за стены, чтобы замедлить движение. На земле от ее хромоты не осталось и следа.

Вылезая из окна, Фоллер услышал резкий свист — сигнал Укуса. Жестко приземлившись, он остался на ногах только потому, что пространство было очень узким. Может, Укус и смог бы проскользнуть между двумя стенами, но остальные могли бы просто спрыгнуть.

— Идем, — махнула им Мелисса, стоявшая в конце крошечного переулка.

Укус Змеи находился возле дальнего угла дома Пенни и отстреливался от нападавших у фасада, удерживая их на месте. Фоллер сломя голову бросился к водной горке и свернул в большой полукруглый приподнятый желоб, где его ждала Буря. Они поднимались по крутому склону на четвереньках. Такой способ движения их замедлял, но Фоллер осознавал гениальность плана Укуса: водная горка предоставляла отличное укрытие, и

было четко видно того, кто движется ниже.

Проблема заключалась в том, что с ними были Пенни и Мелисса. Хотя нет: проблема была только в Пенни. Если бы у Фоллера был свой путь, Мелисса ушла бы с ними. Бывшая жена или нет, она знала, что происходит. Ему так не представилась возможность узнать, что означает флаг в нижней части его карты.

Его вдруг осенило: карта не у него — она осталась у Мелиссы. Хотелось надеяться, что она спрятала ее в карман.

Фоллер услышал внизу шаги. Он поднял голову, чтобы посмотреть, и в этот момент на него рухнул Укус Змеи. Фоллер воткнулся лицом в песок и гниющие листья, которыми было покрыто днище желоба.

Выбравшись, Укус жестом показал Фоллеру, что им нужно вместе подняться с обеих сторон, поднять оружие и стрелять. Фоллер кивнул, внезапно поняв, что желоб не был пуленепробиваемым. Как только стрелки внизу обнаружат их местоположение, они продырявят его насквозь.

Укус поднял три пальца, затем два, затем один…

Ухватившись за край желоба, Фоллер встал на колени и сразу же заметил одного из своих

клонов, который без маски сидел на корточках в роще деревьев. Пистолет, казалось, стрелял сам по себе, разбрасывая направо и налево пули, немного не попадавшие в фигуру среди деревьев.

Фигура дернулась три или четыре раза, пули попали ему в грудь, плечо, бедро. Работа Укуса. Не успел Фоллер заметить еще одного клона прямо под собой, как тот упал от невероятно точных выстрелов все того же Укуса.

Мелисса и Буря стояли на вершине подъема и стреляли по сторонам. Они были бы похожи на зеркальные отражения, если бы Мелисса не была одета в длинное белое платье.

— Уходим! — рявкнул Укус.

Передвигаясь на четвереньках, Фоллер карабкался так быстро, как только мог.

— Не останавливайся, — сказал Укус за его спиной и спустя секунду снова выстрелил. Опустив голову, Фоллер прерывисто дышал и умирал от усталости — он преодолел последние десять метров и добрался до вершины.

Они находились примерно метрах в двадцати над землей. Впереди был крутой перепад, сужавшийся книзу и заканчивающийся выступом над пустотой. Он повернулся к Пенни и сказал:

— Просто спрячься, пока мы не уйдем. Когда они увидят, как мы уходим, им не за чем будет сюда лезть.

— Идем, — жестом указала Буря. — Укус догонит.

— Я остаюсь, — сказала Мелисса. — У них не было времени считать головы.

— Но ты нужна нам, — сказала Буря.

Мелисса посмотрела на нее.

— Это не значит, что я буду прыгать с вами с парашютом.

— Прости меня. — Буря сильно толкнула Мелиссу в грудь обеими руками.

Вскрикнув, Мелисса завалилась назад, ударилась о крутой склон и полетела головой вниз, набирая невероятную скорость. Буря прыгнула вслед за ней, и в этот момент грянули выстрелы, изрешетив стальную раму прямо под ними. Фоллер ринулся вперед и скользнул вниз: ветер усиливался в ушах, когда он набирал скорость. Как только он выровнялся, скольжение закончилось. Ухватившись рукой за зубчатый край желоба, он ощутил резкую боль в бицепсе.

Дальше он падал головой вперед, слыша оглушающий свист ветра.

Пролетев немного, Фоллер выпрямился, вы-

тянул руку и прижал ее к телу. Она отдавала жалящей болью. Между пальцами струилась кровь. Но они были живы. Это самое важное. И у них была Мелисса, поэтому они больше не будут блуждать в безызвестности.

Его внимание привлек внезапный панический вскрик. Он принадлежал Пенни, ударяющейся о стенки желоба. Ее крики и визги доносились до него даже через неистовый свист ветра.

— *Что ты наделала?* — крикнул Фоллер, зная, что никто не услышит.

Укус Змеи, который несся рядом с ошарашенной Мелиссой, указал на Фоллера, затем на Пенни. Фоллер показал ему, что понял, расставил руки и ноги и стал ждать, пока Пенни его догонит.

37

— Дыши, — сказала Пенни, очевидно, самой себе. — Ты в порядке.

Она цеплялась за Фоллера обеими руками и ногами. У нее была замечательная выносливость.

— Я должен проверить, как дела у Бури! — крикнул Фоллер. — С тобой все будет хорошо?

— Нет, — простонала она, вцепившись в него еще крепче.

— Я так и не пойму, почему ты прыгнула.

— Думаешь, эти люди просто взяли бы и ушли? Если бы я осталась, то уже была бы мертва.

Фоллер не был уверен, что эти люди застрелили бы женщину, которую не преследовали, но должен был признать, что не знал, на что они способны.

— Я очень испугалась, — сказала Пенни. — У меня тяжелая сердечная аритмия. Думаю, у меня может случиться сердечный приступ.

Фоллер не совсем понимал, что такое сердечный приступ.

— Все наладится. Обещаю. Но сейчас мне нужно поговорить с Бурей. — Он убрал одну ее руку со своей спины. — У тебя все будет хорошо.

— Нужно глубоко вдыхать, — сказала Пенни. — Ты обещаешь, что вернешься? У меня нет парашюта.

Фоллер не мог не рассмеяться.

— Я заметил. Но ты все равно спрыгнула со своего мира.

— Ну, вы и Мелиссу столкнули с него. Я думала, у тебя есть план.

— Мы подберем тебя, когда придет время.

Фоллер вырвался из ее объятий. Лихорадочно бормоча про себя, Пенни обхватила себя руками и зажмурилась.

Фоллер приблизился и, протянув Буре руку, с облегчением увидел, что она ее взяла. Ее глаза были красными.

— Как ты себя чувствуешь?

— Я запуталась, — ответила Буря.

Фоллер хотел сказать ей, что это неважно, но сомневался, что эти слова ее утешат. Буря только что узнала, что она была изготовлена.

— Чем я могу помочь?

Буря улыбнулась. В порыве ветра ее лицо как будто дергалось.

— Я не думаю, что можешь.

— Что это значит для нас?

Она на мгновение зажмурилась.

— Тебя тянет ко мне, потому что тянуло к *ней*. Ты привязался ко мне, потому что я ее копия. Думаю, ты заметил, что не очень ей нравишься, и мне кажется, что до того, как тебе стерли память, она не очень нравилась *тебе*. Поэтому мы знаем, как закончится эта история.

— Я в это не верю. Ты не она.

— В меньшей или большей степени, но это так и есть.

Фоллер попытался ответить, но Буря его оборвала:

— Мы можем поговорить об этом позже?

— Прости. Я не должен был об этом напоминать. Я собираюсь поговорить с Мелиссой и увидеть, что еще я могу узнать. — Он сжал ее руку.

Когда он отпустил, она спросила:

— Что это был за мир, где с людьми поступали так, будто они ничто?

Фоллер не мог ответить.

Мелисса, летевшая выше, изо всех сил сжимала руку Укуса Змеи. Возможно, потому, что он был единственным человеком с парашютом, который не был ни ее клоном, ни бывшим мужем. Фоллер, раздумывая над тем, какой вопрос задать первым, расставил руки и ноги и позволил парочке подлететь ближе.

— Почему мои дубликаты пытаются меня убить? — Кажется, неплохой вопрос для начала.

Мелисса пожала плечами.

— Ты оставил после себя четырех. Уго поймал одного и сделал больше.

Фоллер посчитал ее слова нелогичными.

— Откуда я знаю, как стрелять из пистолета, если не могу вспомнить, что вообще когда-либо стрелял?

— Совершенно другая часть мозга. Вирус действует на автобиографическую память и центры чтения. Стрельба из пистолета относится к про-

цедурной памяти. Совершенно другое действие.

Ему показалось, что она перешла на иностранный язык.

— В мозгу есть разные части?

— Боже, — сказала Мелисса, покачав головой, — вирус добрался так глубоко.

Другими словами: «Боже, какой же ты невежа».

— Есть одна женщина. У нее узкие глаза, холодные и красивые одновременно. Она была в моем мире и двух других.

Мелисса засмеялась. Ее смех был похож на смех Бури, но в нем слышалась горечь.

— Кэтлин Чой. После распространения вируса затмения, когда все мы убегали и прятались, ее оригинал настояла на том, чтобы попасть в тот же мир, что и ты. Думаю, она в тебя влюбилась.

Он представил себе безумное лицо Орхидеи, когда она несла его рюкзак по бесконечным лестничным пролетам.

— Она все помнила?

— Да. — Мелисса облизнула губы. — У тебя есть вода?

Вытянув руку, Фоллер ловко расстегнул боковой карман рюкзака и достал флягу.

— Полностью обхвати ее губами.

Напиться в свободном падении было проблемой. Сделав пару глотков, она вернула флягу и кивнула.

— За все это время она так и не рассказала тебе правду?

— Нет.

— Либо она испугалась, что ты, узнав об Уго, сделаешь что-нибудь опрометчивое, либо не хотела, чтобы ты ее бросил и отправился искать меня.

Эти слова показались Фоллеру похожими на правду. Возможными были два варианта.

— Почему Уго нас преследует?

— Он, наверное, думает, что мы знаем, где найти то, что ему нужно. Источник энергии. Такое же оружие. А еще он ненавидит тебя и хочет твоей смерти.

— Ты знаешь, где это оружие?

Мелисса улыбнулась.

— Теперь знаю.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты нарисовал место на своей карте. Флаг с цифрой тринадцать, понимаешь?

Его карта. Фоллер похлопал по карманам.

— Куда делась карта? В квартире Пенни она была у тебя.

Мелисса немного задумалась и сказала:

— Думаю, я оставила ее там. Извини.

Несмотря на то, что он знал каждую линию наизусть, у Фоллера возникло острое чувство потери нужной вещи.

Мелисса посмотрела вверх. Фоллер последовал ее примеру, но там ничего не было.

— Им может потребоваться некоторое время для сборов и отправки, но в конце концов они за нами придут. — Она опустила глаза. — Они легко узнают, куда мы отправились.

Она была права. Фоллеры-ниндзя были настойчивы. Он пару секунд подумал и сказал:

— Давайте двигаться вбок. Они не узнают, в каком направлении мы летим.

Размахивая руками, чтобы привлечь внимание Укуса, он сказал:

— Держись за мои ноги. Пенни сможет держаться за Укуса.

Он занял позицию, подражая полету птицы. Мелисса схватила его за лодыжки, образуя паровозик. Он жестом предложил Буре последовать их примеру, а Укус сказал Пенни сделать то же самое с его лодыжками.

Они не двигались по идеальной горизонтали, но Фоллер еще со времени их перемещений в периферии миров знал, что это обманчиво. В

течение нескольких часов о погоне не может быть и речи.

У Фоллера от попытки усвоить все, что рассказала Мелисса, разболелась голова. С каждым ее ответом мир переворачивался с ног на голову.

Он оглянулся на Бурю. Даже издалека ее фигура выглядела жалкой, как будто она вот-вот растворится в дыму и станет частью проходящего облака или превратится в капли дождя.

XX

Разлегшись на траве, Гарри смотрел на iPad новостные сообщения о готовности президента Аспен продолжать управлять страной. Питер закрыл глаза и повернулся лицом к солнцу. От его тепла было удивительно, невероятно хорошо. Он так устал от стен лаборатории, запаха пыли и сырости. Ему надоело чувствовать себя измотанным.

Развернув белую вощеную бумагу, он поднял верхнюю половину сэндвича с тунцом, взял кусочек помидора и положил его на бумагу рядом с другой половиной.

— Ты должен его съесть, — сказал Гарри.

— Ненавижу помидоры.

— Тебе нужен витамин С.

— Я каждый день принимаю комплекс мультивитаминов.

Гарри покачал головой.

— Это совсем не то.

Будь Питер менее измучен, он был бы рад поучаствовать в одном из их бессмысленных споров, оставив жалкий кусочек томата жариться на солнце, но сегодня он без комментариев взял его и засунул обратно в свой сэндвич.

Гарри похлопал его по спине.

— Этот томат стоит между тобой и цингой.

Ухмыляясь, Питер откусил от сэндвича и с полным ртом сказал:

— Я обязан тебе жизнью.

Питер смотрел, как по небу проплывает уже знакомое металлическое облако. Оно имело бледно-голубой цвет и было похоже на гриб с плоской шляпкой.

— О, ну что теперь? — спросил Гарри.

Болтающие головы в новостях уступили место знакомой картинке: экстренному сообщению канала MSNBC.

— Буквально час назад из Малайзии пришло сообщение о никогда раньше не виденном вирусе. Жертвы проявляют сильную дезориентацию и потерю памяти. Чтобы узнать больше, по-

слушаем нашего корреспондента Энджи Ло из Куала-Лумпура.

Гарри перестал жевать и выдохнул:

— Потеря памяти.

Они видели изображения ярко одетых людей, хватавшихся за голову, кричащих и плачущих. Они просили о помощи.

— Теперь мы знаем, над чем работал Уго в течение последних трех месяцев.

Питер должен был догадаться. Страшный побочный эффект супрессорного вируса Петерсона-Янтца сделал его идеальным биотеррористом. Вирус был чрезвычайно мощным и мог передаваться воздушно-капельным путем. По правде говоря, он был даже чересчур мощным.

— Но Суматра находится прямо возле Малаккского пролива. Они наши союзники, — сказал Питер, наклоняясь ближе к экрану. — Весь этот регион — сборная солянка врагов и союзников. Как они планируют контролировать распространение?

Неподалеку раздался нарастающий шум авиамотора. Низко над деревьями летел «Харриер».

Дюжина сотрудников их службы безопасности со штурмовыми винтовками в руках рванулись вперед, чтобы занять оборонительные позиции,

выкрикивая на ходу приказы. Два охранника сопровождали Питера и Гарри внутрь здания.

— Погодите, — сказал Питер. — Если бы они хотели атаковать, они бы не сели посреди лужайки.

Они смотрели, как истребитель сел в сотне метров от них. Мотор заглох, и из него выскочила Кэтлин.

Улыбаясь, Питер побежал к ней, но споткнулся, а потом перешел на шаг, увидев, что за ней вышла Мелисса.

Кэтлин крепко обняла его, через ее плечо Питер смотрел на Мелиссу.

— Что вы здесь делаете? — спросил он, когда Гарри присоединился к ним.

— В Вашингтоне начался государственный переворот. Это все Эльба и ее начальники штабов.

Питер прижал руку к щеке.

— Ей это удастся?

— Думаю, да. Мы выбрались до того, как они начали выстраивать людей Аспен на расстрел.

Хотя говорила Кэтлин, взгляд Питера все так же был прикован к Мелиссе. Выражение ее лица было жестким и серьезным. Она открыла рот и в первый раз заговорила:

— Мы здесь, чтобы помочь вам любым возмож-

ным способом.

Из истребителя вышел мужчина в синей форме военно-воздушных сил. Его красивое лицо с квадратной челюстью портили близко посаженные глаза-бусинки.

Кэтлин оглянулась.

— Брэндон Доусон. Хороший человек. Мы можем ему доверять.

Питер и Доусон обменялись кивками.

— Пойдемте внутрь, — сказал Питер. — Мы почти у цели. Осталась неделя.

— Недостаточно быстро, — сказала Кэтлин, когда они направились к двери. — Эльба может начать уничтожать Северную Корею в любое время. И Питер…

Она повернулась и пристально посмотрела на него.

— Люди Эльбы выпустили вирус Уго без разрешения президента. Думаю, что он является большой частью их плана битвы. Вот почему Уго очень быстро получил так много полномочий.

* * *

Питер ждал за дверью своего импровизированного стратегического центра, который когда-то был заводским офисом. Большую часть дальней

стены занимала доска с крючками для ключей. Под ней стоял стол, на нем лежал измазанный цементом резиновый сапог.

Вошли Мелисса и Кэтлин — Кэтлин прошла в его комнату.

— Мелисса? — Это прозвучало робко.

Питер откашлялся.

— У тебя есть минутка?

— Не уверена, что у кого-нибудь из нас она есть, — ответила она, но остановилась.

— Я просто хотел поблагодарить тебя за то, что ты пришла. После всего случившегося.

К горлу подступил ком. Питер сглотнул, безуспешно пытаясь от него избавиться. Мелисса уткнулась глазами в бетонный пол.

— Если кто-то и сможет избавить мир от этого беспорядка, то это ты. — Она подняла глаза. — Мы должны сосредоточить наше внимание на этом.

Питер кивнул. Он понял, что на самом деле скрывалось за этой фразой.

38

В своем кошмаре Фоллер полз по туннелю, но это был не столько туннель, сколько огромный жирный кишечник. Он был бесконечным, каждый поворот представлял собой участок

вонючего, дрожащего мяса. Он все так же чувствовал запах этого места — едкий, острый, будто кого-то вырвало.

Он проснулся от прикосновения Укуса Змеи. Было темно: луна и большинство звезд скрылись за облаками.

— Внизу есть мир, — сказал ему на ухо Укус. — Остальные готовы.

Они приземлились на окраине большого города. Он казался безлюдным, но ночью было трудно определить точно. Выбрав улицу наугад, они шли между полуразрушенными зданиями без окон, сплошными фундаментами, постройками с одной обрушившейся стеной, но все же стоявшими. В этом месте было нечто странное, чего Фоллер не мог понять.

— Здесь чисто, — тихо сказал Укус.

Так и есть. В других мирах везде был мусор. Там, где здание было снесено или повреждено, валялся щебень. Кирпичи, дерево, битое стекло. Фоллер видел почерневшие, изогнутые стальные балки и множество транспортных средств, но никакого щебня не было. Не было даже оберточной бумаги.

На следующем перекрестке они повернули налево.

— Это место похоже на гигантский вакуум, всасывающий каждую не закрепленную болтами вещь, — сказала Мелисса.

Фоллер ожидал, что у Мелиссы будет какое-то объяснение, основанное на ее огромном запасе воспоминаний, и был почти доволен тем, что, по крайней мере, некоторые вещи все еще ее смущали. Каково это — возвращаться в воспоминания? Какой разной может быть жизнь.

— Смотрите. Черт побери, вы только посмотрите на это, — сказала Пенни, указывая на полквартала впереди.

Там словно пролегла невидимая линия. С одной стороны пейзаж был чистым, с другой щебень и мусор валялись кучами так же, как и в любом другом мире.

Между захламленным и чистым участками маячила одинокая фигура, которая укладывала в тачку кирпичи. Это была очень худая женщина, стоявшая спиной к ним.

Они остановились на почтительном расстоянии. Есть ли человек, который не испугался бы группы незнакомцев, ночью подходящих из-за спины, особенно когда один из этих незнакомцев — Укус Змеи?

— Эй? — тихо окликнула Буря.

Женщина обернулась и начала было:

— Я не могу уснуть… — но увидев их, вскрикнула.

Это была Орхидея. Несколько миров назад Фоллер, возможно, был бы поражен или удивлен, но теперь он почти везде ожидал увидеть Орхидею, а то и несколько.

Орхидея сделала шаг назад, снова закричала и бросилась бежать.

Они наблюдали, как она удаляется.

— Бог ты мой, я начинаю немного привыкать к этому, — сказала Пенни.

— Я до сих пор не привык, — произнес Фоллер.

— Что нам теперь делать? — спросила Буря.

— Пойдем дальше, — сказал Укус Змеи. — Если здесь живут люди, значит, есть еда и вода.

Фоллер посмотрел на ноги Пенни. Она шла ровно, совсем не хромая.

— Похоже, с твоей лодыжкой все в порядке.

Она взглянула на ногу.

— Да. Ее как будто только что вставили на место.

— В этом городе может быть не так много людей, — сказала Мелисса. — Похоже, его сильно бомбили во время войны. Большинство выживших жителей должны были переехать в лагеря

для беженцев. Кэтлин сделала гораздо больше дубликатов, чем остальные. Она не могла остановиться. Когда за несколько часов до апокалипсиса появились все дубликаты, ее клоны выглядели как армия. Меня не удивляет, что некоторые из них могли оказаться в подобных местах.

— Если здесь не так много людей, как они очистили большую часть мира? — спросил Фоллер.

— Не знаю. У Кэтлин были серьезные проблемы с ОКР, поэтому, скорее всего, она провела чистку людей.

— Что такое ОКР? — спросил Фоллер.

Из полуразрушенного здания выбежали три женщины. Они направлялись прямо к Фоллеру и компании. Все трое были Орхидеями.

— Оружие, — велел Укус, садясь на корточки и доставая дробовик. Фоллер, ругаясь сквозь зубы, вытащил пистолет.

— Я говорила вам, — раздался голос сзади. Фоллер повернулся. За ними стояли еще пять Орхидей с поднятым оружием. Еще полдюжины мчались к месту заварушки.

— Да вы издеваетесь, — сказал Фоллер.

— Бросьте оружие, — прозвучал голос сверху.

На крышах по обе стороны улицы стояли вооруженные Орхидеи.

Дробовик Укуса со стуком упал на асфальт. Фоллер и остальные бросили пистолеты.

Орхидеи с опаской подошли с обеих сторон, переговариваясь друг с другом.

Все они были Орхидеями. Каждая из них.

— Откуда вы? — громко спросила одна из них.

— Сверху, — показал Фоллер. — Там есть другие миры. Мы совершенно безобидны.

Орхидеи выглядели озадаченными. Они обменялись удивленными взглядами, их стало еще больше.

— Он говорит правду, — сказала Пенни. — Я тоже в это не верила…

— Их *лица*, — сказала одна из Орхидей.

Фоллер понял, что они никогда не видели человека, не похожего на них.

— У вас есть еда? — спросила одна из Орхидей, выглядевшая самой откормленной.

— Немного, — ответил Укус Змеи. — Мы надеялись купить у вас еды и воды. У вас есть та, кто разбирается в ранах? У моего друга тяжелая рана на плече.

Фоллер не был уверен, что его рану можно назвать тяжелой. За прошедший день она по большей части только пульсировала.

— Снимайте ваши рюкзаки, — сказала Орхи-

дея.

Не сводя глаз с Укуса Змеи, она собрала все рюкзаки и передала их своим сестрам.

* * *

«По крайней мере, это не тюрьма. Уже хорошо», — подумал Фоллер, разглядывая лепнину на запертой снаружи двери.

— Я пытаюсь понять, как это произошло, — сказала Пенни Мелиссе, отбрасывая с глаз идеально прямую челку. — Ты просто вошла в машину, а из нее посыпались твои копии? Зачем ты это сделала?

— Давай не будем, хорошо? Я не хочу об этом говорить.

Пенни приложила руку к уху.

— Извини, можешь это повторить? — Она пристально посмотрела на Мелиссу. — На этот раз с чуть меньшей враждебностью.

— Извини, — пробормотала Мелисса. — Я немного взволнована.

— В нашем полку прибыло, — огрызнулась Пенни. Она отошла в угол и, скрестив ноги, села лицом к стене в позе полулотоса.

— Что ты делаешь? — спросил Фоллер.

— Медитирую. — Она сделала глубокий вдох и

выдох. — Меня это успокаивает.

Фоллер покачал головой и отвернулся. Чем больше он узнавал Пенни, тем более странной она казалась.

В замке загремел ключ, дверь распахнулась.

— Идем, — сказала одна из четырех Орхидей.

Они двигались от центра города по дороге, вдоль которой тянулись одноэтажные здания, украшенные красочными вывесками. Пока они шли, Укус, прищурившись, разглядывал ведущих их Орхидей.

— Почему они все ходят с пистолетами, если здесь, кроме них, никого нет? — спросил он.

Фоллер об этом не задумывался. Если не было угроз, они должны были, наоборот, ослабить свою охрану.

— Может, они начали ходить с ними только после нашего прибытия?

— Они нас окружили через две минуты после того, как заметили. Они были на крыше с винтовками. Наверняка, чтобы добраться туда так быстро, нужно не выпускать оружие из рук.

Фоллер кивнул. На плечах Орхидей были странные пятна. У одной было желтое в форме дерева. У другой — фиолетовое, с чем-то похожим на кирпич.

— Извините. — Фоллер поймал взгляд Орхидеи, идущей слева от него. — Для чего нужны эти пятна?

Она отвела взгляд.

Другая Орхидея посмотрела через плечо и ответила:

— Так мы различаем друг друга.

Они вышли на большую стоянку, ведущую к огромному сине-белому зданию. Когда они подошли к дверям, одна из Орхидей сказала четырем другим стоять на страже снаружи.

— Пускай кто-то останется вместо меня, — запротестовала одна из них. — Я хочу послушать.

Когда Фоллера втянули внутрь, они все еще спорили о том, кому оставаться на улице.

Крыша здания в нескольких местах, куда, должно быть, попали бомбы, проломилась, но огромный пол был безупречным. Он никогда не видел такого чистого пола. Высоко на стенах большими буквами были выведены слова.

Фоллера и его спутников подвели к пяти складным стульям, установленным в середине зала, где собрались десятки Орхидей.

— Готова поспорить, что все эти стулья стоят прямо по центру пола, — пробормотала Мелисса. — Должно быть, они специально измеряли

расстояние.

Выглядело так, что они *действительно* стояли идеально по центру. Орхидея из мира Фоллера со своим счетом шагов, подергиваниями и прочим была своеобразной женщиной, но в ее поведении не было таких крайностей. Может быть, когда вокруг нет никого, кроме людей, похожих на тебя, твои особенности кажутся нормальными, поэтому нет смысла их подавлять, и они заходят слишком далеко.

Когда Фоллер и остальные сели, Орхидеи — сорок человек или около того — собрались вокруг них.

— Одно точно, — едва слышно сказал Укус Змеи. — В этом мире я своих детей не найду.

На большинство вопросов отвечала Мелисса. Казалось, среди них нет явного лидера. Большую часть вопросов задавали те, кто стоял спереди. Фоллер предположил, что они имеют более высокий статус, чем остальные. Орхидеи, маячившие сзади, были худее и выглядели более отчаявшимися.

Когда кто-то спросил, как они благополучно приземлились, если упали в их мир, Фоллер попросил достать свой рюкзак. Он показал им свой парашют и объяснил, как он работает. То тут, то

там в толпе мелькали руки нескольких Орхидей, вытаскивающие парашюты. Рассматривая их, они взволнованно переговаривались.

— Мы с радостью научим вас делать такие же, — предложил Укус Змеи. До этого момента он молчал. Без сомнения, придумывал способ вытащить их из неопределенной ситуации. У Фоллера не было четкого представления о том, могут ли эти женщины причинить им вред. Орхидеи не угрожали им, но было ясно, что они не дадут им просто так уйти.

Пять или шесть Орхидей, стоявших ближе всех, сплотились так, чтобы их никто не мог услышать. Когда они разошлись, одна хлопнула в ладоши.

— На этот раз достаточно. Если ваши обязанности не связаны с этими незнакомцами, пришло время работать, если хотите поесть.

Это определенно прозвучало как слова человека более высокого статуса. Очевидно, даже в группе людей, похожих друг на друга как две капли воды, некоторые имеют больше власти.

39

Вдали раздались звуки колоколов. Все Орхидеи, кроме тех четырех, которые отвечали за сопровождение пяти новичков, начали бурную

деятельность.

Они убежали в другие уцелевшие здания и вернулись с ведрами, ваннами, бачками, пластиковыми брезентами, которые выкладывали аккуратными рядами.

— Что происходит? — спросила Пенни у одной из Орхидей-охранников.

Глядя на ее пятно, Фоллер был уверен, что ее зовут Фиолетовый Кирпич. Очевидно, чтобы не заморачиваться, Орхидеи выбрали дюжину объектов, которые видели — кирпич, облако, дерево, птицу и прочие, — и дюжину цветов, а каждое имя было всего лишь комбинацией этих двух слов.

Фиолетовый Кирпич указала в сторону горизонта, где сгущались темные тучи, и сказала:

— Сейчас будет дождь.

Было бы разумнее просто оставить контейнеры на улице, но, очевидно, такого беспорядка Орхидеи вынести не могли.

Вторая Орхидея-охранник, Оранжевый Ботинок, подтолкнула их вперед. Фоллер предположил, что их ждет еще один допрос. Орхидеи продолжали выдумывать новые вопросы, но не испытывали угрызений совести, отвечая на них сами. Укус Змеи неоднократно и открыто спра-

шивал, могут ли их в конечном итоге отпустить или должны ли они считать себя заключенными, и, что более важно, когда их будут кормить. С последнего приема пищи прошло уже два дня, но им давали только воду.

Они проходили через другую, немного более разбомбленную часть города, которую уже расчистили и убрали. Стоявшие здесь здания были выше, чем в других местах, и более причудливыми. Они точно не были похожими на магазины, да и домами их нельзя было назвать.

Когда они проходили мимо высокого, разбитого окна первого этажа, Фоллер заметил на кроватях фигуры.

— Подождите-ка, — сказал он, подойдя ближе. — Что это?

— Центр для умирающих, — ответила Фиолетовый Кирпич.

— Центр для умирающих? — спросила Пенни, широко раскрыв глаза. — Какой еще, к черту, центр для умирающих?

— Мы можем посмотреть? — спросила Буря.

Фиолетовый Кирпич пожала плечами.

— Если хотите.

— Нет, им *нельзя*, — возразила Оранжевый Ботинок. Или, может, какая-то другая из Орхидей-

охранников. Фоллер не видел ее пятна.

— Почему нет? — спросила Фиолетовый Кирпич.

— Потому что это не их дело.

Закатив глаза, Фиолетовый Кирпич жестом пригласила их войти, не обращая внимания на Оранжевый Ботинок, которая продолжала спорить, спрашивая у Фиолетового Кирпича, кто дал ей право распоряжаться…

Кровати внутри были ровно выстроены в идеальный прямоугольник. На них лежали истощенные Орхидеи.

— Бог ты мой. — Пенни подошла к ближайшей кровати и наклонилась над лежавшей на ней изможденной женщиной. У нее резко перехватило дыхание.

— Что с ними такое? — спросила Мелисса у Орхидеи, глядя на умирающих женщин.

Женщина пожала плечами.

— Да ничего такого. Они слишком слабы, чтобы работать, поэтому умирают от голода.

— Так почему вы их *не кормите*? — спросила Буря.

Опекунша нахмурилась и посмотрела на Бурю так, словно та была слегка помешанной.

— Они не заработали и не выиграли еды, поэто-

му они ее не получают. Если бы мы раздавали еду каждому, когда ему захочется, мы бы *все* умерли с голоду.

Фоллер должен был признать, что в ее словах была логика. Как известно, там, откуда он пришел, еда доставалась тем племенам, которые могли ее добыть любым путем, будь то убийство, запугивание, воровство или союз. Нужно найти лучшие способы решать, кому жить, а кому умирать. Глядя на этих постаревших от голода женщин с их костлявыми руками и впалыми щеками, Фоллер чувствовал, будто ему вонзают в сердце нож.

— Как *нам* заработать еду? — спросила Буря.

— Не знаю, — ответила опекунша.

Буря повернулась к Фиолетовому Кирпичу и вопросительно подняла брови.

Фиолетовый Кирпич пожала плечами.

— Спросите у главных при встрече.

Среди женщин, которых уже видел Фоллер, было около десятка главных, и еще десяток пытались к ним приобщиться. Это напомнило ему о погоне за Мелиссой через зеркальный лабиринт, только это не было иллюзией.

Им нужно выбираться из этого места. Видя, как они относились друг к другу, Фоллер почти не

сомневался, что они застрелят его и его друзей или будут морить голодом, пока они не окажутся на этих кроватях. Но даже если им удастся забрать свои парашюты и добраться до края света, им нужно сначала пополнить свои запасы еды и воды.

— Нам предстоит долгая прогулка, — сказала Фиолетовый Кирпич, выводя их на улицу под мелкий дождь.

Буря поравнялась с Фоллером и сказала:

— Мне начинает не нравиться все это.

Это будет их третья встреча с интеллигенцией Орхидей с тех пор, как они прибыли.

— Мне тоже, — отозвался Фоллер.

Идущая впереди Орхидея направилась вверх по крутому лестничному пролету.

— Основываясь на том, что я знаю об Орхидее, женщине, которая… — Он спохватился. Он собирался сказать, что, кажется, знает, как устроен их ум, поскольку знаком с той настоящей Орхидеей. Но это все равно что сказать, что он понимает Бурю, глядя на Мелиссу, да и он не был уверен, что Буря по достоинству оценит это утверждение.

— Все в порядке. — Очевидно, Буря увидела, куда они идут.

Поднявшись по лестнице, они вышли на

кирпичную дорогу, проходящую между двумя широкими, идентичными трехэтажными зданиями с равномерно расположенными окнами. Здание справа было сильно повреждено, а то, что слева — нетронуто. За ними на открытом, заросшем сорняками участке расположилась дюжина подобных зданий из кирпича.

— Как ты? — спросил Фоллер у Бури. — Легче, когда снова стоишь на твердой земле и у тебя есть немного времени?

— Честно говоря, я слишком голодна и боюсь даже думать об этом.

Их вели к основанию высокого, большей частью уцелевшего здания. По сути, оно было больше похоже на башню, чем на здание, — узкое и без окон, с заостренной крышей и часами, установленными под тремя решетчатыми отверстиями у вершины.

Совет Орхидей ждал у основания.

— Мы хотим, чтобы вы нам продемонстрировали, — сказала одна из них.

— С превеликим удовольствием, — ответил Фоллер, принимая из рук одного из членов совета свой рюкзак. Башня, должно быть, была самым высоким зданием в их мире.

Внутри, как и положено, была извилистая

лестница, поднявшись по которой Фоллер почувствовал невероятную усталость в ногах. На крыше он встал на колени и приготовил парашют, дважды проверив все застежки, прежде чем сложить его в рюкзак.

Все задрали головы и смотрели, как он сделал два быстрых шага и спрыгнул с башни. Парашют открылся без проблем. Он парил над землей, наслаждаясь видом города и ясным небом за краем.

Услышав в воздухе знакомое «бах», Фоллер вздрогнул. Внизу раздавались крики убегающих людей. Большинство из них искали укрытия в башне, другие Орхидеи бросились в противоположном направлении. Внезапно падение Фоллера замедлилось. Он был идеальной мишенью, свисающей под парашютом.

Одна из Орхидей упала, пока Фоллер осматривал пространство на предмет нападавших. Он заметил двоих в окне второго этажа здания, мимо которого они проходили. С этого расстояния нельзя было сказать точно, но они были похожи на Орхидей.

Фоллер вздрагивал после каждого выстрела, ожидая ранения в любую секунду. Во дворе лежали две или три мертвые Орхидеи. Ища взглядом

своих людей, он увидел внутри основания башни Укуса Змеи и в этот момент коснулся ногами земли. Он сразу же бросился на тротуар, позволив парашюту накрыть его. Стрельба продолжалась. Он полз по кирпичам в сторону башни, надеясь, что парашют усложнит задачу стрелявшим. Однако в него никто не стрелял. Казалось, что нападавшие целились в их похитителей.

Он вдруг почувствовал, что парашют соскальзывает.

— *Быстрее.* — Это была Буря. Она завела его в башню, где подальше от двери сгрудились двадцать человек.

— *Мы не хотим, чтобы и нас застрелили,* — крикнул Укус Орхидеям возле лестницы, его челюсть ходила ходуном от гнева. — Нас приперли к стенке. Они могут сжечь нас или перестрелять одного за другим, если мы попытаемся уйти. Дайте мне мой дробовик. Я могу помочь.

Он протянул руку, наградив одну из женщин таким взглядом, которым можно было растопить камень.

Женщина толкнула в сторону Укуса его рюкзак. Припав на одно колено, он вытащил дробовик и пистолет и подошел к двери.

— Прикройте меня, — сказал он кучке Орхидей,

стоящих у двери с пистолетами, и вдруг исчез.

Послышались звуки новой стрельбы.

— Прикройте его, черт побери! — воскликнула Пенни.

Две Орхидеи уже выглядывали из-за дверного проема, стреляя в здания с обеих сторон.

Когда Укус Змеи появился за зданием слева, наступила тишина.

— Нам нужно отправить людей на крышу башни, — сказал Фоллер. — Из дверей мы не можем видеть, что творится за нами.

— Они уже поднимаются, — ответила Фиолетовый Кирпич.

Где-то снаружи раздались приглушенные выстрелы. Звук был похожим на дробовик Укуса. Фоллер осматривал подход к зданию, пытаясь отследить движения через окна, но из его положения увидеть что-то было невозможно.

— Вон там! — крикнула Фиолетовый Кирпич. Укус появился у передней части здания, впереди него под прицелом дробовика шли две невооруженные Орхидеи.

Вооруженные Орхидеи высыпались из башни и помчались к троице.

— Заберите у него оружие, — крикнул кто-то за спиной Фоллера.

Несколько женщин взяли под свой контроль пленных, другие навели свои пистолеты на Укуса Змеи.

— Брось дробовик.

— Вы издеваетесь, да?

Они подняли оружие повыше.

— Положи его на землю.

Укус с отвращением отбросил дробовик в сторону стоявшей ближе всех женщины: она приподняла ногу, чтобы тот не свалился на нее.

— Пожалуйста. В здании есть еще два тела. Уверен, вы захотите от них избавиться и отдраить кровь с пола.

— Не понимаю, — сказал Фоллер, — почему они в вас стреляют?

Казалось, никто не собирался отвечать.

— Это мятежники, — наконец сказала Фиолетовый Кирпич. Одна из других Орхидей посмотрела на нее. Фиолетовый Кирпич бросила ответный взгляд, указывая на Укуса. — Он только что рисковал своей жизнью, пока мы стояли, поджав хвосты. Я думаю, они имеют право знать.

Она повернулась к Фоллеру.

— Группа, которая была недовольна текущим положением, предприняла попытку переворота. Когда у них ничего не получилось, они сбежали.

Это объясняло, почему каждая из них носила пистолет.

— Пойдем, — сказала Оранжевый Ботинок. — Утром мы наденем им петлю на шею.

На какой-то миг Фоллер подумал, что она имела в виду шею его и его друзей, но потом понял, что речь идет о мятежниках. Но он подозревал, что их очередь не за горами.

XXI

Гарри подтолкнул коробку с пончиками «Данкин» к Питеру. Тот взял шоколадный, передал коробку Кэтлин и, прищурившись от яркого света камеры, сказал:

— Кэтлин, покажи мне текст шпаргалки.

— Интервью будет длинным? — спросил Роберто Санчес. Питер все не мог перестать удивляться, что Роберто Санчес лично прилетел, чтобы взять это интервью. Вероятно, благодаря способности Кэтлин убеждать.

Кэтлин проглотила пончик.

— Не волнуйтесь. Менее пяти минут, а затем вы можете спросить о любых последующих действиях.

Питер посмотрел на Мелиссу, которая сидела сбоку, положив руки на колени. Тот факт, что

Кэтлин и Мелисса были здесь, грел его, словно солнечный луч. Он этого не осознавал, но из-за безостановочной напряженной работы в лаборатории Питер каждый день видел одни и те же лица. Наличие кого-то нового, присоединившегося к ним, дало ему свежий глоток воздуха, а то, что одной из этих людей была Мелисса, и вовсе было похоже на чудо.

Санчес занял позицию, оператор, поглядывая на него, начал отсчет. После краткого введения Санчес передал слово Питеру. Тот начал читать заявление со шпаргалки.

Это был риск. Они не отказывались от этого «нового, революционного, безграничного источника энергии», который вскоре будет доступным для всех. Если они смогут заставить все стороны согласиться на прекращение огня или хотя бы уменьшить все возрастающую агрессию, то это интервью стоит того.

Приблизившись к концу заявления, он посмотрел на Мелиссу, которая одарила его натянутой одобрительной улыбкой.

— Мы находимся на пороге новой эры, которая сделает эту ужасную войну бессмысленной, — читал Питер. — Мы не просим ни одну из сторон пойти на уступки. Все, что мы просим, — десять

дней. Всего десять дней, чтобы доказать, что это не пустые обещания.

Санчес продолжил интервью тридцатью минутами вопросов. Он почти что обвинял Питера в государственной измене, неоднократно давил на него, чтобы тот раскрыл природу источника энергии, и напоминал зрителям, что он обвинялся в убийстве «настоящего» Питера Сэндовала. Питеру потребовалась вся его сила воли, чтобы не пожелать Санчесу подавиться своим интервью.

40

Буря с Укусом сидели в углу комнаты и тихо разговаривали. Из обрывков их разговора, которые долетали до ушей Фоллера, он понял, что они обменивались историями о Первом Дне. Точно так же часто делали он и его племя, сидя вокруг костра. Он вспомнил, как Маргаритка с очень серьезным лицом рассказывала, что очнулась в классе вместе с двадцатью другими детьми и одним взрослым мужчиной.

Боже, как он скучал по ней.

Пенни, сложив руки у живота и закрыв глаза, сидела в углу и медитировала.

Мелисса, скрестив ноги под грязным белым платьем и откинув голову назад, сидела на одной

из кроватей.

— Так какую историю ты разыгрывала в своем мире? — спросил Фоллер. — Из одного только увиденного фрагмента она показалась мне намного лучше, чем все, что я когда-либо видел в моем мире.

Вопрос удивил Мелиссу.

— Это было жалкое подобие пьесы человека по фамилии Шекспир. Когда-то я хотела стать актрисой и теперь поняла, что это мой шанс, так как никто больше не помнит ни одной пьесы, и я это делала. В мире, где память каждого человека стерта, остается только передирать Шекспира.

Несмотря на отличные матрасы, которые принесли им Орхидеи, все они проснулись до рассвета, вероятно, от того, что были голодны.

— Мелисса? — сказал Укус Змеи. — Ты не знала меня до случившегося?

Мелисса сочувственно посмотрела на него.

— Извини. В те времена мир был огромным.

Укус пожал плечами.

— Просто любопытно. Я не уверен, что есть разница, кем мы были в том мире.

— Учитывая твои шрамы и боеспособность, нет никаких сомнений в том, кем был *ты*. Ты был солдатом. Вероятно, в спецназе.

— Ты, несомненно, был еще и шеф-поваром, — добавил Фоллер. — Я никогда не забуду ту овсянку с тушеной ветчиной, которую ты приготовил для нас в квартире Пенни.

Укус улыбнулся.

— Готов поспорить, вы и сейчас не прочь ее отведать.

— Погоди-ка, — сказала Мелисса. — Укус, ты ведь находил в кармане кошелек после того, как тебе стерли память? Он поможет нам что-то выяснить.

Укус порылся в рюкзаке, вытащил потертый черный кошелек и бросил его Мелиссе. Она достала ламинированную карточку и внимательно ее рассмотрела.

— Ты жил в Бетесде, штат Мэриленд. Это был большой военный город. Вероятно, твои дети там.

Порывшись в центральном отделении кармана, она вытащила еще несколько карт и сложенный кусочек желтой бумаги.

— А, вот и оно. — Она разгладила бумагу на кровати. — Тебя зовут Роберт Харджо. Ты был в отпуске, навещал свою умирающую мать.

Мелисса оторвала взгляд от бумаги.

— Ставлю что угодно на то, что ты был в этом

городе. Там жила твоя мама.

Во взгляде Укуса загорелся явный интерес.

— Бетесда, штат Мэриленд. Для начала неплохо. Спасибо.

Он повернулся к Пенни.

— Пенни? А как насчет тебя? У тебя было что-то в карманах в Первый День? Мелисса могла бы прочитать.

Пенни отрицательно покачала головой.

— На мне было платье. Без карманов.

Замки на двери открылись. Группа Орхидей жестом указала им выходить. Их привели в место, которое явно когда-то было богато украшенным помещением: пересохший фонтан снаружи и бордовое ковровое покрытие на полу в здании. От дома остались лишь обломки двух стен, от крыши — одна голая балка. В необычайно чистом и пустом пространстве стояли несколько покореженных колес, столов и красочных квадратных машин.

«Казино», — сказал внутренний голос Фоллера.

С балки свисали две веревки с уже сделанными петлями. Увидев их, одна из заключенных закричала и начала вырываться. Другая просто смотрела.

Заключенных подвели к одному из столов, где

внутри чаши лежало колесо. Сто других Орхидей окружили их, пытаясь увидеть, что происходит.

— Рулетка, — сказал Укус, ни к кому конкретно не обращаясь. Это предположение подтвердил внутренний голос Фоллера.

Орхидея, которую, должно быть, звали Черной Птицей (если судить по пятну), указала на заключенную слева от нее, спокойную.

— Какое число?

— Двадцать восемь, — дрожащим голосом ответила она.

Черная Птица указала на другую заключенную, которая только покачала головой.

— Это, по крайне мере, шанс, — сказала Черная Птица. — Хочешь не иметь шанса вообще?

— Я не могу выбирать. — Женщина настолько была запугана, что едва могла говорить. — Не могу.

— Хорошо, — сказала Черная Птица. — Я выберу вместо тебя. Твое число — ноль.

Раскрутив колесо, она пустила вдоль стенки чаши стальной шарик, запрыгавший в противоположном направлении.

Все безмолвно и завороженно смотрели. Шарик замедлился, упал на колесо и, немного попрыгав, остановился в отверстии с номером 3. В двух

ячейках от нуля.

Все сразу начали переговариваться.

— Ну что ж. — Черная Птица пыталась перекричать толпу. — Не повезло.

Она махнула в сторону самодельной виселицы.

— Повесьте их.

Упрямую заключенную пришлось тащить к петле трем Орхидеям, другая шла по своей воле.

Петли затянулись вокруг их тонких шей. Без слов или ритуалов две группы Орхидей подняли ненатянутые концы каждой веревки и отошли от виселицы.

Заключенных резко подняло в воздух. Они отчаянно мотали ногами, пока не оказались метрах в пяти над полом казино. Веревки привязали к медной трубе, тянущейся вдоль стойки.

Женщины перестали размахивать кулаками. Они повисли с выпученными глазами, мягко раскачиваясь в петлях. Все спутники Фоллера отводили взгляд от происходящего, даже Укус Змеи. Фоллер вдруг почувствовал, что ему стыдно за то, что он смотрит, хотя он и не испытывал от зрелища никакого удовольствия. Он тоже отвернулся.

Было безумием наблюдать, как эти точные копии женщины, живущей на другой стороне неба,

сражались друг с другом до смерти ни за что.

Фоллер посмотрел на мертвых женщин. Они висели под странным углом к полу, словно их тянула какая-то невидимая сила.

Другие, казалось, тоже это заметили. В толпе поднялся гул.

Фоллер покачнулся. Он не мог стоять ровно, ему определенно стало плохо.

— Что происходит? — спросила Буря. — Вы это видите? Их как будто *тянут*.

Стоявшая справа от Фоллера Пенни схватилась за руку Укуса, словно пытаясь удержаться на ногах. Разве до этого повешенные женщины висели под таким острым углом? Возможно, это было его воображение, но казалось, что это так.

Фоллер посмотрел влево и ощутил странное: *земля, казалось, исчезла*. Словно не женщины висели под углом, а сама земля.

— Фоллер, Укус Змеи, — сказала Черная Птица. — Выбирайте числа.

Фоллер похолодел. Страх пронзил его, как лезвие ножа.

— Мы ведь ничего не сделали.

Черная Птица пожала плечами.

— Вы представляете риск. Вам нельзя доверять. Выбирайте число.

Стоявшая рядом Орхидея прижала пистолет к его виску. Он слышал, как его друзья пытаются протестовать.

— Выбирай число, Фоллер. — Черная Птица оглянулась, как бы впервые заметив легкий наклон земли.

Дуло пистолета сильнее впилось ему в висок. Он посмотрел на стол, на мертвых женщин за спиной, висящих под тревожно острым углом, и сказал:

— Двадцать восемь.

— Укус? — сказала Черная Птица.

— Идите все к чертям собачьим, — ответил Укус своим обычным недружелюбным тоном.

— Прекрасно, — отрезала Черная Птица. — Число Фоллера — двадцать восемь, Укуса — идите все к чертям собачьим.

Она раскрутила колесо и выпустила шарик.

Подпрыгнув, он остановился на тройке. В трех ячейках от 28.

— Не повезло, — сказала Черная Птица, перекрикивая гул толпы.

Стальной шарик на рулетке вдруг выпрыгнул из своего места, перепрыгнул номера 35 и 12 и остановился на ячейке 28.

Одна из Орхидей в толпе крикнула:

— Что происходит?

Теперь не осталось никаких сомнений: половина дома накренилась. Толпа не находилась перпендикулярно к полу, всех клонило к виселице.

— Кто-нибудь понимает, что происходит? — пробасил Укус. — Мелисса?

— Нет.

Все перевернулось с ног на голову. Было ли это хуже, чем минуту назад? Орхидеи, шатаясь, беспорядочно метались из стороны в сторону, пытаясь хоть что-то понять. Три Орхидеи, держась за руки, поспешили прочь, быстро о чем-то перешептываясь.

По улице прокатилась тачка с кирпичами. Никто ее не толкал. Она ударилась о бордюр и опрокинулась, рассыпав кирпичи.

Проносились пугающие то ли стоны, то ли визги. Повешенные женщины выглядели так, будто сейчас взлетят.

— Мы должны уходить отсюда, — сказал Укус Змеи. — Найдите наши рюкзаки, пока все заняты.

На улице с ревом рухнуло здание. В воздухе поднялось облако пыли и обломков кирпичей. Вдалеке Фоллер услышал новый грохот. Если мир

в ближайшие минуты не перестанет клониться, все здания разрушатся.

Орхидеи беспорядочно кидались во все стороны. Фоллер схватил за руку пробегающую мимо Орхидею, которая выкрикивала указания и выглядела солидной.

— Где наши рюкзаки? — спросил он.

Она попыталась выдернуть руку, но ей не удалось. Когда она потянулась за пистолетом, Буря выхватила его и приставила к ее голове.

Орхидея закричала, зовя на помощь. В одно мгновение на Бурю и Укуса было наведено десяток пистолетов. Буря опустила оружие, Укус выпустил руку Орхидеи.

— Отведите их обратно в камеру. — Фоллер посмотрел на пятно — это была Желтое Дерево.

В нескольких кварталах от них рухнуло еще одно здание.

Одна из Орхидей, держащая Укуса под прицелом, отошла, опустила пистолет и поспешила прочь. Увидев это, остальные ринулись за ней. Через минуту в них уже никто не целился: Орхидеи быстро выбегали из казино.

— Боже мой, — сказала Мелисса. — Они нашли карту, теперь у Уго есть сингулярность. Все это его рук дело.

— Какое дело? — спросил Фоллер. — Это он наклоняет весь мир?

— Да.

Фоллер скрестил руки.

— Весь мир наклоняется из-за *нас*?

— Из-за тебя. Если он нашел карту и сингулярность, ты ему больше не нужен. Он хочет, чтобы ты умер, даже зная, что твоя память стерта. Я просто не понимаю, как он узнал, где мы находимся.

— Почему бы нам не разделиться и не поискать рюкзаки? — предложила Буря.

Единственными местами, приходившими им в голову, были здания на улице, в которых, по-видимому, проживала большая часть Орхидей, и большой магазин, где они проводили первое заседание.

— Мы проверим магазин, — сказала Мелисса, беря за руку Бурю и увлекая ее за собой. — Вы трое проверьте дома.

Бросив на Фоллера непроницаемый взгляд, Буря пошла за Мелиссой.

Группа Фоллера отправилась на улицу к домам.

— Кто-нибудь знает, куда идти? — В течение последних нескольких дней, когда их водили туда-сюда, Фоллер не уделял много внимания

указателям.

— Сюда, — сказала Пенни. — Они живут на Лексингтон-стрит.

Фоллер не помнил никого, кто бы называл улицу «Лексингтон», но последовал за Пенни, так как она выглядела вполне уверенной в своих действиях.

К счастью, идти нужно было вниз. Фоллер чувствовал боль во всем теле, но игнорировал ее, пытаясь не отставать от Пенни и Укуса Змеи. Это было странное ощущение — бежать по улицам, которые все были настолько одинаково наклонены. Дважды Пенни шла в обход, чтобы не попасть под обвал. Вскоре Фоллер узрел знакомый фасад кинотеатра, который они проходили, когда только приземлились.

Орхидеи, кричащие друг другу направления, носились из стороны в сторону, их глаза были широко открыты, полны страха и растерянности. Земля уже сильно накренилась: улица выглядела как крутой холм. Пока еще стоявшие здания слева клонились к Фоллеру, угрожая рассыпаться и рухнуть прямо на него.

— Пусть каждый возьмет по зданию, — сказал Укус. — Я не знаю, лежат ли они в шкафу или просто валяются на полу.

Он вытер пот со лба.

— Мне кажется, это бесполезно, — произнес Фоллер. — Как мы их найдем, когда даже не знаем, в каком здании искать?

Укус огляделся и заметил выходящую из дома Орхидею.

— Эй, извините меня! — крикнул он. Он нагнал ее и пошел следом за ней. Если она вооружена, то пистолет был спрятан. Или она забыла его, спешно выбираясь из здания.

Фоллер посмотрел на ряд из семи или восьми неповрежденных зданий. Ему претила сама мысль о том, что в них нужно войти.

— Это просто безумие, — сказала Пенни. — Что, если мир продолжит наклоняться? Все обрушится прямо на нас.

Внимание Фоллера привлекло движение. Внизу на улице рушился театр. Он падал беззвучно, пока не стал врезаться в здание рядом с ним. После удара оно посыпалось, как домино. Во все стороны полетели доски и куски бетона. Обломки рухнули на крыши разбомбленных магазинов, которые располагались за обвалившимся театром.

Укус неуклюже побежал к ним.

— Рюкзаки должны быть в этих двух! — вос-

кликнул он, указывая на два многоквартирных дома в конце ряда.

Крайний дом начал отделяться от стоявшего позади.

— Осторожно! — крикнул Укус Орхидее, спешащей по тротуару вдоль здания. Было слишком поздно. Она успела только посмотреть вверх и поднять руки — здание обрушилось на нее. Фоллер не мог не представить себе лицо Бури. Он хотел верить, что Мелисса их не разлучила.

— Черт. Вот черт. Мы должны выбираться отсюда, — сказала Пенни.

Они услышали внезапное *крак.* Растущее вдоль дороги дерево с грохотом упало на фургон, его верхние ветки накрыли припаркованный на улице грузовик.

— Мы должны найти укрытие. — Укус огляделся по сторонам. — Что-то твердое, что защитит нас от падающих предметов.

Фоллер тоже огляделся. Ни одно место не выглядело безопасным. Повсюду возникали трещины, улицы наполнял грохот рушащихся зданий, перемешанный с криками. Ниже находился квартал, где почти не осталось зданий, а только ряд убранных Орхидеями фундаментов. Со своего места Фоллер увидел фундамент, где когда-то

был подвал.

— Там внизу, — указал он. — В тот подвал.

— Я вижу, — сказала Пенни. — Побежали.

Бежать изо всех сил больше не представлялось возможным — наклон был слишком крутым. Полубегом, полупрыжками они добрались до бетонного подвала около пяти метров в глубину, абсолютно пустого благодаря брезгливости Орхидей. Вниз вели бетонные ступеньки. Фоллер почувствовал себя лучше — безопаснее, — как только встал на этот пол.

Их внимание привлек звук обвала. Прицеп, трейлер и все, что в нем было, летело на них с холма.

— Осторожно, — крикнул Фоллер, но его слова утонули в оглушительном грохоте надвигающейся на них груды стали.

Фоллер резко присел.

Стальной трейлер остановился в метре над его головой.

— Все целы? — раздался неподалеку голос Укуса.

Пенни крикнула, что с ней все в порядке. Фоллер пополз к высокой стене подвала, по мере движения понемногу приходя в себя. Один конец трейлера врезался в дальнюю стену подвала;

другой оставался наверху.

Пенни выбралась на свободное пространство и подняла глаза.

— Отлично.

Они прислонились спиной к стене и ждали. Они не знали, как избежать того, чтобы их раздавило. Фундамент настолько сильно накренился, что, когда Фоллер прислонил ноги к бетону, его колени находились на одном уровне с бедрами.

В полуприцеп что-то врезалось. Фоллер отпрыгнул от посыпавшихся с каждой стороны бетонных обломков. Он надеялся, что Буря была в безопасности, что, возможно, ждала их на краю света, готовая прыгнуть. Он должен был признать, что этот сценарий маловероятен. Если мир так и не остановится, он не мог представить, как они выберутся отсюда без своих парашютов.

Крик вернул его в настоящее. Уклонившись, Фоллер пополз под трейлером, Укус и Пенни следовали за ним. Лестницу засыпало щебнем, но ему удалось забраться на бок полуразваленного прицепа и спрыгнуть на землю.

На улице лежали три Орхидеи. Двое были неподвижными, третья пыталась двигаться, отталкиваясь руками, но, похоже, ноги ее были сломаны или чем-то придавлены. Четвертая еще

стояла на ногах, цепляясь за фонарный столб. Теперь угол был настолько острым, что, если бы она споткнулась и упала, ее бы несло вниз по улице, пока она во что-нибудь не врезалась.

Выше по улице упало дерево, открыв путь летящему в их сторону желтому школьному автобусу. Он опрокинулся, рикошетом отскочил от остатков магазина, и теперь его несло прямо на Орхидею. Увидев, что он приближается, она опустилась на четвереньки и бросилась в сторону, пытаясь увернуться.

— Сюда! — воскликнул Фоллер. Орхидея метнулась к ним. Она словно бежала по стене и по инерции могла бы свалиться прямо в засыпанный щебнем подвал. Но Пенни и Укус подхватили ее с обеих сторон, когда она проносилась мимо.

Пока они вели ее в свое укрытие, Фоллер в последний раз осмотрелся, надеясь обнаружить других выживших, желая, чтобы в этот момент из-за угла здания появились Буря и Мелисса. Сверху сходила лавина строительных обломков. Это было ужасное и приводящее в трепет зрелище.

Фоллер прыгнул на прицеп, а оттуда на половину подвала и нырнул под трейлер. Мир не остановится, понял он. И если это была работа Уго Вулкоффа, то он недооценил, какую нена-

висть мог посеять в сердце другого человека. Неужели это действительно из-за него? Трудно было поверить. Он *не мог* поверить. Мелисса почему-то хотела, чтобы Фоллер отправился в могилу, полагая, что он несет ответственность за все смерти в мире, но этого не будет. Никто не может опрокинуть мир, просто чтобы убить его.

— Я скоро вернусь, — сказал Укус Змеи, исчезая под трейлером.

Через мгновение он вернулся с ремнями безопасности, срезанными в кабине грузовика. Ножом, который он, должно быть, привязал к себе, Укус отрезал пряжку ремня безопасности, пропустил его под трубой, идущей вдоль основания стены, и обмотал вокруг Орхидеи. Проделав такую же процедуру с каждым, он прикрепил их всех к стене.

Оставалось только ждать и надеяться, что мир перестанет крениться.

Фоллер посмотрел на своих спутников. Пенни ухватилась за Укуса.

— Прости, Пенни, — сказал Фоллер. — Мне жаль, что я втянул тебя в этот хаос.

— Нет, я сама себя втянула. — На ее глазах выступили слезы. — Я не должна была в это вмешиваться.

— Вмешиваться во что?

Пенни покачала головой.

— Теперь это не имеет значения. — Она подняла глаза на их низкую стальную крышу. — Он знает, что я здесь. Ему все равно.

Фоллер нахмурился, пытаясь понять, о чем она.

— Кому все равно?

Пенни зарылась лицом в плечо Укуса. Он обнял ее.

Фоллер вдруг понял, насколько он привязался к Укусу. Он поднял руку, и Укус, увидев его жест, ответил тем же.

Стена теперь была больше похожа на потолок, а пол на стену. Снаружи шум падающих предметов усилился настолько, что казалось, будто идет дождь из кирпичей, деревьев, машин и людей.

Ремень безопасности вокруг талии Фоллера натянулся, когда тот припал к полу, насколько мог. Трейлер застонал.

Машину неведомой силой подняло и выбросило из подвала. Сталь и тени внезапно сменило ярко-голубое небо.

Орхидея нерешительно повернулась к Фоллеру и обняла его. Может, из-за того, что видела, как Укус обнимал Пенни, или просто сработал

инстинкт самосохранения. Фоллер обнял ее за плечо.

Они протянули ноги к стене. Сверху посыпались обломки стали, дерева и камня, которые падали прямо в дальний конец подвала. Большая часть их попадала в гору мусора у дальней стены и отскакивала назад.

Если бы не ремни, они бы опрокинулись вместе со стеной этого мира и со всем остальным, что в нем было.

— Что происходит? — спросила Орхидея. — Кто-нибудь из вас понимает?

— Не совсем, — сказал Фоллер. — Наша подруга думала, что твой мир перевернул злой ученый, пытающийся убить нас, но я думаю, это маловероятно.

Он думал о Мелиссе и про себя проклинал ее за то, что она потащила за собой Бурю. Он хотел попрощаться с ней, сказать, что любит ее, что ему все равно, что она чья-то копия.

Они вдруг поняли, что свисают с ремней: под их ногами простиралось небо.

Неподалеку еще одна Орхидея сорвалась с того, за что она цеплялась, и с криком полетела вниз. Другие люди тоже падали вперемешку с грузовиками, деревьями и обломками. Фоллеру пришло

в голову, что Буря, вероятно, где-то там, внизу. Если бы он прыгнул головой вперед, прижав руки к бокам, он, возможно, поймал бы ее и они могли бы, по крайней мере, умереть вместе.

— Я собираюсь прыгать. — Теперь, обдумав это, он чувствовал, что Буря отдаляется от него с каждым моментом.

Пенни посмотрела на Укуса Змеи. Он кивнул.

— Ты, должно быть, шутишь, — сказала Орхидея, глядя на бесконечное небо внизу.

— Ты можешь пойти с нами, — сказал Фоллер.

— Я не понимаю. Зачем тебе это делать? Мир, возможно, и сам выровняется. Если ты прыгнешь, последняя надежда умрет.

— Даже если это произойдет, — мягко сказал Фоллер, — то здесь ничего не останется. Мы все умрем от голода.

Орхидея схватила его за плечо.

— Пожалуйста, не оставляйте меня здесь одну.

Фоллер протянул руку и коснулся пальцами ее щеки.

— Прости. Пойдем с нами.

Он кивнул Укусу, который прижал нож к ремню безопасности над головой Фоллера и одним быстрым движением его разрезал.

В небе под ногами пролетали обломки зданий,

транспорта, скал и извивающихся, кричащих Орхидей. Некоторые все еще цеплялись за отломанные части своего мира.

Перекрутившись несколько раз, Фоллер выровнялся и теперь летел головой вниз, прижав руки к бокам и стараясь ускорить падение. Буря была где-то там, внизу.

41

Когда стало ясно, что два пятнышка, которые он отслеживал, не просто мушки в его глазах, у Фоллера екнуло сердце. Их было двое, два крошечных, похожих на букву X силуэта в безоблачном голубом небе. Это могли быть Орхидеи, но Фоллер был уверен, что это не так. Это были Мелиссы с расставленными руками и ногами, пытающиеся замедлить падение в надежде, что Фоллер и остальные их догонят. Развернувшись, Фоллер отыскал взглядом падающих бок о бок Укуса и Пенни и решительно махнул рукой.

Укус показал ему два поднятых больших пальца.

Фоллер вернулся в положение головой вниз и начал сокращать расстояние.

Когда он приблизился, его сердце начало биться медленно и тяжело. Обе женщины что-то сжи-

мали в руках. Он решил не питать напрасных надежд: это могла быть еда или вода. И это не имеет особого смысла — они все равно умрут. Но предметы в их руках были похожими на рюкзаки. Фоллер прищуренно вгляделся, борясь с ветром, из-за которого ничего не было видно.

Предметы были черными, на них были лямки. Он еще немного приблизился, желая увидеть, что это на самом деле, и боясь, что это не то, чего он ожидал.

Буря подняла на него взгляд. За ее спиной висел рюкзак, еще два она сжимала в руках.

* * *

Фоллер держал Бурю за руку, ее длинные волосы хлестали его по лицу.

— Если и это не доказывает, что мы должны быть вместе, — крикнул он, — то я не знаю, что еще должно произойти.

Под ними за кучей летящих обломков Фоллер заметил серебристо-серый объект, который становился все больше и больше по мере их падения. Фоллер прищурился, пытаясь разглядеть, что это.

— Посмотри на это, — указал он. Теперь объект стал четче. Он был похож на крест или птицу,

но больше.

— Самолет! — крикнула Буря. — Боже мой, он *летит.*

Они замахали руками, чтобы привлечь внимание других, и указали им на объект. Теперь он был ближе. Пока они падали ему навстречу, самолет не изменил своего положения. Неужели там летят те люди, которые перевернули мир Орхидей? Летят, чтобы их добить? Если они умеют управлять самолетом, должно быть, их возможности огромны. Наверное, Мелисса была права. За всем этим действительно стоял Уго Вулкофф.

Укус, двигающийся в сторону Фоллера, размахивал руками и что-то кричал. Напрягая слух, Фоллеру удалось расслышать:

— *Разделяйтесь.* Как можно дальше.

Ну, разумеется. Сбившиеся в одну кучу, они были легкой мишенью. Фоллер развел руки и ноги и отделился от Бури.

Самолет приближался, направляясь прямо к нему. Огромная машина, мчащаяся с помощью собственного двигателя, представляла собой потрясающее и ужасающее зрелище. Она напомнила Фоллеру о его сне, где самолет разбрасывал бомбы.

Над головой падал зеленый автомобиль. Фоллер

станет более трудной мишенью, если спрячется за ним. Борясь с неистовым ветром, он позволил машине себя накрыть.

Расположившись под углом к ней, Фоллер опустил руки, чтобы попытаться совпасть с ее скоростью. Потянувшись, он ухватился за бампер одной рукой. Самолет был уже настолько близко, что сквозь завывания ветра он мог расслышать гул его моторов. Фоллер вытянулся вдоль днища машины, отделив себя от самолета. «*Истребителя*», — шепнул его внутренний голос. Не самолета, а *истребителя.*

Ему пришло в голову, что было бы гораздо лучше, если бы он смог забраться *внутрь* машины. Для истребителя «Харриер» он тогда станет не такой легкой мишенью. Зацепившись ногой за стальной стержень, присоединенный к одному из колес, он потянулся и схватился за ручку задней двери, которая была прямо перед ним. Держась за нее обеими руками, он освободил ногу. Его тут же перевернуло ногами вверх. Задыхаясь от напряжения, он уперся ногами в бок машины и, борясь с силой ветра, распахнул дверь и ногами вперед протиснулся вовнутрь. Пока он втаскивал себя на заднее сиденье, дверь ударяла его по лодыжкам, коленям и бедрам.

Задыхаясь, он схватил ремень безопасности и потянулся к центру сиденья. Гул двигателя «Харриера» был оглушительным. Вытаскивая из рюкзака пистолет, Фоллер посмотрел в боковое окно.

Истребитель поднялся, закрыв собой боковые окна автомобиля, и повернулся, обнажая открытый боковой люк, где сидевшие на корточках два его дубликата подняли огромные черные винтовки.

Фоллер упал на пол, и в этот момент грянули выстрелы. Лобовое стекло и окно со стороны водителя посыпались от пуль.

Стрельба прекратилась. Фоллер вскочил и прицелился в разбитое лобовое стекло.

Оба стрелка исчезли из виду.

Фоллер ждал, держа на прицеле открытый люк и не отрывая палец от спускового крючка. И машина, где сидел Фоллер, и истребитель раскачивались и дребезжали, из-за чего было трудно прицелиться точнее.

Под истребителем появился расставивший, подобно орлу, руки Укус Змеи. Он ждал, пока тот к нему приблизится. Когда Укус схватился за низ передней части самолета и повис над ним, Фоллер облегченно вздохнул.

Держа на прицеле открытый люк, Фоллер увидел, как Укус набросил что-то (ремень безопасности с грузовика, как он понял) на переднюю часть «Харриера» и, обмотав свободный конец вокруг своей лодыжки, крепко затянул его и отпустил.

Ветром его подбросило вверх, так что теперь он смотрел прямо сквозь переднее лобовое стекло «Харриера». Укус поднял пистолет и открыл огонь в упор, хладнокровно нанося выстрел за выстрелом. Лобовое стекло треснуло.

Внимание Фоллера привлекло движение в дверях. Один из стрелков, цепляясь за что-то внутри истребителя, высунулся наружу и направил свою винтовку на Укуса.

— Осторожно, — крикнул Фоллер, стреляя в своего двойника. Тот не заставил себя ждать и ответил тем же.

Укус был отброшен назад силой выстрелов.

Стрелок нырнул обратно в салон самолета. Фоллер закричал, перелез через сиденье и протолкнулся через лобовое стекло автомобиля.

Истекающий кровью, Укус поднял пистолет и выстрелил. Фонарь кабины рассыпался. Укус сделал еще три выстрела.

Истребитель вышел из-под контроля.

Фоллер скользнул к нему, вытянув руки. Укуса,

все еще привязанного к носу «Харриера», метало из стороны в сторону.

В дверях появились двойники Фоллера. Один оттолкнулся и спрыгнул с истребителя. Получив удар ветра в спину, он, не привыкший к падению, замахал руками, пытаясь выровняться. Фоллер схватил пистолет обеими руками и трижды выстрелил, но из-за ветра прицелиться было невозможно.

С истребителя спрыгнул второй двойник. Хвост накренившегося истребителя развернулся и ударил его прямо в лицо. Фоллеру хватило одного взгляда, чтобы понять, что тот мертв.

В двадцати метрах от себя он увидел первого клона, который наконец приспособился и падал вниз головой. Направив себя в его сторону, Фоллер поднял пистолет и попытался прицелиться, в то время как его клон направил на него винтовку.

Дуло винтовки дернулось вверх — его двойника закрутило в воздухе. Приближаясь к нему, Фоллер еще четыре раза промахнулся, и в этот момент клон переместился и снова поднял винтовку.

В глаза Фоллера что-то брызнуло. Плечо через миг пронзило острой вспышкой боли, и Фоллер понял, что это была кровь. Задыхаясь от боли, он

вытер глаза здоровой рукой.

Его двойник изо всех сил пытался занять позицию для нового выстрела. Он так пристально смотрел на Фоллера, что не заметил под собой быстро приближавшуюся к нему Бурю. Она падала лицом вверх, расставив руки и ноги. Оказавшись в десятке метров от двойника, она подняла пистолет и выстрелила.

Она продолжала стрелять, пока не врезалась прямо в него. К тому времени он был мертв, его кровь струйками брызгала вверх.

Осторожно, чтобы избежать столкновения с вращающимся хвостом неуправляемого истребителя, они направились в сторону раскачивающегося на ветру Укуса Змеи.

Фоллер обнял Укуса сзади. Увидев его глаза — открытые и невидящие, — Фоллер прижался лицом к спине Укуса, закричал и заплакал на большом плече своего друга.

К затылку Фоллера прикоснулись чьи-то пальцы. Он поднял голову и, не обращая внимания на боль в плече, потянулся и обнял одной рукой Бурю, которая цеплялась за ремень безопасности, привязанный Укусом к истребителю.

— Его больше нет, — сказал Фоллер.

Буря прижалась лицом к Фоллеру: они все еще

так и держались за Укуса.

— Я просто хочу продолжать падать, — сказал Фоллер. — Я больше не хочу приземляться.

Буря кивнула и, подняв голову, уставилась на плечо Фоллера. Ее покрасневшие глаза расширились.

— Это твоя кровь? Ты ранен? — Она огляделась: Мелиссы и Пенни нигде не было видно. — Тебе нужна помощь, мы должны остановить кровотечение.

Она дотянулась до места, где ремень безопасности был привязан к истребителю, и попыталась его оторвать.

— На его левой ноге, — сказал Фоллер. — Там есть нож.

Напрягшись, Буря закатила штанину Укуса, нашла охотничий нож и разрезала ремень. Вместе с телом Укуса они оттолкнулись от носа истребителя и отдалились от него.

— *Фоллер*? — крик Бури, казалось, прозвучал откуда-то издалека. Он открыл глаза и, поняв, что потерял сознание, крепко ухватился за ворот костюма Укуса и подтянул его ближе к себе.

— Мы должны его отпустить, — сказала Буря.

— Расстегни его рюкзак, — произнес Фоллер, прижимая раненую руку к телу.

Буря приоткрыла рюкзак. Обхватив Укуса ногами, Фоллер начал рыться внутри и, нащупав пальцами фотографии, засунутые во внутренний карман, переложил их к себе, к той фотографии, на которой были он и Мелисса.

— Я найду их. — Он запнулся, чувствуя, как брызнувшие из глаз слезы катятся по щекам. — Я обещаю, что найду. И когда я это сделаю, то позабочусь о них. Как о своих собственных.

— Мы оба позаботимся, — сказала Буря.

Они сняли рюкзак Укуса и отпустили его.

XXII

— Доктор Сэндовал? — Под аркой между заводским цехом и главным проходом стояла Паула Танкерсли, начальник его службы безопасности. — К вам посетитель. Мы задержали его на улице.

— Кто это? — спросил Питер.

— Он не сказал. Большой парень лет сорока. Говорит с акцентом.

Питер увидел, что за дверью лаборатории спиной к нему стоит Уго. Засунув руки в карманы, он разговаривал с двумя охранниками. Его панамскую шляпу сменил щегольской бордовый берет Вооруженных сил США. Образ дополняла черно-

зеленая военная форма. Когда дверь открылась, Уго повернулся.

— Есть лица, которые я не ожидал увидеть снова, — сказал Питер.

— Это не дружеский визит. Когда на карту поставлено так много жизней, мы не всегда можем выбирать, с кем говорить.

— Не могу с этим поспорить. — В голове Питера кружились мысли, он пытался понять, что могло понадобиться Уго. Конечно, это связано с их обращением о прекращении огня. Они реагировали быстро: интервью транслировалось на канале MSNBC всего два часа назад.

— Прогуляемся?

Питер пожал плечами.

— Свежий воздух мне не помешает. — Он повернулся к Пауле. — Все в порядке.

— Впечатляющая обстановка, — сказал Уго, медленно кивая и заложив руки за спину, пока они гуляли. — У тебя своя маленькая армия.

— А у тебя большая.

Уго рассмеялся.

— Я только *част*ь большой армии. Меня прислало начальство. Они заметили твое появление на телевидении.

— И?

Уго протянул руку и посмотрел в небо.

— *Неограниченная энергия навсегда?* Брось, Питер. Или мне следует называть тебя Питером Вторым? Это очень громкое заявление.

Они хотели знать, в чем дело. Очень хотели. Это бесспорно.

— Через десять дней мы сможем подкрепить наше заявление действиями, если все вы сможете удержаться от разрушения планеты на это время.

— Никто не собирается ее разрушать.

Питер замедлился и внимательно посмотрел на искривленный профиль Уго. Он хорошо знал этот самодовольный тон.

— Почему это?

Уго наклонил голову и поднял одно плечо к уху.

— У тебя свои секреты, а у меня свои.

Справа от них среди желтых сорняков возвышалась огромная дымовая труба. За ней, на тупиковой полосе железнодорожной колеи, стояли три проржавевших вагона-цистерны.

— Только твой секрет не такой уж и секрет, — сказал Питер. — Сейчас он разрушает Сингапур и Индонезию.

— Разрушает. — Уго снисходительно махнул

рукой. — Но никто не умирает. У них нет даже насморка или болей в горле.

— Он стирает им память.

Уго взглянул на Питера.

— Тяжело сражаться, когда не можешь вспомнить, с кем ты сражаешься или почему.

Питер остановился. Пройдя еще несколько шагов, Уго последовал его примеру.

— Сингапур — это союзник. Ты не можешь использовать вирус, потому что его слишком сложно контролировать. Если ты выпустишь его в Россию, Южную Америку и Северную Корею, его в конечном итоге подхватит восемьдесят процентов наших людей.

Уго улыбнулся.

— Тем не менее он закончит войну.

Питер сухо рассмеялся.

Уго не смеялся: он смотрел на Питера, подняв брови.

— Подожди-ка. Ты ведь не серьезно? Ты ведь не рассматриваешь возможность масштабного выпуска этого вируса?

Он уставился на Питера, как будто тот был полным тупицей.

— Почему бы и нет? Если война будет продолжаться, кто-то начнет использовать ядерное

оружие. Может быть, Северная Корея или Индия. Китай будет моей темной лошадкой. Как только кто-нибудь пойдет по этому пути, последуют ответные действия. Сколько людей тогда умрет?

Его глаза расширились, на лбу пульсировала вена.

— Сколько еще умрет людей, когда радиация перейдет на соседние страны? Вирус затмения останавливает это *сейчас.* — Для эффекта Уго рубанул ладонью воздух.

— А что, если вирус слишком эффективен? Что, если он сотрет память у всех?

Уго покачал головой.

— Центральное командование будет пережидать заражение в воздухонепроницаемом подземном объекте.

— Я так понимаю, ты являешься частью центрального командования.

Уго не ответил. Они планировали стереть память у всех: у союзников и врагов. Преднамеренно.

Неожиданно у Питера всплыло воспоминание: он и Уго, растянувшись на диванах в гостиной Уго, смотрят «Подозрительные лица», пьют коньяк и закусывают пиццей, доставленной из «Chanello's». Как между тем моментом и настоя-

щим могла возникнуть такая пропасть?

— Дайте мне десять дней, а затем все стороны конфликта смогут сесть и договориться об окончательном перемирии. — Он жалел, что здесь нет Мелиссы и Кэтлин, чтобы помочь вразумить Уго.

— Где эта безграничная энергия? — он прищурился, сделав вид, что ищет ее в лаборатории. — Там? Что мы сделаем? Пропустим через твой дубликатор косяк лосося и будем управлять миром на рыбьем жире?

Возможно, Уго блефовал, пытаясь заставить Питера раскрыть свои карты.

Но дело в том, что блефом тут, похоже, и не пахло. Похоже, он был убежден, что его план лучше, чем альтернатива.

Если не брать в счет сингулярность, он, возможно, даже прав.

— Пойдем, — сказал Питер.

* * *

Подводя Уго к окну защитной камеры, Питер посмотрел на его выражение лица и почувствовал удовлетворение. Все его самодовольство, вся важность исчезли, и теперь он был похож на маленького мальчика, с открытым ртом смотревшего на чудо.

— Что это? — спросил он, когда немного пришел в себя.

— Это как раз то, на что оно похоже. Сингулярность. — Питер развел руками, подражая жесту, который Уго использовал на улице. — *Бесконечная, неограниченная энергия* прямо здесь, в моей лаборатории.

Питер не мог вспомнить, когда он в последний раз настолько наслаждался моментом. Уго был так горд за свой маленький вирус.

— Я нахожусь в конце передачи энергии на наноструктурированные углеродные топливные элементы во всем мире. Энергия будет просто течь, а топливные элементы будут неисчерпаемы.

Уго продолжал смотреть в камеру.

— Откуда появилась сингулярность?

Питер рассмеялся.

— Секрет фирмы.

Почти прижавшись носом к стеклу, Уго хмыкнул.

— Ты можешь заставить Эльбу согласиться на прекращение огня? — спросил Питер.

— Зачем мне теперь это делать? — Уго отошел от стекла и скрестил руки на груди. — Значит, ты можешь закрыть глаза, нажать на пару кнопок

и ожидать, что эта сингулярность сработает так, как ты надеешься?

По цеху в их сторону двигался Гарри. Питер махнул ему, чтобы он не подходил.

— Скольким ядерным боеголовкам она эквивалентна? — спросил Уго. — Тысяче? *Миллиону*? А ты занимаешься ерундой, зажигая с ее помощью лампочки.

Он указал на стену с прожекторами.

— Тебе не нужно десять дней. Тебе нужно десять лет тщательного, контролируемого эксперимента. — Уго развернулся и направился к выходу. — Но у тебя нет десяти лет, и, если мне удастся, ты не получишь и десяти минут.

— О, понятно. Вот какие оправдания ты приводишь. Я принял такое решение, которое не предполагает, что ты станешь богом. Одним из величайших правителей подвергшихся лоботомии масс.

Питер сделал несколько шагов в сторону быстро удаляющейся фигуры Уго.

— Ты социопат. То, что ты задумал, ничем не отличается от геноцида.

Уго остановился и, развернувшись, показал на Питера пальцем.

— Геноцид — это то, что задумал *ты.* Ты псих.

Ты всегда им был, — сказал он и скрылся в дверях.

Питер позвонил Кэтлин и попросил немедленно вернуться в лабораторию. У них оставалось слишком мало времени.

42

Кто-то хлопал его по щекам.

— Фоллер, очнись. Тебе нужно попить воды.

Фоллер приоткрыл один глаз и увидел прижатую к его губам фляжку. Он сделал несколько глотков и отодвинул ее.

— Как долго мы падаем? — после стольких потерь сознания и возвращений к реальности ему казалось, что прошла уже целая вечность.

— Три дня.

Его плечо было перевязано белыми полосками. «Из платья Мелиссы», — подумал он. Полоски покрывали пятна засохшей крови, свежих, насколько он мог судить, не было. Его плечо болело больше, чем накануне, и он чувствовал себя таким изможденным, что глаза закрывались сами.

Рядом падали Мелисса и Пенни. Увидев, что он пришел в себя, они приблизились.

Мелисса развернула повязку.

— Что-то мне плохо, — сказал Фоллер.

— В рану попала инфекция. Пуля все еще внутри тела, — откликнулась Мелисса.

Фоллер заметил одинокую фигуру, падающую в ясном голубом небе в нескольких сотнях метров отсюда. Это был Укус Змеи.

— Я умру? — спросил он.

Ветер унес тихо произнесенное слово, прежде чем оно достигло Фоллера, но он прочитал его по губам Мелиссы.

— Там, — сказала Буря, указывая прямо вниз.

Фоллер закрыл глаза. У него не было сил смотреть, но он знал, что она увидела. Ему было все равно.

Сквозь вой ветра послышались крики разочарования. Мягко раскачиваясь, он приоткрыл один глаз и увидел, что находилось внизу.

Мир представлял собой лишь песок и скалы.

— Нас, должно быть, принесло к тому, что осталось от Атлантического океана, — сказала Мелисса.

— Мы должны приземлиться, — сказала Буря. — Фоллер не может падать дальше.

Буря развернула для Фоллера его парашют.

В бесконечном небе пронеслось тело Укуса Змеи.

* * *

Фоллер продолжал смотреть на Бурю, пытаясь собраться с силами, чтобы сказать ей, что он ее любит. Буря прижимала ладонь к его лбу.

— У него жар.

Пенни похлопала Бурю по плечу.

— В сторону.

Вздрогнув, Буря посмотрела на нее.

— Что?

— Я сказала, в сторону.

Пенни спустила мешковатые штаны до колен, обнажив белые трусики, и достала нечто похожее на грубую коричневую повязку. Только она была громоздкой и выпирала в нескольких местах.

— Что это? — спросила Буря.

— Что-то типа аптечки, — ответила Пенни. — *И ты этого не заслуживаешь, черт возьми!* — крикнула она Фоллеру.

Фоллер не мог понять, почему Пенни на него сердится. Она содрала с аптечки липучку и развернула ее рядом с Фоллером.

Мелисса встала на колени, вытащила из нее пузырек и осмотрела этикетку.

— Дай сюда, — сказала Пенни, вырывая пузырек из рук Мелиссы.

— Морфин? Бог мой, у тебя есть антибиотики? — спросила Мелисса. — Почему ты нам не сказала?

Фоллер наблюдал, как Пенни выпрямляет его согнутую руку и вводит в изгиб локтя удивительно ярким, крошечным шприцем немного жидкости. Затем она вытащила из пакета что-то тонкое и серебристое.

— *Скальпель?* — спросила Мелисса.

Пенни остановилась и взглянула на Мелиссу.

— А ты хочешь, чтобы я оставила пулю в ране?

Она снова взглянула на Фоллера.

— Я ввела ему дозу морфина, но у меня нет ничего, чтобы вырубить его полностью, поэтому вам двоим придется держать его крепко. Больно будет даже с морфином. — Она надменно посмотрела на Фоллера. — У меня возникает соблазн сделать это больнее, чем нужно.

— Откуда ты, черт возьми, знаешь, как извлечь из человека пулю? — спросила Буря.

Пенни вытащила из пакета еще один пузырек, встряхнула красную жидкость в ладони и обработала ею руки.

— Я врач. Психиатр. У меня не так много хирургического опыта, но извлечение пули — это явно не операция на мозге.

— Ты меня *узнала,* — заплетающимся языком промямлил Фоллер. Лекарство, которое она ввела в локоть, посылало через его тело теплую волну, вплоть до самых пальцев ног. — Вот почему ты упала с велосипеда.

— О, я узнала тебя, еще бы. — Она отбросила повязки в сторону и, взяв скальпель, посмотрела на Бурю и Мелиссу. — Держите его.

Глаза Фоллера распахнулись от вспышки резкой боли, развеявшей теплую дымку лекарства. Желание вырваться было почти непреодолимым. Он зажмурился, стиснул зубы и попытался не двигаться.

Прошло всего несколько минут, но они казались вечностью. Пока Пенни обрабатывала рану, Фоллер уснул.

43

Его разбудили крики. На улице шел ливень. Буря, Мелисса и Пенни кричали, радуясь его большим каплям.

Фоллер боялся пошевелиться. Он чувствовал себя так, словно его избила толпа людей с трубами, которые затем протащили его вверх и вниз по лестнице и отпинали ногами.

Ему вдруг пришло в голову, что следует от-

крыть рот и поймать пару капель дождя.

Празднование прервала Пенни:

— Он проснулся.

Появившаяся с флягой в руке Буря наклонилась и влила ему в рот воды, но она расплескалась прямо по его губам и щекам, и в горло не попало ни капли. Только со следующей порции ему удалось сделать пару глотков.

Пенни наблюдала за ними, суетясь на заднем плане. У нее была аптечка. Что более удивительно, она знала, как ее использовать. А еще она без всякой видимой причины невероятно злилась на Фоллера.

— Что случилось? — Из-за дождя в глазах все расплывалось. Он чувствовал себя слишком слабым, чтобы поднять руку и вытереть капли.

— Пенни — шпион, — ответила Мелисса, отбрасывая с лица мокрые волосы.

— Я не шпион, — сказала Пенни. — Я психиатр. Я занималась исследованиями. Изучала действие вируса затмения.

— *Действие?* — Мелисса сделала шаг в сторону Пенни, как будто собиралась ее ударить. — Миллиард погибших — вот какое *действие.*

— Не я выпустила этот чертов вирус, — возразила Пенни, — так что отвалите от меня. И не в

одном вирусе затмения причина большинства этих смертей. Маленькая черная дыра Питера тоже имела к этому отношение.

Эти слова немного рассеяли гнев Мелиссы.

— Нам не пришлось бы спешить с сингулярностью, если бы этот козел Уго не собрался сделать лоботомию всему миру. Кстати, как *ты* избежала заражения?

— Питера, *что*? — выдохнул Фоллер. — Ты назвала меня Питером?

Он запутался. Пенни — шпион?

Пенни ткнула в него пальцем.

— Да. Ты Питер. — Глаза были полны отвращения. — Как я могу тебя ненавидеть, если ты даже не помнишь, что сделал?

— Что я сделал?

Дождь стих, превратившись из ливня в морось.

— Ты хочешь найти человека, который это сделал? — Пенни присела на корточки и, порывшись в рюкзаке, поднесла к лицу Фоллера маленькое круглое зеркальце. — Смотри. Вот он. Скажи ему, какой он сукин сын.

— Ты с ума сошла, — прохрипел Фоллер, отталкивая зеркало и глядя на Мелиссу, которая смотрела в землю.

— Мелисса лгала с того момента, как ты ее встретил, — сказала Пенни. — Это сделал *ты.* Ты величайший массовый убийца в истории и даже этого не знаешь.

— Какой же бред ты несешь! — воскликнула Мелисса. — Я была там, прямо посреди всего…

— О, я знаю, что была, — сказала Пенни.

— Убийцы — это Эльба и ее люди. *Уго* — убийца. Но не Питер.

— Я не убийца. — Он хотел сказать в свою защиту что-то еще, но был очень слаб.

— Ты прав. Ты не убийца, — сказала Пенни. — Уго Вулкофф превратил тебя в невиновного.

Она отвернулась.

— Вот почему я не могу сидеть сложа руки и смотреть, как ты умираешь.

Питер посмотрел на Бурю, сидевшую на корточках рядом с ним, зная, что у нее нет ответов. По крайней мере, она была кем-то вроде него. Кем-то из мира, который он знал, мира, начавшегося в Первый День. Буря протянула руку и погладила его по здоровому плечу. От нежности этого жеста к его горлу подступил комок.

— Мы родились в Первый День, — тихо сказала Буря. — Ты, я. Укус Змеи. Все это не имеет к нам никакого отношения.

Фоллеру хотелось в это верить. Разве это сделал он? Он разорвал весь мир на части? *Он?*

— Да, и не слишком беспокойся из-за того, что Буря является дубликатом Мелиссы, — сказала Пенни. — Ты тоже дубликат. Ты убил настоящего Питера Сэндовала и занял его место.

Он посмотрел на Мелиссу.

— Питер умирал. Уго намеренно заразил его болезнью, — сказала Мелисса. — Это была идея Питера, а не твоя.

Фоллер никак не мог понять тот мир, в котором раньше жил. Ему казалось, что его ударили кирпичом. Он лично создал машину, которая разрушила весь мир?

— Хоть что-нибудь из того, что ты говорила, правда?

Мелисса сидела на земле рядом с Бурей. Ее когда-то чистое и белое платье теперь стало грязным и разодранным на колене — она оторвала куски ткани, чтобы сделать для него повязки.

— Я не хотела обременять тебя этим. В твоем случае вирус затмения — удача для тебя самого.

— Это точно, — сказала Пенни.

Мелисса бросила на нее предупреждающий взгляд.

— По большей части то, что я тебе рассказала,

правда. Лишь упустила ту роль, которую ты в этом сыграл.

— По большей части, — повторил Фоллер. Он вспомнил первые несколько дней после Первого Дня. Он был никем, даже не стоил того, чтобы его убивали. Если бы все они знали, его бы сбросили с края света в первую очередь.

— Благодаря Пенни убийцы смогли найти нас в ее мире и в том, из которого мы только что сбежали, — сказала Буря. — Она общалась с ними с помощью аппарата. Переносной рации.

— Они не знают, где мы сейчас, — произнесла Пенни. — Вероятно, они думают, что мы мертвы.

— Почему ты не сказала им, где мы находимся сейчас, если нам негде прятаться? — спросил Фоллер.

Пенни посмотрела на него так, словно он был тупой как пробка.

— Когда я сказала Уго, что они забрали твой парашют и перекрыли тебе все пути побега, я думала, он отправит больше убийц. Вместо этого он испробовал свою блестящую новую игрушку — твою сингулярность — и убил сотни невинных людей. Он знал, что *меня* она тоже убьет.

Она по очереди посмотрела на всех них.

— Вы тоже должны быть безжалостными.

— Очевидно, он также убил настоящего меня, поэтому не стоит *слишком* удивляться, — сказал Фоллер.

Пенни покачала головой.

— Я о таком не слышала. Не уверена, что это так и было.

Мелисса горько рассмеялась.

— Прекрасно. Продолжай жить в своем герметичном мире фантазий. — Она сложила руки. — Ты так и не объяснила, как избежала вируса затмения. Как ты попала в список тех немногих счастливчиков?

— Мой отец работал в Министерстве обороны под командованием генерала Холланда.

Мелисса тяжело вздохнула, закатив глаза.

— Не смотри на меня так. У остальной части моей семьи память стерли. У трех братьев, всех бабушек и дедушек, теть, дядь, кузенов. Я подошла им, потому что у меня есть навыки, в которых они нуждались.

Она перевела взгляд на Фоллера.

— Двое из моих братьев умерли, прежде чем я смогла им помочь. А еще мои бабушки и дедушки и дядя.

Оглядевшись, она заметила свою аптечку, вытащила маленькую коробочку и, вытряхнув из

нее голубую овальную таблетку, положила ее на язык.

— «Ксанакс». Я тайком принимаю его с тех пор, как это началось. Меня должны были подобрать через две недели.

— Тогда почему ты пошла с нами? — спросил Фоллер.

— Потому что появился Питер Сэндовал и мне велели держаться рядом с ним. Поверь, спуск по той горке — это самый смелый поступок, который я когда-либо совершала. Ты меня плохо знаешь.

— Ты сказала, что несколько тысяч человек не были заражены вирусом. Где они? — спросила Мелисса.

— Некоторые из них находятся с Эльбой на базе ВВС Эндрю, недалеко от Вашингтона. Другие — с Вулкоффом, в лаборатории Питера в Уильямсбурге. Остальные разбросаны повсюду, они пытаются установить порядок на стратегически важных островах или собирают разведданные.

Она покачала головой и продолжила:

— По большей части это хаос. Ни энергии, ни пищи.

— Теперь у них есть сингулярность, — сказала Мелисса, — и все заметки и записи в лаборатории Питера, чтобы понять, как ее использовать. Они

утвердят себя как лидеры мира и будут править им в своей скотской манере.

Его заметки. Его лаборатория. Фоллеру было все так же трудно это понять и принять.

— Ты пришла из мира Уго? — спросила Буря у Пенни.

Пенни кивнула.

— После апокалипсиса Уго незаметно перемещал людей на некоторые из близлежащих островов для разведки и следил за Питером, тобой, Гарри Вонгом и другими, кто мог знать, где эта сингулярность или как сделать другую.

— Если другие источники энергии исчезли, сингулярность ценна как никогда. — Мелисса отыскала относительно чистый участок рукава и вытерла им с лица капли дождя. — Теперь благодаря мне она у него.

XXIII

Питер и Гарри ждали на улице, когда на лужайку вылетел «Лексус» Кэтлин и резко остановился в пяти метрах от них.

Тараторя и захлебываясь словами, Питер рассказал Кэтлин и Мелиссе о визите Уго. Когда он добрался до места, где Уго говорил о стирании памяти у всего человечества, за исключением

некоторых ключевых кадров, которые станут фактическими правителями планеты, Мелисса оборвала его:

— Ни за что. Уго никак не может быть в этом замешан. Он блефовал, чтобы заставить тебя показать ему сингулярность.

— Мелисса, он пытался убить меня, — сказал Питер. — Или *убил*, смотря как ты…

— Это совсем не то.

— С моей точки зрения, да, — возразил Питер. Он постучал пальцем по виску. — Этот человек — сумасшедший. Психопат.

Гарри поднял руки.

— Ладно, не будем спорить. Мы должны решить, что делать.

— Если они действительно планируют выпустить этот вирус затмения, сведения, что существует сингулярность, ускорят их, — сказала Кэтлин. — Но они военные. Перед тем как действовать, они проведут совещание по поводу стратегии. У нас есть день, может быть, два.

— Мне понадобится *пять* таких, как я, чтобы сделать все за один день, — сказал Питер. — Большую часть всего этого можем сделать только я и Гарри.

Кэтлин, размышляя, постучала пальцем по

губе.

— Тогда мы сделаем пятерых.

Питеру понадобилась секунда, чтобы понять, что она имела в виду. Он поднял обе руки.

— Нет, Кэтлин. Я не пойду этим путем.

— Не только тебя. Всех нас, — сказала Кэтлин. Указательный палец ее правой руки выписывал в воздухе слова, которые она им говорила.

— Брось, Кэтлин, — сказал Гарри, но Кэтлин проигнорировала его и коснулась плеча Мелиссы.

— Мы с Мелиссой постараемся выяснить подробности плана Эльбы и предотвратить его реализацию. Мы на самом деле могли бы использовать для этого сотню нас.

Она восторженно рассмеялась от своей идеи. Питер подумал, что она слегка ненормальная, и спросил себя, не поднялось ли у нее давление.

— Кэтлин, нет. Это безумная идея. Мы не клонируем себя.

Кэтлин сильно толкнула Питера в грудь обеими руками.

— *Очнись*. Тому миру, который мы знаем, скоро придет конец. Мы должны сделать *все*, чтобы его предотвратить. Если это означает, что мы должны прыгнуть в долбаный дубликатор, мы

прыгнем в долбаный дубликатор.

Питер беспомощно посмотрел на Мелиссу.

Она глубоко вздохнула.

— Если ты действительно думаешь, что Уго собирается это сделать, то я согласна с Кэтлин. Но надеюсь, он тебя не разыгрывает.

— Не разыгрывает.

— Тогда идем, — сказала Мелисса, указывая на лабораторию.

* * *

— Проснись, Питер, — сказал кто-то, похлопывая его по щекам.

Питер застонал и поднял руку, чтобы заслониться от света и ударов, но они не прекращались.

— Питер? Пора вставать.

Это была Кэтлин.

Рядом прозвучал голос Гарри:

— Питер, просыпайся.

Питер открыл один глаз и увидел перед собой лицо наклонившейся Кэтлин.

— Наконец-то.

Перед глазами все плыло. Он открыл их пошире, пытаясь избавиться от действия анестетика. Кэтлин помогла ему сесть на каталку. Питер огляделся, отметив, что он находится слева, на той

стороне, где выходит оригинал. Значит, он был оригиналом или, по крайней мере, оригинальным дубликатом, а не дубликатом дубликата. На самом деле это не имело значения, но ему почему-то было важно это знать.

Рядом стоял другой, очумело пошатывающийся Питер. Он протянул руку. Питер пожал ее.

— Это слишком странно, — сказал другой Питер. — Ты хочешь отправиться в лабораторию, пока я пройду еще раз? Вполне справедливо, поскольку копия, очевидно, я.

— Все в порядке, — ответил Питер. — В лабораторию пойдешь ты.

Он хотел быть здесь, когда его друзья пройдут через это. Хотя, опять же, не имело никакого значения, что это был он, а не его дубликат.

* * *

— Проснись, Питер, — сказал Питер, похлопывая по лицу своего пятого дубликата, в то время как Кэтлин пыталась разбудить свой четвертый дубликат, который появился, чтобы произвести шестого. Его пятый дубликат открыл глаза, застонал и снова закрыл их.

— Пойдем, Питер, у нас нет времени.

* * *

Кэтлин вводила метогекситал другой Кэтлин, пока третья ждала, чтобы помочь поднять ее к диафрагме. Делая укол, Кэтлин посмотрела на Питера и сказала:

— Ты тоже можешь заняться делом. Я собираюсь сделать много своих двойников и дать им различные задания, когда они появятся.

Гарри и Мелиссы уже ушли. Кэтлин была права: ему не нужно было задерживаться. Он должен прекратить носиться с дубликатором, как со своим ребенком, не следить за ним, пока его используют.

— Помнишь, как я спрашивала, можешь ли ты превратить Вашингтон в кратер, если захочешь? — спросила его другая Кэтлин.

— Конечно.

— Может дойти и до этого. Мы должны сначала активировать топливные элементы, но, если покажется, что Эльба и Уго со своим планом опережают нас, мы, возможно, будем вынуждены вывести их из строя.

Питер выглянул через большое окно на лужайку. Два охранника, одним из которых была Паула, стояли на газоне, скрестив руки, и разго-

варивали.

— Мы провели несколько испытаний. Я вполне уверен, что смогу использовать сингулярность в качестве оружия, если это необходимо.

Она уже поднимала ослабевшие ноги Кэтлин, пока говорившая Кэтлин брала ее за руки.

— Проблема в контролируемости, — сказал Питер. — У вируса затмения есть что-то вроде 24-часового инкубационного периода. Они могут его выпустить, и в течение дня мы об этом не узнаем. — Он провел рукой по волосам. — Насколько нам известно, они уже его выпустили.

Стоявшая на улице Паула опустилась на одно колено. Ее напарник схватил ее за руку и, что-то сказав, потянулся за винтовкой. В этот же момент ему снесло пол-лица.

— *Солдаты!* — закричал Питер. — Все вниз.

Сбежали все охранники. Сквозь стекло доносились приглушенные звуки перестрелки.

— Бегите вниз!

Через стеклянную дверь Питер заметил Мелиссу (во всяком случае, одну из Мелисс). Она стояла в офисе лаборатории и разговаривала по телефону. Он распахнул дверь.

— На нас напали солдаты. Беги вниз.

Мелисса бросила телефон и побежала.

Они промчались по длинному коридору, спустились по тускло освещенной лестнице и проскочили через раздевалку. Питер не сомневался, что это были войска Эльбы, посланные, чтобы захватить его сингулярность. Возможно, им приказано взять Питера живым. По всей вероятности, это были элитные войска — спецназ Министерства обороны. У его охранников не было против них никаких шансов.

Когда они завернули за угол, мимо пронеслось трое охранников, бежавших в другом направлении.

— Подождите, — окликнул их Питер.

Они остановились. Один из них, маленький и коренастый, сказал:

— Нам нужно наверх…

— Нет, — прервал его Питер. — Это спецназ. Передайте своим людям по радиосвязи, чтобы они спускались вниз, *ниже* запретного заводского цеха. Это очень важно.

Он снова побежал к цеху. Выплеснуть энергию в атмосферу из сингулярности было проще, чем направлять ее в топливные элементы. Настройка займет у него не больше шестидесяти секунд.

— Питер? Что происходит? — спросил Гарри, который направлялся к ним со стороны цеха.

— На нас напали, — крикнул Питер. — Собери всех в подвале под цехом.

Питер и не отстающая от него Кэтлин проскочили через дверной проем над цехом. Он снова закричал:

— Всем вниз.

Многочисленные Питеры и Гарри начали действовать, подгоняя тех немногих, кто не были клонами, к лестнице, наполовину заблокированной гниющей штукатуркой и бетонными обломками рухнувшей крыши.

Питер повернулся к Кэтлин.

— Беги. Я сам смогу это сделать.

Она проигнорировала его. У Питера не было времени спорить. Он схватил подключенный к сингулярности ноутбук и приступил к работе над созданием алгоритма, который выпустил бы несколько сотен джоулей энергии, — достаточно, чтобы убить, но, даст бог, это не обрушит здание на них.

— Разве нам не нужно запереть эту большую дверь? — спросила Кэтлин.

— Нет. Я не могу послать через нее энергию, да и они запросто ее взорвут, — ответил Питер. — Давай, нажимай прямо на защищенную камеру.

Из коридора донесся слабый топот шагов. Пи-

тер отчаянно печатал, подбирая ключи.

Шаги становились громче, кто-то бежал, тяжело дыша. Раздалось несколько глухих хлопков, будто кто-то открывал бутылки с шампанским.

Ворвавшийся в помещение Гарри споткнулся и упал прямо перед ними.

— Питер, — прохрипел он, рухнув лицом вниз в пяти метрах от Питера. В его спине было три огнестрельные раны.

— *Гарри!* — закричал Питер.

Они с Кэтлин тащили Гарри к защищенной камере, когда в цех ворвались солдаты с автоматами в руках.

— Руки за голову! — крикнул один из них, стоявший ближе всех к двери. Его лицо скрывал кусок штукатурки.

Дрожа от напряжения и в любую секунду ожидая услышать еще больше глухих выстрелов, Питер потянулся к ноутбуку и отправил алгоритм сингулярности.

Солдат разорвало на куски.

Без ослепительной вспышки и всяких признаков бурлящей в воздухе энергии солдаты взрывались, как кульки с водой, превращаясь в ничто.

Поворачиваясь к Гарри, Питер чувствовал, как

на его лицо и руки брызнули останки расплавленных солдат. С каждым вздохом изо рта Гарри вырывался свистящий хрип, текла кровь. Взгляд был устремлен в никуда.

— Боже, Гарри. Что они сделали? — Питер поднял его голову и положил себе на колени, размышляя, был ли это настоящий Гарри или один из клонов. Он ненавидел себя за то, что думал, что это имеет значение.

— Я в порядке, — сказал Гарри. — Просто нужен врач.

Он лежал в луже крови. Питер чувствовал, как она просачивается сквозь его джинсы.

Кэтлин уже держала телефон.

— Никто не отвечает. На 911 никто не отвечает.

Собственно, это было неудивительно. Правительство США только что было свергнуто.

Пока они несли его по ступенькам в лабораторию к дневному свету, свистящий хрип Гарри стих.

44

Когда Фоллер проснулся, он все еще падал. Буря была рядом с ним, ее волосы были собраны в плотный пучок. Увидев, что он проснулся, она

передала ему фляжку. Дрожащей рукой Питер осушил ее всю, затем отвернулся, выбрал направление, которое было относительно подходящим, и облегчился. Его темно-желтая моча взлетела в воздух. Благодаря практике он стал лучше уворачиваться от струи.

Когда он закончил, Буря приблизилась и сказала:

— Мы уже пролетели три мира. Все они пустынны. Мы пытаемся направиться туда, где уже были, но не знаем, в каком направлении двигаться.

Фоллер кивнул. У него не было никаких предложений. Если даже Мелисса, помнившая все, не знала пути, то он и подавно не знал.

Теперь, когда он как следует отдохнул, он стал лучше понимать все происходящее. Этот человек, Уго Вулкофф, убил его, забрал у него и других людей память, устроил этот апокалипсис (как сказала Пенни) и украл вещь, которую он создал. И перевернул мир, убив всех людей. А потом он убил Укуса Змеи.

Вот почему в свои последние минуты сознания Питер нарисовал эту карту: он просил Фоллера добраться до этой сингулярности раньше, чем Уго и эта генерал Эльба. Уго был сумасшедшим. Он превратил мир в ужасное место и, похоже, хотел

сделать его еще хуже.

Если Фоллеру удалось создать такую сингулярность, она, несомненно, могла бы изменить миры, если бы он нашел способ ее вернуть. Затем он научился бы ее использовать, чтобы исправить нанесенный им ущерб.

Он взял Бурю за руку.

— Надо поговорить с Пенни.

— Подожди. — Буря привлекла ее внимание, махнув рукой.

— Как мне до него добраться? — спросил он у Пенни.

— Погоди, — сказала Пенни. — Может, я и спасла тебе жизнь, но, если ты думаешь, что я помогу вам, ты ошибаешься.

— Этих людей убил Уго. Он пытался убить тебя. Ты думаешь, ему следует править мирами? И та вещь, которую он взял, — эта сингулярность. Разве мы не могли бы использовать ее, чтобы помочь всем этим людям, которые не знают, что происходит?

Из-за воющего ветра и слабости ему было тяжело говорить достаточно громко.

— Ты тоже убил людей. Ты убил моих братьев, моих дедушек и бабушек, так много людей, что я даже не могу их перечислить. Что дает *тебе*

право управлять миром?

— Минуту, — сказала Буря. — Возможно, тогда Фоллер и был негодяем, я не знаю. Но теперь он другой человек. Ты сама это сказала. Ты можешь ему доверять. Ты же знаешь, что можешь.

Пенни задумалась и наконец ответила:

— Это спорный вопрос. У Уго есть армия. Его мир теперь имеет неограниченную власть. Фоллер только окажет Уго услугу, если отправится туда.

Если бы Фоллер раньше знал, кто такой Уго Вулкофф, все могло закончиться иначе.

— Ты можешь заставить Вулкоффа прийти к нам? — спросил Фоллер. — Он уже приходил раньше.

Пенни покачала головой.

— Он думал, что ты беззащитен, к тому же очень хотел найти сингулярность. Теперь она у него, и он знает, что ты вооружен и у тебя есть союзники. Если я скажу ему, что ты все еще жив и где ты находишься, он может отправить за вами еще один набитый убийцами истребитель, вот и все.

Это было последнее, что им нужно.

Он отлетел от Пенни и Бури. Ему нужно было побыть наедине и подумать. Похоже, вариантов мало. Бежать и прятаться казалось лучшим выбором.

Если бы они знали, что убийцы приближаются, они могли бы устроить засаду. У них есть дробовик Укуса плюс три пистолета. Но будет ли от этого толк? Вулкофф мог сделать больше убийц — столько, сколько ему захочется.

Было примечательно, как мало различий между Фоллером и этими убийцами. Пенни сказала, что они сделаны из Питера, чья память также была стерта вирусом. Клонов Питера и самого Питера различало лишь то, что они делали и видели за последние несколько сотен дней.

— Минуточку, — громко сказал Фоллер.

45

Когда Мелисса назвала это место коралловым рифом, внутренний голос Фоллера, подсказывающий слова, согласился. Это была зубчатая и извилистая стена, которая с двух сторон принимала L-образную форму. Они лежали в самом изгибе буквы L — у Фоллера это вызывало неприятное чувство клаустрофобии. Но это было идеальное место для засады.

Пенни дрожащей рукой отбросила с лица темные волосы. Она казалась более озабоченной, чем он.

— Помнишь, как в твоем мире эти убийцы за-

гнали нас в угол в твоей квартире?

— И? — сказала Пенни.

— Почему ты просто не застрелила меня и не побежала к ним?

Пенни энергично покачала головой.

— Я не могу выстрелить в собаку, не говоря уже о человеке. Как бы я ни желала их смерти. К тому же у меня не было оружия.

— А как насчет людей, которых мы собираемся убить?

Ее взгляд помрачнел.

— Не заставляй меня думать об этом. Я все еще не уверена, на чьей стороне должна быть. Возможно, ни на чьей. Мне следовало просто уйти. Но я хочу, чтобы все это закончилось, а ты и Буря убедили меня, что это лучший шанс достичь успеха.

Рация Пенни — тонкий, как бумага, стальной прямоугольник — начала мигать.

— Они идут, — сказала Пенни, поднимая руку и сигнализируя другим. Фоллер лежал на животе и притворялся, что потерял сознание. Он якобы находился на последних стадиях какой-то болячки, называемой сепсисом, а Укус Змеи и Мелисса были мертвы.

Когда прошло, казалось, несколько часов, Пен-

ни воскликнула:

— Сюда. — Фоллер услышал стук сапог. Он надеялся, что коралловые образования между ним и нападавшими будут защищать его от их выстрелов столько, сколько потребуется, чтобы все сработало.

Буря и Мелисса открыли огонь. Фоллер приподнялся и прицелился.

Вперед бросились три Фоллера с пистолетами. Двое других остановились и стреляли в Бурю и Мелиссу. Трое уже лежали на земле. Фоллер держал голову низко, стараясь не попасть под пули. Он раз за разом стрелял в своих клонов, пытаясь вспомнить, чему его в редкие мирные моменты учил Укус Змеи, но все его выстрелы били мимо цели. Частично проблема заключалась в том, что он не мог поднять левую руку, поэтому приходилось стрелять только правой.

— Боже мой, мне это не нравится, — закричала Пенни, стреляя в нескольких метрах. — Мне это не нравится!

Фоллер попытался прицелиться ниже и снова выстрелил. В груди одного из двойников появилась кровавая дыра, и он упал. От удивления Фоллер непроизвольно крякнул, чувствуя жгучую боль в собственной груди. Он кого-то убил.

Он подумал, было бы это так ужасно, если бы человек не был на него похож.

Последние два клона были почти рядом с ними, когда Пенни прострелила одному лицо. Его нижнюю челюсть раздробило.

Из-за укрытия на дальнем конце кораллового каньона появились Буря и Мелисса.

— Брось свое чертово оружие, — крикнула Мелисса.

Пистолет выжившего упал на песок. Пара его товарищей корчились от боли в лунном свете, остальные были мертвы.

Буря следила за единственным оставшимся в живых. Мелисса подошла к одному из раненых, который поднял руку.

— Подождите. Пожалуйста, — прохрипел он.

Мелисса выстрелила в упор. Сохраняя хладнокровное выражение лица, она подошла к другому раненому Фоллеру. Раздался еще один выстрел. Фоллеру стало интересно, как она себя чувствует, убивая дубликатов своего бывшего мужа.

— Я все еще думаю, что это ужасная идея, — сказала Мелисса Фоллеру, когда присоединилась к ним. — Ты *понятия не имеешь*, что делаешь. Каждый в крепости Уго будет вооружен. У них есть видеонаблюдение, целая дюжина истребителей,

танков. Ты не сможешь просто вломиться туда и забрать сингулярность.

Фоллер широко развел руками и посмотрел на темное небо.

— Я и так зашел слишком далеко. Очевидно, я находчивый парень и у меня есть находчивые союзники.

— Не думаю, что ты понимаешь степень повреждений, которую получил, — сказала Мелисса. — Ты не можешь принимать осознанное решение, что нам делать.

— Значит, мы инвалиды, — сказала Буря. — Неполноценные. Ты это хотела сказать?

Мелисса уставилась на песок.

— По факту вы оба получили сильные повреждения головного мозга.

— Руководствуясь нарисованной мною картой, я полагал, что смогу сделать это еще до того, как получил повреждение мозга, — сказал Фоллер.

Мелисса закрыла глаза, словно пытаясь сохранять терпение.

— *Послушай*. Я помню, что случилось, я *знаю*, что возможно, а что нет. Берем самолет и бежим.

— Куда бежим? — спросил Фоллер. — Ты сама сказала, что у этого парня есть армия и неограниченная власть. В конце концов его солдаты

возьмут под свой контроль каждый из миров.

Пленник переводил взгляд с одной на другого, пытаясь понять, что происходит.

— Пенни, — сказала Мелисса, — скажи им, что я права.

— Вероятно, она права, — проговорила Пенни. — Теперь у нас есть транспорт. Мы можем бежать и скрываться.

— Я не хочу бежать и скрываться. Мне это надоело.

Мелисса отошла в сторону.

Пытаясь унять биение сердца, Фоллер вскочил на ноги. Он все еще был слабым и все так же чувствовал боль, несмотря на болеутоляющие средства Пенни. Но надеялся, что через несколько дней ему станет легче.

Он повернулся к Пенни.

— Готова позвонить?

Пенни глубоко вздохнула и кивнула.

— Была не была.

Она достала рацию и отошла на несколько шагов.

— Он мертв. Сэндовал мертв. — Она прислушалась, потом рассмеялась. — Я знаю. Это невероятно.

Пауза, она снова слушала.

— Прекрасный день для человечества и отличная причина отпраздновать это, доктор Вулкофф.

Фоллер посмотрел в небо. Он ненавидел этого человека так сильно, что сам раньше бы не подумал, что он на это способен.

— Тут вот какое дело, — сказала Пенни в рацию. — Все отправленные вами Питеры мертвы, кроме того, кто прикончил Сэндовала. Он получил огнестрельное ранение в плечо. Я оказала ему помощь, но летать на самолете он сможет только через несколько дней.

Пауза.

— Я знаю. Они оказали сопротивление. Они все мертвы. Да.

После еще минуты разговора о том, как прекрасно, что Фоллер мертв, Пенни закончила сеанс связи.

— Это выиграет для тебя три или четыре дня, — сказала Пенни. — Либо даст нам трех- или четырехдневное преимущество, если мы сбежим.

— Я не буду прятаться.

Питер устал бежать от этого ублюдка.

XXIV

Питер смел с лабораторного стола все оборудование — они положили на него тело Гарри. Три выживших члена их службы безопасности были снаружи и с винтовками наперевес прочесывали территорию.

— Гарри. Боже, Гарри! — закричала Мелисса, увидев его тело.

В следующий миг в лабораторию ворвалась еще одна Мелисса и выкрикнула почти такие же слова.

Сразу за ней вошел Гарри. Выглядя ошеломленным и полным ужаса, он подошел к своему мертвому двойнику и застыл у стола.

— Это уже слишком. Не думаю, что смогу это вынести.

Питер обнял друга за плечо и мягко отвел его от стола.

— Еще немного поработаем и затем сможем отдохнуть. Будем смотреть фильмы и есть попкорн, пока нас не стошнит.

— Меня уже тошнит.

— Я знаю. Меня тоже. — Он похлопал Гарри по спине.

Питер ухватился за стол, когда в лабораторию

ввалились еще два Гарри вместе с тремя Питерами, Мелиссой и несколькими Кэтлин, которых вела вооруженная винтовкой Паула. От их вида у него закружилась голова, он почувствовал, как будто в любую минуту может провалиться сквозь пол или куда-то уплыть. Он закрыл глаза и глубоко вздохнул. Ему нужно держать себя в руках.

Один из клонов Питера поднял руки, чтобы привлечь внимание людей.

— Мы должны вернуться к работе. Не останавливаемся: мы почти у цели.

Это все, что нужно. Люди бросились в разных направлениях, другие сгрудились для совещания.

Питер подошел к двум другим Питерам.

— Сколько нам осталось? — спросил он.

— Три часа.

— Мне очень не хотелось бы усложнять, но я думаю, что мы должны перенести сюда сингулярность из лаборатории. Спрячьте ее где-нибудь.

Питер собирался объяснить, что даже после того, как они запустят элементы, Эльба и Уго могут прийти за сингулярностью снова, возможно, используя вирус затмения. Но в разъяснении никто не нуждался.

— Я тебе помогу, — сказал один из Питеров.

Они бросились искать что-то для транспортировки сингулярности. Им понадобится вакуумная камера и электромагнитное поле, а затем нужно будет подумать о тайнике.

Краем глаза Питер заметил возле дубликатора трех Кэтлин, две из которых готовили третью к клонированию.

— Кэтлин, — позвал Питер.

Двое тех, что еще были в сознании, переглянулись.

— Сколько ты уже сделала? Достаточно.

— Еще несколько, — отозвалась одна из них, выписывая пальцем в воздухе слова, которые она только что произнесла.

46

Местные жители (Фоллер насчитал шестнадцать человек) наблюдали за ними из леса. Они становились все смелее и любопытнее. Возможно, понимали, что люди, которые прибыли на истребителе, не те люди, которые хотели бы причинить им вред. Тем не менее они держались на расстоянии.

— Против ветра. Против ветра, — говорил его двойник (который настаивал, что его зовут Один-Тридцать-Один — согласно номеру на его

рубашке). — Следи за своим вектором тяги.

Фоллер позволил себе отвлечься, что было не очень хорошо, учитывая, что истребитель выполнял большую часть работы сам. Один-Тридцать-Один постоянно говорил о возможности столкновения. «Харриер» приземлился с двойным ударом.

Один-Тридцать-Один удовлетворенно кивнул.

— Все еще коряво, но он делает свою работу. Думаю, ты готов.

Довольный собой, Фоллер запрыгал вниз по ступенькам. Хотя Один-Тридцать-Один был скуп на похвалу (вероятно, думал, что Фоллер был дьяволом), Фоллер думал, что он освоил пилотирование довольно быстро. Два дня, может быть, тридцать или сорок посадок, и он будет готов к одинокому полету, по крайней мере, по тому короткому одностороннему маршруту, который он распланировал.

Он все еще удивлялся, как быстро Один-Тридцать-Один согласился научить его летать на истребителе в обмен на свою жизнь. Тот не любил Уго не меньше, чем Фоллера, и надеялся, что они найдут способ убить друг друга. Учитывая, что он и Один-Тридцать-Один были, в сущности, одним и тем же человеком, Фоллер надеялся, что

причина именно в этом, а не в простой трусости.

— Мы готовы. Он говорит, что я справлюсь, — объявил Фоллер ждавшим у пруда Буре и Мелиссе. Затем перевел взгляд на Один-Тридцать-Один, тот кивнул.

Мелисса встала и вытащила из-за пояса пистолет.

— Тогда давайте покончим с этим и будем отправляться. — Опустив голову, она двинулась к Один-Тридцать-Один.

Клон Фоллера сделал шаг назад.

— Эй, ты что делаешь? Я сделал все, что вы просили.

Буря вскочила на ноги.

— Стой. Что ты делаешь?

Мелисса продолжала идти. Один-Тридцать-Один взглянул на Фоллера. Он выглядел так, словно скроется между деревьев.

— Подожди… — сказал Фоллер.

Буря схватилась за запястье Мелиссы и потянула ее к себе.

— *Остановись.*

— *Что?* — сказала Мелисса.

— Ты ведь не собираешься застрелить этого человека?

— Именно это я и планирую.

— Нет, ты этого не сделаешь, — проговорила Буря.

— Отпусти мою руку, — сказала Мелисса.

— У нас был уговор, — воскликнул Один-Тридцать-Один.

Фоллер положил руку ему на плечо и вполголоса сказал:

— Все в порядке.

Из-за кустов появилась Пенни, которой, должно быть, приспичило в туалет. Она остановилась, наблюдая за происходящим.

— Опусти пистолет, — сказала Буря Мелиссе.

— Мы всего лишь в одном мире от Уго. Если люди Уго его найдут, он может им все рассказать.

Мелисса выдернула свою руку.

— Это *война*. Кто-то должен быть взрослым.

Когда Мелисса отвернулась, Буря обхватила ее за шею и начала сжимать.

— Брось пистолет, — прошипела она.

Схватив Бурю за запястье, Мелисса попыталась вырваться. Буря сжимала сильнее, пока Мелисса не поперхнулась. Фоллер решил не вмешиваться. Если бы в захвате была Буря, он бы это сделал, но он подумал, что Мелисса может справиться и сама.

Мелисса бросила пистолет. Наступив на него,

Буря выпустила соперницу, которая споткнулась и схватилась за горло.

— Мы не стреляем в людей просто из-за того, что умеем это делать, — сказала Буря. — Я понимаю, мы боремся за нашу жизнь. Но в этой борьбе есть грани, которые нельзя переступать.

— Эти слова чем-то напоминают те, которые я сказала перед войной. — Мелисса с болью посмотрела на Фоллера.

— О, я видела, как умирает много людей, — сказала Буря.

— Очевидно, недостаточно много, — огрызнулась Мелисса.

47

Фоллер посмотрел на скудный запас продовольствия рядом с истребителем. Когда он закончится, еду им придется где-то добывать или торговаться с местными жителями.

— Как жаль, что я не могу пойти с тобой, — сказала Буря.

— Мне тоже, — ответил Фоллер. На самом деле это было неправдой. Вероятно, это поездка в один конец. Он не хотел, чтобы еще кто-нибудь умер, особенно Буря.

Пенни держала набросок, сделанный ею на

обратной стороне листа бумаги, которую она нашла в самолете. Это была карта мира Уго.

— Если тебе и Мелиссе придется прыгать с парашютом, там не так много мест, куда можно приземлиться незамеченным, даже ночью. Вдоль этого конца тянется лесная зона, лучше всего спускаться там, — сказала она, показывая место на карте.

— Фоллер, ты не сможешь оставаться незамеченным, если выдашь себя за того, кто убил Питера Сэндовала, — продолжала Пенни. — В том месте дубликаты Сэндовала — отбросы, но ты станешь их королем.

— Звучит восхитительно. Может, я и не захочу возвращаться обратно.

Пенни проигнорировала саркастическое замечание.

— Пока к тебе кто-нибудь не обратится, первым не заговаривай. Даже со мной. Когда мы с тобой приземлимся, я буду относиться к тебе как к совершенно незнакомому человеку. Без обид.

— Ладно.

XXV

Врубив погромче свой любимый хэви-метал, Питер ускорился. Он набрал уже почти сотню

миль в час, но полицейских на дороге не было, поэтому единственной преградой мог стать только несчастный случай.

Его разум должен был сфокусироваться на текущей ситуации, но он все думал о Гарри. Он не умел скорбеть. Он не переживал за свое настоящее «я», потому что не чувствовал себя *ушедшим* — он только пошел дальше. То же самое было с Гарри, но Гарри настоящий совершенно точно был застрелен, страдал и умер.

Засунув руку в карман джинсов, Питер выудил телефон и набрал номер Гарри.

— Да, док.

— Как ты держишься? — спросил Питер, борясь с ощущением, что он разговаривает с незнакомцем и самозванцем. Как иронично, что он один из тех многих копий чувствует это.

Дубликат Гарри вздохнул.

— Из последних сил. Это сплошной хаос: вокруг меня крутятся два моих двойника, и я на самом деле не я. Настоящий я мертв.

— Ты можешь не думать об этом так.

— А как мне об этом думать? Это правда. Я не я. Я мертв.

— Ты — это ты. Просто сейчас ты не один. Постарайся сосредоточиться на том, что тебе нужно

сделать.

— Я так и делаю. Один из Гарри уже отбыл на самолете вместе с настоящими Мелиссой и Кэтлин, поэтому мы в меньшинстве. Эй, только что мимо меня прошел ты! Хочешь поговорить с самим собой? — Он держался из последних сил, но все еще оставался юмористом.

Войдя в плавный поворот, он увидел мост Джорджа Вашингтона.

— Я пас. Как раз заезжаю на Манхэттен. Скажи мне, что я передаю привет.

Он отключился и спросил себя, удастся ли Мелиссе, Кэтлин и дубликату Гарри выбраться до того, как их поразит вирус затмения, если Уго вообще его выпустил. Питер задался вопросом, успеет ли *он сам* выбраться вовремя. Уже скоро он узнает.

Дороги, ведущие из города, были забиты машинами. Питер въезжал на мост практически в одиночку. Многие опасались, что по Нью-Йорку вскоре нанесут удар. Возможно, кто-то пустил слух, что свергнутая президент Аспен скрывается на Манхэттене, и они боялись, что генерал Эльба разбомбит его, чтобы ее прикончить. Питер жалел, что Аспен не выбрала укрытие ближе к его дому: ему очень не хотелось быть так далеко от

своих друзей в этот решающий момент.

На его телефон пришло сообщение.

Питер прочитал: «*Я отправил тебе коробку конфет*». Номер отправителя был скрыт.

— *О нет. Нет, нет.*

Питер набрал Гарри:

— Я только что получил сообщение от Уго. Он утверждает, что выпустил вирус затмения.

— Твою мать. На какое расстояние? Он не сказал?

— Нет. Как минимум, он выпускает его прямо на вас. Сообщение было послано лично мне, значит, предполагает то, что это я буду им заражен. Ты готов?

— Почти, — сказал Гарри. — Еще пару минут.

— Как только ты это сделаешь, вытащи всех. Освободи их и скажи, чтобы они убегали и прятались где угодно. Надеюсь, некоторые из вас смогут избежать захвата.

Если вирус затмения распространится, группа Уго получит полный контроль. Питер не сомневался, что Уго будет преследовать не только его, но и Гарри и, возможно, Кэтлин и Мелиссу.

— Мне нужно идти. Я люблю тебя. Передай другим Гарри, Кэтлин и Мелиссам, что я их тоже люблю. — Питер отключился.

Он ехал по Генри-Гудзон-Паркуэй, справа от него простиралась река. В парках, мимо которых он проезжал, никто не играл в баскетбол, не гулял с собаками и не катался на роликах. Все сидели дома и следили за новостями или сражались в Калифорнии, Китае или Саудовской Аравии. Или были мертвы.

Он доехал до Тридцать девятой улицы. Президент Аспен находилась в штаб-квартире ООН, на Сорок второй улице вдоль Ист-Ривер. Он надеялся, что ей удалось заставить их телевизионную команду выйти в эфир и объявить, что энергоснабжение в наличии. Способно ли это объявление вернуть Аспен к власти, Питер не знал.

Внезапно его накрыла волна тоски — рядом не было Мелиссы. Одной из Мелисс. Любой из них.

В небе взорвался миллиард звезд. Питер нажал на тормоза.

* * *

Питер остался один в черном пространстве, которое даже сложно было так назвать. Ему казалось, что оно давит на него, душит. Он смотрел во все стороны сразу, окруженный огромными извилистыми лестницами, состоящими из

чернильно-черных пятен. Лестницы перекручивались между собой и вытягивались в прямые точечные линии. Они заполняли черную беззвездную пустоту, словно бесконечные нити ДНК.

* * *

Его «БМВ» наткнулся на бордюр и вылетел на тротуар. Питер остановился как раз вовремя, чтобы не врезаться в здание.

Где-то в стороне реки кричали люди. Крики были ужасающими. Питер хотел отсидеться в своей машине и попытаться понять, что он только что видел, но, похоже, кричали люди, которым нужна была помощь. Он выскочил из «БМВ» и бросился на шум.

Сингулярности. Эти миллиарды пятен, которые он видел в тот момент, были сингулярностями, нанизанными на сложную структуру.

Проходя под широкими тенями высоток, он пересек Одиннадцатую авеню и обнаружил толпу в квартале от себя, на Двенадцатой. Люди таращились на реку.

Приблизившись, он сразу заметил, что от обычного темно-серо-зеленого цвета Гудзона не осталось и следа: река приобрела светло-голубой

оттенок и теперь сливалась с небом. Это была иллюзия, какое-то странное отражение неба, маскирующее воду… и побережье Нью-Джерси на другой стороне.

Подойдя еще ближе, Питер замедлился. Люди, казалось, совсем потеряли рассудок, а иллюзия бледно-голубого неба, на месте которого должен был быть Гудзон, только усиливалась. Там, где должен был быть Хобокен, плыло огромное, волнистое облако.

Он добрался до толпы, собравшейся метрах в пяти от неровного края бесконечной пропасти, которая начиналась на половине того, что когда-то было Двенадцатой авеню. Внизу не было ничего, кроме неба.

Питер продолжал идти, пробираясь сквозь толпу и обломки Двенадцатой авеню. Он хотел уйти как можно дальше, пока не выбьется из сил и не упадет.

Он увидел, что натворил.

Внезапно Питер повернулся и направился прямо к обрыву, пробираясь мимо тысячи рыдающих, кричащих, испуганных людей. Дважды он спотыкался и падал.

Питер поднял кусок бетона размером с кулак и, бросив его с края, наблюдал, как тот падает.

Это было невозможно, потому что он стоял на участке Манхэттена, который *не* падал. Но по всем законам *должен был.*

48

В кабине пилота грохотала музыка — было тяжело сосредоточиться. Но Фоллеру необходимо было сосредоточиться. От попыток вспомнить все, чему его учил двойник, у него болела голова. Это будет чудо, если он сможет приземлиться, не вызвав подозрений или не убив себя и Пенни. Во время тренировок он чувствовал себя более расслабленным. И голову не разрывало от этой громкой, адской музыки.

— Можешь ее выключить? Это ужас какой-то.

Пенни выключила плеер.

— Спасибо.

— Это не ужас, — сказала Пенни.

— Еще какой.

Она положила обратно свои ярко татуированные руки.

— Я знаю, что до того, как тебе стерли память, Iron Lives была одной из твоих любимых музыкальных групп.

— Значит, у меня был ужасный вкус.

Откуда-то шел неприятный запах. Разве тру-

пы начинают пахнуть только через три дня? Наверное, да, если находиться рядом с ними в замкнутом пространстве.

— Что еще ты обо мне знаешь, кроме того, что я был самым крупным массовым убийцей в истории?

— Ты был гением. Ты взял бритву, разрезал воздух и вытащил из раны бога.

Как лирично.

— Но я не знал, что бог сделает это, когда я его выпущу?

Пенни пожала плечами.

— Мелисса говорит, что нет. Вулкофф рассказывает всем, что ты терпеть не мог потерь, поэтому спустил собак на всех — как на друзей, так и на врагов.

Если это правда, он был монстром. Правда, вся информация Пенни была получена ей самой от Уго Вулкоффа. А тот точно был монстром.

Он достал рацию.

— Что ты делаешь? — спросила Пенни.

— Звоню Мелиссе. Я хочу понять, почему я спустил всех собак. Мне все равно нужно в этом попрактиковаться.

Мелисса ответила сразу.

— Как же я все-таки разрушил мир? Я хочу по-

нять, — сказал Фоллер.

Голос Мелиссы стал нехарактерно мягким:

— До того как Уго выпустил свой вирус затмения, мы пытались остановить войну. Тебе не хватало времени, и ты сделал все возможное. Ты самонадеянный мудак, но не психопат. Ничего подобного. Психопат — это Уго.

Питер рассмеялся.

— Я никогда не думал, что буду благодарен за то, что меня назвали самонадеянным мудаком.

— Всегда пожалуйста.

Он одновременно и завидовал Мелиссе, и жалел ее за то, что она все помнила.

— Из-за чего ты стала меня ненавидеть?

Она цокнула языком.

— Я тебя не ненавижу. Я злюсь на тебя. Ты был очень импульсивный. Ты и *сейчас* импульсивный. Наверное, сложно учиться на своих ошибках, если ты не можешь их вспомнить.

— Мы развелись до того, как я совершил большую ошибку. Что я сделал? Почему мы разошлись?

Когда она наконец ответила, ее голос был полон эмоций:

— Ты лгал мне.

Фоллер кивнул, но тут же вспомнил, что Ме-

лисса не может его видеть.

— Прости, что лгал тебе, даже если я не знаю, насчет чего.

— У тебя не было выбора. Мне потребовалось много времени, чтобы это понять.

Они приближались к месту назначения.

— Могу я поговорить с Бурей? — Фоллер не хотел, чтобы Буря думала, что он позвонил исключительно для того, чтобы поговорить с Мелиссой.

Даже через все эти километры он услышал, как Мелисса закашлялась. Ее голос стал очень тихим, настолько, что он едва смог расслышать ее слова:

— Ты хоть представляешь, каково это для меня, видеть вас двоих вместе?

Ее слова поразили его.

— Нет, Мелисса. Честное слово, нет.

— Оставайся на линии.

— Мелисса, подожди.

— Привет, — это была Буря.

Фоллер попытался собраться.

— Я просто хотел услышать твой голос, прежде чем сделаю это.

— Это так странно. Я говорю с тобой, но тебя здесь нет.

— Знаю. Тем временем я лечу на машине, которая действительно работает. Не уверен, будет ли этот мир лучше или хуже, чем тот мир, в котором мы встретились.

— Я тоже.

— Весь этот план, вероятно, провалится. Мелисса говорит, что я по сравнению с ними простак.

— Ты во всем разберешься. А если нет — беги и прячься, а мы придем за тобой.

* * *

В тысяче метров под ними распростерся мир Уго — небольшие здания, дороги и немного лесистой местности.

— Хорошо, теперь я попрощаюсь, потому что как только откроется этот люк, я больше не смогу с тобой поговорить, — сказала Пенни.

Фоллер сжал ее руку.

— Спасибо.

Пенни протянула ему громкоговоритель.

— Они ожидают, что ты выйдешь на связь, прежде чем приземлиться.

Фоллер, как его учил Один-Тридцать-Один, включил микрофон и сказал:

— Алло?

— Кто это? — раздался раздраженный мужской

голос.

— Это Один-Тридцать-Один, — Фоллер напрягся, надеясь, что двойник не дал ему ложную информацию о том, что они называют себя по номеру (несмотря на обещание Фоллера вернуться и отрезать ему ноги, если он его обманул).

— Что ж, герой ты или нет, но с каких пор правильным окликом стало слово «*алло*», Один-Тридцать-Один?

— Простите. Я не в себе после травмы. Падая, я ударился головой. Дезориентирован и частично потерял память.

Первый шаг плана был реализован. Всякий раз, когда он казался невежественным, он мог оправдываться травмой головы.

— Не беспокойся об этом. Учитывая обстоятельства, ты можешь говорить почти все, что угодно, и выйти сухим из воды. Мать твою, Один-Тридцать-Один. Ты нашел его. Ты улетал отсюда пустым местом, а возвращаешься легендой. Поздравляю, мужик. Поздравляю.

— Спасибо. — Он хотел было использовать имя парня или его номер, но не подумал расспросить об этом настоящего Один-Тридцать-Один.

49

Фоллер тащил одетый в свой комбинезон труп по трапу самолета и чувствовал, как у него подкашиваются ноги. Его темный костюм убийцы покрывали засохшие пятна крови. Аэропорт разразился аплодисментами. Около трети людей, сгрудившиеся близко друг к другу и стоявшие отдельно от других, выглядели так же, как и он.

Двое мужчин в комбинезонах забрали у Фоллера тело. Третий отнял у него пистолет и провел досмотр.

Фоллер узнал Уго, как только тот, широко улыбаясь, сделал шаг вперед. Он был одет в потертую военную униформу. Они положили тело на руки Уго. Сжимая окровавленный труп под мышкой, Вулкофф поднял вверх кулак. Аплодисменты стали оглушительными. Он бросил тело на асфальт и поставил ногу ему на голову. Вокруг закружились фотографы.

Фоллер натянуто улыбался, стараясь не проявить жгучей ненависти к этому человеку.

Вулкофф жестом подозвал Пенни. Она изобразила широкую, ликующую улыбку. Фоллер стоял в нескольких шагах, не зная, что ему делать.

— Он умер сразу? — спросил Вулкофф, повышая

голос. Повсюду мелькали вспышки камер и раздавались одобрительные возгласы. Когда Пенни не ответила, Фоллер понял, что Вулкофф, должно быть, соизволил обратиться к нему.

— Он был ранен. Я подбежал и выстрелил в упор, чтобы его прикончить.

Вулкофф кивнул.

— Хорошая работа. Я уверен, что твои товарищи захотят устроить для тебя закрытую вечеринку.

Он громко обратился к толпе:

— Монстр мертв.

Когда аплодисменты стали еще громче, Фоллер не мог не заметить, какое удовольствие от них получал Вулкофф. На его лице было нечто среднее между улыбкой маленького мальчика, которого похвалил папа, и ухмылкой хулигана, который только что столкнул кого-то с обрыва.

— Что нам делать с телом? — спросил старик с обрюзгшим лицом.

Пнув труп носком до блеска начищенного ботинка, Вулкофф опустился на колени и, осмотрев комбинезон Фоллера, крякнул и встал.

— Положите его на лед. Мы возьмем его в путешествие и будем показывать ему остров за островом, когда их восстановим.

Это все, что услышал Фоллер, пока его окружа-

ли и уводили двойники.

— Ты нашел его. Поверить не могу, — сказал один из них.

— Я тоже. — Фоллер взглянул на номер на рукаве мужчины. Один-Двадцать-Восемь. Ему нужно было запоминать, кто есть кто.

— Это не просто лицо Сэндовала, это также лицо ничтожества, убившего весь мир.

— Это верно, — с наигранным восторгом ответил Фоллер.

Выйдя через ворота ограждения на одном конце взлетно-посадочной полосы, они прошли по полю и двинулись вниз по тенистой улице. Мимо проехал грузовик. Фоллер заставил себя не обращать внимания, что делали остальные Питеры. Город был не таким чистым, как мир Орхидей, но чище, чем любое другое место, где бывал Фоллер. Более удивительными были огни, светящиеся внутри зданий, и раздающийся со всех сторон гул машин.

Пройдя по удивительно зеленой, совершенно плоской лужайке, оставившей влагу на его ботинках, они направились в одно из зданий из красного кирпича, которые окружали лужайку. Спустившись по лестнице, они цепочкой вошли в огромный спортзал. На полированном дере-

вянном полу цветные линии переплетались в геометрические узоры.

— Было очень приятно с тобой поработать, Один-Тридцать-Один, — сказал Питер Один-Двадцать-Восемь.

Фоллер открыл было рот, чтобы спросить, куда идет Один-Двадцать-Восемь, но передумал. На его плечо легла рука: Фоллер обернулся и увидел, что голый по торс Питер протягивает ему рубашку. Фоллер взял ее. На рукаве был номер 1.

— Теперь она твоя, — торжественно сказал Питер без рубашки.

— Ага. Хорошо. Спасибо.

Питер без рубашки ждал. Фоллер снял свою и надел рубашку с номером один.

Все Питеры в помещении сняли свои рубашки. Это было не слишком впечатляющее зрелище: у всех были одинаковое количество волосков на груди, тощие и костлявые плечи. Никто, казалось, не заметил, что все они были немного толще и лучше откормлены, чем Фоллер. Они обменялись рубашками друг с другом. Предыдущий носитель рубашки номер один надел рубашку с номером два. Все опускались на одну единицу, чтобы освободить место для него.

— Пойдем, — сказал Питер Второй. — Перене-

сем твои вещи в твою новую комнату, чтобы ты смог поспать.

Он подозвал троих Питеров с номерами одинтридцать и сорок и велел им перенести вещи Фоллера из его старой комнаты в новую. Они бросились выполнять приказ.

Номера, как те пятна в мире Орхидей, предназначались не только для того, чтобы различать Питеров. Они указывали на статус. Фоллер теперь был Питером Первым. Королем Питеров. Королем отбросов. Теперь ему будет сложно ускользнуть и спрыгнуть с края света, не будучи замеченным. С другой стороны, возможно, он сможет использовать новообретенный статус в своих интересах. Может, остальные сто пятьдесят с лишним Питеров будут делать, что он им скажет. А возможно, он сможет использовать свой статус, чтобы получить еще один пистолет.

К тому моменту, когда они прошли по четырехугольному двору к другому зданию из красного кирпича, разделенному на небольшие узкие комнаты, как в общежитии, комната Фоллера была готова. Он поблагодарил Питера Второго, задернул занавеску и уснул.

* * *

Его разбудил резкий стук. Дверь распахнулась.

— Мы опаздываем. — Это был Питер Второй с остальными.

Фоллер вскочил с кровати, надел рубашку и направился к двери.

Питер Второй бросил на него смущенный взгляд.

— Извини. Я не имел в виду, что у тебя нет времени почистить зубы.

— Ой, точно. — Фоллер зашел в ванную и закрыл дверь. До этого он не чистил зубы, но знал, как выглядит зубная щетка, и имел смутное представление, что с ней делать.

На улице вместе с Питером Вторым его ждали Питер Четвертый, Седьмой и Восьмой. Фоллер делал все возможное, чтобы выглядеть так, как будто он знал, куда они направляются, следуя за ними. Они перешли мост, под которым бежал ручей, затем двинулись вверх по склону, направляясь к боковому входу большого четырехэтажного здания.

Питеры привели его в полукруглый класс, заставленный партами. На стене висел большой экран. Они заняли места в первом ряду. В пе-

редней части класса сутулая пожилая женщина возилась с какой-то аппаратурой.

Спустя пару минут женщина начала говорить, или, точнее, учить. Все, казалось, понимали, о чем она говорит. Фоллер не мог разобрать ни слова.

— Скорость равна L над T, плюс или минус Дельта над T. То, что вы здесь делаете, точно измеряет скорость, но вы измеряете ее после…

Все записывали цифры. Он перестал слушать женщину и пытался догадаться, что происходит. Почему они учили Питеров? А что, если все они, как и Фоллер, мало понимали, о чем она говорит? Наверное, поэтому они учатся.

— …но вы можете считать это простым векторным пространством с бесконечным числом осей…

Фоллер закрыл глаза и мысленно повторял эту фразу, пока она не отложилась в памяти. Мелисса, возможно, знала, что это значит. Но Фоллеру нельзя было с ней общаться до тех пор, пока он не будет готов к этой встрече и все не выяснит.

* * *

После урока Питер Второй предложил им отправиться в поход и познакомиться поближе. Фоллера это удивило, поскольку он думал, что

если они живут вместе с Первого Дня, то знают друг друга как облупленных. Но он был счастлив сделать что-то, что поможет ему ориентироваться и, возможно, найти ближайший край света.

Питер Второй резко повернул направо — они чуть не столкнулись. Фоллер последовал за ним и заметил начало узкой тропинки через лес.

Через десяток шагов дорога исчезла из виду.

— Однозначные числа задаются вопросом, будешь ли ты вносить изменения в стратегию продвижения вперед, — сказал Питер Второй.

Стратегию?

— Нет. Никаких серьезных изменений, — пробормотал он.

Номер Два похлопал его по плечу.

— Благодарю за оказанное доверие.

Они гуськом пересекли мелкий ручей, перепрыгнув по трем плоским камням.

— Пока ты был на задании, Семнадцатый и его люди активно лоббировали более агрессивные участки, — он посмотрел на Фоллера. — Они говорят, что мы должны вести с ними переговоры. Это означает неподчинение приказам до тех пор, пока мы не пойдем на уступки. Это не просто очень рискованно. Это самоубийство.

— М-м, — протянул Фоллер, пытаясь не реаги-

ровать. Они не были счастливы. Разумеется, не были. Как может кучка Питеров быть счастливыми, если с ними обращаются как с дерьмом? Это были замечательные новости.

В голове Фоллера сложился план. Питер Семнадцатый и его люди с нетерпением ждут решительных действий? Фоллеру нужно будет узнать их получше. Как Питеру Первому, ему, возможно, удастся разжечь гнев в своих братьях.

XXVI

Его никто не беспокоил, никто даже не смотрел на него, когда он шел по коридору двадцать первого этажа роскошного высотного здания, а затем постучал в двери.

Он подошел к другой двери, за которой, казалось, не горел свет. Он постучал и ждал.

Когда никто не ответил, он постучал сильнее.

Ему потребовался еще с десяток ударов, чтобы выбить эту дверь, но никто не прибежал выяснить источник шума. Если бы кто-нибудь появился, Питер объяснил бы, кто он и насколько ему нужно получить доступ к телескопу.

Как бы то ни было, он вошел внутрь, покричал, чтобы убедиться, что в помещении никого нет, а затем обнаружил у окна телескоп. Сев на стул

рядом с ним, Питер прильнул к окуляру и разглядывал бесконечное небо, пока не нашел то, что искал. Оно находилось так высоко, что все, что он мог видеть, — это дно.

Посмотрев чуть ниже, он заметил еще одно место. На этот раз он увидел верх. Это был район — дома типа ранчо, лужайки, бассейны, пригородные улицы, заканчивающиеся на выщербленном обрыве, который как будто выкопали гигантским экскаватором или кто-то вырвал там огромный сорняк.

В холодильнике стояла упаковка с шестью бутылками прохладного пива. Он вытащил одну, откупорил крышку и выпил половину.

Что он наделал? Люди умрут. Миллиарды людей умрут из-за него. Он допил остатки и открыл вторую бутылку. Сделав пару глотков, он спросил себя, были ли окна в квартире небьющимися и сможет ли он разбить одно из них стулом и прыгнуть вслед за ним.

Учитывая законы физики, как их понимал Питер, это было невозможно. Участки земной коры не могли парить в небе, и люди на этих участках не могли быть живыми. Единственное квазирациональное объяснение заключалось в том, что сингулярность полностью преобразовала их мир,

учитывая его новые свойства. Теоретически сингулярности могут создавать вселенные, поэтому это было возможно.

Питер вернулся к окну и выглянул наружу. Уже почти наступил вечер, небо становилось серым.

Гравитация продолжала действовать на небольших объектах, поэтому она должна была присутствовать на больших островах, висящих в воздухе. Если руководствоваться этим предположением, в воздухе острова держала другая сила. Сила, пришедшая из космоса?

Этот участок Манхэттена напоминал ему сингулярность, зависшую между двумя силами. Другая возможность — это просто отталкивание. Сжимая руки в мольбе, Питер представил себе миллион крошечных островов, запертых вместе, потому что каждый отталкивал соседние. На субатомном уровне это было обычным делом, учитывая принцип запрета Паули: любые два электрона с одинаковыми свойствами отталкивались друг от друга. Если бы сейчас эти квантовые свойства применялись к макроскопическим объектам или если эти участки земли имели бы некоторый тип заряда, который заставлял бы их отталкивать друг друга, мир за окном Питера был бы возможен.

Он допил пиво и бросил бутылку на безупречно чистый ковер цвета слоновой кости. Напуганный до смерти, спрашивающий себя, все ли у его друзей в порядке, он подошел к холодильнику и достал еще пиво.

Что будет завтра с миллионами душ, живущих на этом острове без энергии и с ограниченными ресурсами?

50

Фоллер притворялся, что полностью поглощен едой, правда, в какой-то степени так и было, потому что она была чертовски вкусной — спагетти с томатным соусом. Наслаждаясь блюдом, он прислушивался к беседе за соседним столом.

— Ничего не изменится, — говорил Питер Одиннадцатый. — В их глазах мы так и останемся мерзкими.

— Первый? Первый?

Фоллер вдруг вспомнил, что это его имя. Кто-то повторил его как минимум полдесятка раз. Поодаль, словно боясь приблизиться, стоял Питер Двадцать Шестой.

— Извини. Трудно привыкнуть к новому имени. Я все время ожидаю, что люди назовут меня Один-Тридцать-Один.

Питер Двадцать Шестой слегка натянуто улыбнулся и кивнул.

— Тебя хотят видеть в Министерстве обороны.

— Да. Хорошо.

Что за Министерство обороны? Если он решил прикрываться ударом головы, сейчас самое время спросить. Но это может вызвать подозрение, особенно если его странных вопросов и поступков станет больше.

— Семнадцатый?

Питер Семнадцатый, орудующий вилкой, поднял глаза.

— Прогуляешься со мной в Министерство обороны?

— Конечно, — ответил Питер Семнадцатый, нетерпеливо вскакивая со своего места.

Фоллер вышел за ним на улицу.

— Я попросил тебя составить мне компанию, потому что хотел поговорить с тобой о стратегии.

Питер Семнадцатый взглянул на него.

— Ты знаешь, что я поддержу тебя, что бы ты ни решил.

— Я в этом не сомневаюсь. Но я знаю, что у тебя есть свои мысли, и я хотел бы их услышать. Думаю, возможно, нам нужен более смелый план.

Питер Семнадцатый изложил свои мысли о стойком сопротивлении их низкому статусу в мире Уго. Он утверждал, что Уго держал их там, где они были вне ненависти к Сэндовалу и всегда будут. Что они умнее и способнее, чем кто-либо на этом острове, и не должны позволять относиться к себе как к отбросам.

Он продолжал говорить, пока они шли по кирпичной дорожке, излагая мысли быстро и страстно, вероятно, понимая, что это его единственный шанс выбиться в люди.

Если бы он знал, с кем разговаривал.

Когда появилась группа нарядно одетых людей, направлявшихся к ним, Питер Семнадцатый вывел Фоллера на улицу, давая им больше пространства. Фоллер подождал, пока они выйдут из зоны слышимости, а затем спросил Питера Семнадцатого, что он думает о возможности вывести Уго из игры.

Глаза Семнадцатого расширились от страха.

— Не шути так.

— Я серьезен как никогда.

— Они разорвут нас на части и сбросят с края света по кусочкам.

— А что, если мы не будем стоять на месте и ждать, пока нас порежут на куски? Что, если мы

захватим истребители? Уго — тот, кто нас ненавидит. Если бы он был мертв, остальные бы не тратили время на охоту за нами.

Питер Семнадцатый посмотрел на дорогу.

— Мне нужно время, чтобы переварить то, что ты предлагаешь. Не хочу показаться неуважительным, но меня нервирует это обсуждение, даже здесь. — Он выглядел испуганным.

— Хорошо. Поговорим в другой раз.

Посмотрев на небо, Фоллер подумал о мире Орхидей, перевернувшемся вверх ногами. Это *он* изобрел вещь, которая это сделала, вещь, имеющую силу разорвать весь мир на части. Если он смог сделать это с камнем и небом, он сможет найти способ убить Уго. Как только Уго будет мертв, он снова сможет увидеть Бурю. Они придумают способ помочь людям. Он хотел бы вернуться к Маргаритке и к остальной части своего племени на самолете, где лежала бы еда, лекарства и источники энергии. Какой бы это был замечательный план. Он усмехнулся, представив выражения лиц Маргаритки и Орхидеи, когда он выходит из такого самолета.

Питер Семнадцатый повел его по дороге, вдоль которой тянулись большие приземистые здания с автостоянками. Стоял теплый день, солнце

припекало голову. Они шли молча. Питер Семнадцатый, вероятно, обдумывал то, что предложил Фоллер.

Они прошли мимо рекламного щита: гигантское изображение лица Уго со сдержанной, почти кокетливой улыбкой. Питер Семнадцатый провел его через ворота. Охранник, одетый в военную форму, кивнул, когда они проходили мимо.

За воротами находились старые, рушащиеся строения, похожие на заводы, и отреставрированные здания, усовершенствованные новыми материалами и несколькими стеклянными и стальными конструкциями последнего поколения. Питер хотел спросить у Питера Семнадцатого, в каком из них Министерство обороны, но это было бы признаком абсолютного невежества.

Питер Семнадцатый подвел его к самому впечатляющему из отреставрированных зданий. Они прошли через контрольно-пропускной пункт, охраняемый двумя серьезными мужчинами военного вида, двинулись по коридору, спустились по лестнице, и, открыв тяжелую дверь, вошли в большую комнату. Комната была выполнена по последним технологиям, все в ней светилось и функционировало. На дальней стороне отдельно стояла небольшая стальная

камера с толстым стеклянным окном.

За станциями сидели десятки людей, в том числе два Питера. У одного из них на рукаве была буква З, у другого — Е. Оба носили очки. Они были сосредоточены на работе, стуча пальцами в перчатках по клавиатуре и размахивая руками в воздухе, как будто там было что-то, что Фоллер не видел.

— Смелее, — сказал Питер З, не поднимая глаз. — Пойди посмотри на это. Ты знаешь, что хочешь это сделать.

Питер Семнадцатый направился к стальной камере и сказал:

— Я знаю, что хочу.

Фоллер, последовавший за ним, заглянул через плечо Питера Семнадцатого и увидел шар с абсолютной чернотой. От этого зрелища у него глаза на лоб полезли. Сфера была чернее, чем сам черный цвет в его представлении. Даже чернее, чем туннели, по которым они с Бурей пробирались в ее мире, убегая от людей с ножами и топорами.

Он сразу понял, что это такое.

Министерство обороны. Оно предназначено для *самозащиты*, но иногда и для *военных действий*. Место, где хранится оружие.

Когда они вернулись, Питер З взглянул на но-

мер на рукаве Питера Семнадцатого и сказал:

— Подожди снаружи. — Без единого слова Питер Семнадцатый развернулся на пятках и вышел. Очевидно, буквы имели больший вес в иерархии Питеров.

Питер 3 посмотрел на Фоллера.

— Поздравляю.

— Спасибо.

— А теперь, раз уж ты новый номер один, послушай.

— Хорошо.

Питер Б бросил на него подозрительный взгляд, словно в его ответе был намек на сарказм.

— Тебе нужно держать своих людей в узде. Мы знаем, что они недовольны всей этой классной работой. Мы слышим жалобы. Держи их мотивированными. Мы восстановили сингулярность, но это не значит, что они могут расслабиться. Нам нужна сила.

— Понятно.

Это имело определенный смысл: если у вас есть точные копии человека, который что-то создал, научите их тому, что он знал, и они тоже смогут это создать.

— Несколько твоих людей перегибают с жалобами, и этот парень, — Питер 3 указал на

дверь, — Семнадцатый, он первый в списке. Если он и другие, подобные ему, не успокоятся, я их уничтожу.

Фоллер кивнул, пытаясь выглядеть обеспокоенным по поводу неподобающего поведения Питера Семнадцатого.

— Я серьезно, — продолжал Питер 3. — У нас есть весь вирус затмения в мире, и я не боюсь его использовать.

— Я в вас не сомневаюсь, — серьезно сказал Фоллер. — Я сделаю все возможное, чтобы их успокоить.

Питер 3, казалось, был удовлетворен. Он продолжил говорить, инструктируя Фоллера по поводу различных рутинных аспектов его новой должности. Быть королем отбросов, похоже, малопривлекательное занятие.

51

Внимание Фоллера привлекла бутылка, стоящая в задней части маленького шкафчика в его комнате. Отодвинув коробки и банки в сторону, он вытащил большую квадратную бутылку из коричневого стекла с черной этикеткой и белыми надписями. Очевидно, бутылка с алкоголем. Раньше Фоллер видел только несколько таких,

но сейчас вспомнил, как они выглядели.

Он открутил крышку, понюхал, наслаждаясь острым, едким запахом жидкости, и, мысленно поблагодарив настоящего Один-Тридцать-Один за его дальновидность, немного отхлебнул ее. Он смаковал каждый глоток. Жжение в горле вызвало воспоминания о последнем употреблении спиртного. Во время поисков еды он и Рыба нашли полбутылки такой же прозрачной жидкости в квартире на пятидесятом или шестидесятом этаже под кроватью. Та комната, очевидно, была комнатой мальчика-подростка. У Фоллера и Рыбы такая находка вызвала прилив адреналина: они пронеслись последние десять этажей и забрались на крышу. Там они, опустошив бутылку, кричали, завывали и прыгали, как идиоты, пока не уснули.

Фоллер сделал еще один глоток, побольше. В ту ночь с Рыбой выпивка развеяла его сомнения и страхи, как никогда раньше. Фоллер надеялся, что сегодня это повторится.

Но чем больше он пил, тем более печальным и одиноким себя чувствовал. Перед глазами у него все так же стояло лицо Укуса Змеи, его пустые и невидящие глаза, развевающиеся на ветру волосы. Фоллер вытащил из своего тайника в ботинке

небольшую рацию и перевернул его. Прямо сейчас, через все эти километры он мог связаться с Бурей, хотя они решили, что делать это, пока он не будет готов улетать, — плохая идея.

Сделав еще глоток, он достал из ботинка фотографию себя и Бури. По его мнению, на ней всегда будет Буря. Он подумал о том, что сказала Мелисса, что ей больно видеть их вместе. Он задумался, полюбил ли бы он Мелиссу, если бы встретил ее первой. Это была очень сложная ситуация. Все, что он мог сделать, — это слушать свое сердце, а оно говорило ему, что он любит Бурю.

Нажав кнопку в центре рации, Фоллер поднес ее к уху.

— Привет, — сказала Мелисса. — Что случилось?

Забавно, что он мог определить, что это была Мелисса, после всего нескольких слов.

— Да ничего. Они учат нас физике, а я теперь лидер Питеров.

— Ты пьян?

Он поднял бутылку и посмотрел на количество оставшейся жидкости.

— Пока не очень, но скоро буду.

— Ты видел Уго?

— Видел. Он льстивый мудила.

Мелисса рассмеялась.

— Могу я поговорить с Бурей?

Тишина на линии.

— Так вот зачем ты позвонил? Ты пьян и страдаешь по своей подружке.

Еще одна пауза.

— Фоллер? — сказала Буря.

Фоллер рассмеялся от восторга. Он просто не смог сдержать смех. Да, он был пьян, и ему это нравилось.

— Я просто должен был позвонить, чтобы сказать, что я люблю тебя.

Он еще раз приложился к бутылке: немного жидкости вытекло из уголка рта, забрызгав коричневое военное одеяло Один-Тридцать-Один.

Он поднял глаза и увидел Питера Второго, стоящего в дверном проеме и держащегося за дверную ручку.

— Ты с ума сошел? — воскликнул он.

— Я должен идти, — Фоллер опустил рацию.

Питер Второй сдернул его с кровати и потащил вниз по коридору в темноту двора.

— Насколько сильной была та травма головы? Настолько, чтобы забыть о камерах?

— Что? — У Фоллера заплетался язык, поэтому говорить ему было сложно.

Питер Второй нахмурился и пристально посмотрел на него.

— Что там с тобой случилось? — Он приложил ладонь к его лбу. — Послушай, если у тебя есть отношения с какой-то женщиной, это твое дело. Но ты только что выставил это напоказ Вулкоффу. Номер Один ты или нет, за это они придут за тобой.

Питер Второй думал, что Фоллер разговаривал с тайной любовью. Но камеры наблюдения? Люди Вулкоффа за ними следят? Фоллер попытался вспомнить, что он говорил Мелиссе и Буре. Было ли что-нибудь такое, что могло его выдать?

Он ничего не мог вспомнить. Он назвал Вулкоффа мудилой, сказал Буре, что любит ее, но не называл Мелиссу по имени…

Его окатило ледяной волной страха.

Фотография. Он вытащил фотографию себя и Мелиссы.

Он покойник. Вероятно, за ним уже идут. Его друзья не смогут добраться до него вовремя.

Питер Второй прищурил глаза.

— Ты сделал это нарочно, не так ли? Ты не можешь так много помнить. Ты сделал это, чтобы заставить нас действовать.

Бешеный пульс Фоллера замедлился. Он как

можно спокойнее и увереннее посмотрел на Питера Второго.

— Ты прав.

Питер Второй удивленно покачал головой и прошептал:

— Ты сумасшедший ублюдок.

— Кто-то должен был разбудить нас. Мы не можем провести остаток своей жизни, опустив головы и отсиживаясь в сточной канаве, чтобы дать дорогу другим. Я лучше умру.

Питер Второй разглядывал его с выражением, граничащим с благоговейным.

— Тебе не просто так повезло устранить Сэндовала. Ты лидер. Настоящий лидер, — он кивнул. — Хорошо, Первый, я готов умереть за шанс пожить свободно. Расскажи мне, что ты хочешь делать.

Это был хороший вопрос. Сто пятьдесят невооруженных Питеров не могли противостоять армии. И как только Питеры узнают, кто Фоллер на самом деле, у него вообще не будет союзников. Все, что он мог сделать, — это забрать отсюда Уго. Хотя даже это казалось маловероятным: Уго не будет высовываться, пока Фоллера не убьют.

Питер Второй ждал приказаний.

— Я иду в Министерство обороны. Ты можешь

достать мне оружие? — Возможно, он сможет заставить кого-то использовать сингулярность, чтобы убить Уго.

— Пойдем.

Питер Второй и Фоллер трусцой выбежали из кампуса, направились в сторону переулка и остановились перед маленьким белым домом.

— Подожди здесь, — сказал Питер Второй.

И, сделав паузу, добавил:

— Не у тебя одного есть девушка.

Казалось, что Питер Второй находится внутри дома целую вечность, — так, по крайней мере, казалось Фоллеру. На счету была каждая минута, момент, что он будет разоблачен, приближался. Наконец, Питер Второй вышел и, прижавшись к нему, поднял футболку и засунул пистолет ему за пояс.

— Попытайся убедить людей, — сказал Фоллер. — Я иду за Уго.

Он повернулся, чтобы уйти, но в голову вдруг пришла мысль.

— Подожди.

Питер Второй развернулся.

— Можешь дать мне свою рубашку?

Стянув рубашку, Питер Второй передал ее Фоллеру и протянул руку, чтобы забрать одежду у

него.

— Нам, наверное, следует выбросить ее в кусты. На ней тоже может быть средство слежки.

Второй покачал головой и надел рубашку.

— Это может выиграть для тебя время.

Фоллер похлопал Питера Второго по плечу, чувствуя себя ужасно. Если Второй выживет, он будет ненавидеть себя за то, что его обманом заставили помогать монстру Питеру Сэндовалу. Он никогда не поймет, что Фоллер не знал Питера Сэндовала точно так же, как и Питер Второй.

Бросившись к Министерству обороны, Фоллер позвонил своим друзьям. Ему ответила Буря.

— Все пошло к чертям, — сказал он, перепрыгивая низкую каменную стену на краю кампуса.

Мчась по тротуару, он чуть не столкнулся с молодой парой.

— Извините. — Бросил он через плечо, переходя улицу, и в рацию добавил: — Если от меня не будет вестей в течение двух часов, двигайтесь дальше и прыгайте, посмотрите, что можно найти ниже этого мира. Не тратьте ни секунды.

— Нет. Мы придем и заберем тебя. — Она едва сдерживала рыдания.

— Слишком поздно. — Фоллер старался держать свои эмоции под контролем.

Ему нужен был воздух, чтобы бежать. Его легкие уже горели, бедра были словно резиновые, рана на плече ныла. После выпивки ему казалось, будто он бежит по наклонному тротуару. Он остановился в засаженном деревьями переулке.

— План был рискованным с самого начала. По крайней мере, вы останетесь в безопасности.

Конечно, Уго не станет преследовать других, когда Фоллер умрет.

Вдали загудел вертолет. Фоллер нырнул под дерево и прислонился к толстой ветке, чтобы успокоиться.

— Я не должна была тебя отпускать. Мне следовало поговорить с тобой.

— Нас и так ждала смерть, — сказал он, тяжело дыша. — Невозможно сражаться с тем, кто может переворачивать миры.

Гул вертолета стих. Фоллер побежал дальше. Видневшаяся впереди группа из четырех мужчин и женщин, одетых в изящные костюмы, остановилась, когда он приблизился. Фоллер выбежал на улицу, чтобы их проскочить.

— Притормози, *Питер*! — крикнул один из мужчин, когда Фоллер пробегал мимо.

— Мне пора идти. — Было трудно прижимать рацию к уху. — Я люблю тебя, Буря. Мне жаль, что

все получилось не так, как мы думали.

— Не сдавайся, Фоллер! — закричала Буря. — Твой голос говорит, что ты сдаешься.

Мчась по лестнице между двумя зданиями, он проскочил мимо пожилой женщины, бросив на ходу: «Извините», — и двинулся дальше.

— Я просто реалист. Знаешь, честно говоря, это был не тот ответ, на который я надеялся.

— Я тоже тебя люблю! — крикнула Буря в трубку. — Вот почему ты не можешь сдаться. Найди выход. Ты упал с чертового мира и нашел выход из этого.

— Это правда.

Однако ему повезло. А теперь везение кончилось.

— Я должен идти. Извини, но я бегу за своей жизнью.

— Беги быстро, Фоллер. — Буря отключилась.

С каждым шагом его ноги реагировали все более вяло. Его тошнило, он чувствовал головокружение, держась за перила, как старуха, которую он чуть не сбил.

Он повернулся на звуки выстрелов вдалеке. Питер Второй должен был убедить других Питеров присоединиться к нему. Фоллер задался вопросом, была ли до сих пор на нем рубашка с

номером один.

Добравшись до дороги, ведущей к Министерству обороны, он что есть мочи побежал прямо на колонну солдат, направляющихся в другую сторону. В строю разразились крики. В его сторону повернулись винтовки.

Он поднял руки.

— Спокойно. Я на вашей стороне. Я направляюсь в Министерство обороны, чтобы… — Он запнулся, не зная, по какому делу туда мог направляться Второй. — За поддержкой. Связью. Я не знаю, эти Питеры с оружием, они с ума сошли или что.

Командир взвода махнул своим солдатам, Фоллер последовал дальше.

— Удачи! — крикнул им Фоллер.

Он двинулся вперед, сохраняя бодрый, но не слишком быстрый шаг, пока солдаты не скрылись за листвой деревьев. Затем он снова побежал.

Он подумал о вооруженной охране у ворот и солдатах на контрольно-пропускном пункте внутри. Он не пройдет мимо них. В любом случае кто-то свяжется с начальством по радиосвязи и проверит его историю, даже если он придумает что-то убедительное.

Его внимание привлекло движение на дороге

впереди. Еще больше солдат. Фоллер огляделся, чтобы где-то спрятаться. Вдоль одной стороны дороги тянулся высокий забор из сетки. Напротив, посреди огромных куч гравия и песка стояло приземистое бетонное здание. Большие желтые машины — бульдозеры, фронтальные погрузчики, катки — заполонили заднюю часть участка. Пробираясь через высокие сорняки, он метнулся к зданию.

Внутри он нашел остатки офиса. В помещении стоял стол, опрокинутый вращающийся стул и разбитый монитор компьютера. В углу стоял мешок с клюшками для гольфа, на стене висели фотографии с моментами игры. Фоллер вытащил из-за пояса пистолет и сел у стены сбоку от двери. Выстрелы, которые он слышал издалека, стихли. Возможно, все Питеры, которые поднялись на протест, были мертвы. Мелисса говорила, что этот план приведет только к большему количеству смертей, и она была права. Питеры были людьми, попавшими в плохую ситуацию, не более того. Они не заслуживали смерти.

Топот ног солдат на дороге стих. Фоллер выглянул в дверной проем. В небе промелькнул свет прожектора и через миг погас.

Ему нужно было двигаться. Он пробирался

через сорняки, виляя между старыми зданиями и более низкими заборами, но все так же двигался параллельно дороге, периодически поглядывая на высокий забор, увенчанный зловещими завитками колючей проволоки на другой стороне. Либо ему нужно найти путь над забором или под ним, либо ему придется штурмовать ворота комплекса. Одному, с одним пистолетом.

Ему пришло в голову, что он даже не знает, сколько у него патронов. Остановившись, он опустился на колени в высокой пожелтевшей траве и вытащил обойму, как его учил Укус Змеи. Она была полной. По крайней мере, хотя бы что-то.

Услышав со стороны дороги голоса, Фоллер припал животом к земле.

— Проверьте эти здания. — Фоллер сразу узнал голос, потому что он был его собственный. — Пятьдесят Шестой, ты слышал, что я сказал? Я хочу, чтобы через каждые двести метров был один человек.

— Извините, — сказал Пятьдесят Шестой.

Фоллер услышал слева от себя шаги. Кто-то пробирался через траву. Он затаил дыхание, оставаясь совершенно неподвижным, и услышал в десяти метрах от себя голос:

— Чисто.

— Хорошо, давайте двигаться дальше.

Как только Питеры ушли, Фоллер слегка приподнял голову. Дальше по дороге двигались тридцать Питеров. Впереди них шел Питер Первый, бывший Второй. Питер Пятьдесят Шестой, находившийся в двадцати метрах слева от Фоллера, стоял посреди дороги. На бедре у него была кобура с пистолетом.

Фоллер здорово попал. Теперь он не мог даже перейти дорогу, не говоря уже о том, чтобы добраться до Министерства.

Взгляд Фоллера задержался на дренажной трубе рядом с дорогой. Она уходила под землю.

«Вот оно», — прозвучал в голове голос Укуса Змеи. Он почти видел, как Укус присел на корточки рядом с ним и спрашивает: «Как у тебя с закрытыми пространствами»?

Фоллер посмотрел на черноту внутри трубы. Честно говоря, он не знал, как у него с закрытыми пространствами. Он пополз на животе по траве, добрался до отверстия и, выставив руки вперед и чувствуя боль в плече, шмыгнул в канализацию.

Внутри пахло смесью болота и экскрементов. Густая слизь, покрывавшая дно, попадала Фоллеру за шиворот.

Из-за боли в плече ползти было мучительно.

В движении он преимущественно задействовал ноги, отталкиваясь от стенок трубы пальцами и помогая себе локтями.

Быстро стало темно. Он не мог не думать о том, сколько земли было между ним и дорогой выше и что произойдет, если эта труба просто будет опускаться ниже, в какую-то подземную дренажную систему. Он не мог вернуться назад — было слишком тесно.

Боль в плече ослепляла. Фоллер прищуренно вгляделся в темноту и понял, что видит круг тусклого серого света. Обрадовавшись увиденному, он с новыми силами двинулся вперед, цепляясь за стенки трубы руками и ногами.

Круг света увеличился, но не становился ярче. Он поднял глаза и увидел, что его труба переходила в большую вертикальную трубу с лестницей, установленной сбоку. Он увидел это через вертикальные щели металлической решетки.

Приблизившись, он схватился за решетку и попытался открыть ее. Она загремела, но не сдвинулась с места.

— Черт!

Сердце Фоллера неистово колотилось.

«Подожди», — снова прозвучал голос Укуса. Он представил себе, как Укус поднимается, касаясь

спиной верхней части трубы, тянется к поясу и вытаскивает пистолет.

Из-за раненой руки Фоллер не мог так держаться и добраться до оружия, поэтому он перевернулся на спину, чтобы вытащить его из-за пояса.

Понимая, что есть большая вероятность того, что пуля срикошетит прямо ему в лицо, Фоллер приставил дуло к нижней петле, закрыл глаза и выстрелил.

В ушах раздался оглушительный звук, похожий на писк испуганного щенка, но он был готов к этому. Петлю оторвало. Он выстрелил в другую, протянул руку и открыл решетку, надеясь, что он достаточно далеко под землей и никто не слышал выстрела.

Он выбрался на поверхность рядом с огромным неосвещенным бетонным зданием.

Осмотревшись, Фоллер нырнул туда, откуда мог видеть здание Министерства обороны. Оно было ярко освещено. Через стеклянные двери Фоллер видел охраняемый контрольно-пропускной пункт. Они посмотрят на его рубашку с номером два. Соскребая грязь, которой была заляпана рубашка, он замазал цифры на обоих плечах и, сделав пару глубоких вдохов, сказал себе:

— Ты сможешь сделать это.

Он выбежал на открытое пространство и ворвался в передние двери.

— Мы поймали его! — крикнул он и взволнованно затаил дыхание.

Три человека в комнате — двое мужчин и женщина, одетые в военную форму — опустили свои штурмовые винтовки, их лица смягчились.

— Где он был? — спросила женщина, окидывая Фоллера взглядом. — Похоже, он оказывал сопротивление.

Улыбаясь, Фоллер подошел прямо к троице, поднял пистолет и застрелил всех по очереди.

Направляясь к пункту управления, Фоллер изо всех сил старался взять себя в руки. «Они застрелили бы его, если бы у них был шанс», — сказал он себе. И потом с радостью завязали бы на шее веревку и протащили по дороге.

Добравшись до тяжелой двери, он снова остановился, пытаясь успокоиться. В прошлый раз в центре управления все были безоружны, но на этот раз они знали, что может прийти Фоллер.

Теперь изобразить широкую улыбку было сложнее, но он сделал все возможное.

— Мы поймали его! — закричал он, врываясь в помещение.

Все в комнате подняли глаза, в том числе два

Питера: А и С.

Похоже, здесь был только один вооруженный человек — солдат, который смотрел на большой экран через плечо женщины, его винтовка была прислонена к ближайшему столу. Фоллер подошел и схватил ее.

Солдат дернулся, словно от испуга, и бросился к Фоллеру. Тот сделал шаг назад и навел пистолет на грудь солдата.

Он посмотрел на большую стальную дверь. Она была пятнадцати сантиметров в толщину и явно предназначалась для того, чтобы не впускать недругов. Если у тех вдруг не окажется с собой базуки. Было бы проще, если бы с ним были заперты всего несколько человек.

Прижавшись спиной к двери, Фоллер навел пистолет на Питеров и спросил:

— Кто здесь знает, как управлять оружием?

— Иди к черту, Сэндовал, — выпятив губу, ответил Питер А.

Фоллер прицелился ему в бедро.

— Либо отвечай на вопрос, либо я застрелю тебя. Ты меня знаешь. Я раздумывать не буду.

Взгляд, который бросил на него Питер А, был наполнен таким презрением, такой неприкрытой ненавистью, что Фоллер сделал над собой

усилие, чтобы не отступить.

Он поднял пистолет и навел его на лоб Питера А.

— Считаю до трех, и ты умрешь.

Питер С поднял глаза и встретился взглядом с Фоллером.

— Это не теоретическая физика, Сэндовал. Тебе нужен я.

Фоллер взглянул на него.

— Ясно. Вы двое остаетесь. Все остальные на выход.

— Я сказал, все на выход! — рявкнул Фоллер, наводя пистолет на безоружного солдата.

Комната опустела. Не отрывая взгляда от Питеров, Фоллер закрыл тяжелую дверь и задвинул огромный железный засов.

— Я думаю, что ты не больший поклонник Уго Вулкоффа, как и я, — сказал Фоллер Питеру С.

Питер С откинулся на спинку кресла.

— Не пытайся найти со мной общий язык, Сэндовал. Просто скажи, что тебе нужно, и я решу, что лучше — сделать это или получить пулю в голову.

— Я хочу, чтобы ты убил Вулкоффа.

Питер С покачал головой.

— Это военный объект. Мы имеем дело с ору-

жием массового уничтожения. Я не могу убить одного человека на расстоянии. Я даже не знаю, где сейчас находится Вулкофф. Насколько я знаю, он где-то за этой дверью.

Фоллер ударил по столу.

— Я хочу, чтобы он умер. Как мне это сделать?

Он действовал наобум: он ничего не знал об этом месте и не мог ожидать хоть какой-то помощи от Питеров. Он даже не знал, что может делать сингулярность, а единственное другое оружие, о котором он знал, было…

— В прошлый раз, когда я был здесь, ваш коллега, мистер З, пригрозил использовать вирус затмения на Питере Семнадцатом.

Питер С снова покачал головой.

— Если бы ты мог доставить Вулкоффа в эту комнату, я бы ввел ему этот вирус, а так он тебе ничем не поможет.

Питер С пожал плечами.

— Я мог бы выпустить его, но через несколько часов *мы все* будем пустыми. — Он махнул в сторону двери. — Все, без исключения. Дверь-то тяжелая, но комната не герметична. Стерев память Вулфкоффу, ты сотрешь ее себе.

Фоллер прислонился к столу. Сотрет себе? Мысль о том, чтобы опять пережить Первый

День, вызывала у Фоллера крик отчаяния. Он забудет Укуса Змеи и падения. Он забудет Бурю. Он не хотел начинать с чистого листа и бродить, как заблудившийся и растерянный маленький мальчик.

Но какой у него еще вариант? Оставаться здесь до тех пор, пока он не умрет от жажды?

— Какого черта… Давайте нажмем сброс, — сказал Фоллер.

— Погоди, — сказал Питер С. — Ты шутишь, да? Ты ведь на самом деле не хочешь…

— Сделай это.

Питер С пристально смотрел на него.

— Это единственный способ, с помощью которого ты и остальные Питеры сможете оказаться с ними на равных. Мы все вместе можем быть несведущими.

Питер С засмеялся.

— Я не хочу становиться равным таким образом.

Фоллер подозревал, что все не так просто.

— Потому что ты слишком ненавидишь меня, чтобы дать мне то, что я хочу, даже если это заставит меня и Уго страдать?

Питер С откинулся назад и вынул из-под консоли пакет. Фоллер вырвал его у него.

— Мой обед, — сказал Питер С. — Я проголодался.

Фоллер заглянул внутрь и вернул пакет. Питер С вытащил яйцо, разбил его об стол и начал очищать от скорлупы.

— В этот момент я ненавижу вас обоих одинаково, — сказал он, поднимая взгляд на Питера А. — Ты ведь тоже думаешь, что я прав?

Питер А махнул рукой.

— Сэндовала даже немного больше.

— Тогда отправь нас обоих в каменный век.

Питер С откусил от яйца.

— Тебе стирали память? — спросил Фоллер.

Питер С покачал головой.

— Копии Питера, чьей копией являюсь я, стирали.

— Тогда ты помнишь, как это ужасно, очнуться после того, как это произойдет, — пожал плечами Фоллер. — Я прошу тебя применить это ко мне и Уго.

Питер С доедал яйцо.

— И к себе.

— Если ты тратишь мое время, — сказал Фоллер, стараясь подражать Укусу Змеи, — ты сможешь сделать это и одним пальцем, который я тебе оставлю.

Он перебросил винтовку через плечо и, все еще держа пистолет здоровой рукой, поставил ногу на стул и достал нож Укуса, прикрепленный к ноге.

Похоже, Питер С проглотил последний кусочек яйца с трудом, увидев Фоллера и его нож так близко.

Консоль загудела. Посмотрев на нее, Питер А сказал:

— Это Вулкофф.

Он нажал клавишу, и на экране, установленном на стене, появилось лицо Вулкоффа.

— Ты что думаешь, что ты хренов умник? — спросил он.

— Очевидно, я самый умный человек из ныне живущих, — Фоллер взглянул на Питеров. — Хотя теперь я думаю, что таких есть еще сто пятьдесят.

Вулкофф наклонился ближе к экрану.

— Очевидно. Именно поэтому я заразил тебя вирусом. И не понимал этого, пока не нашел карту, которую ты нарисовал.

— Она меня выдала. Но это меня не остановит.

Вулкофф сложил руки.

— И что ты собираешься делать сейчас, мистер Гений?

— Я работаю над этим.

Вулкофф хмыкнул.

— Я могу запереть дверь снаружи и оставить тебя гнить. Собственно, именно это я собираюсь сделать.

Фоллер указал на А и С.

— У меня заложники. Невинные люди. — Он оттягивал момент, как только мог.

— *Невинные* люди. — Вулкофф пренебрежительно махнул рукой. — Они — это ты, до последней клетки. Я с нетерпением жду того дня, когда смогу выстроить всех вас на расстрел, но пока буду довольствоваться тремя.

Фоллер не мог сдержать полуулыбку. Пусть его клоны немного переварят столь восхитительное заявление.

— Ты не мог бы освежить мне память перед тем, как убьешь меня? Я так понимаю, ты уничтожил настоящего меня. В чем же причина нашего противостояния?

Уго развел руками и придвинул лицо к монитору.

— Между прочим, ты убил мою жену.

Фоллеру было больно, когда люди говорили ему, что до Первого Дня он был хладнокровным убийцей. Теперь он знал, кто он такой, и что люди не меняются, даже если им стираешь память. С

каждым днем Фоллер все больше это понимал.

— Значит, я взял пистолет, нож или что-то еще, а потом убил ее?

— И оружие у тебя тоже могло быть. — Гнев Уго нарастал. — Ты же идиот. Ты всегда плохо судишь о людях и видишь только себя, переступая через всех и оставляя за собой погубленные жизни и разрушенный *мир*. Вот и все, что ты можешь.

Лицо Уго исчезло.

Фоллер повернулся к Питеру С.

— Ты все так же ненавидишь меня немного больше…

Питер С поднял руку.

— Замолчи. Я сделаю это.

— Тебе нужна помощь? — спросил Питер А.

— Нет, я справлюсь.

Питер С посмотрел на Фоллера.

— Питер Сэндовал и я собираемся закончить то, что он начал. — Он пожал плечами. — Кто знает, может быть, потом все мы встретим хороших девушек, поселимся в домах вдоль Джеймстаун-Роуд, будем растить детей. Что бы ни случилось, все лучше, чем это.

Он наклонился над консолью. Фоллер наблюдал, как его пальцы бегают по клавиатуре.

На лбу Питера С выступил холодный пот: улыб-

ка исчезла, сменившись напряжением, может быть, даже страхом. Наконец он повернулся лицом к Фоллеру.

— Мы находимся в одном шаге от затмения. После его освобождения возврата не будет. Что делать, Сэндовал?

— Сделай это. И меня зовут Фоллер. Больше не называй меня Сэндовалом. Во мне столько же Сэндовала, сколько и в тебе.

Питер С повернулся к своей консоли и, нажав на кнопку, встал, пошел в дальний конец комнаты и взглянул на сингулярность.

— Ты сказал, что потребуется несколько часов? — спросил Фоллер.

— От шестнадцати до двадцати, — сказал Питер С. — Воздух настолько пропитан, что все мы станем нулевыми пациентами[32] одновременно.

Что бы это ни значило.

— Могу я дать тебе совет? — спросил С. — На твоем месте я бы отошел от этой двери.

Фоллер посмотрел на дверь и перевел взгляд на Питера С.

---

[32] Примечания: 32

Под этим обычно подразумевается тот, с кого начинается эпидемия. Причем, что характерно, зачастую этот самый «нулевой пациент» выступает лишь разносчиком заболевания, а сам может и не страдать от симптомов болезни. *(Прим. пер.)*

— Почему?

Ему ответил мистер А, который уже шел к задней части комнаты:

— Уго не испытает удовольствия, если ты просто умрешь здесь с голоду. Он попытается открыть эту дверь.

XXVII

Питер проснулся и вздрогнул. Ему приснилось, что под его кроватью открылась дыра и он падал прямо сквозь ядро Земли. Но реальность, в которой он проснулся, была не менее причудливой и странной.

Он нашел под раковиной новую щетку и почистил зубы, используя вместо воды лимонад.

Прильнув к телескопу, он посмотрел на улицу внизу. Большинство проходящих мимо людей перевозили вещи или толкали тележки. Питер не чувствовал никакого желания выходить туда и присоединяться к ним, хотя знал, что каждая минута, на которую он откладывал сбор пищи, воды и оружия, уменьшала шансы на выживание. Он не боялся. Любые чувства вытесняло одно — чувство вины. Он не знал ни одного способа сделать новый дубликатор из материалов, имеющихся на этом острове, поэтому получить еще одну

сингулярность было невозможно. Даже если бы ему это удалось, шансы на то, чтобы разобраться в произошедшем и восстановить мир, казались ничтожными. Ему, наверное, следует искать президента Аспен. Встреча с ней ничего не решит, но он мог бы объяснить, что произошло. А она, используя свои полномочия, смогла бы успокоить свой народ. Но, разумеется, такой поступок резко увеличил бы вероятность того, что его повесят на уличном фонаре или сожгут заживо.

Было бы неплохо иметь пистолет для защиты. Он переходил из комнаты в комнату, заглядывая в ящики и шкафы, надеясь, что ему повезет.

Вторая спальня в квартире была детской. Много солдатиков и военной игрушечной техники — здесь явно жил мальчик семи или восьми лет.

С прикроватной лампы свисал игрушечный парашютист. Питер отцепил его от выключателя и внимательно осмотрел. Фигурка была около трех сантиметров в длину, одетая в коричневую камуфляжную форму и соответствующий шлем. Его парашют был светло-зеленым, круглым, с прорезями в трех вставках.

Он сложил парашют и вместе с фигуркой подбросил к потолку. Парашют стремительно развернулся. Питер поднял парашютиста с пола

и засунул его в передний карман. В этот момент в его голове начал складываться план.

Каковы были шансы, что в этом новом мировом порядке Уильямсберг находится под Манхэттеном? Возможно, используя телескоп, он сможет исследовать каждый из островов в пределах радиуса действия, идентифицировать их и сформировать какую-то рабочую гипотезу о том, как разделились различные участки земли. Возможно.

Однако, даже если ему придется прыгать вслепую, Питер сможет воспользоваться возможностью, чтобы найти парашют или сделать его. Ему нечего терять, кроме его лаборатории и Мелиссы. По правде говоря, пяти Мелисс. Он знал, что она никогда не простит его. Скорее всего, она потеряла всякую веру в него после того, что он сделал. Но ему все еще нужно было найти ее. Даже если она его презирает, Питер отдал бы все, чтобы увидеть ее, чтобы быть рядом с ней.

Он также хотел найти своих друзей. Какое-то мгновение он не мог вспомнить лица Гарри и Кэтлин, но они вдруг встали перед глазами. Питер почувствовал невероятно сильное желание увидеть их. Желание с примесью горя по умершему Гарри. Он все еще не знал, как скорбеть по нему.

Теперь уйдут все, если только он не сможет их найти.

Небо завораживало. С его места оно выглядело невероятно огромным и было покрыто кучевыми облаками, похожими на гигантские зефирины.

* * *

Ему казалось, что он сейчас проснется. Но на самом деле Питер не спал — он наблюдал за облаками. Он встал и провел руками по лицу, пытаясь собраться с мыслями. Ему нужно идти, найти на этом острове, где-то в небе парашют, чтобы он смог отыскать…

В животе появилось странное, болезненное ощущение. Какое-то мгновение он не мог вспомнить, кого хотел найти. Он забыл Мелиссу.

Он направился к лестнице.

Люди на улицах усердно работали в поисках пищи. По тротуару прошел молодой парень в фиолетовой рубашке и солнцезащитных очках, толкающий тележку, наполненную бутылками с водой. Между его рукой и ручкой тележки был зажат пистолет.

Его внимание привлекла перебранка, возникшая в полквартале от него на углу улицы. Питер подошел ближе и услышал, как спорят мужчина

и женщина. Женщина была ужасно расстроена.

— …уйдите от меня, я вам сказала! — воскликнула она.

Мужчина протянул руку.

— Сабрина, пожалуйста. Я не понимаю, что с тобой происходит. Это я. Джои.

— Не трогайте меня. Оставьте меня в покое.

— Сабрина, ты, наверное, заболела. Нам нужно отвести тебя в безопасное место. К доктору или еще к кому-нибудь, кто сможет помочь.

Питер отшатнулся в другом направлении, но вдруг остановился и огляделся, не зная точно, куда идти. Все это сделал он, он и никто другой. Питер попытался вспомнить имя какого-то мужчины, но оно выветрилось у него из головы. Здоровяк, всегда носил шляпу. Если симптомы проявлялись сейчас, он, должно быть, выпустил вирус затмения за шестнадцать или двадцать часов до того, как послал Питеру предупреждение.

У него с этим здоровяком была ссора, но Питер не мог вспомнить, из-за чего. Из-за женщины.

Мимо Питера по тротуару прошла отчаянно рыдающая девочка лет тринадцати или четырнадцати. Задрав голову, она прижимала ладони к ушам и кричала:

— Где я живу?

Он должен был придумать, как свыкнуться с тем, кем он был сейчас.

Он вдруг вспомнил о сингулярности. Ее энергия могла бы быть использована для смягчения некоторых из этих проблем. Ее можно было бы перевозить на эти острова в топливных элементах. Он и другой Питер, который помогал ему ее переместить, были единственными, кто знал, где она спрятана. Ему нужно записать это, прежде чем он забудет.

Только жертвы вируса затмения не умели читать. Он не сможет читать через несколько часов. Эта мысль была ужасающей. Он сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь успокоиться.

А что, если он нарисует картинки? Или *карту*?

Он достал свой кошелек. Ничего такого, на чем можно писать, не было, кроме его удостоверения личности и пары фотографий. На одной из них были запечатлены он и его жена в их медовый месяц.

Если бы она знала, что он все еще носит с собой снимок, она бы залилась своим резким, саркастическим смехом, который он впервые услышал после того, как все пошло наперекосяк.

Он выбросил кошелек и его содержимое на тротуар, оставив только фотографию. Когда Пи-

тер попытался засунуть ее в карман, его пальцы ощутили, что там уже что-то есть.

Он вытащил парашютиста. Он совсем забыл о парашюте. Было ли время искать его?

Питер закрыл глаза, пытаясь угадать, как быстро действует вирус. Он понятия не имел, где вырос, не помнил свое детство и родителей. Он был физиком, он все еще помнил об этом. Его звали…

Имя не пришло.

Он должен был спешить. Похлопав себя по карманам, он понял, что ему нечем писать. Он мог бы пойти в ближайший многоквартирный дом, найти пустую квартиру и постучать в дверь. Но это займет время. Он мог забыть то, что хотел записать.

Он застыл как вкопанный. Что он хотел записать?

Он заметил в руке парашютиста, и тут в голову пришло воспоминание.

На его связке ключей висел перочинный нож. Он может порезать себе палец и писать кровью. Хорошая идея — это даст знать его будущему «я» со стертой памятью, что карта важна, что он буквально истекал кровью, чтобы ее нарисовать. Оглядевшись, он заметил в водостоке выброшен-

ную коробку конфет. Он разорвал ее по шву и развернул на тротуаре.

Он открыл перочинный нож и без колебаний разрезал большой палец одним быстрым, резким движением.

На тротуар падали крупные капли крови. Погрузив кончик указательного пальца в кровь, он начал снизу и нарисовал флажок, удерживая дрожащую руку другой рукой. Обе они были измазаны кровью.

Когда он набросал овалы, чтобы представить мир таким, каким он был сейчас, он начал забывать, что делает и зачем. Чтобы бороться с беспамятством, он раз за разом повторял вслух: «Я рисую карту». И продолжал рисовать.

52

Фоллер позвонил Буре.

— С тобой все в порядке? — спросила она.

— Я в норме. Мне нужно, чтобы ты спросила Мелиссу, сколько времени пройдет с момента выпуска вируса затмения до полного заражения им?

Фоллер услышал приглушенный разговор Бури и Мелиссы.

— Около четырех дней, — прозвучал ответ.

— Он ведь не может распространяться из одного мира в другой? — спросил он, хотя было немного поздно думать об этом.

Буря посоветовалась с Мелиссой.

— Если в этом мире не окажется носителя вируса. Зачем ты спрашиваешь? Что ты сделал?

— Я выпустил его в мире Уго.

Мелисса вскрикнула.

— Дело в том, что я все еще в мире Уго.

— Подожди, ты выпустил вирус затмения *на себя*?

Фоллер начал ходить туда-сюда в недоумении, но внезапно остановился и сказал:

— Нужно было решить: или все, или ничего. В то время это решение казалось лучшим из множества неприятных вариантов.

— Когда я увижу тебя, ты меня не узнаешь. Для тебя снова наступит Первый День.

От ее слов по телу пробежал холодок. Снова Первый День. В голосе кружились мысли: может быть, лучше умереть.

— Я смог бы вынести мысль об еще одном Первом Дне, если бы это не означало тебя забыть.

— Я буду помнить за нас двоих, — сказала Буря.

— Послушай, я парень в рубашке с номером

два. Я не хочу, чтобы, когда все закончится, ты осталась с одним из этих других клоунов.

— Очень смешно, — произнес Питер С.

53

Скоро Фоллер не вспомнит даже той мысли, которая крутится у него в голове прямо сейчас. Это казалось невозможным. Сможет ли он удержаться за некоторые свои воспоминания или хотя бы одно с помощью силы воли? А если он будет повторять одно из них снова и снова? Если бы это было возможно, какое воспоминание он хотел бы выделить из всех остальных? Какое воспоминание о Буре было квинтэссенцией всего их времени, проведенного вместе?

Буря пригласила его присоединиться к ней в спальне Пенни?

Их примирение, пока они падали из мира Укуса Змеи?

Фоллер думал об их воссоединении в воздухе после того, как Вулкофф перевернул мир Орхидей. Это было его самым теплым воспоминанием.

Комнату затрясло от приглушенного взрыва, который сбил Фоллера со стула.

— Понеслась, — сказал Питер С.

Стальная дверь все еще была на месте, но в

нижней части появилась глубокая зазубренная трещина. Фоллер подошел немного ближе, чтобы оценить повреждение. В том месте, где дверь отходила от стены, он увидел пятнадцатисантиметровую брешь. Сквозь нее Фоллер увидел коридор, где доносились чьи-то голоса, но он не мог понять, о чем они говорят.

Питер С кашлянул.

— Понеслась, — что-то в горле запершило, — вот так все и начинается. Еще час или около того, и мы станем овощами.

Фоллер посмотрел на дверь.

— Я не уверен, что у нас есть час.

* * *

Комната содрогнулась от еще одного взрыва — со столов попадало электронное оборудование, а его обломки полетели по направлению к задней части комнаты, где за перевернутым столом сидели Фоллер и Питеры А и С.

— Почти получилось, — раздался голос из-за двери. — Мы сможем ее взломать.

— Ты их видишь? — спросил второй голос.

— Нет.

Из-за стола Фоллер бросил к двери штурмовую винтовку, а затем пистолет.

— Мы не вооружены! — крикнул он, снова закашлявшись. Неприятное ощущение в горле становилось назойливым.

Когда что-то попало в дверь, раздался взрыв. Массивные петли, держащие дверь, дернулись.

— Пошли. Давайте попробуем выглядеть покорными. — Фоллер отодвинул стол в сторону, опустился на колени и заложил руки за голову. Питер А слева и С справа последовали его примеру. Хотелось думать и надеяться, что, если они сдались без боя, Уго не застрелит их на месте, а спланирует более публичную и праздничную казнь.

— Знаете, все-таки Уго говорил правду, — сказал Фоллер, когда они опустились на колени. — Я не знаю, почему вы ненавидите *меня*. Мы — один и тот же человек, поэтому вы несете такую же ответственность, как и я. По правде говоря, из того, что сказала мне Мелисса, во всем этом виноват Уго.

— Кто такая Мелисса? — спросил Питер С.

Поначалу Фоллер подумал, что С шутит, но он был серьезен.

— Если никто не рассказывал вам о Мелиссе, они лгали вам все время.

Дверь рухнула на пол. Фоллер не пошевелил

ни пальцем, когда полдюжины ворвавшихся внутрь солдат навели на него автоматы. Все трое целились в него.

Двое солдат схватили его под мышки и вытащили из комнаты. Его ноги ударялись о бетонные ступеньки, пока его тащили на улицу.

Уго, подбоченившись, ждал снаружи с еще как минимум пятьюдесятью людьми.

Солдаты бросили Фоллера к его ногам.

— Вы уверены, что в этот раз поймали того, кого нужно? — спросил Уго.

— Ты же вроде говорил, что мы взаимозаменяемы, — вставил свои пять копеек Фоллер.

Его схватили за лодыжки и сняли ботинки. Солдат обошел вокруг и передал Уго фотографию, которую Фоллер носил с Первого Дня.

Уго кашлянул, разорвал ее пополам и бросил обрывки в траву.

— Вставай.

Фоллер подумал было проигнорировать Уго, но решил, что результатом его упрямства станет удар по ребрам от одного из солдат, и встал.

Уго ударил его по лицу. Удар прилетел между носом и ртом и был тяжелый, как мешок с камнями, — Фоллера отбросило назад. За ним, прежде чем он смог оправиться, последовал еще один

удар — в глаз.

Фоллер отступил на несколько шагов. Люди подбадривали Уго криками. Фоллер не знал, умеет ли он драться. Он поднес кулаки к лицу, бросился вперед и нанес удар, который скользнул по щеке Уго. Кулак Уго врезался в живот Фоллера, согнув его пополам. Фоллер и не думал, что это так больно. Гораздо хуже, чем попадание в лицо. Уго был намного больше, чем он, и для мужчины с седеющими волосами, похоже, пребывал в хорошей форме. И, очевидно, Фоллер не знал, как драться.

Ринувшись вперед, Уго выбросил кулак в лицо Фоллера, но промахнулся. Тот выпрямился, стараясь не обращать внимания на боль в животе, и снова сжал руки. Ему нужно было потянуть время, пока вирус затмения не поразит Уго. Фоллер быстро нанес три или четыре удара подряд. Два с удовлетворительным звуком попали в цель.

Взревевший и раскрасневшийся от злости Уго врезал Фоллеру в челюсть. От удара его понесло, он споткнулся о чью-то ногу и упал на землю. Уго схватил его за волосы, поднял голову и ударил его три, четыре, пять раз. После последнего удара Фоллер почувствовал, как во рту что-то хрустнуло. Один из его зубов был выбит.

Уго сделал шаг назад. Его костяшки были рассечены и кровоточили, он тяжело дышал, но широко улыбался.

Улыбка дрогнула. На лице Уго появилось выражение, как будто он пытался что-то вспомнить, но сразу же исчезло. Он еще раз ударил Фоллера по лицу.

На мгновение Фоллер потерялся в пространстве, ощущая адскую боль и не понимая, где он и что происходит.

— Я забью тебя до смерти. — Уго стоял над ним, упершись руками в бедра. — Я хочу, чтобы ты знал о том, что происходит. Ты умрешь прямо здесь, в этой траве.

Фоллер коснулся своего носа, который был слишком большим и распухшим. У ноздрей он будто бы онемел, но боль проникала еще глубже.

Уго ударил его в живот, на этот раз выше. Фоллер почувствовал, как хрустнуло ребро.

— Было время, когда… — Уго замолк, губы застыли в форме буквы О, брови напряглись.

— Ты что-то забываешь, Уго, — сказал Фоллер.

Он ждал, что Уго догадается, но тот просто стоял, сохраняя сосредоточенное выражение лица.

— Хорошо. Ты… — Фоллер замолчал, мысль, которую он сформулировал, исчезла. В голове

что-то щелкало, словно у него по очереди отнимали каждое отдельное воспоминание.

— Что я забываю? — почти умоляюще спросил Уго.

— Я тебе не скажу.

Правда заключалась в том, что Фоллер не мог вспомнить, что хотел сказать. Но он в любом случае не собирался говорить это Уго. Он его ненавидел. Хотя на данный момент не мог вспомнить, почему.

Уго повернулся к одному из солдат и протянул руку. Солдат вложил в нее лом.

— Подожди, я расскажу тебе, — сказал Фоллер.

Уго ждал.

Фоллер изо всех сил старался вспомнить, что он хотел рассказать Уго. Он что-то сделал, то, что Уго не понравилось. Однако было очень трудно думать. Что-то с ним случилось. Что-то…

— Вирус затмения. Ты забываешь о вирусе затмения.

Фоллер словно видел, как в голове Уго ворочаются мысли.

— Ты выпустил его? Здесь?

Фоллеру показалось, что его затылок куда-то исчез, сменившись кромешной чернотой. Он поднял руку и коснулся его пальцами, чтобы

убедиться, что он на месте.

Он никуда не исчез.

— Я сделаю сто пятьдесят твоих копий, чтобы ускорить астрофизику, — сказал Уго. — Со временем, через года два они будут знать столько же… чего-то… как и ты. А затем они объединят умы и…

Фоллер понял, что мысль Уго улетучилась, пока тот прижимал ладонь ко лбу, пытаясь сосредоточиться.

— Черт побери, ты маленький засранец.

Здоровяк занес лом над лицом Фоллера. Тот поднял руки, чтобы отразить удар, и железка врезалась в пальцы. Следующий удар пришелся на коленную чашечку. Затем в бедро. В бок. Еще раз по ребрам. Боль была просто ослепляющей.

Он обхватил голову руками и приготовился к следующему удару. От мучительной боли рябило в глазах. Когда удара не последовало, он посмотрел вверх.

Здоровяк с ломом в руке стоял над ним, на его лице застыло очень странное выражение.

— Где я был? — спросил здоровяк. — Я…

Он облизнул губы и посмотрел на лом.

— Я тебя избивал?

— Нет. — Это был самый безопасный ответ. —

Зачем тебе меня избивать?

— Да, вы его избивали, — сказала женщина в форме, указывая пальцем на Фоллера. — Он…

— Потому что ты… — здоровяк провел рукой по жидким волосам. — Что-то случилось. Ты что-то сделал со мной. Ты что-то у меня забрал.

Боль была ужасной. Невыносимой.

Что с ним случилось? Он вдруг вспомнил: вирус затмения. Его память стерта. Скоро не останется ничего. Но хоть что-то еще оставалось? Он закрыл глаза и попытался что-то вспомнить. Хоть что-нибудь.

— Я падал. Я помню это.

Он падал в небе, бесконечном небе, приближаясь к стройной женщине с черными волосами. Он любил ее.

Лом с глухим стуком упал на землю. Здоровяк прижал ладони к ушам.

Что-то пошло не так. С ними произошел несчастный случай? Они больны?

54

Его разбудило какое-то стрекотание. Ошеломляющая, жгучая, пульсирующая боль пронзила тело в стольких местах, что он не мог понять, где она сильнее. С ним произошел какой-то несчаст-

ный случай. Может, он упал.

Он приоткрыл один глаз, ожидая найти себя на больничной койке. Но он лежал в траве, в окружении других людей.

Он ждал, что сейчас вспомнит о том, почему он так сильно пострадал, о том, кто эти люди, но ничего не произошло.

Стрекотание исходило из тонкого металлического прямоугольника, лежащего в траве рядом с ним.

— Вы меня знаете? — спросил чей-то голос.

Медленно и осторожно он встал на четвереньки и попытался подняться. Колено пронзила острая, мучительная боль, и он упал обратно в траву.

— Вы меня знаете? — повторил человек.

— Нет.

Стрекотание прекратилось.

Рядом был еще один мужчина, который выглядел точно так же, как и первый: рыжеватые волосы, округлое лицо. На рукаве его рубашки была буква А. У другого мужчины — буква С.

— Вы знаете кого-то из нас? — спросил Фоллер.

— Нет, — сказал мужчина.

Стоявший мужчина С нахмурился.

— Как вы можете не знать друг друга? Вы ведь братья или что-то в этом роде. Вы похожи друг на

друга как две капли воды.

Медленно и с опаской он указал на себя. Боль в ребрах стала в два раза сильнее.

— Я похож на него? И ты тоже.

Он огляделся. Рядом стояло здание — сплошное стекло и сталь. Еще несколько зданий. Ничего не было знакомо. Он жаждал чего-то знакомого, чтобы предотвратить ужасное чувство потери.

Вокруг бродили другие люди, взволнованно разговаривающие друг с другом. Все выглядели ужасно растерянными и напуганными.

Щелчок за спиной заставил его вздрогнуть. Он повернулся. Его близнец с буквой С держал и разглядывал винтовку.

— Она заряжена, — сказал С.

— Мы, должно быть, с кем-то дрались. Возможно, они сделали это с нами, — сказал здоровяк. У него был синяк на щеке и слегка опухший левый глаз.

Возможно, в его карманах есть что-то, что могло бы помочь ему понять, кто он такой. Он проверил их и нашел три фотографии. На них были запечатлены дети разного возраста со смуглой кожей и черными волосами.

Стоявший над ним здоровяк сказал:

— Возможно, это ваша семья.

Увидев, что он делает, другие люди стали проверять свои карманы. У близнеца А была полупустая упаковка жевательной резинки и два ключа на кольце. Близнец С нашел идентичное кольцо для ключей и ручку.

— Это ваши дети? — спросил у него здоровяк.

Он покачал головой.

— Я не знаю.

— Амнезия. Вот слово для этого, — сказал человек А.

Слово звучало странно, он как будто впервые его услышал, но этот мужчина был прав. Это было правильное слово.

Тонкий прямоугольник снова начал стрекотать. Он поднял его и положил на ладонь.

— Телефон? — Слово вспыхнуло в голове, словно он давал ему жизнь.

Все трое мужчин кивнули.

— По нему можно разговаривать с людьми, — сказал С.

— Как? — Он перевернул его, ища кнопки, но их не было. Аппарат перестал стрекотать.

— Мы должны найти еду и воду, — сказал здоровяк.

55

Ему очень хотелось пить. Глядя опухшим глазом, ему казалось, что между койкой и раковиной тысячи километров.

Боль. Это был весь его мир.

На улице раздавался приглушенный крик женщины. Звук становился громче. Он хотел пойти к двери, чтобы посмотреть, что там происходит, но это, как и поход за стаканом воды, принесет новый приступ боли.

Конечно, рано или поздно ему придется идти за водой. Возможно, ему следует собраться с силами и пойти посмотреть, кто кричал, что они кричали, пока он был наверху.

Он откинул ногу и, приняв сидячее положение, сморщился от острой боли в ребрах и колене. Ухватившись за ручку метлы, на которую опирался при ходьбе, он вскочил на ноги и захромал к двери.

— *Фоллер!* — кричала какая-то женщина.

Она металась туда-сюда вместе с женщиной, похожей на нее как две капли воды, обе они оглядывались по сторонам. Они были тощими, зеленоглазыми и веснушчатыми. Он не замечал их раньше, что было странно, поскольку он ду-

мал, что за последние несколько дней видел в этом мире почти всех. Один из его двойников, держа дистанцию в несколько шагов, следовал за ними.

Одна из женщин заметила его из окна и остановилась.

— Какой номер был на твоей рубашке?

— Что, простите?

— В Первый День. Какой номер был на рукаве твоей рубашки?

Он посмотрел на пол. Рубашка лежала там, где он бросил ее, когда обнаружил чистые в ящике комода в комнате, которую он выбрал.

— Номер два.

Лицо женщины просветлело. Она бросилась к нему.

— *Фоллер!* Боже мой! — Она схватила его за руку и, наклонившись, чтобы изучить его лицо, зажала рот рукой.

— Боже. Что с тобой случилось?

— Я не знаю.

Женщина обняла его. Фоллер зашипел от боли и взял ее за руки.

— Я признаю, что могу обнять тебя прямо сейчас, но это слишком больно.

Другая женщина, остановившаяся в несколь-

ких метрах от него, сказала:

— Нам нужно вытащить тебя отсюда.

— Откуда?

Женщина, которая пыталась его обнять, мягко коснулась его руки.

— Мы твои друзья. Мы знаем, что с тобой случилось, и расскажем тебе, но сейчас нам нужно забрать тебя и еще нескольких людей из этого мира. За нами идут плохие люди.

Он едва сдерживал слезы облегчения. Мысль о том, что у него есть друзья, которые хотели ему помочь, была потрясающей.

— Ты знаешь мое имя?

Она отпустила его.

— Ты Фоллер. Я Буря, это Мелисса, а вон тот симпатичный дьявол — Один-Тридцать-Один, — сказала она, указывая на его двойника.

— Фоллер. — Звучит неплохо. Имя ему понравилось.

— Мы можем отложить знакомство до поездки? — сказал Один-Тридцать-Один.

Буря улыбнулась.

— Он нас возит.

— Конечно, только для этого я вам и нужен. Как перевозчик, — сказал Один-Тридцать-Один. — Как только мы будем в безопасности, вы, вероят-

но, снова попытаетесь меня застрелить.

Смеясь, Буря положила руку на плечо Фоллера.

— Ты можешь ходить?

Отведя его в сторону, она объяснила, что произошло. Он не был удивлен, узнав, что он и Буря были влюблены, но в голове помутилось, когда Буря продолжила объяснять, что он развелся с Мелиссой. И это было только начало.

56

Оглушенный ревом самолета, Фоллер наблюдал, как они приближаются к земле.

— Это определенно здесь, — сказала Мелисса, разглядывая пейзаж через окно. — Я помню, что прямо над тем местом, где меня высадили, было пять или шесть островов. Мы спешили спрятаться, поэтому оказались вместе.

— Наконец-то, — сказал Уго. — Мне так плохо, что не уверен, что когда-нибудь снова почувствую себя нормально.

Фоллер посмотрел на здоровяка в профиль. Тяжело представить, что они были смертельными врагами. Он выглядел довольно приятным человеком.

Под ними раскинулся красивый мир с двумя озерами и множеством деревьев в центре.

Остальная часть земли была поделена на участки со стоявшими на них домами.

Когда Один-Тридцать-Один развернул трап, Мелисса вышла первой, оглядываясь по сторонам и опустив винтовку к земле. Вокруг собралась толпа.

— Мы ищем человека по имени Гарри, — воскликнула Мелисса. — Он высокий.

Она подняла руку немного выше своей головы.

— Азиат.

— Он, наверное, дома, — сказала седовласая женщина. — Кто вы такие?

— Мы… — Мелисса замялась, подыскивая правильные слова.

— Мы хорошие люди, — сказал Один-Тридцать-Один.

И себе под нос добавил:

— По крайней мере, я хороший парень. Вас я по-прежнему осуждаю.

— Заткнись, — сказала Мелисса. — Я все так же могу тебя застрелить.

Группа из местных жителей повела Фоллера (который все еще привыкал к своим костылям), Бурю, Пенни и Мелиссу в дом Гарри, расположенный у одного из озер. Несколько детей побежало вперед, и когда Фоллер и его спутники подошли

к жилищу, на улицу выбежал мужчина, который смеялся и кричал, как сумасшедший. Мелисса рассказывала Фоллеру, что они друзья, — тот взял один костыль под мышку и протянул руку, чтобы поздороваться. Гарри бежал, широко расставив руки.

Он, наверное, врезался бы прямо в Фоллера, если бы Буря не встала между ними.

— Потише, потише. Он ранен.

— Боже мой. Боже мой, я не могу в это поверить! — Гарри поцеловал Фоллера в лоб. — Ты меня не помнишь, да?

— Не принимай это близко к сердцу. Я никого не помню.

— Да, много чего произошло. — Гарри сочувственно кивнул и, подойдя ближе, обнял Бурю и Мелиссу.

— Ты никогда не угадаешь, что у нас есть в самолете, — сказала Мелисса.

Гарри наклонил голову.

— Надеюсь, тонны еды. Да и от водки не отказался бы. А может, немного «Ксанакса»? Я бы убил за «Ксанакс».

Мелисса замахала руками.

— Думай масштабнее. Чего именно из того, что мы привезли, ты бы хотел больше всего?

Нахмурившись, Гарри задумался. Его глаза вдруг стали огромными.

— Нет. Серьезно? Она у вас? Ты серьезно?

— Есть возможность ее использовать? Мы не можем вернуться в лабораторию Питера — ею управляет Эльба. Есть ли еще места, куда мы можем отправиться, а ты сможешь найти нужное оборудование?

— Разумеется. Просто найдите мне исследовательский университет с приличным физическим факультетом. Университет Северной Каролины в Чапел-Хилл. Или Виргинский университет.

— У нас также есть записи Питера, — сказала Мелисса.

Гарри схватился за сердце.

— Ты серьезно?

— Есть ли шанс, что мы сможем прекратить этот хаос?

Гарри задумался и наконец ответил:

— На это потребуется время, возможно, даже годы, поскольку, видит бог, мы получили урок о том, что не нужно спешить. Я не знаю. Все возможно.

57

Опершись рукой о стенку, Мелисса стояла у двери грузового отсека и смотрела на ясное голубое небо. В этот момент к ней присоединился Фоллер.

— Ты выглядишь грустной. Ты же знаешь, худшее позади, — сказал он.

Она все так же не смотрела на него.

— В конце вместе должны были быть мы с тобой, а не ты и одна из моих дубликатов.

Она вздохнула.

— Хотя в этом есть смысл. Она — это я без прошлого. Ты — это ты без прошлого. Так было, когда мы впервые встретились.

Ее слова удивили Фоллера. Поскольку они развелись, он предполагал, что не очень нравился Мелиссе.

— Я буду первым, кто признает, что все еще старается во всем этом разобраться, но я не настоящий Питер, не тот, которого ты встретила в старших классах, верно?

Мелисса вздохнула.

— Ты настаивал, что ты прежний. Ты говорил мне, что я зацикливаюсь на телах и мыслю слишком буквально.

Питер указал пальцем на Один-Тридцать-Один.

— Так чем я же отличаюсь для тебя от этого парня?

Мелисса взглянула на Один-Тридцать-Один.

— У нас есть общее прошлое. По большей части плохое, наполненное болью, но мы вместе сражались против Уго.

— Разве ты опять не зацикливаешься на телах? Либо ты согласишься принять то, что я всего лишь продолжение настоящего Питера, либо нет. И если да… — Фоллер снова указал на Один-Тридцать-Один. — Он тоже.

Заметив, что Фоллер показывает на него, Один-Тридцать-Один поднял брови и в шутку оглянулся, прежде чем указать на себя с выражением: «Кто, я?»

— Посмотри на него, — сказал Фоллер. — Он влюблен в тебя. Когда Питер смотрит на Мелиссу, он не может ее не любить. Нам нужно найти всех Мелисс и познакомить их со всеми Питерами.

Мелисса рассмеялась. При звуке ее смеха Один-Тридцать-Один снова взглянул на нее.

— Я серьезно. Мы должны быть вместе. Взгляни на него. Он любит тебя. Мы все влюблены в твоих дубликатов. Каждый из нас, черт побери.

Мелисса наклонилась и поцеловала его в щеку.

— И я тоже люблю каждого из вас. Просто… — она потрясла кулаком в притворном расстройстве. — Подумай, прежде чем снова прыгать.

— Я постараюсь.

Трудно было учиться на своих ошибках, не помня, как ты их делал. По крайней мере, теперь он знал, какими были большинство из них. Возможно, этого было достаточно.

58

Они парили в трехстах метрах над миром. На одном его краю виднелись высокие здания, среди которых выделялся один небоскреб, казавшийся слишком высоким, чтобы оставаться в вертикальном положении.

— Должно быть, мы на месте, — сказала Пенни.

— Вот с этого здания ты прыгал с парашютом, — указала Буря.

Он оценил расстояние между зданием и ближайшим краем света. Как ему удалось добраться так далеко? Как же он хотел это вспомнить.

Когда Буря направила самолет вниз, Фоллер увидел, что люди, задрав головы, смотрят в небо.

На их лицах застыл шок, глаза были широко раскрыты от изумления.

Они приземлились у подножья небоскреба, где все начиналось.

Когда Фоллер вышел из самолета, по толпе прокатилось:

— Фоллер. Это Фоллер.

Его огорчало то, что он их не помнит.

— Кто-нибудь знает, где я могу найти Маргаритку? — выкрикнул он.

От толпы отделился мальчик-подросток и убежал прочь.

— Он приведет ее! — крикнул старик.

Они смотрели на Фоллера и ждали, пока он что-то скажет.

— Наверное, вы удивлены снова видеть меня здесь.

По толпе прокатились возгласы согласия.

— Что ж, я сам удивлен, что я здесь. Я и не ожидал, что вернусь. Важно то, что я принес хорошие новости. С этого момента все начнет налаживаться. Появится достаточно еды. Плюс лекарства и электричество. Люди научат вас, как выращивать урожай…

— *Фоллер!* — молодая девушка со смуглой кожей выбежала из толпы и бросилась в его

объятия.

— Маргаритка…

От нее остались кожа да кости. Она еще не умерла от голода, но это было не за горами.

Она посмотрела на него широко открытыми глазами.

— Ты ведь умер. Я видела это.

— Ты видела, как я падал. Я не умер.

— Привет, Маргаритка, — сказала Буря.

— Это Буря, — представил ее Фоллер.

— Привет, Буря. — Маргаритка изумленно посмотрела на нее сверху вниз. — Ты женщина из фотографии Фоллера. Ты такая чистая.

— Спасибо. — Буря засмеялась. — Мы и тебя сделаем чистой. Ты не против?

— Да, конечно.

Пенни и двое других членов экипажа начали разгружать еду и лекарства. За плечом Маргаритки на краю толпы Фоллер заметил растерянную азиатку. Она сделала неуверенный шаг вперед.

— Привет, Кэтлин.

— *Питер?* — воскликнула она, лихорадочно размахивая одной рукой.

— Я отзываюсь на это имя, но предпочитаю, чтобы меня называли Фоллером.

Кэтлин бросилась к нему с распростертыми

руками и чуть не раздавила его до сих пор поврежденные ребра.

В этот момент из самолета вышел Уго, он нес еще больше продуктов питания. Кэтлин вскрикнула и отступила на несколько шагов.

Уго, сбитый с толку ее реакцией, нахмурился.

— Не беспокойся насчет него, — сказал Фоллер. — Он нормальный. Продолжай, Уго.

— Она напугала меня, — проворчал Уго и, поставив коробки, снова направился к самолету.

— Что происходит? — спросила Кэтлин. — Теперь мы в безопасности? Откуда ты знаешь мое настоящее имя?

— Насчет *безопасности* не знаю, но сейчас определенно спокойнее. И знаю твое имя, потому что на своем пути я столкнулся с Мелиссой. Она вернулась в наш штаб и передает тебе привет.

Кэтлин понизила голос:

— Что *он* здесь делает?

— Держи своих друзей близко, а врагов еще ближе. Мне так сказала Мелисса — сам бы я такое не придумал.

Фоллер положил руку на плечо Маргаритке.

— Хочешь прокатиться с нами, как только мы закончим здесь?

— Да, конечно!

— Ты будешь жить со мной и Бурей. Кроме того, у тебя есть брат и две сестры, которые составят тебя компанию.

Он посмотрел на Кэтлин.

— Ты тоже. Нам нужна твоя помощь. Мы заново собираем нашу банду.

Фоллер посмотрел на небоскреб. Вид этой огромной, высоченной стены вызвал у него головокружение и легкую тошноту. Он не мог поверить, что действительно спрыгнул с нее на самодельном парашюте. Но он смог это сделать.